

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Составилъ В. В. СИПОВСКІЙ.

Т. III. ВЫП. 1-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—60-ыхъ годовъ
XIX в.

ТУРГЕНЕВЪ, ГОНЧАРОВЪ, ОСТРОВСКІЙ.

1905
ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ „ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ“
ТОГО ЖЕ АВТОРА Ч. III, ВЫП. 2-ой.

Изданіе въ выпускахъ.

*Допущено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособия
въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постано-
вленія книга эта допускается и въ учебн. завед. Вѣд. Императрицы Маріи
Феодоровны и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.*

Цена въ переплетѣ 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Бр. БАШМАКОВЫХЪ.
1905.

Титуль и оглавленіе напечатаны въ типографіи Сиб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“.
Фонтанка 86.

Текстъ напечатанъ въ типографіи Т-ва М. О. Вольфъ. Вас. Остр., 16 линія, № 5—7.

Оглавление.

	СТРАН.
И. Тургеневъ	1—103
ЗАПИСКИ ОХОТНИКА. („Хорь и Калинычъ“—1; „Малиновая вода“—5; „Льговъ“—8; „Бѣжинъ Лугъ“—10; „Касьянъ съ Красивой Мечи“—17; „Би- рюкъ“—21; „Живыя мощи“—25).	
„МУМУ“	30
„РУДИНЪ“	41
„ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО“	97
И. Гончаровъ	104—221
„ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ“	104
„ОБЛОМОВЪ“	150
А. Островскій	222—268
„ГРОЗА“	222
„СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМЯ“	244

I

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА.

Хорь и Калинычъ.

[Тургеневъ, охотясь вмѣстѣ съ однимъ помѣщикомъ Полутыгинимъ, зашелъ однажды къ крѣпостному этого помѣщика—Хорю. У Хоря онъ познакомился съ другимъ крѣпостнымъ Полутыкина—Калинычемъ].

Изда Хоря. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ, теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ огонь не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ все эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. [Молодой парень былъ одинъ изъ сыновей Хоря].

Калинычъ. [Это былъ] человекъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшою загнутой назадъ головкой. Его добродушное смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устраивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г-нъ Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человекъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ вполголоса, беззаботно поглядывалъ во все стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченіе дня онъ не разъ разговаривалъ со мною, служивалъ мнѣ безъ раболѣпства, по зи

бариномъ наблюдать, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзывать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ. Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полуоткрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ.

— „Калинычъ—добрый мужикъ,—сказалъ мнѣ г. Полутыгинъ,—усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходить... Какое ужъ тутъ хозяйство? Посудите сами“.

Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

Хоръ. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный—самъ Хоръ. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Хоръ присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ... Онъ со мной все какъ-будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то.... Такъ оно какъ-то странно выходило. Хоръ выражался иногда мудрено, должно быть изъ осторожности... Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора:

— „Послушай-ка, Хоръ,—говорилъ я ему,—отчего ты не откупишься отъ своего барина?“—„А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю... баринъ у насъ хорошій“.—„Все же лучше на свободѣ“,—замѣтилъ я.

Хоръ посмотрѣлъ на меня сбоку.

— „Вѣстимо“,—проговорилъ онъ.—„Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?“

Хоръ покрутилъ головой.

— „Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?“—„Ну, полно, старина...“—„Попалъ Хоръ въ вольные люди,—продолжалъ онъ вполголоса, какъ-будто про себя,—кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій“.—„А ты самъ бороду сбрей“.—„Что борода? борода—травы: скосить можно“.—„Ну, такъ что-жь?“—„А, звать, Хоръ прямо въ купцы попадетъ, купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ“.—„А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься?“—спросилъ я его.—„Торгуемъ помаленьку маслишкомъ да дегишникомъ... Что же телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?“

„Крѣпокъ ты на языкъ и человекъ себя на-умѣ“,—подумаль я.

На зарѣ Оеда разбудилъ меня. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— „Самоваръ тебѣ готовъ, —сказаль онъ мнѣ съ улыбкой, —пойдемъ чай пить“.

Мы усѣлись около стола. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу.

— „Что у тебя за рослый народъ!“—замѣтилъ я старику. — „Да, —промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару, —на меня, да на мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего“. — „И всѣ съ тобой живутъ?“ — „Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ“. — „И всѣ женаты?“ — „Вонъ одинъ, пострѣль, не женится“, —отвѣчалъ онъ, указывая на Оеда. — „А въ бабѣ-то что хорошаго?“ — „Баба—работница, —важно замѣтилъ Хорь. —Баба мужику слуга“. — „Да на что мнѣ работница?“ — „То-то, чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата“. — „Ну, жени меня, коли такъ. А? что! Что-жъ ты молчишь?“ — „Ну, полно, полно, балагуръ. Вишь, барина мы съ тобой безпокоюмъ. Женю, небось... А ты, батюшка, не гнѣвись: дитятко, видишь, малое, разуму не успѣло набраться“.

Оеда покачалъ головой...

— „Дома Хорь?“—раздался за дверью знакомый голосъ, и Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарваль онъ для своего друга, Хоря.

Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ „нѣжностей“ отъ мужика.

Хорь и Калинычъ. Оба пріятели нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человекъ положительный, практической, административная голова, рационалистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей острожженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, то-есть обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перибивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единоедушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человекъ... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, на-примѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важною исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ; Хорь же—къ людямъ, къ обществу. Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я мно-

гому научился. Но Хорь не все рассказывалъ, онъ самъ меня разспрашиваеъ о многомъ. Узналъ онъ, что я былъ за границей, и любопытство его разгорѣлось... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку:

— „Что, у нихъ это тамъ есть такъ же, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка,—какъ-же?...“—„А-ахъ, Господи, Твоя воля!“—воскликнула Калинычъ во время моего разсказа.

Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови, и лишь изрѣдка замѣчалъ, что „дескать, это у насъ не-шло-бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ“.

Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели,—убѣжденье, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человекъ, русскій, именно, въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человекъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя, онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо—то ему и нравится, что разумно—того ему и подавай, а откуда оно идетъ,—ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенія, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мною о многомъ, чего изъ другого рычагомъ не выворотить, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положенье. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую рѣчь русскаго мужика. Его познанья были довольно, по-своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ—умѣлъ.

— „Этому шалонаю грамота далась,—замѣтилъ Хорь—у него и пчелы отродясь не мерли.“—„А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?“.

Хорь помолчалъ.

— „Тедя знаетъ.“—„А другіе?“—„Другіе не знаютъ.“—„А что?“

Старикъ не отвѣчалъ, и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ умѣнъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предрассудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, напимѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшилъ и издѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее вниманія, но невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божиемъ. Не даромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: „Какой ты мнѣ сынъ, какой семьянинъ! не бьешь ты жены, не бьешь молодой...“ Я разъ было вздумалъ заступиться за невѣстокъ, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ, что „охота-де вамъ такими... пустяками заниматься,—пускай бабы ссорятся... Ихъ что разнимать—то хуже, да и рукъ марать не стоитъ“. Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина.

— „Ужь ты, Хорь, у меня его не трогай“,—говорилъ Калинычъ.— „А что-жь онъ тебѣ сапоговъ не сошьеть?“—возражалъ тотъ.— „Эка, сапоги!.. на что мнѣ сапоги? Я мужикъ...“— „Да вотъ и я мужикъ, а вишь...“

При этомъ словѣ Хорь подымалъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный вѣроятно изъ мамонтовой кожи.

— „Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!“—отвѣчалъ Калинычъ.— „Ну, хоть бы на лапти далъ: вѣдь ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти“.— „Онъ мнѣ даетъ на лапти“.— „Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ“.

Калинычъ съ досадою отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, при чемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно приятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его,—загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсно: „Доля ты моя, доля!“ Одея не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю... За то, въ другое время, не было чловѣка дѣятельнѣе его. Вѣчно надъ чѣмъ-нибудь копаются, телѣгу чинить, заборъ подпиралъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что „надоде избѣ жильемъ пахнуть“.

— „Посмотри-ка,—возразилъ я ему,—какъ у Калиныча на пасѣгѣ чисто“.— „Пчелы бы жить не стали, батюшка“,—сказалъ онъ со вздохомъ.— „А что,—спросилъ онъ меня въ другой разъ,—у тебя своя вотчина есть?“— „Есть“.— „Далеко отсюда?“— „Верстѣ сто“.— „Что-жь ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?“— „Живу“.— „А больше, чай, ружьемъ пробавляешься?“— „Признаться, да“.— „И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣлай себѣ на здоревье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще“.

Малиновая вода.

[Однажды, охотясь, Тургеневъ забрелъ въ мѣстность, называемую „Малиновая вода“. На берегу рѣчки онъ увидалъ двухъ стариковъ. Одинъ былъ вольноотпущенный дворовый Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ, бывший дворецкій графа ***. Другой старикъ звался Степушкой].

Степушка. Всякій чловѣкъ имѣеть хоть какое-бы то ни было положеніе въ обществѣ, хоть какія-нибудь да связи; всякому дворовому выдается если не жалованье, то, по крайней мѣрѣ, такъ-называемое „отвѣсное“: Степушка не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ, никто не зналъ о его существованіи. У этого чловѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили; онъ и по ревизіи едва-ли числился. Ходили темные слухи, что состоялъ онъ когда-то у кого-то въ камердинерахъ; но кто онъ, откуда онъ, чей сынъ, какъ попалъ въ число

Шумихинскихъ подданныхъ, какимъ образомъ добылъ мухоярвовый, съ незапамятныхъ временъ носимый имъ кафтанъ, гдѣ живетъ, чѣмъ живетъ,— объ этомъ рѣшительно никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, да и, правду сказать, никого не занимали эти вопросы. Дѣдушка Трофимычъ, который зналъ родословную всѣхъ дворовыхъ въ восходящей линіи до четвертаго колѣна, и тотъ разъ только сказала, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ, изъ похода въ обозѣ изволилъ привезти. Даже, бывало, въ праздничные дни, дни всеобщаго жалованья и угощенія хлѣбомъ-солью, гречишными пирогами и зеленымъ виномъ, по старинному русскому обычаю,— даже и въ эти дни Степушка не являлся къ выставленнымъ столамъ и бочкамъ, не кланялся, не подходилъ къ барской рукѣ, не выпивалъ духомъ стакана подъ господскимъ взглядомъ и за господское здоровье, стакана, наполненнаго жирною рукою приказчика; развѣ какая добрая душа, проходя мимо, удѣлитъ бѣднягѣ недоѣденный кусокъ пирога. Въ Свѣтлое Воскресенье съ нимъ христосовались, но онъ не подворачивалъ замазленнаго рукава, не доставалъ изъ задняго кармана своего краснаго яичка, не подносилъ его, задыхаясь и моргая, молодымъ господамъ или даже самой барынѣ. Проживалъ онъ лѣтомъ въ клѣтѣ, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ и онъ самъ, кажется, отъ рота рта не разинулъ. Послѣ пожара этотъ заброшенный человѣкъ пріютился или, какъ говорятъ орловцы, „притулился“ у садовника Митрофана. Садовникъ не тронулъ его, не сказалъ ему: „живи у меня“, да не прогналъ его. Степушка и не жилъ у садовника: онъ обиталъ, виталъ на огородѣ. Ходилъ онъ и двигался безъ всякаго шума; чихалъ и кашлялъ въ руку, не безъ страха; вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку, словно муравей: и все для ѣды, для одной ѣды. И точно, не заботясь онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи,— умеръ бы мой Степушка съ голоду. Плохое дѣло не знать поутру, чѣмъ къ вечеру сытъ будешь! То подъ заборомъ Степушка сидитъ и рѣдьку гложетъ, или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты подъ себя крошитъ; то ведро съ водой куда-то тащить и кряхтитъ; то подъ горшечкомъ огонекъ раскладываетъ и какіе-то черные кусочки изъ-за пазухи въ горшокъ бросаетъ; то у себя въ чуланчикѣ деревяшкой постукиваетъ, гвоздикъ приколачиваетъ, полочку для хлѣбца устраиваетъ. И все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ-за угла: глѣдь, ужъ и спрячется. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумѣется, никто не замѣчаетъ... Смотришь, ужъ онъ опять тутъ, опять гдѣ-нибудь около забора подъ таганчикъ щепочки украдкой подкладываетъ. Лицо у него маленькое, глазки желтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія, прозрачныя, какъ у летучей мыши, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбрита, и никогда ни меньше не бываетъ, ни больше.

Туманъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ. Улыбался онъ почти постоянно, какъ улыбаются теперь одни

люди Екатерининскаго времени: добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигалъ и сжималъ губы, ласково щурилъ глаза и произносилъ слова нѣсколько въ носъ. Сморгался и нюхалъ табакъ онъ тоже не торопясь, словно дѣло дѣлалъ.

— „Ну, что, Михайло Савельичъ,—началь я,—наловилъ рыбы?“—„А вотъ извольте въ плетушку заглянуть: двухъ окуньковъ залучилъ да головиковъ штукъ пять... Покажь, Степка“.

Степушка протянулъ ко мнѣ плетушку.

— „Какъ ты поживаешь, Степанъ?“—спросилъ я его.—„И... и... и... ни... ничего-о, батюшка, помаленьку“,—отвѣчалъ Степанъ, запинаясь, словно пуды языкомъ ворочалъ.—„А Митрофанъ здоровъ?“—„Здоровъ, ка... какъ же, батюшка“.

Бѣднякъ отвернулся.

Власъ. Вдругъ позади насъ, въ оврагѣ раздался шумъ: кто-то спускался къ источнику. Я оглянулся и увидалъ мужика лѣтъ пятидесяти, запыленного, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами. Онъ подошелъ къ ключу, съ жадностью напился и приподнялся.

— „Э, Власъ!—вскрикнулъ Туманъ, взглянувъ на него,—здорово, братъ. Откуда Богъ принесъ?“—„Здорово, Михайло Савельичъ,—проговорилъ мужикъ, подходя къ намъ,—издалеча“.—„Гдѣ пропадалъ?“—спросилъ его Туманъ.—„А въ Москву сходилъ къ барину“.—„Зачѣмъ?“—„Просить его ходилъ“.—„О чемъ просить?“—„Да чтобъ оброку сбавилъ, аль на барщину посадилъ, переселилъ, что-ли... Сынь у меня умеръ, такъ мнѣ одному теперь не справиться“.—„Умеръ твой сынь?“—„Умеръ. Покойникъ,—прибавилъ мужикъ, помолчавъ,—у меня въ Москвѣ въ извозчикахъ жилъ; за меня, признаться, и оброкъ вносилъ“.—„Да развѣ вы теперь на оброкѣ?“—„На оброкѣ“.—„Что-жъ твой баринъ?“—„Что баринъ? Прогналъ меня. Говорить: „какъ смѣешь прямо ко мнѣ идти: на то есть приказчикъ; ты, говоритъ, сперва приказчику обязанъ донести... да и куда я тебя переселю? Ты, говоритъ, сперва недомку за себя взнеси. Осерчалъ вовсе“.—„Ну, что-жъ, ты и пошелъ назадъ?“—„И пошелъ. Хотѣлъ было справиться, не оставилъ-ли покойникъ какого по себѣ добра, да толку не добился. Я хозяину-то его говорю: „я, молъ, Филишовъ отецъ“; а онъ мнѣ говоритъ: „а я почему знаю? Да и сынь твой ничего, говоритъ, не оставилъ; еще у меня въ долгу“. Ну, я и пошелъ“.

Мужикъ рассказывалъ намъ все это съ усмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла; но на маленькіе и съезженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.

— „Что-жъ ты теперь домой идешь?“—„А то куда? Извѣстно, домой. Жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свиститъ“.—„Да ты бы... того...“—заговорилъ внезапно Степушка, смѣшался, замолчалъ и принялся копать въ горшкѣ.—„А къ приказчику пойдешь?“—продолжалъ Туманъ, не безъ удивленія взглянувъ на Степу.—„Зачѣмъ я къ нему пойду?... За мной и такъ недомка. Сынь-то у меня передъ смертью съ годъ хворалъ, такъ и за себя оброку не взнесъ... Да мнѣ съ полугория:

взять-то съ меня нечего... Ужь, братъ, какъ ты тамъ ни хитри,—шалишь: безотвѣтная моя голова! (Мужикъ разсмѣялся). Ужь онъ тамъ какъ ни мудри, Кинтильянъ-то Семенчъ, а ужь..."

Власъ опять засмѣялся.

— „Что-жь, это плохо, братъ Власъ“,—съ разстановкой произнесъ Туманъ.—„А чѣмъ плохо? Нѣ... (У Власа голосъ прервался). Эка жара стоитъ“,—продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ

Л Ъ Г О В Ъ .

[Тургеневъ и его охотникъ—Ермолай рѣшили пострѣлять утокъ въ Льговѣ. Къ нимъ присоединился охотникъ Владиміръ. По его совѣту, у мѣстнаго рыболова Сучка рѣшено было достать лодку. Явился Сучокъ].

Сучокъ. Босоногій, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— „Есть у тебя лодка?“—спросилъ я.—„Лодка есть, — отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ,—да больно плоха“. — „А что?“—„Расклеилась, да изъ дырвевъ клепки повывалились“. — „Велика бѣда!—подхватилъ Ермолай, паклей заткнуть можно“. — „Извѣстно, можно“,—подтвердилъ Сучокъ.—„Да ты кто?“—„Господскій рыболовъ“. — „Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?“—„Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту“. — „Рыба не любитъ ржавчины болотной, — съ важностью замѣтилъ мой охотникъ“. — „Ну, — сказалъ я Ермолаю, — поди достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй“.

Ермолай ушелъ.

— „А вѣдь этакъ мы, пожалуй, и ко дну поидемъ?“—сказалъ я Владиміру.—„Богъ милостивъ, — отвѣчалъ онъ. Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ“. — „Да, онъ не глубокъ, — замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно спросонья, — да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть то же и колдобины ¹⁾“. — „Однакоже, если трава такъ сильна, — замѣтилъ Владиміръ, — такъ и грести нельзя будетъ“. — „Да кто-жь на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ, а то и лопатой можно“. — „Лопатой неловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, — сказалъ Владиміръ“. — „Оно правда, что неловко“.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ, по старой привычкѣ, руки за спиной.

— „Скажи, пожалуйста, — началъ я, — давно ты здѣсь рыбакомъ?“ — „Седьмой годъ пошелъ“, — отвѣчалъ онъ, встрепенувшись. — „А прежде чѣмъ ты занимался?“ — „Прежде ѣздилъ кучеромъ“. „Кто-жь тебя изъ

¹⁾ Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

кучеровъ разжаловаль?— „А новая барыня?“ — „Какая барыня?“ — „А что насъ-то купила. Вы не изволите знать: Алёна Тимофевна, толстая такая... не молодая“. — „А съ чего-жъ она вздумала тебя въ рыболовы произвести?“ — „А Богъ ее знаетъ. Приѣхала къ намъ изъ своей вотчины, изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать, да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ... А потомъ и стала по порядку насъ спрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: „Ты чѣмъ былъ?“ Говорю: „Кучеромъ“. „Кучеромъ? ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, а будь у меня рыболовомъ и бороду сбрей. На случай моего приѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь?...“ Съ тѣхъ поръ вотъ я въ рыболовахъ и числюсь. „Да прудъ у меня, смотри, содержатъ въ порядкѣ...“ А какъ его содержать въ порядкѣ?“ — „Чьи-же вы прежде были?“ — „А Сергѣя Сергѣича Пехтерева. По наслѣдствію ему достались. Да и онъ нами не долго владѣлъ, всего шесть годовъ. У него-то вотъ я кучеромъ и ѣздилъ... да не въ городѣ—тамъ у него другіе были, а въ деревнѣ“. — „И ты смолоду все былъ кучеромъ?“ — „Какое все кучеромъ! Въ кучера-то я попалъ при Сергѣѣ Сергѣичѣ, а прежде поваромъ былъ, но не городскимъ тоже поваромъ, а такъ, въ деревнѣ“. — „У кого-жъ ты былъ поваромъ?“ — „А у прежняго барина, у Аванасія Неедыча, у Сергѣя Сергѣичина дяди. Льговъ-то онъ купилъ, Аванасій Неедычъ купилъ, а Сергѣю Сергѣичу имѣнье-то по наслѣдствію досталось“. — „У кого купилъ?“ — „А у Татьяны Васильевны“. — „У какой Татьяны Васильевны?“ — „А вотъ, что въ запрошломъ году умерла, подъ Болховымъ... то, бишь, подъ Карачевымъ, въ дѣвкахъ... И замужемъ не бывала. Не изволите знать? Мы къ ней поступили отъ ея батюшки, отъ Василья Семеныча. Она-таки долгонько нами владѣла... годиковъ двадцать“. — „Что-жъ ты и у ней былъ поваромъ?“ — „Сперва точно былъ поваромъ, а то и въ кофеенки попалъ“. — „Во что?“ — „Въ кофеенки“. — „Это что за должность такая?“ — „А не знаю, батюшка. При буфетѣ состоялъ и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила“. — „Твое настоящее имя Кузьма?“ — „Кузьма“. — „И ты все время былъ кофеенкомъ?“ — „Нѣтъ, не все время: былъ и ахтеромъ“. — „Неужели?“ — „Какъ-же, былъ... на кеатрѣ игралъ. Барыня наша кеатръ у себя завела“. — „Какія-же ты роли занималъ?“ — „Чего изволите-съ?“ — „Что ты дѣлалъ на театрѣ?“ — „А вы не знаете? Вотъ меня возьмутъ и нарядятъ; я такъ и хожу наряженный, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: „Вотъ что говори“,—я и говорю. Разъ слѣпного представлялъ... Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... Какъ-же!“ — „А потомъ чѣмъ былъ?“ — „А потомъ опять въ повара поступилъ“. — „За что же тебя опять въ повара разжаловали?“ — „А братъ у меня сбѣжалъ“. — „Ну, а у отца твоей первой барыни чѣмъ ты былъ?“ — „А въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ“. — „Доѣзжачимъ?... И съ собаками ѣздилъ?“ — „Ѣздилъ и съ собаками, да убился: съ лошадыю упалъ и лошада зашибъ. Старый-то баринъ у насъ былъ пре-

строгий; велѣлъ меня выпороть, да въ ученье отдать въ Москву, къ сапожнику“. — „Какъ въ ученье? Да ты, чай, не ребенкомъ въ доѣзжачіе попалъ?“ — „Да лѣтъ, этакъ, мнѣ было двадцать слишкомъ“. — „Какое-жъ тутъ ученье въ двадцать лѣтъ?“ — „Стало быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ. Да онъ, благо, скоро умеръ, — меня въ деревню и вернули“. — „Когда-же ты поварскому-то мастерству обучился?“

Сучокъ приподнял свое худенькое и желтенькое лицо и усмѣхнулся.

— „Да развѣ этому учатся?... Стряпаютъ же бабы!“ — „Ну, промолвилъ я, — видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку! Что-жъ ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, коль у васъ рыбы нѣту?“ — „А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что въ рыболовы произвели. А-то вотъ другого, такого-же, какъ я, старика—Андрея Пупыря—въ бумажную фабрику, въ черпальную, барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть... А Пупырь-то еще на милость надѣялся: у него двоюродный племянникъ въ барской конторѣ сидитъ конторщикомъ: доложить общался объ немъ барынѣ, напомнить. Вотъ-те и напомнилъ!... А Пупырь въ моихъ глазахъ племяннику-то въ ножки кланялся“. — „Есть у тебя семейство? былъ женатъ?“ — „Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное!—никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало, говоритъ: „Вѣдь живу-же я такъ, въ дѣвкахъ, что за баловство! чего имъ надо?“ — „Чѣмъ-же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?“ — „Какое, батюшка, жалованье!... Харчи выдаются—и то слава Тебѣ, Господи! много доволенъ. Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!“

[Охота оказалась удачной, но съ охотниками приключилась бѣда: имъ пришлось основательно вымокнуть, такъ какъ во время охоты дощаникъ затонулъ].

Бѣжинъ лугъ.

[Однажды на охотѣ Тургеневъ заблудился и уже ночью добрался до мѣстности, называвшейся „Бѣжинъ лугъ“; онъ заночевалъ въ полѣ около костра, который былъ разведенъ деревенскими мальчиками, сторожившими лошадей. Притворившись спящимъ, Тургеневъ слушалъ ихъ бесѣду].

— „Ну, и что-жъ ты, такъ и видѣлъ домового?“ — „Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, — отвѣчалъ Ильюша сирымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соответствовалъ выраженію его лица, — а слышалъ... Да и не я одинъ“. — „А онъ у васъ гдѣ водится?“ — спросилъ Павлуша. — „Въ старой рольнѣ ¹⁾“. — „Ну, такъ какъ же ты его слышалъ?“ — спросилъ Федя. — „А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Федоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Сухо-

¹⁾ «Рольней» и «черпальней» на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Оно находится у самой плиты, подъ колесомъ.

руковымъ, да еще были тамъ другіе ребяташки; всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ за-
ночевать, то-есть не то, чтобы такъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ,
запретилъ, говорить: „что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться: завтра ра-
боты много, такъ вы, ребята, домой не ходите“. Вотъ мы остались и лежимъ
всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить, „что, молъ, ребята, ну, какъ домо-
вой придетъ?..“ И не успѣлъ онъ, Авдей-отъ, проговорить, какъ вдругъ
кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а за-
ходилъ онъ наверху, у колеса. Слышимъ мы: ходить, доски подъ нимъ такъ
и гнутся, такъ и трещать; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода
вдругъ по колесу какъ зашумить, зашумить; застучить, застучить колесо,
завертится; но а заставки у дворца-то ¹⁾ спущены. Дивимся мы: кто-жъ
это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось
да и стало. Пошелъ тотъ опять къ двери наверху, да по лѣстницѣ спу-
сцаться сталъ, и такъ спускается, словно не торопится; ступеньки подъ
нимъ такъ даже и стонуть... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подо-
ждалъ, подождаль,—дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись
мы, смотримъ—ничего... Вдругъ, глядь, у одного чана форма ²⁾ зашевели-
лась, поднялась, окунулась, походила, походила такъ по воздуху, словно кто
ею полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другого чана крюкъ снялся съ
гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ
какъ закашляеть, какъ заперхаеть, словно овца какая, да зычно такъ...
Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли... Ужъ
какъ же мы нанужались о ту пору!—„Вишь какъ!—промоливилъ Павелъ.—
Чего-жъ онъ раскашлялся?“—„Не знаю; можетъ, отъ сырости“.

Всѣ помолчали.

— „Нѣтъ, я вамъ что, братцы, расскажу,—заговорилъ Костя тонкимъ
голоскомъ, — послушайте-ка, намеднись что тятя при мнѣ рассказывалъ;
вы вѣдь знаете Гаврилу, слободского плотника?“ — „Ну да; знаемъ.“ —
„А знаете-ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете?
Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, тятенька говорилъ,
пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ пошелъ онъ въ лѣсъ
по орѣхи да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ, куды зашелъ. Ужъ онъ
ходилъ, ходилъ, братцы мои—нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь
на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево; давай, молъ, дождусь утра,—
присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ.
Смотрить — никого. Онъ опять задремалъ, — опять зовуть. Онъ опять гля-
дитъ, глядитъ; а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается и его
къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяць-то свѣ-
тилъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяць, — все, братцы мои,
видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая си-
дитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескаръ, — а то вотъ еще ка-

1) «Дворцомъ» называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.

2) Сѣтка, которой бумагу черпають.

рась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ этакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврило было и всталъ, послушался было русалки, братцы мои, да, зная, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои; говоритъ: „рука, просто, какъ каменная, не ворочается...“ Ахъ, ты этакой, а!.. Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: „чего ты, лѣсное зелье, плачешь?“ А русалка-то какъ взговорить ему: „не креститься-бы тебѣ, говоритъ, человекъ, жить-бы тебѣ со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся-же и ты до конца дней“. Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то-есть, выдти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ“.

— „Эка!—проговорилъ Оедя послѣ недолгаго молчанья,—да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить,—онъ же ея не послушался?“—„Да вотъ, поди ты!—сказалъ Костя.—И Гаврила баилъ, что голосокъ, моль, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы“. — „Твой батъка самъ это рассказывалъ?“—продолжалъ Оедя.—„Самъ. Я лежалъ на палаткахъ, все слышалъ“. — „Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?.. А зная онъ ей понравился, что позвала его“. — „Да, понравился!—подхватилъ Ильюша.—Какъ же! защекотать она его хотѣла, вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то“. — „А вѣдь вотъ и здѣсь должны быть русалки“, — замѣтилъ Оедя. — „Нѣтъ, — отвѣчалъ Костя, — здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно: рѣка близко“.

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стениащій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся, наконецъ, какъ-бы замирая. Прислушаешься,—и какъ-будто нѣтъ ничего, а звенить. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ-будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— „Съ нами крестная сила!“ — шепнулъ Илья. — „Эхъ, вы, вороны! — крикнулъ Павелъ, — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились“. (Всѣ пододвинулись къ котельчику и начали ѣсть дымящійся картофель). — „А слышали вы, ребятки, — началъ Ильюша, — что намедни съ насъ на Варнавицахъ приключилось?“ — „На плотинѣ-то?“ — спросилъ Оедя. — „Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казули ¹⁾ водются“. — „Ну, что такое случилось? сказывай...“ — „А вотъ

¹⁾ По-орловскому: змѣи.

что случилось. Ты, можетъ быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могила его еще видна, да и та чуть видна: такъ—бугорочекъ... Вотъ на-дняхъ зоветъ приказчикъ псаря Ермила; говоритъ: „ступай, моль, Ермилъ, на пошту“. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмѣлень. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ этакъ, псарь Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: „сѣмъ возьму его,—что ему такъ пропадать“, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но а барашекъ ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него тарашится, хрипитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпругалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: „что, моль, не помню я, чтобы этакъ бараны кому въ глаза смотрѣли“; однако, ничего; сталъ онъ его этакъ по шерсти гладить, — говоритъ: „бяша, бяша!“ А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: „бяша; бяша...“

Не успѣлъ рассказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричалъ: „Сѣрый! Жучка!...“ Черезъ нѣсколько мгновений лай замолкъ; голосъ Павла принеся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ-бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнуть съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— „Что тамъ? что такое?“—спросили мальчики.— „Ничего,—отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь,—такъ, что-то собаки зачуяли. Я думалъ, волкъ“,—прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... „Что за славный мальчикъ!“—думалъ я, глядя на него.

— „А какіе ты намъ, Илюшка, страхи разеказывалъ,—заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ-же онъ говорилъ мало, какъ-бы боясь уронить свое достоинство).—Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять... А точно, я

слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое“.—„Варнавицы?.. Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали — покойнаго барина. Ходить, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. „Что, молъ, батюшка Иванъ Ивановичъ, изволишь искать на землѣ?“— „Онъ его спросилъ?“—перебилъ изумленный Оеда.—„Да, спросилъ“.—„Ну, молодець же послѣ этого Трофимычъ... Ну, и что-жъ тотъ?“—„Разрывъ-травы, говоритъ, ищущу“. Да такъ глухо говоритъ, глухо: „рзырывъ-травы“.— „А на что тебѣ, батюшка Иванъ Ивановичъ, разрывъ-травы?“—„Давить, говорить, могила давить, Трофимычъ: вонъ хочется, вонъ...“.—„Вишь какой!— замѣтилъ Оеда,—мало, знать, пожилъ“.—„Экое диво!—промолвилъ Костя,— я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть“.— „Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, — съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья... — Но а въ родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кѣмъ, то-есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила“.

— „Ну, и видѣла она кого-нибудь?“ — съ любопытствомъ спросилъ Костя. — „Какъ же. Перво-на-перво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все какъ-будто собачка этакъ залаетъ, залаетъ гдѣ-то... Вдругъ, посмотреть: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашонкѣ. Она приглянулась — Ивашка Оедосѣевъ идетъ...“ — „Тотъ, что умеръ весной?“—перебилъ Оеда.—„Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ... А узнала его Ульяна... Но а потомъ посмотреть: баба идетъ. Она вглядывается, вглядывается, — ахъ, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна“.— „Неужто сама?“ — спросилъ Оеда. — „Ей-Богу, сама“.— „Ну, что-жъ, вѣдь она еще не умерла?“ — „Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: въ чемъ душа держится“.—„А скажи, пожалуй, Павлуша, — началъ Оеда, — что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать предвидѣнье-то небесное ¹⁾“.— „Какъ солнца-то не стало видно? Какъ же“.—„Чай, напугались и вы?“—„Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напередки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на-поди. А на дворовой избѣ баба-стрипуха, такъ та, какъ только затемнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперь ѣсть, говорить, наступило свѣтопреставленіе“.— Такъ шти и потекли. А у насъ на деревнѣ такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлье волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку ²⁾ увидятъ“.

— „Какого это Тришку?“ — спросилъ Костя. — „А ты не знаешь?“—

---

¹⁾ Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затменіе.

²⁾ Въ повѣрьѣ о «Тришкѣ», вѣроятно, отозвалось сказаніе объ антихристѣ.

съ жаромъ подхватилъ Ильюша, — ну; братъ, откентелева-же ты, что Тришки не знаешь? Сидни-же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка — это будетъ такой человѣкъ удивительный, который придетъ; а придетъ онъ такой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ, и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять хрестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣплятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ — такъ отведетъ имъ глаза, что они-же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадютъ, напримѣръ, — онъ попроситъ водицы испить въ ковшикъ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется — они съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ хрестіанскій... ну, а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный лукавый человѣкъ“. — „Ну, да, — продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ, — такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и придетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу, въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ — вдругъ отъ слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнуть: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ!“ да кто куды! Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою-же дворовую собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: „авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ пожалѣетъ“. Таково-то всѣ переполошились!.. А человѣкъ-то это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ, да на голову пустой жбанъ и надѣлъ“.

Всѣ мальчижи засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Станный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой-и, спустя нѣсколько мгновений, повторился уже далѣе... Костя вздрогнулъ...

„Что это?“ — „Это цапля кричитъ“, — спокойно возразилъ Павелъ. — „Цапля, — повторилъ Костя... — А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного, — ты, можетъ быть, знаешь...“ — „Что ты слышалъ?“ — „А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ — знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью ¹⁾ выходитъ, — тамъ вѣдь есть бучило ²⁾; знаешь, оно еще все камышомъ заросло; вотъ

1) Сугибель — крутой поворотъ въ-оврагѣ.

2) Бучило — глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: „у-у... у-у... у-у!“ Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзненный. Такъ вотъ, кажется, самъ-бы и заплакалъ... Что бы это такое было? ась?“ — „Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, — замѣтилъ Павлуша, — такъ, можетъ быть, его душа жалобится“. — „А вѣдь и то, братцы мои, — возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза... — Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили: я бы еще не такъ напужался“. — „А то, говорятъ, есть такіа лягушки махонькія, — продолжалъ Павелъ, — которыя такъ жалобно кричатъ“. — „Лягушки? Ну, нѣтъ, это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой). Экъ ее! — невольно произнесъ Костя, — словно лѣшій кричить“. — „Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, — подхватилъ Ильюша, — онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ“... — „А ты его видалъ, лѣшаго-то, что-ли?“ — насмѣшливо перебилъ его Ѳедя. — „Нѣтъ, не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть, но а другіе видѣли. Вотъ на-дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны... Едва-те къ свѣту домой добился“. — „Ну, и видѣлъ онъ его?“ — „Видѣлъ. Говорить, такой стоитъ большой, темный, скутанный, этакъ словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца прячется, и глядитъ, глядитъ глазами-то, моргаетъ ими, моргаетъ“... — „Экъ ты! — воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ и передернувъ плечами, — пфу!..“ — „И зачѣмъ это погань въ свѣтѣ развелась? — замѣтилъ Павелъ, — право!“ — „Не бранись: смотри, услышитъ“, — замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— „А правда-ли, — спросилъ Костя, — что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?“ — „Съ тѣхъ поръ... Какова теперь! Но а, говорятъ, прежде красавица была. Водяной ее испортилъ. Знать, не ожидалъ, что ее скоро вытащутъ. Вотъ онъ ее тамъ, у себя на днѣ, и испортилъ“.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ).

— „А говорятъ, — продолжалъ Костя, — Акулина оттого въ рѣку и кинулась, что ее любовникъ обманулъ“. — „Оттого самого“. — „А помнишь Васю?“ — печально прибавилъ Костя. — „Какого Васю?“ — спросилъ Ѳедя. — „А вотъ того, что утонулъ, — отвѣчалъ Костя, — въ этой вотъ въ самой рѣкѣ. Ужъ какой-же мальчикъ былъ! и-ихъ, какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ-же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды гибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ребятами, лѣтомъ въ рѣчку купаться, — она

такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего; идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто на-земь и станетъ его кликать: „вернись, моль, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколъ!“—И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Играль на бережку, и мать, тутъ-же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ,—глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плыветъ. Вѣдь вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: придетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ; ляжетъ, братцы мои, да и затынетъ пѣсенку,—помните, Вася-то все такую пѣсенку пѣвалъ, — вотъ ее-то она и затынетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу жалится..“

Павель подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— „Что, ребята, — началъ онъ помолчавъ, — неладно дѣло“. — „А что?“—торопливо спросилъ Костя.—„Я Васинъ голосъ слышалъ“.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— „Что ты, что ты?“—пролетѣлъ Костя.—„Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня этакъ Васинымъ голоскомъ и словно изъ-подъ воды: „Павлуша, а Павлуша, подь сюда“. Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ“. — „Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи!“—проговорили мальчики, крестясь. — „Вѣдь это тебя водяной звалъ, Павель“, — прибавилъ Ѳедя.. — А мы только-что о немъ, о Васѣ-то, говорили“. — „Ахъ, это примѣта дурная“, — съ разстановкой проговорилъ Ильюша.—„Ну, ничего, пуцай!—произнесъ Павель рѣшительно и сѣлъ опять, — своей судьбы не минуешь“.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ-бы собираясь спать.

Насьянъ съ Красивой-Мечи.

[Во время одной поѣздки, въ телѣгѣ Тургенева сломалась ось. Онъ заѣхалъ въ деревню, чтобы купить новую, и зашелъ въ одинъ дворъ. Тамъ онъ нашелъ спящимъ мужичка, который оказался Насьяномъ].

Насьянъ. Вообразите себѣ карлика лѣтъ пятидесяти съ маленькимъ, смуглымъ и сморщеннымъ лицомъ, острыми носикомъ, карими, едва заметными глазами и курчавыми, густыми черными волосами, которые, какъ шляпка на грибѣ, широко сидѣли на крошечной его головѣ. Все тѣло его было чрезвычайно тщедушно и худо, и рѣшительно нельзя передать словами, до чего былъ необыкновененъ и страненъ его взглядъ.

— „Что надо?“—спросилъ онъ меня.

Я объяснилъ ему, въ чемъ было дѣло, онъ слушалъ меня, не спуская съ меня своихъ медленно моргавшихъ глазъ.

— „Такъ нельзя-ли намъ новую ось достать?—сказалъ я наконецъ,—я-бы съ удовольствіемъ заплатилъ“. — „А вы кто такіе? охотники, что-ли?“—спросилъ онъ, окинувъ меня взоромъ съ ногъ до головы. — „Охотники“.

„Пташекъ небесныхъ стрѣляете, небось?.. звѣрей лѣсныхъ?.. И не грѣхъ вамъ Божьихъ пташекъ убивать, кровь проливать недовинную?“

Странный старичокъ говорилъ очень протяжно. Звучъ его голоса также изумилъ меня. Въ немъ не только не слышалось ничего дряхлаго,—онъ былъ удивительно сладокъ, молодъ и почти женски нѣженъ.

[Онъ отказался достать для Тургенева ось].

— „Ступайте съ Богомъ! Я усталъ: въ городъ ѣздилъ,—сказалъ онъ мнѣ и потащилъ себѣ армякъ на голову“.—„Да сдѣлай-же одолженіе,—продолжалъ я,—я... я заплачу“.—„Не надо мнѣ твоей платы“.—„Да пожалуйста, старикъ...“

Онъ приподнялся до половины и сѣлъ, скрестивъ свои тонкія ножки.

— „Я-бы тебя свелъ, пожалуй, на сѣчки ¹⁾. Тутъ у насъ купцы рощу купили,—Богъ имъ судья, сводятъ рощу-то, и контору выстроили, Богъ имъ судья. Тамъ-бы ты у нихъ ось и заказалъ или готовую купилъ“.

[Пріѣхавъ на „сѣчки“, Тургеневъ отправился пострѣлять дичи].

Я думалъ, что Касьянъ останется при лошади, будетъ дожидаться меня, но онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ.

— „А что, пташекъ стрѣлять идешь?—заговорилъ онъ,—а?“—„Да, если найду“.—„Я пойду съ тобой... Можно?“—„Можно, можно“.

И мы пошли. Вырубленнаго мѣста было всего съ версту. Я, признаюсь, больше глядѣлъ на Касьяна, чѣмъ на свою собаку. Недаромъ его прозвали Блохой. Его черная, ничѣмъ не прикрытая головка (впрочемъ, его волосы могли замѣнить любую шапку) такъ и мелькала въ кустахъ. Онъ ходилъ необыкновенно проворно и словно все подпрыгивалъ на ходу, безпрестанно нагибался, срывалъ какія-то травки, совалъ ихъ за пазуху, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и все поглядывалъ на меня и на мою собаку, да такимъ пытливымъ, страннымъ взглядомъ. Въ низкихъ кустахъ, „въ мелочахъ“, и на сѣчкахъ часто держатся маленькія сѣрыя птички, которыя то и дѣло перемищаются съ деревца на деревцо и посвистываютъ, внезапно ныряя на лету. Касьянъ ихъ передразнивалъ, перекликался съ ними; поршокъ ²⁾ полетѣлъ, чиликая, у него изъ-подъ ногъ,—онъ зачиликалъ ему вслѣдъ; жаворонокъ сталъ спускаться надъ нимъ, трепеща крылами и звонко распѣвая—Касьянъ подхватилъ его пѣсенку. Со мной онъ все не заговаривалъ...

Долго не находилъ я никакой дичи; наконецъ, изъ широкаго дубоваго куста, насквозь проросшаго полянью, полетѣлъ коростель. Я ударилъ; онъ перевернулся на воздухъ и упалъ. Услышавъ выстрѣлъ, Касьянъ быстро закрылъ глаза рукой и не шевельнулся, пока я не зарядилъ ружья и не поднялъ коростеля. Когда же я отправился далѣе, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ упала убитая птица, нагнулся къ травѣ, на которую брызнуло нѣсколько капель крови, покачалъ головой, пугливо взглянулъ на меня... Я слышалъ послѣ, какъ онъ шепталъ: „Грѣхъ!.. Ахъ, вотъ это грѣхъ!“

1) Срубленное мѣсто въ лѣсу.

2) Молодой перепелъ.

— „Баринъ, а баринъ!“—промолвилъ вдругъ Касьянъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Я съ удивленіемъ приподнялся; до сихъ поръ онъ едва отвѣчалъ на мои вопросы, а то вдругъ самъ заговорилъ.

— „Что тебѣ?“—спросилъ я.—„Ну, для чего ты пташку убилъ?“—началъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.—„Какъ для чего?.. Коростель это дичь: его ѣсть можно“.—„Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ“.—„Да вѣдь ты самъ, небось, гусей или куриць, напимѣрь, ѣшь?“—„Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель—птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой—и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла... А человѣку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлѣбъ—Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ“.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Касьяна. Слова его лились свободно; онъ не искалъ ихъ, онъ говорилъ съ тихимъ одушевленіемъ и кроткою важною, изрѣдка закрывая глаза.

— „Такъ и рыбу, по-твоему, грѣшно убивать?“—спросилъ я.—„У рыбы кровь холодная,—возразилъ онъ съ увѣренностью,—рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится: рыба тварь безсловесная. Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая... Кровь,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ... Охъ, великій!“

Онъ вздохнулъ и потупился. Я, признаюсь, съ совершеннымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на страннаго старика. Его рѣчь звучала не мужичьей рѣчью: такъ не говорятъ простолюдины, и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ, обдуманно-торжественный и странный... Я не слыхалъ ничего подобнаго.

— „Скажи, пожалуйста, Касьянъ,—началъ я, не спуская глазъ съ его слегка раскраснѣвагося лица,—чѣмъ ты промышляешь?“

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ на мой вопросъ. Его взглядъ безпокойно забѣгалъ на мгновение.

— „Живу, какъ Господь велитъ,—промолвилъ онъ наконецъ,—а чтобы, то-есть, промышлять—нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразумень я больно, съ малства; работаю пока мочно,—работникъ-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глуны. Ну, весной соловьевъ ловлю“.—„Соловьевъ ловишь?.. А какъ же ты говорилъ, что всякую лѣсную и полевую и прочую тамъ тварь не надо трогать?“—„Убивать ее не надо, точно; смерть и такъ свое возьметъ. Вотъ хоть-бы Мартынъ-плотникъ: жилъ Мартынъ-плотникъ, и не долго жилъ и померъ; жена его теперь убивается о мужѣ, о дѣткахъ малыхъ... Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить. Смерть и не бѣжить, да и отъ нея не убѣжишь; да помогать ей не должно... А я соловушекъ не убиваю,—сохрани Господи!

Я ихъ не на муку ловлю, не на погибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселье“.—„Ты въ Курскъ ихъ ловить ходишь?“—„Хожу я и въ Курскъ и подалѣ хожу, какъ случится. Въ болотахъ почую да въ залѣсяхъ, въ полѣ почую одинъ, во глуши: тутъ кулички разсвистятся, тутъ зайцы кричатъ, тутъ селезни стрекочуть... По вечеркамъ замѣчаю, по утренничкамъ выслушиваю, по зарямъ обсыпаю сѣткой кусты... Иной соловушко такъ жалостно поетъ, сладко... жалостно даже“.—„И продаешь ты ихъ?“—„Отдаю добрымъ людямъ“.—„Что, ты семейный человѣкъ?“—„Нѣту-ти, безсемейный“.—„Что такъ?.. Перемерли, что-ли?“—„Нѣтъ, а такъ: задачи въ жизни не вышло. Да это все подъ Богомъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; а справедливъ долженъ быть человѣкъ, вотъ что! Богу угоденъ, то-есть“.—„И родни у тебя нѣтъ?“—„Есть... да... такъ...“

Старикъ замаялся.

— „Скажи, пожалуйста,—началь я,—мнѣ послышалось, мой кучеръ у тебя спрашивалъ, что, дескать, отчего ты не вылечилъ Мартына? Развѣ ты умѣешь лечить?“—„Кучеръ твой справедливый человѣкъ,—задумчиво отвѣчалъ мнѣ Касьянъ,—а тоже не безъ грѣха. Лекаркой меня называютъ... Кака я лекарка!.. и кто можетъ лечить? Это все отъ Бога. А есть... есть травы, цвѣты есть: помогаютъ, точно. Вотъ хоть череда, напрымѣръ, трава добрая для человѣка; вотъ подорожникъ тоже; объ нихъ и говорить не зазорно: чистыя травы—Божіи. Ну, а другія не такъ: и помогаютъ-то онѣ, а грѣхъ; и говорить о нихъ грѣхъ. Еще съ молитвой развѣ... Ну, конечно, есть и слова такія... А кто вѣруеть—спасется“,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—„Ты ничего Мартыну не давалъ?“—спросилъ я.—„Поздно узналъ, — отвѣчалъ старикъ. — Да что? Кому какъ на роду написано. Не жидецъ былъ плотникъ Мартынъ, не жидецъ на землѣ: ужъ это такъ. Нѣтъ, уже какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ другого, и хлѣбушекъ тому не впрокъ,—словно что его отзываетъ... Да, упокой Господь его душу!“—„Давно васъ переселили къ намъ?“—спросилъ я послѣ небольшого молчанія.

Касьянъ встрепенулся.

— „Нѣтъ, недавно: года четыре. При старомъ баринѣ мы все жили на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а вотъ опека переселила. Старый баринъ у насъ былъ кроткая душа, смиренникъ,—царство ему небесное! Ну, опека, конечно, справедливо разсудила; видно ужъ такъ пришлось“.—„А вы гдѣ прежде жили?“—„Мы съ Красивой-Мечи“.—„Далеко это отсюда?“—„Версть сто“.—„Что-жъ, тамъ лучше было?“—„Лучше... лучше. Тамъ мѣста привольныя, рѣчныя, гнѣздо наше; а здѣсь тѣснота, сухмень... Здѣсь мы осиротѣли. Тамъ у насъ, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холмъ, взойдешь—и, Господи, Боже мой, что это? а?.. И рѣка-то, и луга, и лѣсъ; а тамъ церковь, а тамъ опять пошли луга. Далеко видно, далече. Вотъ какъ далеко видно... смотришь, смотришь, ахъ ты, право! Ну, здѣсь, точно, земля лучше: суглинокъ, хорошей суглинокъ, говорятъ крестьяне; да съ меня хлѣбушка-то всюду вдоволь народится“.—„А что, старикъ, скажи правду, тебѣ, чай, хочется на родинѣ-то побы-

вать? — „Да, посмотрѣлъ бы. А впрочемъ, вездѣ хорошо. Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ. Да и что! Много, что-ли, дома-то высидишь? А вотъ, какъ пойдешь, какъ пойдешь,—подхватилъ онъ, возвысивъ голосъ,—и полегчить, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется-то ладнѣе. Тутъ, смотришь,—трава какая растеть; ну, замѣтишь—сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напимѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну, напьешься—замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя... А то за Курскомъ пойдутъ степи, этакія степныя мѣста, вотъ удивленье, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божія благодать! И идутъ онъ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листь ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости... И вотъ ужъ я-бы туда пошелъ... Вѣдь я мало-ли куда ходилъ! И въ Ромень ходилъ, и въ Синбирскъ-славный градъ, и въ самую Москву-золотыя маковки; ходилъ на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видалъ, добрыхъ хрестьянъ, и въ городахъ побывалъ честныхъ... Ну, вотъ, пошелъ-бы я туда... и вотъ... и ужъ и... И не одинъ я грѣшный... много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... да!.. А то что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ, — вотъ оно что...“

Уже подѣзжая ко двору, Касьянъ вдругъ обернулся ко мнѣ.

— „Баринъ, а баринъ—заговорилъ онъ,—вѣдь я виноватъ передъ тобой; вѣдь это я тебѣ дичь-то всю отвелъ“. — „Какъ такъ?“ — „Да ужъ это я знаю. А вотъ и ученый песъ у тебя и хорошей, а ничего не смогъ. Подумаешь, люди что, люди, а? Вотъ и звѣрь, а что изъ него сдѣлали?“

Бирюкъ.

[Во время охоты Тургенева засталъ въ лѣсу ночью дождь. Тургеневъ зашелъ въ избу лѣсника, прозвище котораго было Бирюкъ].

Бирюкъ. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой запашной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ рассказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: „Вязанки къворосту не дастъ утащить; въ какую-бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться,—силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни ви-

номъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Уже не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ—не дается“.

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— „Такъ ты Бирюкъ,—повторилъ я,—я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуска не даешь“. — „Должность свою исправляю,—отвѣчалъ онъ угрюмо,—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится“.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— „Аль у тебя хозяйки нѣтъ?“—спросилъ я его.— „Нѣтъ“,—отвѣчалъ онъ и сильно махнулъ топоромъ.— „Умерла, знать?“ — „Нѣтъ... да... умерла“,—прибавилъ онъ и отвернулся.

Я замолчалъ; онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня.

— „Съ прохожимъ мѣщаниномъ сбѣжала“,—произнесъ онъ съ жестокой улыбкой.

Дѣвочка потупилась; ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлькѣ.

— „На, дай ему“,—проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.— „Вотъ и его бросила“,—продолжалъ онъ вполголоса, указывая на ребенка.

Онъ подошелъ къ двери, остановился и обернулся.

— „Вы, чай, баринъ,—началъ онъ,—нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба...“— „Я не голоденъ“. — „Ну, какъ знаете. Самоваръ-бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣту... Пойду посмотрю, что ваша лошадь“.

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма неприятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелись.

— „Какъ тебя зовутъ?“—спросилъ я.— „Улитой“,—проговорила она, еще болѣе понуривъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— „Гроза проходитъ,—замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанья,— коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу“.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— „Это зачѣмъ?“—спросилъ я.— „А въ лѣсу шалить... У Кобыльяго Верху ¹⁾ дерево рубятъ“,—прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился.

— „Во... вотъ,—проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку,— вишь какую ночку выбралъ“.

Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ.

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ

---

1) «Верхомъ» называется въ Орловской губерніи оврагъ.

узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушиваться къ стуку топора.

— „Вишь,—бормоталъ онъ сквозь зубы,—слышите? слышите?“ — „Да гдѣ?“

Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновеніе—мѣрные удары ясно достигали до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался...

[Бирюкъ пошелъ вглубь лѣса, и скоро Тургеневъ услышалъ шумъ].

Я бросился въ направленіи шума и приближалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ, копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднялся и поставилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ-же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже молчалъ и только головой потряхивалъ.

— „Отпусти его,—шеннулъ я на ухо Бирюку,—я заплачу за дерево“.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой; правой онъ держалъ вора за поясъ.

— „Ну, поварачивайся, ворона!“ — промолвилъ онъ сурово. — „Топорикъ-то вонъ возьмите“, — пробормоталъ мужикъ. — „Зачѣмъ ему пропалъ“, — сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ.

Мужикъ глянулъ на меня исподлобья. Я внутренно далъ себѣ слово во что-бы то ни стало освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены...

Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузнечикъ кричалъ въ углу... Дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы все молчали.

— „Ома Кузьмичъ,—заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ,—а, Ома Кузьмичъ“. — „Чего тебѣ?“ — „Отпусти“.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— „Отпусти... съ голодухи... отпусти“. — „Знаю я васъ,—угрюмо возразилъ лѣсникъ,—ваша вся слобода такая—воръ на ворѣ. — „Отпусти,—твердилъ мужикъ,—приказчикъ... разорены, во какъ... отпусти!“ — „Разорены!.. Воровать никому не слѣдъ“. — „Отпусти, Ома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣсть, во какъ“.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— „Отпусти,—повторилъ онъ съ унылымъ отчаяньемъ,—отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищать, самъ знаешь. Круто, во какъ, приходится“. — „А ты все-таки воровать не ходи“. — „Лошаденку,—продолжалъ мужикъ,—лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти“. — „Говорятъ, нельзя. Я тоже че-

довѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.“ — „Отпусти! Нужда, Оома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!“ — „Знаю я васъ!“ — „Да отпусти“. — „Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что-ли, барина?“

Бѣднякъ потушился... Бирюкъ звѣнуль и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска.

— „Ну, на, ѣшь, на, подавись, на, — началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ, — на, душегубецъ окаянный, пей христіанскую кровь, пей...“

Лѣсникъ обернулся.

— „Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!“ — „Пьянъ ты, что-ли, что ругаться вздумалъ? — заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. Съ ума сошелъ, что-ли?“ — „Пьянъ!.. не на твои-ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣръ, звѣръ, звѣръ!“ — „Ахъ, ты... да я тебя!..“ — „А мнѣ что? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!“

Бирюкъ приподнялся.

— „Бей, бей, — подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ, — бей, на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей! бей!“ — „Молчать!“ — загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза. — „Полно, полно, Оома, — закричалъ я, — оставь его... Богъ съ нимъ“. — „Не стану я молчать, — продолжалъ несчастный. — Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣръ, погибели на тебя нѣту... Да постой, не долго тебѣ чваниться! затянуть тебѣ глотку, постой!“

Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

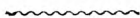
— „Не троньте, баринъ!“ — крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я-бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ-было руку; но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— „Убирайся къ чорту съ своей лошадыю! — закричалъ онъ ему вслѣдъ, — да смотри, въ другой разъ у меня...“

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— „Ну, Бирюкъ, — промолвилъ я наконецъ, — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый!“ — „Э, полноте, баринъ, — перебилъ онъ меня съ досадою, — не извольте только сказывать. Да ужъ я лучше васъ провожу, — прибавилъ онъ, — звать дождика-то вамъ не переждать...“

Живыя Мощи.

[Заѣхавъ случайно въ одно маленькое помѣстье покойной матери, Тургеневъ остался переночевать, чтобы переждать ненастье. Утромъ, осматривая постройки, онъ забрелъ въ маленькій сарай].

Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмостки и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура...

Я приблизился—и остолебѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать, ни взять—икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвіе ножа; губы почти не видать, только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ-подъ платка выбиваются на лобъ жидкія приди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами какъ палочками, двѣ крошечныхъ руки тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое,—но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу—силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

[Эта женщина оказалась Лукерьей, которая недавно считалась первой красавицей среди всей дворни; была хохотуньей, плясуньей и пѣвуньей. Она рассказала Тургеневу свою печальную историю].

— „Случилось это со мной уже давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только-что помолвили за Василья Полякова—помните, такой изъ себя статный былъ, кудрявый,—еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ? Да васъ уже тогда въ деревнѣ не было; въ Москву уѣхали учиться. Очень мы съ Васильемъ слюбились; изъ головы онъ у меня не выходилъ; а дѣло было весною. Вотъ разъ ночью... ужъ и до зари не далеко, а мнѣ не спится: соловей въ саду таково удивительно поетъ сладко... Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается онъ, заливается... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветь меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: „Луша!..“ Я, глядь, въ сторону, да знать спросонья—оступилась, такъ прямо съ рундучка и полетѣла внизъ—да о землю хлопъ! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому—скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри—въ утробѣ—порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ“.

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумляло меня собственно то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе.

— „Съ самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже—полно и ногами владѣть; ни стоять, ни сидѣть не могу; все бы лежала. И ни шить, ни ѣсть не хочется: все хуже, да хуже. Матушка ваша по добротѣ своей и лекарямъ меня показывала, и въ больницу посылала. Однако обле-

ченья мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лекарь даже сказать не могъ, что за болѣзнь у меня за такая. Чего они со мной только ни дѣлали: желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали—и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ конецъ... Вотъ и порѣшили господа, что лечить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣкъ неспособно... ну, и переслали меня сюда—потому тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите. [Поляковъ, ея женихъ,] потужилъ, потужилъ—да и женился на другой, на дѣвушкѣ изъ Глиннаго. Знаете Глинное? Отъ насъ недалече. Аграфеной ее звали. Очень онъ меня любилъ, да вѣдь человекъ молодой—не оставаться же ему холостымъ. И какая ужъ я ему могла быть подруга? А жену онъ нашель себѣ хорошую, добрую,—и дѣтки у нихъ есть. Онъ тутъ у сосѣда въ приказчикахъ живетъ: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава Богу, хорошо.

— „Кто же за тобой ходитъ? Присматриваетъ кто?“ — „А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Бѣтъ-то почитай что не ѣмъ ничего, а вода—вонъ она въ кружкѣ-то: всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть, сиротка; нѣтъ, нѣтъ—да и навѣдается, спасибо ей. Сейчасъ тутъ была... Вы ее не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носить; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ-то. Садовыхъ у насъ нѣтъ,—были да перевелись. Но вѣдь и полевые цвѣты хороши; пахнутъ еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что прятнѣ!“ — „И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?“ — „А что будешь дѣлать? Лгать не хочу—сперва очень томно было; а потомъ привыкла, обтерѣлась—ничего; инымъ еще хуже бываетъ.“ — „Это какимъ же образомъ?“ — „А у иного и пристанища нѣтъ! А иной—слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется—я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду—мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить?—многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человекъ очень легко согрѣшить можетъ; а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говорить: „тебя, молю, исповѣдывать нечего: развѣ ты въ твоемъ состояніи согрѣшить можешь?“ Но я ему отвѣтила: „а мысленный грѣхъ, батюшка?“ „Ну,—говоритъ, а самъ смѣется,—это грѣхъ не великій“.

— „Да я, должно быть, и этимъ самымъ, мысленнымъ грѣхомъ не больно грѣшна,—продолжала Лукерья,—потому я такъ себя приучила: не думать, а пуще того—не вспоминать. Время скорѣй проходить. Такъ лежу я себѣ, лежу-полеживаю—и не думаю; чую, что жива, дышу—и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка-наседочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка—мнѣ очень приятно. Въ по-

запрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занято! Одна влетитъ къ гнѣздышку—припадетъ, дѣтокъ накормитъ и вонъ. Глядишь—ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ—ну пищать да клювы разбѣвать... Я ихъ и на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорытился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какіе вы, господа-охотники, злые!“—„Я ласточекъ не стрѣляю“,—поспѣшилъ я замѣтить. — „А то разъ,—начала опять Лукерья, — вотъ смѣху-то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки, что-ли, за нимъ гнались,—только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ!.. Сѣлъ близехонько—и долго-таки сидѣлъ,—все носомъ водилъ и усами дергалъ—настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значить, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ, прыгъ къ двери, на порогъ оглянулся—да и былъ таковъ! Смѣшной такой!“

Лукерья взглянула на меня... аль, молъ, не забавно? Я, въ угоду ей, посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— „Ну, зимою, конечно, мнѣ хуже: потому — темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать завсегда охоча была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ, для разсѣянности, принесъ календарь, да видитъ, что пользы нѣтъ, взялъ да унесъ опять. Однако, хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещитъ, али мышъ гдѣ скрестись станетъ. Вотъ тутъ-то хорошо: не думать! А то я молитвы читаю,—продолжала, отдохнувъ немного, Лукерья.—Только не много я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ онъ мнѣ крестъ—значитъ меня Онъ любить. Такъ намъ вѣрно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѣстъ Всѣмъ Скорбящимъ,—да и опять полеживаю себѣ безо всякой думочки. И ничего!“

[Тургеневъ предложилъ ей устроить ее въ больницѣ].

Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

— „Охъ, нѣтъ, баринъ,—промолвила она озабоченнымъ шопотомъ,—не переводите меня въ больницу, не трогайте меня. Я тамъ только больше муки приму. Ужъ куда меня лечить... Вотъ такъ-то разъ докторъ сюда пріѣзжалъ; осматривать меня захотѣлъ. Я его прошу: „не тревожьте вы меня, Христа-ради“. Куда! переворачивать меня стали, руки, ноги разминалъ, разгиналъ; говорить: „это я для учености дѣлаю; на то я служащій человекъ, ученый! И ты, говорить, не моги мнѣ противиться, потому что мнѣ за мои труды орденъ на шею данъ, и я для васъ же, дураковъ, стараюсь“. Потормошили, потормошили меня, назвалъ мнѣ мою болѣзнь—мудрено таково—да съ тѣмъ и уѣхалъ. А у меня потомъ цѣлую недѣлю всѣ косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нѣтъ, не всегда. Ко мнѣ ходятъ. Я смирная—не мѣшаю. Дѣвушки крестьянскія зайдутъ, погуторятъ; странница забредетъ, станетъ про Іерусалимъ рассказывать, про Кіевъ, про святые города. Да мнѣ и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей!.. Баринъ, не трогайте

меня, не возите въ больницу... Спасибо вамъ, вы добрый, только не трогайте меня, голубчикъ. Да, баринъ, милый, кто другому помочь можетъ? Кто ему въ душу войдетъ? Самъ себѣ человѣкъ помогай! Вы вотъ не повѣрите—а лежу я иногда такъ-то одна... и словно никого въ цѣломъ свѣтѣ кромѣ меня нѣту. Только одна я—живая! И чудится мнѣ, будто что меня осѣнитъ... Возьметъ меня размышление—даже удивительно! — „О чемъ же ты тогда размышляешь, Лукерья?“ — „Этого, баринъ, тоже никакъ нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потомъ. Придетъ словно какъ тучка, прольется, свѣжо такъ, хорошо станетъ, а что такое было—не поймешь! Только думается мнѣ: будь около меня люди—ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья. Какъ погляжу я, баринъ, на васъ,—начала она снова,—очень вамъ меня жалко. А вы меня не слишкомъ жалѣйте, право! Я вамъ, напримѣръ, что скажу: я иногда и теперь... Вы вѣдь помните, какая я была въ свое время веселая? Бой-дѣвка!.. такъ знаете что? Я и теперь пѣсни пою.“ — „Пѣсни?.. Ты?“ — „Да, пѣсни, старыя пѣсни, хороводныя, подблюдныя, святочныя, всякія. Много я ихъ вѣдь знала и не забыла. Только вотъ плясовыхъ не пою. Въ теперешнемъ моемъ званіи—оно не годится“.

[Лукерья начала пѣть, но пѣніе скоро ее утомило].

Она закрыла глаза.

Я положилъ руку на ея крошечные, холодные пальчики... Она взглянула на меня—и ея темныя вѣки, опущенныя золотистыми рѣсницами, какъ у древнихъ статуй, закрылись снова. Спустия мгновенье, они заблестали въ полутьмѣ... Слеза ихъ смочила.

— „Вотъ вы, баринъ, спрашивали меня,—заговорила опять Лукерья,—сплю-ли я? Сплю я точно рѣдко, но всякій разъ сны вижу—хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я—потянуться хочу хорошенько—анъ я вся какъ скованная. Разъ мнѣ какой чудный сонъ приснился! Хотите, разскажу вамъ! Ну, слушайте. Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, сѣлая, какъ золотая! И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая—все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ, и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту самую рожь сжать до-чиста. Только очень меня отъ жары растомило, и мѣсяцъ меня слѣпить, и лѣнь на меня нашла; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупныя! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася придти обѣщался—такъ вотъ я себѣ вѣнокъ сперва совью; жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промежъ пальцевъ таютъ да таютъ, хоть ты что! И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ я слышу—кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таково, и зоветъ: „Луша!.. Луша!..“ Ай, думаю, бѣда—не успѣла! Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ, ровно какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь—по самымъ верхушкамъ колосевъ катить ко мнѣ скоре-

хотько—только не Вася—а самъ Христось! И почему я узнала, что это Христось—сказать не могу, такимъ его не пишутъ, а только Онъ! Безбородый, высокій, молодой, весь въ бѣломъ, только поясъ золотой, — и ручку мнѣ протягиваетъ. „Не бойся, говорить, невѣста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня въ царствѣ небесномъ хоробыды водить будешь и пѣсни играть райскія“. И я къ Его ручкѣ какъ шрильну! Собачка моя сейчасъ меня за ноги... но тутъ мы взвились! Онъ впереди... Крылья у него по всему небу развернулись, длинныя, какъ у чайки—и я за нимъ! И собачка должна отстать отъ меня. Тутъ только я поняла, что эта собачка—болѣзнь моя и что въ царствѣ небесномъ ей уже мѣста не будетъ“.

Лукерья умолкла на минуту.

— „А то еще видѣла я сонъ,—начала она снова,—а быть можетъ это было мнѣ видѣніе—я ужъ и не знаю. Почудилось мнѣ, будто я въ самой этой плетущкѣ лежу и приходятъ ко мнѣ мои покойные родители—батюшка да матушка—и кланяются мнѣ низко, а сами ничего не говорятъ. И спрашиваю я ихъ: „зачѣмъ вы, батюшка и матушка, мнѣ кланяетесь?“ „А за тѣмъ, говорятъ, что такъ какъ ты на семь свѣтѣ много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и съ насъ большую тягу сняла. И намъ на томъ свѣтѣ стало много способнѣе. Со своими грѣхами ты уже покончила; теперь наши грѣхи побѣждаешь“. И сказавши это, родители мнѣ опять поклонились—и не стало ихъ видно: однѣ стѣны видны. Очень я потомъ сомнѣвалась, что это такое со мною было. Даже батюшкѣ на-духу рассказала. Только онъ такъ полагаетъ, что это было не видѣніе, потому что видѣнія бываютъ одному духовному чину. „А то вотъ еще какой мнѣ былъ сонъ,—продолжала Лукерья.—Вижу я, что сижу я этакъ будто на большой дорогѣ подъ ракитой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платкомъ окутана—какъ есть странница! И идти мнѣ куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходятъ мимо меня все странники; идутъ они тихо, словно нехотя: все въ одну сторону; лица у всѣхъ унылыя и другъ на дружку всѣ очень похожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, цѣлой головой выше другихъ, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто всѣ другіе отъ нея сторонятся; а она вдругъ верть—да прямо ко мнѣ. Остановилась и смотритъ; а глаза у ней, какъ у сокола, желтые, большіе и свѣтлые-пресвѣтлые. И спрашиваю я ее: „Кто ты?“ А она мнѣ говоритъ: „Я смерть твоя“. Мнѣ чтобы испугаться, а я напротивъ—рада-радехонька, крещусь! И говоритъ мнѣ та женщина, смерть моя: „Жаль мнѣ тебя, Лукерья, но взять я тебя съ собою не могу. Прощай!“ Господи! какъ мнѣ тутъ грустно стало!.. „Возьми меня, говорю, матушка, голубушка, возьми!“ И смерть моя обернулась ко мнѣ, стала мнѣ выговаривать... Понимаю я, что назначаетъ она мнѣ мой часъ, да непонятно такъ, неясвенно... Послѣ, молъ, Петровкъ... Съ этимъ я проснулась... Такіе-то у меня бываютъ сны удивительные!“

[Тургеневъ вслухъ подивился ея терпѣнію].

— „Эхъ, баринъ!—возразила она.—Что вы это? Какое такое терпѣніе? Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было точно великое: тридцать лѣтъ на

столбу простоялъ! А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ѣли... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ: была нѣкая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всѣхъ жителей они мучили и убивали; и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявись тутъ между тѣми жителями святая дѣвственница; взяла оза мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только прогнавши ихъ, говоритъ имъ: „теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертію за свой народъ помереть“. И агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился! Вотъ это подвигъ! А я что!“

Подивился я тутъ про себя, куда и въ какомъ видѣ зашла легенда объ Иоаннѣ д'Аркѣ.

[Прощаясь съ нею, Тургеневъ спросилъ, не надо ли ей чего-нибудь].

— „Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу,—съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья. А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить—крестьяне здѣшніе бѣдныя—хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно,—всѣмъ довольна“.

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ прозывали „Живыя Мощи“, что, впрочемъ, отъ нея никакого не видать безпокойства: ни ропота отъ нея не слышать, ни жалобъ. „Сама ничего не требуетъ, а напротивъ—за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо. Богомъ убита, — такъ заключилъ десятскій, — стало быть, за грѣхи; но мы въ это не входимъ. А чтобы, напримѣръ, осуждать ее—нѣтъ, мы ее не осуждаемъ. Пушай ее!“

Нѣсколько недѣль спустя, я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть пришла—таки за ней... и „послѣ Петровокъ“. Рассказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничныи. Впрочемъ, Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви а „сверху“. Вѣроятно она не посмѣла сказать: съ неба.

М у м у.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, въ сѣромъ домѣ съ бѣлыми колоннами, антресолюю и покривившимся балкономъ жила нѣкогда барыня, вдова, окруженная многочисленною дворней. Сыновья ея служили въ Петербургѣ, дочери вышли замужъ; она выѣзжала рѣдко и уединенно доживала

послѣдніе годы своей скупой и скучающей старости. День ея, нерадостный и ненастный, давно прошель; но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи.

Герасимъ. Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ дворникъ Герасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухонѣмой отъ рожденья. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ, въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ и считался едва ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ—дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотрѣть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, одинъ, безъ помощи лошаденки, взрѣзывалъ упругую грудь земли, либо о Петровъ день такъ сокрушительно дѣйствовалъ косой, что хоть бы молодой березовый лѣсокъ смахивать съ корней долой, либо проворно и безостановочно молотилъ трехъбаршиннымъ цѣпомъ, и какъ рычагъ опускались и поднимались продолговатыя и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неистомной работѣ. Славный онъ былъ мужикъ, и не будь его несчастье, всякая дѣвка охотно пошла бы за него замужъ... Но вотъ Герасима привезли въ Москву, купили ему сапоги, сшили кафтанъ на лѣто, на зиму тулупъ, дали ему въ руку метлу и лопату, и опредѣлили его дворникомъ.

Крѣпко не полюбилось ему сначала его новое житье. Съ дѣтства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту. Отчужденный несчастьемъ своимъ отъ сообщества людей, онъ выросъ нѣмой и могучій, какъ дерево растетъ на плодородной землѣ... Переселенный въ городъ, онъ не понималъ, что съ нимъ такое дѣется,—скулалъ и недоумѣвалъ, какъ недоумѣваетъ молодой, здоровый быкъ, котораго только что взяли съ нивы, гдѣ сочная трава росла ему по брюхо,—взяли, поставили на вагонъ желѣзной дороги—и вотъ, обдавая его тучное тѣло то дымомъ съ искрами, то волнистымъ паромъ, мчатъ его теперь, мчатъ со стукомъ и визгомъ, а куда мчатъ—Богъ вѣсть! Занятія Герасима по новой его должности казались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ; въ полчаса все у него было готово, и онъ опять то останавливался посреди двора и глядѣлъ, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, какъ бы желая добиться отъ нихъ рѣшенія загадочнаго своего положенія, то вдругъ уходилъ куда-нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу и лопату, бросался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пойманный звѣрь. Но ко всему привыкаетъ человекъ, и Герасимъ привыкъ, наконецъ, къ городскому житью! Дѣла у него было не много, вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы дворъ содержать въ чистотѣ, два раза въ день привезти бочку съ водой, натаскать и наколотъ дровъ для кухни и дома, да чужихъ не пускать и по ночамъ караулить. И надо сказать, усердно исполнялъ онъ свою обязанность; на дворѣ у него никогда ни щепокъ не валялось, ни сору; застрянетъ ли въ грязную пору гдѣ-нибудь съ бочкой отданная подъ его начальство разбитая кляча-водовозка, онъ только двинетъ плечомъ—и не только телѣгу, самое лошадей спихнетъ съ мѣста; дрова ли примется онъ колоть, топоръ такъ и звенить у него, какъ стекло, и летать во всѣ стороны ос-

колки и полѣнья; а что насчетъ чужихъ, такъ послѣ того, какъ онъ однажды ночью, поймавъ двухъ воровъ, стукнулъ ихъ другъ о дружку лбами, да такъ стукнулъ, что хоть въ полицію ихъ потомъ не води, всѣ въ околоткѣ очень стали уважать его, даже днемъ проходившіе, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при видѣ грознаго дворника, отмахивались и кричали на него, какъ-будто онъ могъ слышать ихъ крики.

Татьяна. Татьяна, состоявшая въ должности прачки (впрочемъ, ей, какъ искусной и ученой прачкѣ, поручалось одно тонкое бѣлье), была женщина лѣтъ двадцативосьми, маленькая, худая, бѣлокурая, съ родинками на лѣвой щекѣ. Родинки на лѣвой щекѣ почитаются на Руси худой примѣтой — предвѣщаніемъ несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. Съ ранней молодости ее держали въ черномъ тѣлѣ; работала она за двоихъ, а ласки никакой никогда не видала; одѣвали ее плохо; жалованье она получала самое маленькое; родни у ней все равно что не было: одинъ какой-то старый ключникъ, оставленный, за негодностью, въ деревнѣ, доводился ей дядей, а другіе дядья у ней въ мужикахъ состояли,—вотъ и все. Когда-то она слыла красавицей, но красота съ ней очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смирнаго или, лучше сказать, запуганнаго, къ самой себѣ она чувствовала полное равнодушіе, другихъ боялась смертельно; думала только о томъ, какъ бы работу къ сроку кончить, никогда ни съ кѣмъ не говорила и трепетала при одномъ имени барыни, хотя та ее почти въ глаза не знала. Когда Герасима привезли изъ деревни, она чуть не оберла отъ ужаса при видѣ его громадной фигуры, всячески старалась не встрѣчаться съ нимъ, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробѣгать мимо него, сбѣгая изъ дома въ прачешную. Герасимъ сперва не обращалъ на нее особеннаго вниманія, потомъ сталъ посмѣиваться, когда она ему попадалась, потомъ и заглядываться на нее началъ, наконецъ, и вовсе глазъ съ нея не спускалъ. Полюбилась она ему: кроткимъ ли выраженіемъ лица, робостью ли движеній — Богъ его знаетъ! Вотъ однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренныхъ пальцахъ накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдругъ сильно схватилъ ее за локоть; она обернулась и такъ и вскрикнула: за ней стоялъ Герасимъ. Глупо смѣясь и ласково мыча, протягивалъ онъ ей прищипаннаго пѣтушка, съ сусальнымъ золотомъ на хвостѣ и крыльяхъ. Она было хотѣла отказаться, но онъ насильно впихнулъ его ей прямо въ руку, покачалъ головой, пошелъ прочь и, обернувшись, еще разъ промычалъ ей что-то очень дружжелюбное. Съ того дня онъ ужъ ей не давалъ покоя: куда бывало, она ни пойдеть, онъ ужъ тутъ-какъ-тутъ, идетъ ей навстрѣчу, улыбается, мычитъ, махаетъ руками, ленту вдругъ вытащить изъ-за пазухи и всучить ей, метлой передъ ней пыль расчистить. Бѣдная дѣвка просто не знала, какъ ей быть и что дѣлать. Скоро весь домъ узналъ о продѣлкахъ нѣмого дворника; насмѣшки, прибауточки, колкія словечки посыпались на Татьяну. Надъ Герасимомъ, однако, глумиться не всѣ рѣшались: онъ шутокъ не любилъ; да и ее при немъ оставляли въ покоѣ. Рада не рада, а пошла дѣвка подъ его покровительство. Какъ всѣ глухонѣмые, онъ очень

былъ догадливъ и очень хорошо понималъ, когда надъ нимъ или надъ нею смѣялись. Однажды, за обѣдомъ, кастелянша, начальница Татьяны, принялась ее, какъ говорится, шпынять и до того ее довела, что та, бѣдная, не знала, куда глаза дѣть, и чуть не плакала съ досады. Герасимъ вдругъ приподнялся, протянулъ свою огромную ручищу, наложилъ ее на голову кастелянши и съ такой угрюмой свирѣпостью посмотрѣлъ ей въ лицо, что та такъ и пригнулась къ столу. Всѣ умякли. Герасимъ снова взялся за ложку и продолжалъ хлебать щи. „Вишь, глухой чортъ, лѣшій!“ пробормотали всѣ вполголоса, а кастелянша встала да ушла въ дѣвичью. А то, въ другой разъ, замѣтивъ, что Капитонъ, какъ-то слишкомъ любезно раскалялся съ Татьяной, Герасимъ подозвалъ его къ себѣ пальцемъ, отвелъ въ каретный сарай, да ухвативъ за конецъ стоявшее въ углу дышло, слегка, но многозначительно погрозилъ ему имъ. Съ тѣхъ поръ ужъ никто не заговаривалъ съ Татьяной.

[Барыня рѣшила женить пьяницу Капитона на Татьянѣ въ цѣляхъ его исправленія. Дворецкій Гаврила былъ смущенъ такимъ приказаніемъ, такъ какъ боялся и жалѣлъ Герасима. Капитонъ, узнавъ о выборѣ барыни, опасаясь Герасима, сталъ отказываться, но приказъ барыни исполнить было необходимо. Татьяна безропотно подчинилась желанію барыни].

Дворецкій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— „Ну, позовите теперь Татьяну“, — промолвилъ онъ наконецъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

— „Что прикажете, Гаврила Андреичъ?“ — проговорила она тихимъ голосомъ.

Дворецкій пристально посмотрѣлъ на нее.

— „Ну, — промолвилъ онъ, — Танюша, хочешь замужъ идти? барыня тебѣ жениха сыскала.“ — „Слушаю, Гаврила Андреичъ. А кого онѣ мнѣ въ женихи назначаютъ?“ — прибавила она съ нерѣшительностью. — „Капитона башмачника“. — „Слушаю-съ“. — „Онъ легкомысленный человѣкъ—это точно. Но госпожа въ этомъ случаѣ на тебя надѣется“. — „Слушаю-съ“. — Одна бѣда... вѣдь этотъ глухарь-то, Гараська, онъ вѣдь за тобой ухаживаетъ. И чѣмъ ты этого медвѣдя къ себѣ приворожила? А вѣдь онъ убьетъ тебя, пожалуй, медвѣдь этакой...“ — „Убьетъ, Гаврила Андреичъ, безпремѣнно убьетъ“. — „Убьетъ... Ну, это мы увидимъ. Какъ это ты говоришь: убьетъ? Развѣ онъ имѣетъ право тебя убивать, посуди сама?“ — „А не знаю, Гаврила Андреичъ, имѣетъ-ли, нѣтъ-ли“. — „Экая! вѣдь ты ему, этакъ, ничего не общала...“ — „Чего изволите-съ?“

Дворецкій помолчалъ и подумалъ:

„Безотвѣтная ты душа!“ — „Ну, хорошо, — прибавилъ онъ, — мы еще поговоримъ съ тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница“.

[Зная, что Герасимъ терпѣть не можетъ пьяныхъ, дворецкій велѣлъ Татьянѣ притвориться пьяной].

Рѣшили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмѣльной и про-

шла-бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бѣдная дѣвка долго не соглашалась, но ее уговорили; притомъ, она сама видѣла, что иначе она не отдѣлается отъ своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили изъ чуланчика: дѣло, все-таки, до него касалось. Герасимъ сидѣлъ на тумбочкѣ у воротъ и тыкалъ лопатой въ землю... Изъ-за всѣхъ угловъ, изъ-подъ шторъ за окнами глядѣли на него...

Хитрость удалась, какъ нельзя лучше. Увидѣвъ Татьяну, онъ сперва, по обыкновенію, съ ласковымъ мычаніемъ закивалъ головой; потомъ вглядѣлся, угрозилъ лопатой, вскочилъ, подошелъ къ ней, придвинулъ свое лицо къ самому ея лицу... Она отъ страха еще болѣе зашталась и закрыла глаза... Онъ схватилъ ее за руку, помчалъ черезъ весь дворъ, и войдя съ нею въ комнату, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, толкнулъ ее прямо къ Капитону. Татьяна такъ и оберла... Герасимъ постоялъ, поглядѣлъ на нее, махнулъ рукой, усмѣхнулся и пошелъ, тяжело ступая, въ свою каморку. Цѣлыми сутки не выходилъ онъ оттуда. Форейторъ Антипка сказывалъ потомъ, что онъ сквозь щелку видѣлъ, какъ Герасимъ, сидя на кровати, приложивъ къ щекѣ руку, тихо, мѣрно, и только изрѣдка мыча,—пѣлъ, т.-е. покачивался, закрывалъ глаза и встряхивалъ головой, какъ ящики или бурлаки, когда они затягиваютъ свои заувныя пѣсни. Антипкѣ стало жутко, и онъ отошелъ отъ щели. Когда-же, на другой день, Герасимъ вышелъ изъ каморки, въ немъ особенной переменны нельзя было замѣтить. Онъ только сталъ какъ-будто поугрюмѣе, а на Татьяну и на Капитона не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Въ тотъ-же вечеръ они оба, съ гусями подъ мышкой, отправились къ барынѣ, и черезъ недѣлю женились. Въ самый день свадьбы Герасимъ не измѣнилъ своего поведенія ни въ чемъ; только съ рѣки онъ пріѣхалъ безъ воды: онъ какъ-то на дорогѣ разбилъ бочку; а на ночь въ конюшнѣ онъ такъ усердно чистилъ и теръ свою лошадь, что та шаталась, какъ былинка на вѣтру, и переваливалась съ ноги на ногу подъ его желѣзными жулаками.

[Капитонъ совершенно спился, и его, въ наказаніе, вмѣстѣ съ женой отправили въ деревню].

Когда-же все было готово, и мужики уже держали возжи въ рукахъ и ждали только слова: „съ Богомъ!“, Герасимъ вышелъ изъ своей каморки, приблизился къ Татьянѣ и подарилъ ей на память красный бумажный платокъ, купленный имъ для нея-же, съ годъ тому назадъ. Татьяна, съ великимъ равнодушіемъ переносившая до того мгновенія всѣ превратности своей жизни, тутъ, однако, не вытерпѣла, прослезилась и, садясь въ телѣгу, похристіански три раза поцѣловалась съ Герасимомъ. Онъ хотѣлъ проводить ее до заставы и пошелъ сперва рядомъ съ ея телѣгой, но вдругъ остановился на Крымскомъ броду, махнулъ рукой и отправился вдоль рѣки.

Муму. [Въ рѣкѣ Герасимъ нашелъ щенка, вытащилъ его изъ воды, принесъ домой и выростилъ].

Ни одна мать такъ не ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживалъ Герасимъ за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой). Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, понемногу справилась

и выровнялась, а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неуспѣшнымъ попеченіямъ своего спасителя, превратилась въ очень ладную собачку испанской породы, съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ въ видѣ трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась къ Герасиму и не отставала отъ него ни на шагъ, все ходила за нимъ, повиливая хвостикомъ. Онъ и кличку ей далъ—нѣмцы знаютъ, что мычанье ихъ обращаетъ на себя вниманіе другихъ—онъ назвалъ ее Муму. Всѣ люди въ домѣ ее полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всѣмъ ласкалась, но любила одного Герасима. Герасимъ самъ ее любилъ безъ памяти... и ему было неприятно, когда другіе ее гладили: боялся онъ что-ли за нее, ревновалъ-ли онъ къ ней—Богъ вѣсть! Она его будила по утрамъ, дергая его за полу, приводила къ нему на поводу старую водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ, съ важностью на лицѣ отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала къ его каморкѣ. Онъ нарочно для нея прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, а она какъ-будто чувствовала, что только въ Герасимовой каморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ съ довольнымъ видомъ вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору, какъ иная глупая дворняжка, которая, сидя на заднихъ лапахъ и поднявъ морду и зажмуривъ глаза, лаетъ просто отъ скуки, такъ, на звѣзды, и обыкновенно три раза сряду — нѣтъ! тонкій голосокъ Муму никогда не раздавался даромъ! либо чужой близко подходитъ къ забору, либо гдѣ-нибудь поднимался подозрительный шумъ или шорохъ... Словомъ, она сторожила отлично. Правда, былъ еще, кромѣ ея, на дворѣ старый песъ, желтаго цвѣта съ бурными крапинами, по имени Волчокъ, но того никогда, даже ночью, не спускали съ цѣпи, да и онъ самъ, по дряхлости своей, вовсе не требовалъ свободы — лежалъ себѣ, свернувшись, въ своей конурѣ и лишь изрѣдка издавалъ сильный, почти беззвучный лай, который тотчасъ-же прекращалъ, какъ-бы самъ чувствуя всю его бесполезность. Въ господскій домъ Муму не ходила, и когда Герасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпѣливо его выжидала у крыльца, наостривъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ налево, при малѣйшемъ стукѣ за дверями...

Старая барыня. Въ одинъ прекрасный лѣтній день, барыня съ своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была въ духѣ, смѣялась и шутила; приживалки смѣялись и шутили тоже, но особенной радости онѣ не чувствовали: въ домѣ не очень-то любили, когда на барыню находилъ веселый часъ, потому что, во-первыхъ, она тогда требовала отъ всѣхъ немедленнаго и полнаго сочувствія и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствіемъ, а во-вторыхъ, эти вспышки у ней продолжались недолго и обыкновенно замѣнялись мрачнымъ и кислымъ расположеніемъ духа. Въ тотъ день она какъ-то счастливо встала; на картахъ ей вышло четыре валета: исполненіе желаній (она всегда гадала по утрамъ), — и чай ей показался особенно вкуснымъ, за что горничная получила на словахъ похвалу и деньгами гривенникъ. Съ сладкой улыбкой на сморщеннѣхъ губахъ гуляла ба-

рыня по гостиной и подошла къ окну. Передъ окномъ былъ разбитъ палисадникъ, и на самой средней клумбѣ, подь розовымъ кусточкомъ, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидала ее.

— „Боже мой!—воскликнула она вдругъ,—что это за собака?“

Приживалка, къ которой обратилась барыня, заметалась, бѣдненькая, съ тѣмъ тоскливымъ безпокойствомъ, которое обыкновенно овладѣваетъ подвластнымъ человѣкомъ, когда онъ еще не знаетъ хорошенько, какъ ему понять восклицаніе начальника.

— „Н... н...е знаю-съ,—пробормотала она,—кажется, нѣмого“.—„Боже мой!—прервала ее барыня,—да она премиленькая собачка! велите ее привести. Давно она у него? Какъ-же я это ея не видала до сихъ поръ?.. Велите ее привести“.

Приживалка тотчасъ порхнула въ переднюю.

— „Человѣкъ, человѣкъ!—закричала она,—приведите поскорѣй Муму! Она въ палисадникѣ“.—„А ее Муму зовуть,—промолвила барыня,—очень хорошее имя“.—„Ахъ, очень-съ!—возразила приживалка.—Скорѣй, Степанъ!“

Степанъ принесъ ее въ гостиную и поставилъ на паркетъ. Барыня начала ее ласковымъ голосомъ подзывать къ себѣ. Муму, отъ роду еще не бывшая въ такихъ великолѣпныхъ покояхъ, очень испугалась и бросилась было къ двери, но оттолкнутая услужливымъ Степаномъ, задрожала и прижалась къ стѣнѣ.

— „Муму, Муму, подойди-же ко мнѣ, подойди къ барынѣ,—говорила госпожа,—подойди, глушенькая... не бойся...“ — „Подойди, подойди, Муму, къ барынѣ,—твердили приживалки,—подойди!“

Но Муму тоскливо оглядывалась кругомъ и не трогалась съ мѣста.

— „Принесите ей что-нибудь поѣсть,—сказала барыня.—Какая она глупая! къ барынѣ не идетъ. Чего боится?“—„Онѣ не привыкли еще“,—произнесла робкимъ и умильнымъ голосомъ одна изъ приживалокъ.

Степанъ принесъ блюдечко съ молокомъ, поставилъ передъ Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась попрежнему.

— „Ахъ, какая-же ты!“—промолвила барыня, подходя къ ней, нагнулась и хотѣла погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчаніе. Муму слабо визгнула, какъ-бы жалясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движеніе собаки ее испугало.

— „Ахъ! — закричали разомъ всѣ приживалки, — не укусила-ли она васъ, сохрани Богъ! (Муму въ жизнь свою никого никогда не укусила) ахъ, ахъ!“ — „Отнести ее вонъ,—проговорила измѣнившимся голосомъ старуха.—Скверная собачонка! какая она злая!“

И медленно повернувшись, направилась она въ свой кабинетъ. Приживалки робко переглянулись и пошли-было за ней, но она остановилась, холодно посмотрѣла на нихъ, промолвила: „зачѣмъ это? вѣдь я васъ не зову“, и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тотъ подхватилъ

Муму и выбросилъ ее поскорѣй за дверь, прямо къ ногамъ Герасима—а черезъ полчаса въ домѣ уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидѣла на своемъ диванѣ мрачнѣе грозовой тучи.

Какія бездѣлицы, подумаешь, могутъ иногда разстроить человѣка!

— „Не знаю, нѣмого-ли, другого-ли кого, только спать мнѣ не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собакъ! Желая знать. Вѣдь есть у насъ дворная собака?“—„Какъ-же-съ, есть-съ. Волчокъ-съ.“—„Ну, чего еще, на что намъ еще собака? Только одни безпорядки заводитъ. Старшаго нѣтъ въ домѣ—вотъ что. И на что нѣмому собака? Кто ему позволилъ собаку у меня на дворѣ держать? Вчера я подошла къ окну, а она въ палисадникѣ лежитъ, какую-то мерзость притащила, грызеть, — а у меня тамъ розы посажены...“

Барыня помолчала.

— „Чтобъ ее сегодня-же здѣсь не было... слышишь?“—„Слушаю-съ“.— „Сегодня-же. А теперъ ступай. Къ докладу я тебя потомъ позову“.

Гаврила вышелъ.

Проходя черезъ гостиную, дворецкій, для порядка, переставилъ колокольчикъ съ одного стола на другой, втихомолочку высморкалъ въ залѣ свой утиный носъ и вышелъ въ переднюю. Въ передней, на коникѣ, спалъ Степанъ, въ положеніи убитаго воина на батальной картинѣ, судорожно вытянувъ обнаженные ноги изъ-подъ сюртука, служившаго ему вмѣсто одѣяла. Дворецкій растолкалъ его и вполголоса сообщилъ ему какое-то приказаніе, на которое Степанъ отвѣчалъ полу-зѣвкомъ, полу-хохотомъ. Дворецкій удалился, а Степанъ вскочилъ, натянулъ на себя кафтанъ и сапоги, вышелъ и остановился у крыльца. Не прошло пяти минутъ, какъ появился Герасимъ съ огромной вязанкой дровъ за спиной, въ сопровожденіи неразлучной Муму.

[Барыня возненавидѣла Муму и потребовала ее убрать изъ дому подъ предлогомъ, что она мѣшаетъ ей спать. Муму украли у Герасима и унесли. Герасимъ очень былъ огорченъ ея исчезновеніемъ]. Онъ сталъ повсюду бѣгать, искать ее, кликать по-своему... бросился въ свою каморку, на сѣноваль, выскочилъ на улицу,—туда-сюда... Пропала! Онъ обратился къ людямъ, съ самыми отчаянными знаками спрашивалъ о ней, показывая на поль-аршина отъ земли, рисовалъ ее руками... Иные точно не знали, куда дѣвалась Муму, и только головами качали, другіе знали и посмѣивались ему въ отвѣтъ, а дворецкій принялъ чрезвычайно важный видъ и началъ кричать на кучеровъ. Тогда Герасимъ побѣжалъ со двора долой.

Уже смеркалось, какъ онъ вернулся. По его истомленному виду, по невѣрной походкѣ, по запыленной одеждѣ его, можно было предполагать, что онъ успѣлъ обѣжать поль-Москвы. Онъ остановился противъ барскихъ оконъ, окинулъ взоромъ крыльцо, на которомъ столкнулось человѣкъ семь дворовыхъ, отвернулся и промычалъ еще разъ: „Муму!“—Муму не отозвалась. Онъ пошелъ прочь. Всѣ посмотрѣли ему вслѣдъ, но никто не улыбнулся, не сказалъ ни слова... а любопытный фореиторъ Антипка рассказывалъ на другое утро въ кухнѣ, что нѣмой-де всю ночь охалъ.

Весь слѣдующій день Герасимъ не показывался. На другое утро Гера-

симъ вышелъ изъ своей каморки на работу. Къ обѣду онъ пришелъ, поѣлъ и ушелъ опять, никому не поклонившись. Его лицо, и безъ того безжизненное, какъ у всѣхъ глухонѣмыхъ, теперь словно окаменѣло. Послѣ обѣда онъ опять уходилъ со двора, но не надолго, вернулся и тотчасъ отправился на сѣноваль.

[Ночью Муму прибѣжала домой. Радости Герасима не было предѣловъ. Онъ рѣшилъ спрятать Муму отъ всѣхъ, днемъ ее запиралъ, выпускалъ лишь ночью. Всѣ дворовые знали, что собака вернулась и спрятана Герасимомъ, но молчали, боясь и жалѣя его. Однажды ночью, когда Герасимъ гулялъ съ Муму, она стала лаять. Старая барыня услышала].

Въ это самое время барыня только-что засыпала послѣ продолжительнаго „нервическаго волненія“: эти волненія у ней всегда случались послѣ слишкомъ сытнаго ужина. Внезапный лай ее разбудилъ: сердце у ней забилось и замерло. „Дѣвки, дѣвки!—простонала она.—Дѣвки!“ Перепуганныя дѣвки вскочили къ ней въ спальню. „Охъ, охъ, умираю!—проговорила она, тоскливо разводя руками.—Опять, опять эта собака!.. Охъ, пошлите за докторомъ. Они меня убить хотятъ... Собака, опять собака! Охъ!“—и она закинула голову назадъ, что должно было означать обморокъ. Бросились за докторомъ, т.-е. за домашнимъ лекаремъ Харитономъ. Барыня тотчасъ же слезливымъ голосомъ стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что ее, бѣдную, старую женщину, всѣ бросили, что никто о ней не сожалѣетъ, что всѣ хотятъ ея смерти. Между тѣмъ несчастная Муму продолжала лаять, а Герасимъ напрасно старался отозвать ее отъ забора. „Вотъ... вотъ... опять...“—пролепетала барыня и снова водкатила глаза подъ лобъ. Лекарь шепнулъ дѣвкѣ, та бросилась въ переднюю, растолкала Степана, тотъ побѣжалъ будить Гаврилу, Гаврила стгоряча велѣлъ поднять весь домъ.

Барыня вѣроятно не такъ то бы скоро успокоилась, да лекарь второпяхъ, вмѣсто двѣнадцати капель, налилъ цѣлыхъ сорокъ: сила лавровишнѣя и подѣйствовала—черезъ четверть часа барыня уже почивала крѣпко и мирно, а Герасимъ лежалъ, весь блѣдный, на своей кровати и сильно сжималъ пасть Муму.

[Герасиму было приказано удавить Муму].

Герасимъ опустилъ глаза, потомъ вдругъ встряхнулся, опять указалъ на Муму, которая все время стояла возлѣ него, невинно помахивая хвостомъ и съ любопытствомъ поводя ушами, повторилъ знакъ удушенія надъ своей шеей и значительно ударилъ себя въ грудь, какъ бы объявляя, что онъ самъ беретъ на себя уничтожить Муму.

— „Да ты обманешь“,—замахалъ ему въ отвѣтъ Гаврила.

Герасимъ поглядѣлъ на него, презрительно усмѣхнулся, опять ударилъ себя въ грудь и захлопнулъ дверь.

Всѣ молча переглянулись.

— „Что-жъ это такое значить?“—началъ Гаврила.—Онъ заперся“.— „Оставьте его, Гаврила Андрееичъ, — промолвилъ Степанъ, — онъ сдѣлаетъ, коли обѣщаетъ. Ужъ онъ такой... Ужъ коли онъ обѣщаетъ, это на-

вѣрное. Онъ на это не то, что нашъ братъ. Что правда, то правда. Да“.

[Герасимъ отправился съ Муму въ трактиръ].

Въ трактиръ знали Герасима и понимали его знаки. Онъ спросилъ себя щей съ мясомъ и сѣлъ, опершись руками на столъ. Муму стояла подлѣ его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней такъ и лоснилась: видно было, что ее недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Онъ накрошилъ туда хлѣба, мелко изрубилъ мясо и поставилъ тарелку на полъ. Муму принялась ѣсть съ обычной своей вѣжливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасимъ долго глядѣлъ на нее; двѣ тяжелыя слезы выкатились вдругъ изъ его глазъ: одна упала на крутой лобикъ собачки, другая—во щи. Онъ заслонилъ лицо своей рукой. [Затѣмъ онъ сѣлъ въ лодку, отѣхалъ подальше], выпрямился, поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятые имъ кирпичи, придѣлалъ петлю, надѣлъ ее на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкой, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее... Она до вѣрчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка махала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки... Герасимъ ничего не слышалъ, ни быстраго визга падающей Муму, ни тяжкаго всплеска воды; для него самый шумный день былъ безмолвенъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для насъ, и когда онъ снова раскрылъ глаза, по прежнему спѣшили по рѣкѣ, какъ-бы гоняясь другъ за дружкой, маленькія волны, попрежнему поплескивали онѣ о бока лодки, и только далеко назади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги.

Утопивъ бѣдную Муму, онъ прибѣжалъ въ свою каморку, проворно уложилъ кой-какіе пожитки въ старую попону, связалъ ее узломъ, взвалилъ на плечо, да и былъ таковъ. Дорогу онъ хорошо замѣтилъ еще тогда, когда его везли въ Москву; деревня, изъ которой барыня его взяла, лежала всего въ двадцати пяти верстахъ отъ шоссе. Онъ шелъ по немъ съ какой-то несокрушимой отвагой, съ отчаянной и вмѣстѣ радостной рѣшимостью. Онъ шелъ; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо стремились впередъ. Онъ торопился, какъ будто мать-старушка ждала его на родинѣ, какъ-будто она звала его къ себѣ послѣ долгаго странствованія на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ... Только-что наступившая лѣтняя ночь была тиха и тепла; съ одной стороны, тамъ, гдѣ солнце закатилось, край неба еще бѣлѣлъ и слабо румянился послѣднимъ отблескомъ исчезающаго дня,—съ другой стороны уже вздымался синій, сѣдой сумракъ. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремѣли кругомъ, взануски перекликивались коростели... Герасимъ не могъ ихъ слышать, не могъ онъ слышать также чуткаго ночного шшуганья деревьевъ, мимо которыхъ его проносили сильные его ноги, но онъ чувствовалъ знакомый запахъ поспѣвающей ржи, которымъ такъ и вѣяло съ темныхъ полей, чувствовалъ, какъ вѣтеръ, летѣвшій къ нему навстрѣчу—вѣтеръ съ родины—ласково ударялъ въ его лицо, игралъ въ его волосахъ и бородѣ; видѣлъ передъ собой бѣлѣющую дорогу,—дорогу домой, прямую какъ стрѣла; видѣлъ въ небѣ несчетныя

звѣзды, свѣтившія его путь, и какъ левъ ступалъ сильно и бодро, такъ что, когда восходящее солнце озарило своими влажнокрасными лучами только-что расходившагося молодца, между Москвой и имъ легло уже тридцать пять верстъ.

И живетъ до сихъ поръ Терасимъ бобылемъ въ своей одинокой избѣ; здоровъ и могучъ по прежнему и работаетъ за четырехъ по прежнему и по прежнему важенъ и степененъ. Но сосѣди замѣтили, что, со времени своего возвращенія изъ Москвы, онъ совсѣмъ пересталъ водиться съ женщинами, даже не глядитъ на нихъ, и ни одной собаки у себя не держитъ. „Впрочемъ,—толкуютъ мужики,—его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака—на что ему собака! къ нему на дворъ вора оселомъ не затащишь!“ Такова ходитъ молва о богатырской силѣ нѣмого.

И. Тургеневъ.

II. РУДИНЪ.

[Дѣйствіе романа происходитъ въ домѣ Дарьи Михайловны Ласунской].

Ласунская. Домъ Дарьи Михайловны Ласунской считался чуть ли не первымъ по всей ...ой губерніи. Огромный, каменный, сооруженный по рисункамъ Растрелли во вкусѣ прошедшаго столѣтія, онъ величественно возвышался на вершинѣ холма, у подошвы котораго протекала одна изъ главныхъ рѣкъ средней Россіи. Сама Дарья Михайловна была знатная и богатая барыня, вдова тайнаго совѣтника. Хотя Пандалевскій и разсказывалъ про нее, что она знаетъ всю Европу, да и Европа ее знаетъ!—однако, Европа ее знала мало, даже въ Петербургѣ она важной роли не играла; за то въ Москвѣ ее всѣ знали и ѣздили къ ней. Она принадлежала къ высшему свѣту и слыла за женщину нѣсколько странную, не совсѣмъ добрую, но чрезвычайно умную. Въ молодости она была очень хороша собою. Поэты писали ей стихи, молодые люди въ нее влюблялись, важные господа волочились за ней. Но съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ двадцать пять или тридцать, и прежнихъ прелестей не осталось и слѣда.

Дарья Михайловна пріѣзжала каждое лѣто къ себѣ въ деревню съ своими дѣтьми (у нея ихъ было трое: дочь Наталья, семнадцати лѣтъ, и два сына, десяти и девяти лѣтъ) и жила открыто, то-есть принимала мужчинъ, особенно холостыхъ; провинціальныхъ барынь она терпѣть не могла. За то и доставались же ей отъ этихъ барынь. Дарья Михайловна, по ихъ словамъ, была и горда, и безнравственна, и тиранка страшная; а главное она позволяла себѣ такія вольности въ разговорѣ, что ужаси! Дарья Михайловна, дѣйствительно, не любила стѣснять себя въ деревнѣ и въ свободной простотѣ ея обхожденія замѣчали легкій оттѣнокъ презрѣнія столичной львицы къ окружавшимъ ее, довольно темнымъ и мелкимъ существамъ. Она и съ городскими знакомыми обходилась очень развязно, даже насмѣшливо; но оттѣнка презрѣнія не было.

[У сыновей Ласунской былъ репетиторъ, студентъ Басистовъ].

Басистовъ, молодой человекъ двадцати двухъ лѣтъ, только-что окончившій курсъ. Басистовъ былъ рослый малый, съ простымъ лицомъ, большимъ носомъ, крупными губами и свинными глазками, некрасивый и не-

ловкій, но добрый, честный и прямой. Онъ одѣвался небрежно, не стригъ волосъ,—не изъ щегольства, а отъ лѣни; любилъ поѣсть, любилъ поспать, но любилъ также хорошую книгу, горячую бесѣду и всей душой ненавидѣлъ Пандалевскаго.

Дѣти Дарьи Михайловны обожали Басистова и ужъ нисколько его не боялись; со всѣми остальными въ домѣ онъ былъ на короткой ногѣ, что не совсѣмъ правилось хозяйкѣ, какъ она ни толковала о томъ, что для нея предразсудковъ не существуетъ.

[Постояннымъ посѣтителемъ Ласунской былъ нѣкто Пигасовъ, желчный острякъ, потѣшавшій ее своими полусерьезными, полушутовскими выходками. Онъ былъ очень высокаго мнѣнія о своемъ умѣ и остроуміи].

Пигасовъ. Странный человѣкъ былъ этоиъ господинъ Пигасовъ. Озлобленный противу всего и всѣхъ—особенно противъ женщинъ—онъ бранился съ утра до вечера, иногда очень мѣтко, иногда довольно тупо, но всегда съ наслажденіемъ. Раздражительность его доходила до ребячества; его смѣхъ, звукъ его голоса, все его существо казалось пропитаннымъ желчью. Дарья Михайловна охотно принимала Пигасова: онъ потѣшалъ ее своими выходками. Онѣ точно были довольно забавны. Все преувеличивать было его страстью. Пигасову въ жизни не повезло—онъ эту дурь и напустилъ на себя. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его занималъ разныя мелкія должности, едва зналъ грамотѣ и не заботился о воспитаніи сына; кормилъ, одѣвалъ его—и только. Мать его баловала, но скоро умерла. Пигасовъ самъ себя воспиталъ, самъ опредѣлилъ себя въ уѣздное училище, потомъ въ гимназію, выучился языкамъ французскому, нѣмецкому и даже латинскому, и выйдя изъ гимназіи съ отличнымъ аттестатомъ, отправился въ Дерптъ, гдѣ постоянно боролся съ нуждою, но выдержалъ трехгодичный курсъ до конца. Способности Пигасова не выходили изъ разряда обыкновенныхъ; терпѣніемъ и настойчивостью онъ отличался, но особенно сильно было въ немъ чувство честолюбія, желаніе попасть въ хорошее общество, не отстать отъ другихъ, на зло судьбѣ. Онъ и учился прилежно, и въ дерптскій университетъ поступилъ изъ честолюбія. Бѣдность сердца его и развила въ немъ наблюдательность и лукавство. Онъ выражался своеобразно; онъ смолоду присвоилъ себѣ особый родъ желчнаго и раздражительнаго краснорѣчія. Мысли его не возвышались надъ общимъ уровнемъ; а говорилъ онъ такъ, что могъ казаться не только умнымъ, но даже очень умнымъ человѣкомъ.

Наталя. Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексѣевна, съ перваго взгляда могла не понравиться. Она еще не успѣла развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ея лица были красивы и правильны, хотя слишкомъ велики для семнадцатилѣтней дѣвушки. Особенно хорошъ былъ ея чистый и ровный лобъ надъ тонкими, какъ бы надломленными по срединѣ бровями. Она говорила мало, слушала и глядѣла внимательно, почти пристально,—точно она себѣ во всемъ хотѣла дать отчетъ. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лицѣ ея выражалась тогда внутренняя работа мыслей... Едва замѣтная улыбка появится вдругъ на губахъ и скроется; большіе темные глаза тихо

подымутся... „Qu'avez-vous“ — спросить ее m-lle Boncourt и начнет бранить ее, говоря, что молодой дѣвицѣ неприлично задумываться и принимать разсѣянный видъ. Но Наталья не была разсѣянна: напротивъ, она училась прилежно; читала и работала охотно. Она чувствовала глубоко и сильно, но тайно; она и въ дѣтствѣ рѣдко плакала, а теперь даже вздыхала рѣдко и только блѣднѣла слегка, когда что-нибудь ее огорчало. Мать ее считала добронравной, благоразумной дѣвушкой, называла ее въ шутку: „mon honnête homme de fille“, но не была слишкомъ высокаго мнѣнія объ ея умственныхъ способностяхъ. „Наташа у меня къ счастью холодна,—говаривала она—не въ меня... тѣмъ лучше. Она будетъ счастлива“. Дарья Михайловна ошибалась. Впрочемъ, рѣдкая мать понимаетъ дочь свою. Наталья любила Дарью Михайловну и не вполне ей довѣряла. „Тебѣ нечего отъ меня скрывать,—сказала ей однажды Дарья Михайловна,—а то бы ты скрытничала: ты таки себя на умѣ...“ Наталья поглядѣла матери въ лицо и подумала: „для чего же не быть себя на умѣ?“

[Къ тому времени, къ которому относится дѣйствіе романа,] Наталью перестали держать, какъ дѣвочку, m-lle Boncourt давно уже не давала ей уроковъ изъ миѳологіи и географіи; но Наталья должна была каждое утро читать историческія книги, путешествія и другія назидательныя сочиненія—при ней. Выбирала ихъ Дарья Михайловна, будто бы придерживаясь особой, своей системы. На самомъ дѣлѣ, она просто передавала Натальѣ все, что ей присылалъ французъ-книгопродавецъ изъ Петербурга, исключая, разумѣется, романовъ Дюма-фиса и Комп. Эти романы Дарья Михайловна читала сама. M-lle Boncourt особенно строго и кисло посматривала черезъ очки свои, когда Наталья читала историческія книги: по понятіямъ старой французенки, вся исторія была наполнена непозволительными вещами. Но Наталья читала и такія книги, которыхъ m-lle Boncourt и не подозрѣвала: она знала наизусть всего Пушкина...

[Въ Наташу былъ влюбленъ Волинцевъ, добродушный и честный, но не блестящій юноша, сосѣдь-помѣщикъ].

Пріѣздъ Рудина. Вошелъ человекъ лѣтъ тридцати пяти, высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, курчавый, смуглый, съ лицомъ неправильнымъ, но выразительнымъ и умнымъ, съ жидкимъ блескомъ въ быстрыхъ, темно-синихъ глазахъ, съ прямымъ широкимъ носомъ и красиво очерченными губами. Платье на немъ было не ново и узко, словно онъ изъ него выросъ. Онъ проворно подошелъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и, поклонясь короткимъ поклономъ, сказалъ ей, что онъ давно желалъ имѣть честь представиться ей, и что пріятель его, баронъ, очень сожалѣлъ о томъ, что не могъ проститься лично...

— „Позвольте полюбопытствовать, — заговорилъ носовымъ голосомъ Пигасовъ, —вашъ знакомецъ, господинъ баронъ Муффель... такъ, кажется, ихъ зовутъ?“ — „Точно такъ“. — „Господинъ баронъ Муффель специально занимается политической экономіей или только такъ, посвящаетъ этой интересной наукѣ часы досуга, остающагося среди свѣтскихъ удовольствій и занятій по службѣ?“

Рудинъ пристально посмотрѣлъ на Пигасова.

— „Баронъ въ этомъ дѣлѣ дилетантъ,—отвѣчалъ онъ, слегка краснѣя,—но въ его статьѣ много справедливаго и любопытнаго“. — „Не могу спорить съ вами, не зная статьи... Но смѣю спросить, сочиненіе вашего пріятеля, барона Муффеля, вѣроятно, болѣе придерживается общихъ разсужденій, нежели фактовъ?“ — „Въ немъ есть и факты и разсужденія, основанныя на фактахъ“. — „Такъ-съ, такъ-съ. Доложу вамъ, по моему мнѣнію... а я могу-таки, при случаѣ, свое слово молвить; я три года въ Дерптѣ выжилъ... всѣ эти, такъ-называемыя, общія разсужденія, гипотезы тамъ, системы... извините меня, я провинціалъ, правду-матку рѣжу прямо... никуда не годятся. Это все одно умствованіе — этимъ только людей морочатъ. Передавайте, господа, факты, и будетъ съ васъ“. — „Въ самомъ дѣлѣ! — возразилъ Рудинъ. — Ну, а смыслъ фактовъ передавать слѣдуетъ?“ — „Общія разсужденія! — продолжалъ Пигасовъ, — смерть моя эти общія разсужденія, обзорѣнія, заключенія! Все это основано на такъ-называемыхъ убѣжденіяхъ; всякій толкуетъ о своихъ убѣжденіяхъ и еще уваженія къ нимъ требуетъ, носится съ ними... Эхъ!“

И Пигасовъ потрясъ кулакомъ въ воздухъ. Пандалевскій разсмѣялся.

— „Прекрасно! — промолвилъ Рудинъ, — стало-быть, по-вашему убѣжденій нѣтъ?“ — „Нѣтъ — и не существуетъ“. — „Это ваше убѣжденіе?“ — „Да“. — „Какъ же вы говорите, что ихъ нѣтъ? Вотъ вамъ уже одно на первый случай“.

Всѣ въ комнатѣ улыбнулись и переглянулись.

— „Позвольте, позвольте, однако“, — началъ было Пигасовъ...

Но Дарья Михайловна захопала въ ладоши, воскликнула: „браво, браво, разбить Пигасовъ, разбить!“ и тихонько вынула шляпу изъ рукъ Рудина.

— „Погодите радоваться, сударыня: успѣте! — заговорилъ съ досадой Пигасовъ. — Недостаточно сказать, съ видомъ превосходства, острое словцо: надобно доказать, опровергнуть... Мы отбились отъ предмета спора“. — „Позвольте, — хладнокровно замѣтилъ Рудинъ, — дѣло очень просто. Вы не вѣрите въ пользу общихъ разсужденій, вы не вѣрите въ убѣжденія...“ — „Не вѣрю, не вѣрю, ни во что не вѣрю“. — „Очень хорошо. Вы скептикъ“. — „Не вижу необходимости употреблять такое ученое слово. Впрочемъ...“ — „Это слово выражаетъ мою мысль, — продолжалъ Рудинъ. — Вы его понимаете: отчего же не употреблять его? Вы ни во что не вѣрите... Почему же вѣрите вы въ факты?“ — „Какъ почему? вотъ прекрасно! Факты дѣло извѣстное, всякій знаетъ, что такое факты... Я сужу о нихъ по опыту, по собственному чувству“. — „Да развѣ чувство не можетъ обмануть васъ? Чувство вамъ говоритъ, что солнце вокругъ земли ходитъ... или, можетъ-быть, вы не согласны съ Коперникомъ? Вы и ему не вѣрите?“

Улыбка опять промчалась по всѣмъ лицамъ, и глаза всѣхъ устремились на Рудина. „А онъ человекъ немудрый“, — подумалъ каждый.

[Рудинъ продолжалъ]: — „Я, признаюсь, не могу не чувствовать искренняго сожалѣнія, когда умные люди при мнѣ нападаютъ...“ — „На системы?“ —

перебилъ Пигасовъ. — „Да, пожалуй, хоть на системы. Что васъ пугаетъ такъ это слово? Всякая система основана на знаніи основныхъ законовъ, началъ жизни...“ — „Да ихъ узнать, открыть ихъ нельзя... помилуйте!“ — „Позвольте. Конечно, не всякому они доступны, и человѣку свойственно ошибаться. Однако, вы, вѣроятно, согласитесь со мною, что, напримѣръ, Ньютонъ открылъ хотя нѣкоторые изъ этихъ основныхъ законовъ. Онъ былъ гений, положимъ, но открытія гениевъ тѣмъ и велики, что становятся достояніемъ всѣхъ. Стремленіе къ отысканію общихъ началъ въ частныхъ явленіяхъ есть одно изъ коренныхъ свойствъ человѣческаго ума, и вся наша образованность...“ — „Вотъ вы куда-съ! — перебилъ растянутымъ голосомъ Пигасовъ. — Я практической человѣкъ и во всѣ эти метафизическія тонкости не вдаюсь и не хочу вдаваться.“ — „Прекрасно! Это въ вашей волѣ. Но замѣтите, что самое ваше желаніе быть исключительно практическимъ человѣкомъ есть уже своего рода система, теорія...“ — „Образованность! говорите вы, — подхватилъ Пигасовъ, — вотъ еще чѣмъ удивить вздумали! Очень нужна она, эта хваленая образованность! Гроша мѣднаго не дамъ я за вашу образованность!“ — „Однако, какъ вы дурно спорите, Африканъ Семенычъ! — замѣтила Дарья Михайловна, внутренне весьма довольная спокойствіемъ и изящной учтивостью новаго своего знакомаца. „C'est un homme comme il faut, — подумала она, съ доброжелательнымъ вниманіемъ взглянувъ въ лицо Рудину. — Надо его приласкать“. — Эти послѣднія слова она мысленно произнесла по-русски.

— „Образованность я защищать не стану“, — продолжалъ, помолчавъ немного, Рудинъ, — она не нуждается въ моей защитѣ. Вы ея не любите... у всякаго свой вкусъ. Притомъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Позвольте вамъ только напомнить старинную поговорку: „Юпитеръ, ты сѣдишь: стало-быть, ты виноватъ“. Я хотѣлъ сказать, что всѣ эти нападенія на системы, на общія разсужденія и т. д. — потому особенно огорчительны, что, вмѣстѣ съ системами, люди отрицаютъ вообще знаніе, науку и вѣру въ нее, стало-быть, и вѣру въ самихъ себя, въ свои силы. А людямъ нужна эта вѣра: имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался бесплодностью и безсиліемъ...“ — „Это все слова!“ — пробормоталъ Пигасовъ. — „Можетъ быть. Но позвольте вамъ замѣтить, что, говоря: „это все слова!“ — мы часто сами желаемъ отдѣлаться отъ необходимости сказать что-нибудь подѣльнѣе однихъ словъ“. — „Чего-съ?“ — спросилъ Пигасовъ и прищурилъ глаза. — „Вы поняли, что я хотѣлъ сказать вамъ, — возразилъ съ невольнымъ, но тотчасъ сдержаннымъ нетерпѣніемъ, Рудинъ. — Повторяю, если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, какъ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ потребностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? какъ можетъ онъ знать, что онъ долженъ самъ дѣлать, если...“ — „Честь и мѣсто!“ — отрывисто проговорилъ Пигасовъ, поклонился и отошелъ въ сторону, ни на кого не глядя.

[Разговоръ завязался общій]. Рудинъ сперва какъ-будто колебался, не рѣшался высказаться, не находилъ словъ, но наконецъ разгорѣлся и заго-

ворилъ. Черезъ четверть часа одинъ его голосъ раздавался въ комнатѣ. Всѣ столпились въ кружокъ около него. Одинъ Пигасовъ оставался въ отдаленіи, въ углу. Рудинъ говорилъ умно, горячо, дѣльно; выказалъ много знанія, много начитанности. Никто не ожидалъ найти въ немъ человѣка замѣчательнаго... Онъ былъ такъ посредственно одѣтъ, о немъ такъ мало ходило слуховъ. Всѣмъ непонятно казалось и странно, какимъ это образомъ вдругъ, въ деревнѣ, могъ проявиться такой умница. Тѣмъ болѣе удивилъ онъ и, можно сказать, очаровалъ всѣхъ, начиная съ Дарьи Михайловны... Она гордилась своей находкой и уже заранѣе думала о томъ, какъ она выведетъ Рудина въ свѣтъ. Въ первыхъ ея впечатлѣніяхъ было много почти дѣтскаго, несмотря на ея года. Александра Павловна, правду сказать, поняла мало изъ всего, что говорилъ Рудинъ, но была очень удивлена и обрадована. Но больше всѣхъ были поражены Басистовъ и Наталья. У Басистова чуть дыханье не захватило; онъ сидѣлъ все время съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами—и слушалъ, слушалъ, какъ отъ роду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ и заблесталъ...

— „Какіе у него славные глаза!“—шепнулъ ей Волянцевъ.—„Да, хороши“.—„Жаль только, что руки велики и красны“.

Наталья ничего не отвѣчала.

[Во время разговора Пигасовъ замѣтилъ, что онъ до человѣческаго рода не большой охотникъ].

— „Что же вамъ могло дать такое дурное мнѣніе о немъ?“—спросилъ Рудинъ.

Пигасовъ глянулъ ему прямо въ глаза.

— „Вѣроятно, изученіе собственнаго сердца, въ которомъ я съ каждымъ днемъ открываю все болѣе и болѣе дряни. Я сужу о другихъ по себѣ. Можетъ быть, это и несправедливо, и я гораздо хуже другихъ; но что прикажете дѣлать? привычка!“— „Я васъ понимаю и сочувствую вамъ,“—возразилъ Рудинъ.—„Какая благородная душа не испытала жажды самоуниженія? Но не слѣдуетъ останавливаться на этомъ безвыходномъ положеніи“.— „Покорно благодарю за выдачу моей душѣ аттестата въ благородствѣ,“—возразилъ Пигасовъ,—а положеніе мое—ничего, недурно, такъ что если даже есть изъ него выходъ, то Богъ съ нимъ! я его искать не стану“.— „Но это значить—извините за выраженіе—предпочитать удовлетвореніе своего самолюбія желанію быть и жить въ истинѣ...“— „Да еще бы!—воскликнулъ Пигасовъ,—самолюбіе—это и я понимаю, и вы, надѣюсь, понимаете, и всякій понимаетъ, а истина—что такое истина? Гдѣ она, эта истина?“

А Рудинъ заговорилъ о самолюбіи, и очень дѣльно заговорилъ. Онъ доказывалъ, что человѣкъ безъ самолюбія ничтоженъ, что самолюбіе—архимедовъ рычагъ, которымъ землю съ мѣста можно сдвинуть, но что въ то же время тотъ только заслуживаетъ названіе человѣка, кто умѣетъ овладѣть своимъ самолюбіемъ, какъ всадникъ конемъ, кто свою личность приноситъ въ жертву общему благу...

— „Себялюбіе,—такъ заключилъ онъ,—самоубійство. Себялюбивый человѣкъ засыхаетъ словно одинокое, бесплодное дерево; но самолюбіе, какъ дѣятельное стремленіе къ совершенству, есть источникъ всего великаго... Да! человѣку надо надломить упорный эгоизмъ своей личности, чтобы дать ей право себя высказывать!“

[Иронизируя надъ словами Рудина, Пигасовъ попросилъ у Басистова карандашикъ, чтобы записать фразу Рудина].

— „Есть вещи, надъ которыми смѣяться и трунить грѣшно, Африканъ Семенычъ!“—съ жаромъ проговорилъ Басистовъ и отвернулся отъ Пигасова.

Между тѣмъ, Рудинъ подошелъ къ Натальѣ. Она встала: лицо ея выразило замѣшательство.

Волинцевъ, сидѣвшій подлѣ нея, тоже всталъ.

— „Я вижу фортепяно,—началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ,—не вы ли играете на немъ?“—„Да, я играю,—проговорила Наталья, —но не очень хорошо. Вотъ Константинъ Діомидычъ гораздо лучше меня играетъ“.

Пандалевскій заигралъ.

Наталья стала возлѣ фортепяно, прямо напротивъ Рудина. Съ первымъ звукомъ лицо его приняло прекрасное выраженіе. Его темно-синіе глаза медленно блуждали, изрѣдка останавливаясь на Натальѣ. Рудинъ ничего не сказалъ и подошелъ къ раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою надъ садомъ; дремотной свѣжестью дышали близкія деревья. Звѣзды тихо теплились. Лѣтняя ночь и нѣжилась и нѣжила. Рудинъ поглядѣлъ въ темный садъ—и обернулся.

— „Эта музыка и эта ночь,—заговорилъ онъ,—напомнили мнѣ мое студенческое время въ Германіи: наши сходки, наши серенады...“

[Рудинъ началъ рассказывать о своей студенческой жизни въ Германіи].

Рассказывалъ онъ не совсѣмъ удачно. Въ описаніяхъ его недоставало красокъ. Онъ не умѣлъ смѣшнить. Впрочемъ, Рудинъ отъ рассказовъ своихъ заграничныхъ походовъ скоро перешелъ къ общимъ разсужденіямъ о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще. Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадную картину. Всѣ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ мастерски, увлекательно, не совсѣмъ ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его рѣчамъ.

Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. Не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна—вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно и свободно приходили къ нему на уста, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва ли не высшей тайной—музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердецъ, заставлять смутно звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй,

и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь; но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди.

Всѣ мысли Рудина казались обращенными въ будущее; это придавало имъ что-то стремительное и молодое... Стоя у окна, не глядя ни на кого въ особенности, онъ говорилъ—и, вдохновенный общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, близостію молодыхъ женщинъ, красотою ночи, увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній, онъ возвысился до краснорѣчія, до поэзіи... Самый звукъ его голоса, сосредоточенный и тихій, увеличивалъ обаяніе; казалось, его устами говорилъ что-то высшее, для него самого неожиданное... Рудинъ говорилъ о томъ, что придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка.

— „Помню я одну скандинавскую легенду,—такъ кончилъ онъ,—царь сидитъ съ своими воинами въ темномъ и длинномъ сараѣ, вокругъ огня. Дѣло происходитъ ночью зимой. Вдругъ небольшая птичка влетаетъ въ раскрытыя двери и вылетаетъ въ другія. Царь замѣчаетъ, что эта птичка какъ человѣкъ въ мірѣ: прилетѣла изъ темноты и улетѣла въ темноту и недолго побыла въ теплѣ и свѣтѣ... „Царь,—возражаетъ одинъ изъ старыхъ воиновъ,—птичка и во тѣмѣ не пропадетъ и гнѣздо свое сыщеть...“ Точно, наша жизнь быстра и ничтожна; но все великое совершается черезъ людей. Сознаніе быть орудіемъ тѣхъ высшихъ силъ должно замѣнить человѣку всѣ другія радости: въ самой смерти найдетъ онъ свою жизнь, свое гнѣздо...“

Рудинъ остановился и потупилъ глаза съ улыбкой невольнаго смущенія.

— „Vous êtes un poète“,—вполголоса проговорила Дарья Михайловна.

Басистовъ цѣлую ночь не спалъ и не раздѣвался, онъ до самаго утра все писалъ письмо къ одному своему товарищу въ Москву; а Наталья хотя и раздѣлась и легла въ постель, но тоже ни на минуту не уснула и не закрывала даже глазъ. Подперши голову рукою, она глядѣла пристально въ темноту; лихорадочно бились ея жилы, и тяжелый вздохъ часто приподнималъ ея грудь.

[Лежневъ былъ сосѣдомъ Ласунской по имѣнію и товарищемъ Рудина по университету. Встрѣтился онъ съ Рудинымъ холодно].

Отзывъ Рудина о Лежневѣ.—„Онъ страдаетъ той же болѣзью, какъ и Пигасовъ,—проговорилъ Рудинъ,—желаніемъ быть оригинальнымъ. Тотъ прикидывается Мефистофелемъ, этотъ—циникомъ. Во всемъ этомъ много эгоизма, много самолюбія и мало истины, мало любви. Вѣдь это тоже своего рода расчетъ; надѣлъ на себя человѣкъ маску равнодушія и лѣни, авось, молъ, кто-нибудь подумаетъ: вотъ человѣкъ, сколько талантовъ въ себѣ погубилъ! А поглядѣть попристальнѣе—и талантовъ-то въ немъ никакихъ нѣтъ“.— „Et de deux! — промолвила Дарья Михайловна. — Вы ужасный человѣкъ на опредѣленія. Отъ васъ не скроешься“.—„Вы думаете?—промолвилъ Рудинъ.—Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—по-настоящему, мнѣ бы не слѣдовало говорить о Лежневѣ; я его любилъ, любилъ какъ друга... но потомъ, вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній...“—„Вы разсорились?“ — „Нѣтъ. Но мы разстались, и разстались, кажется, навсегда“.

[Рудинъ на всѣхъ сосѣдей Ласунской произвелъ большое впечатлѣнiе, между прочимъ на Александру Павловну Волынцеву, къ которой былъ неравнодушенъ Лежневъ. Онъ въ ея присутствii сталъ отзываться о Рудинѣ иронически].

Лежневъ о Рудинѣ.—„Васъ оскорбляетъ его превосходство—вотъ что! заговорила съ жаромъ Александра Павловна,—вотъ чего вы ему простить не можете. А я увѣрена, что, кромѣ ума, у него и сердце должно быть отличное. Вы взгляните на его глаза, когда онъ...“—„О честности высокой говорить...“—подхватилъ Лежневъ.—„Вы меня разсердите, и я заплачу. Я отъ души сожалею, что не поѣхала къ Дарьѣ Михайловнѣ и осталась съ вами. Вы этого не стойте. Полноте дразнить меня,—прибавила она жалобнымъ голосомъ.—Вы лучше расскажите мнѣ объ его молодости“.

Лежневъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— „Да,—началъ онъ,—я его хорошо знаю. Вы хотите, чтобы я рассказалъ вамъ его молодость? Извольте. Родился онъ въ Т...вѣ отъ бѣдныхъ помѣщиковъ. Отецъ его скоро умеръ. Онъ остался одинъ у матери. Она была женщина добрейшая и души въ немъ не чаяла: толокнемъ однимъ питалась и всѣ, какія были у ней денежки, употребляла на него. Получилъ онъ свое воспитанiе въ Москвѣ, сперва на счетъ какого-то дяди, а потомъ, когда онъ подросъ и оперился, на счетъ одного богатаго князька, съ которымъ снюхался... ну, извините, не буду... съ которымъ сдружился. Потомъ онъ поступилъ въ университетъ. Въ университетѣ я узналъ его и сошелся съ нимъ очень тѣсно. О нашемъ тогдашнемъ житiѣ-бытiѣ я поговорю съ вами когда-нибудь послѣ. Теперь не могу. Потомъ онъ уѣхалъ за границу... Изъ-за границы,—продолжалъ онъ,—Рудинъ писалъ къ своей матери чрезвычайно рѣдко и посѣтилъ ее всего одинъ разъ, дней на десять... Старушка и скончалась безъ него, на чужихъ рукахъ, но до самой смерти не спускала глазъ съ его портрета. Она любила своего Митю безъ памяти. Потомъ я встрѣтился съ Рудинымъ за границей. Тамъ къ нему одна барыня привязалась, изъ нашихъ русскихъ, синiй чулокъ какой-то, уже не молодой и некрасивый, какъ оно и слѣдуетъ синему чулку. Онъ довольно долго съ ней возился и наконецъ ее бросилъ... или нѣтъ, бишь, виноватъ: она его бросила. И я тогда его бросилъ. Вотъ и все“.—„А знаете ли что, Михайло Михайлычъ,—начала Александра Павловна,—вы, я вижу, злой человекъ; право, вы не лучше Пигасова. Я увѣрена, что все, что вы сказали, правда, что вы ничего не присочинили, и между тѣмъ, въ какомъ непрiязненномъ свѣтѣ вы все это представили! Эта бѣдная старушка, ея преданность, ея одинокая смерть, эта барыня... Къ чему это все?... Знаете ли, что можно жизнь самаго лучшаго человека изобразить въ такихъ краскахъ—и ничего не прибавляя, замѣтите—что всякiй ужаснется! Вѣдь это тоже своего рода клевета!“

Рудинъ въ домѣ Ласунской. Прошло два мѣсяца слишкомъ. Въ теченiе всего этого времени Рудинъ почти не выѣзжалъ отъ Дарьи Михайловны. Она не могла обойтись безъ него. Рассказывать ему о себѣ, слушать его разсужденiя стало для нея потребностью. Онъ однажды хотѣлъ уѣхать, подѣ тѣмъ предложомъ, что у него вышли всѣ деньги: она дала ему пятьсотъ

рублей. Онъ занялъ также у Волынцева рублей двѣсти. Пигасовъ гораздо рѣже прежняго посѣщалъ Дарью Михайловну: Рудинъ давилъ его своимъ присутствіемъ. Впрочемъ, давленіе это испытывалъ не одинъ Пигасовъ.

Басистовъ продолжалъ благоговѣть передъ Рудинымъ и ловить на-лету каждое его слово. Рудинъ мало обращалъ на него вниманія. Какъ-то разъ онъ провелъ съ нимъ цѣлое утро, толковалъ съ нимъ о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ и возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ, но потомъ онъ его бросилъ... Видно, онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ. Всѣ въ домѣ Дарьи Михайловны покорялись прихоти Рудина: малѣйшія желанія его исполнялись. Порядокъ дневныхъ занятій отъ него зависѣлъ. Ни одна *partie de plaisir* не составлялась безъ него. Впрочемъ, онъ не большой былъ охотникъ до всякихъ внезапныхъ поѣздокъ и затѣй, и участвовалъ въ нихъ, какъ взрослые въ дѣтскихъ играхъ, съ ласковымъ и слегка скучающимъ благоволеніемъ. За то онъ входилъ во все: толковалъ съ Дарьей Михайловной о распоряженіяхъ по имѣнію, о воспитаніи дѣтей, о хозяйствѣ, вообще о дѣлахъ; выслушивалъ ея предположенія, не тяготился даже мелочами, предлагалъ преобразованія и нововведенія. Дарья Михайловна восхищалась ими на словахъ—и только. Въ дѣлѣ хозяйства она придерживалась совѣтовъ своего управляющаго, пожилого одноглазаго малоросса, добродушнаго и хитраго плута.

Рудинъ и Наташа. Послѣ самой Дарьи Михайловны Рудинъ ни съ кѣмъ такъ часто и такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ Натальей. Онъ тайкомъ давалъ ей книги, повѣрялъ ей свои планы, читалъ ей первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій. Смысль ихъ часто оставался недоступнымъ для Натальи. Впрочемъ, Рудинъ, казалось, и не очень заботился о томъ, чтобы она его понимала—лишь-бы слушала его.

[Однажды Рудинъ пошелъ гулять въ садъ съ Натальей и *м-лле Вонcourt*. Наталья „было сперва неловко идти рядомъ съ Рудинымъ“. Они разговорились. Она „отвѣчала не безъ робости, но безъ той торопливой застѣнчивости, которую такъ часто и выдаютъ, и принимаютъ за стыдливость“. Разговоръ коснулся жизни въ деревнѣ. На вопросъ Рудина, не скучаетъ ли она, Наталья отвѣтила]:

— „Какъ можно скучать въ деревнѣ? Я очень рада, что мы здѣсь. Я здѣсь очень счастлива“.—„Вы счастливы... Это великое слово. Впрочемъ, это понятно: вы молоды“.

(Рудинъ произнесъ это послѣднее слово какъ-то странно: не то онъ завидовалъ Натальѣ, не то онъ сожалѣлъ о ней).

— „Да! молодость!—прибавилъ онъ.—Вся цѣль науки—дойти сознательно до того, что молодости дается даромъ“.

Наталья внимательно посмотрѣла на Рудина: она не поняла его.

[Разговоръ зашелъ о поэзіи].

— „А вы любите стихи?“—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

„Онъ меня экзаменуетъ“,—подумала Наталья и промолвила:—„да, очень люблю“.—„Поэзія—языкъ боговъ. Я самъ люблю стихи. Но не въ однихъ стихахъ поэзія: она разлита вездѣ, она вокругъ насъ... Взгляните на эти

деревья, на это небо—отовсюду вѣетъ красотою и жизнью; а гдѣ красота и жизнь, тамъ и поэзія“.—„Сядемте здѣсь на скамью,—продолжалъ онъ.— Вотъ такъ. Мнѣ почему-то кажется, что когда вы попривыкните ко мнѣ (и онъ съ улыбкой посмотрѣлъ ей въ лицо), мы будемъ пріятели съ вами. Какъ вы полагаете?“—„Онъ обращается со мной, какъ съ дѣвочкой“,—подумала опять Наталья и, не зная, что сказать, спросила его, долго ли онъ намѣренъ остаться въ деревнѣ.—„Все лѣто, осень, а можетъ быть и зиму. Я, вы знаете, человѣкъ очень небогатый; дѣла мои разстроены да и притомъ мнѣ уже наскучило таскаться съ мѣста на мѣсто. Пора отдохнуть“.

Наталья изумилась.

— „Неужели вы находите, что вамъ пора отдыхать?“—спросила она робко.

Рудинъ повернулся лицомъ къ Натальѣ.

— „Что вы хотите этимъ сказать?“—„Я хочу сказать,—возразила она съ нѣкоторымъ смущеньемъ,—что отдыхать могутъ другіе; а вы... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ...“—„Благодарю за лестное мнѣніе,—перебилъ ее Рудинъ.—Быть полезнымъ... легко сказать! (Онъ провелъ рукою по лицу). Быть полезнымъ!—повторилъ онъ.—Если-бъ даже было во мнѣ твердое убѣжденіе: какъ я могу быть полезнымъ—если-бъ я даже вѣрилъ въ свои силы—гдѣ найти искреннія, сочувствующія души?...“

И Рудинъ такъ безнадежно махнулъ рукою и такъ печально поникъ головою, что Наталья невольно спросила себя: полно, его ли восторженныя, дышація надеждой, рѣчи она слышала наканунѣ?

— „Впрочемъ, нѣтъ, — прибавилъ онъ, внезапно встряхнувъ своей львиной гривой,—это вздоръ, и вы правы. Благодарю васъ, Наталья Алексѣевна, благодарю васъ искренно. (Наталья рѣшительно не знала, за что онъ ее благодаритъ). Ваше одно слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу... Да, я долженъ дѣйствовать. Я не долженъ скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть; я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, бесполезную болтовню, на одни слова...“

И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно—о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками, доказывалъ, что разсуждать напередъ о томъ, что хочешь сдѣлать, такъ же вредно, какъ накалывать булавкой наливающійся плодъ, что это только напрасная трата силъ и соковъ. Онъ увѣрялъ, что нѣтъ благородной мысли, которая бы не нашла себѣ сочувствія, что непонятными остаются только тѣ люди, которые либо еще сами не знаютъ, чего хотятъ, либо не стоятъ того, чтобы ихъ понимали. Онъ говорилъ долго и окончилъ тѣмъ, что еще разъ поблагодарилъ Наталью Алексѣевну и совершенно неожиданно стиснулъ ей руку, промолвивъ: — „Вы прекрасное, благородное существо!“

Близость его съ Натальей была не совѣмъ по нутру Дарьѣ Михайловнѣ.

„Но,—думала она,—пускай она съ нимъ поболтаетъ въ деревнѣ. Она

забавляетъ его, какъ дѣвочка. Бѣды большой нѣтъ, а она все-таки поумнѣетъ... Въ Петербургѣ я это все переменяю..."

Дарья Михайловна ошибалась. Не какъ дѣвочка болтала Наталья съ Рудинымъ: она жадно внимала его рѣчамъ, она старалась проникнуть въ ихъ значеніе, она повергала на судъ его свои мысли, свои сомнѣнія: онъ былъ ея наставникомъ, ея вождемъ. Пока—одна голова у ней кипѣла... но молодая голова недолго кипитъ одна. Какія сладкія мгновенія переживала Наталья, когда, бывало, въ саду, на скамейкѣ, въ легкой, сквозной тѣни ясени, Рудинъ начнетъ читать ей гетевского Фауста, Гоффмана или Письма Беттины, или Новалиса, безпрестанно останавливаясь и толкуя то, что ей казалось темнымъ! Она по-нѣмецки говорила плохо, какъ почти всѣ наши барышни, но понимала хорошо, а Рудинъ былъ всею погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ и увлекалъ ее за собой въ тѣ заповѣдныя страны. Невѣдомыя, прекрасныя, раскрывались онъ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивныя образы, новыя, свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ ея, потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга...

— „Скажите, Дмитрій Николаичъ,—начала она однажды, сидя у окна за пальцами,—вѣдь вы на зиму поѣдете въ Петербургъ?“ — „Не знаю,—возразилъ Рудинъ, опуская на колѣни книгу, которую перелистывалъ, — если соберусь со средствами, поѣду“.

Онъ говорилъ вяло: онъ чувствовалъ усталость и бездѣйствовалъ съ самаго утра.

— „Мнѣ кажется, какъ не найти вамъ средства?“

Рудинъ покачалъ головой.

— „Вамъ такъ кажется!“

И онъ значительно глянулъ въ сторону.

Наталья хотѣла-было что-то сказать и удержалась.

— „Посмотрите,—началъ Рудинъ и указалъ ей рукой въ окно, — видите вы эту яблоню: она сломилась отъ тяжести и множества своихъ собственныхъ плодовъ. Вѣрная эмблема генія...“ — „Она сломилась оттого, что у ней не было опоры“, — возразила Наталья. — „Я васъ понимаю, Наталья Алексѣевна; по человѣку не такъ легко сыскать ее, эту опору“... — „Мнѣ кажется, сочувствіе другихъ... во всякомъ случаѣ, одиночество...“

Наталья немного запуталась и покраснѣла.

— „И что вы будете дѣлать зимой въ деревнѣ?“ — поспѣшно прибавила она. — „Что я буду дѣлать? Окончу мою большую статью—вы знаете о трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ—я вамъ третьягодня планъ рассказывалъ—и пришлю ее вамъ“. — „И напечатаете?“ — „Нѣтъ.“ — „Какъ нѣтъ? Для кого-же вы будете трудиться?“ — „А хоть-бы для васъ“.

Наталья опустила глаза.

— „Это не по моимъ силамъ, Дмитрій Николаичъ!“ — „О чемъ, позволѣте спросить, статья?“ — скромно спросилъ Басистовъ, сидѣвшій по-

одаль.—„О трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ,—повторилъ Рудинъ.— Вотъ и г. Басистовъ прочтеть. Впрочемъ, я не совсѣмъ еще сладилъ съ основною мыслью. Я до сихъ поръ еще не довольно уяснилъ самому себѣ трагическое значеніе любви“.

Рудинъ охотно и часто говорилъ о любви. Сначала, при словѣ любовь, m-lle Вонсourt вздрагивала и наавстривала уши, какъ старый полковой конь, слышавшій трубу, но потомъ привыкла и только, бывало, съезжитъ губы и съ разстановкой понюхаетъ табаку.

— „Мнѣ кажется,—робко замѣтила Наталья,—трагическое въ любви— это несчастная любовь“.—„Вовсе нѣтъ! — возразилъ Рудинъ, — это скорѣе комическая сторона любви... Вопросъ этотъ надобно совсѣмъ иначе поставить... надо поглубже зачерпнуть... Любовь!—продолжалъ онъ,—въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ. То является она вдругъ, несомнѣнная, радостная, какъ день; то долго тлѣетъ, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, когда уже все разрушено; то вползетъ она въ сердце, какъ змѣя, то вдругъ выскользнетъ изъ него вонъ... Да, да; это вопросъ важный. Да и кто любить въ наше время? кто дерзнетъ любить?“

Рудинъ прошелся по комнатѣ.

— „Замѣтили-ли вы,—заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблучкахъ,—что на дубѣ—а дубъ крѣпкое дерево—старые листья только тогда опадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?“ — „Да,—медленно возразила Наталья,—замѣтила“.—„Точно то-же случается и съ старой любовью въ сильномъ сердцѣ: она уже вымерла, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить“.

Наталья ничего не отвѣтила.

„Что это значитъ?“—подумала она.

Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился.

А Наталья пошла къ себѣ въ комнату. Долго сидѣла она въ недоумѣніи на своей кровати, долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала. О чемъ она плакала—Богъ вѣдаетъ! Она сама не знала, отчего у ней такъ внезапно полились слезы. Она утирала ихъ; но онѣ бѣжали вновь, какъ вода изъ давно накопившагося родника.

Наталья поздно встала. Наканунѣ она была очень молчалива до самаго вечера, втайнѣ стыдилась слезъ своихъ и очень дурно спала. Сиди, полуодѣтая, передъ своимъ маленькимъ фортепяно, она то брала аккорды, едва слышные, чтобы не разбудить m-lle Вонсourt, то принимала лбомъ къ холоднымъ клавишамъ и долго оставалась неподвижной. Она все думала—не о самомъ Рудинѣ, но о какомъ-нибудь словѣ, имъ сказанномъ, и погружалась вся въ свою думу. Изрѣдка приходилъ ей Вольтеръ на память. Она знала, что онъ ее любитъ. Но мысль ея тотчасъ его покидала...

Небо почти все очистилось, когда Наталья пошла въ садъ. Отъ него вѣяло свѣжестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человѣка отзывается сладкимъ томленіемъ тайнаго сочувствія и неопредѣленныхъ желаній...

Наталья шла вдоль пруда по длинной аллеѣ серебристых тополей; внезапно, передъ нею, словно изъ земли, выросъ Рудинъ.

[Замѣтивъ, что Наталья печальна, Рудинъ спросилъ ее о причинѣ].

— „Дмитрій Николаичъ! — проговорила она. — Помните вы... сравненіе, которое вы сдѣлали вчера... помните... съ дубомъ?“ — „Ну, да, помню. Что же?“

Наталья взглянула украдкой на Рудина.

— „Зачѣмъ вы... что вы хотѣли сказать этимъ сравненіемъ?“

Рудинъ наклонилъ голову и устремилъ глаза вдаль.

— „Наталья Алексѣевна! — началъ онъ, съ свойственнымъ ему сдержаннымъ и значительнымъ выраженіемъ, которое всегда заставляло слушателя думать, что Рудинъ не высказывалъ и десятой доли того, что тѣснилось ему въ душу. — Наталья Алексѣевна! вы могли замѣтить, я мало говорю о своемъ прошедшемъ. Есть нѣкоторыя струны, до которыхъ я не касаюсь вовсе. Мое сердце... кому какая нужда знать о томъ, что въ немъ происходило? Выставлять это на показъ мнѣ всегда казалось святотатствомъ. Но съ вами я откровененъ: вы возбуждаете мое довѣріе... Не могу утаить отъ васъ, что и я любилъ и страдалъ, какъ всѣ... Когда и какъ? объ этомъ говорить не стоитъ; но сердце мое испытало много радостей и много горестей...“

Рудинъ помолчалъ немного.

— „То, что я вамъ сказалъ вчера, — продолжалъ онъ, — можетъ быть до нѣкоторой степени примѣнено ко мнѣ, къ теперешнему моему положенію. Но опять-таки объ этомъ говорить не стоитъ. Эта сторона жизни для меня уже исчезла. Мнѣ остается теперь тащиться по знойной и пыльной дорогѣ, со станціи до станціи, въ тряской телѣгѣ... Когда я доѣду, и доѣду-ли — Богъ знаетъ... Поговоримте лучше о васъ“. — „Неужели-же, Дмитрій Николаичъ, — перебила его Наталья, — вы ничего не ждете отъ жизни?“ — „О, дѣтъ! я жду многого, но не для себя... Отъ дѣятельности, отъ блаженства дѣятельности я никогда не откажусь; но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты — и собственное мое счастье не имѣютъ ничего общаго. Любовь (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ)... любовь — не для меня; я... ее не стою; женщина, которая любить, въ правѣ требовать всего человѣка, а я ужъ весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться — это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на плечахъ!“ — „Я понимаю, — промолвила Наталья, — кто стремится къ великой цѣли, уже не долженъ думать о себѣ; но развѣ женщина не въ состояніи оцѣнить такого человѣка? Мнѣ кажется, напротивъ, женщина скорѣе отвернется отъ эгоиста... Всѣ молодые люди, эти юноши, по-вашему, всѣ — эгоисты, всѣ только собою заняты, даже когда любятъ. Повѣрьте, женщина не только способна понять самопожертвованіе: она сама умѣетъ пожертвовать собою“.

Щеки Натальи слегка зарумянились, и глаза ея заблестѣли. До знакомства съ Рудинымъ она никогда бы не произнесла такой длинной рѣчи и съ такимъ жаромъ.

— „Вы не разъ слышали мое мнѣніе о призваніи женщинъ, — возразилъ съ снисходительной улыбкой Рудинъ, — вы знаете, что, по-моему, одна Жанна д'Аркъ могла спасти Францію... но дѣло не въ томъ. Я хотѣлъ поговорить о васъ. Вы стоите на порогѣ жизни... Разсуждать о вашей будущности и весело, и не бесплодно... Послушайте: вы знаете, я вашъ другъ; я принимаю въ васъ почти родственное участіе... А потому, я надѣюсь, вы не найдете моего вопроса нескромнымъ: скажите, ваше сердце до сихъ поръ совершенно спокойно?“

[Рудинъ сталъ настаивать на отвѣтъ и, мало-по-малу, привелъ ее къ сознанию, что она любитъ его, Рудина].

Ей самой стало страшно всего того, что она вдругъ почувствовала въ себѣ. Рудинъ догналъ и остановилъ ее.

— „Наталья Алексѣевна!—заговорилъ онъ, —этотъ разговоръ не можетъ такъ кончиться: онъ слишкомъ важенъ и для меня... Какъ мнѣ понять васъ?“—„Оставьте меня!“—повторила Наталья.—„Наталья Алексѣевна, ради Бога!“

На лицѣ Рудина изобразилось волненіе. Онъ поблѣднѣлъ.

— „Вы все понимаете, вы и меня должны понять!“—сказала Наталья, вырвала у него руку и пошла, не оглядываясь.—„Одно только слово!“—крикнулъ ей вслѣдъ Рудинъ.

Она остановилась, но не обернулась.

— „Вы меня спрашивали, что я хотѣлъ сказать вчерашнимъ сравненіемъ. Знайте-же, я обманывать васъ не хочу. Я говорилъ о себѣ, о своемъ прошедшемъ—и о васъ“.—„Какъ?—обо мнѣ?“—„Да, о васъ, я, повторяю, не хочу васъ обманывать... Вы теперь знаете, о какомъ чувствѣ, о какомъ новомъ чувствѣ, я говорилъ тогда... До нынѣшняго дня я никогда-бы не рѣшился...“

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и побѣжала къ дому.

[Наталья и Рудинъ видѣлись тайно въ бесѣдкѣ и объяснились].

Наталья приподняла голову. Прекрасно было ея блѣдное лицо, благородное, молодое и взволнованное—въ таинственной тѣни бесѣдки, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночного неба.

— „Знайте-же,—сказала она,—я буду ваша“.—„О, Боже!“—воскликнулъ Рудинъ...

Но Наталья уклонилась и ушла. Рудинъ постоялъ немного, потомъ вышелъ медленно изъ бесѣдки. Луна ясно освѣтила его лицо; на губахъ его блуждала улыбка.

— „Я счастливъ, — произнесъ онъ вполголоса.—Да, я счастливъ“, — повторилъ онъ, какъ-бы желая убѣдить самого себя.

Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками.

Рудинъ у Вольтнера.—„Я долженъ вамъ сказать — впрочемъ, вы, вѣроятно, уже догадываетесь (Вольтнеръ нетерпѣливо пожалъ плечами), я долженъ вамъ сказать, что я люблю Наталью Алексѣевну и имѣю право предполагать, что и она меня любитъ“.

Волынцевъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣтилъ; отошелъ къ окну и отвернулся.

— „Вы понимаете, Сергѣй Павлычъ,—продолжалъ Рудинъ,—что если бы я не былъ увѣренъ...“—„Помилуйте!—послѣшно перебилъ Волынцевъ,—я нисколько не сомнѣваюсь... Что-жъ! на здоровье! Только, я удивляюсь, съ какого дьявола вамъ вздумалось ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ пожаловать... Я-то тутъ что? Что мнѣ за дѣло, кого вы любите и кто васъ любитъ? Я просто не могу понять“.

Волынцевъ продолжалъ глядѣть въ окно. Голосъ его звучалъ глухо.

Рудинъ всталъ.

— „Я вамъ скажу, Сергѣй Павлычъ, почему я рѣшился пріѣхать къ вамъ, почему я не почелъ себя даже въ правѣ скрыть отъ васъ нашу... наше взаимное расположеніе. Я слишкомъ глубоко уважаю васъ—вотъ почему я пріѣхалъ; я не хотѣлъ... мы оба не хотѣли разыгрывать передъ вами комедію. Чувство ваше къ Натальѣ Алексѣевнѣ было мнѣ извѣстно... Повѣрьте, я знаю себѣ цѣну: я знаю, какъ мало достоинъ я того, чтобы замѣнить васъ въ ея сердцѣ; но если ужъ этому суждено было случиться, неужели-же лучше хитрить, обманывать, притворяться? Неужели лучше подвергаться недоразумѣніямъ или даже возможности такой сцены, какая произошла вчера за обѣдомъ? Сергѣй Павлычъ, скажите сами?“

Волынцевъ скрестилъ руки на груди, какъ-бы усиливаясь укротить самого себя.

— „Сергѣй Павлычъ!—продолжалъ Рудинъ,—я огорчилъ васъ, я это чувствую... но поймите насъ... поймите, что мы не имѣли другого средства доказать вамъ наше уваженіе, доказать, что мы умѣемъ цѣнить ваше прямодушное благородство. Откровенность, полная откровенность со всякимъ другимъ была-бы неумѣстна, но съ вами она становится обязанностью. Намъ пріятно думать, что наша тайна въ вашихъ рукахъ...“

Волынцевъ принужденно захохоталъ.

— „Спасибо за довѣренность!—воскликнулъ онъ,—хотя, прошу замѣтить, я не желалъ ни знать вашей тайны, ни своей вамъ выдать, а вы ею распоряжаетесь, какъ своимъ добромъ. Но, позвольте, вы говорите какъ-бы отъ общаго лица. Стало-быть, я могу предполагать, что Наталья Алексѣевнѣ извѣстно ваше посѣщеніе и цѣль этого посѣщенія?“

Рудинъ немного смутился.

— „Нѣтъ, я не сообщилъ Натальѣ Алексѣевнѣ моего намѣренія; но, я знаю, она раздѣляетъ мой образъ мыслей“.—„Все это прекрасно,—заговорилъ, помолчавъ немного, Волынцевъ и забарабанилъ пальцами по стеклу,—хотя, признаться, было-бы гораздо лучше, если-бы вы поменьше меня уважали. Мнѣ, по правдѣ сказать, ваше уваженіе ни къ чорту не нужно; но что-же вы теперь хотите отъ меня?“—„Я ничего не хочу... или, нѣтъ! я хочу одного, я хочу чтобы вы не считали меня коварнымъ и хитрымъ человѣкомъ, чтобы вы поняли меня... Я надѣюсь, что вы теперь уже не можете сомнѣваться въ моей искренности... Я хочу, Сергѣй Павлычъ, чтобы мы разстались друзьями... чтобы вы, по прежнему, протянули мнѣ руку...“

И Рудинъ приблизился къ Волинцеву.

— „Извините меня, милостивый государь; — промолвилъ Волинецъ; обернувшись и отступивъ шагъ назадъ, — я готовъ отдать полную справедливость вашимъ намѣреніямъ, все это прекрасно, положимъ, даже возвышенно, но мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные, мы не въ состояніи слѣдить за полетомъ такихъ великихъ умовъ, каковъ вашъ... Что вамъ кажется искреннимъ, намъ кажется навязчивымъ и нескромнымъ... Что для васъ просто и ясно, для насъ запутанно и темно... Вы хвастаетесь тѣмъ, что мы скрываемъ: гдѣ-же намъ понять васъ! Извините меня: ни другомъ я васъ считать не могу, ни руки я вамъ не подамъ... Это можетъ быть мелко: да вѣдь я самъ мелокъ“.

[Черезъ нѣсколько времени послѣ ухода Рудина, вошелъ Лежневъ].

— „Что—ты нездоровъ?“—спросилъ онъ, усаживаясь на кресла возлѣ дивана.

Волинецъ приподнялся, оперся на локоть, долго, долго посмотрѣлъ своему пріятелю въ лицо и тутъ-же передалъ ему весь свой разговоръ съ Рудинымъ, отъ слова до слова. Онъ никогда до тѣхъ поръ и не намекалъ Лежневу о своихъ чувствахъ къ Натальѣ, хотя и догадывался, что они для него не были скрыты.

— „Ну, братъ, удивилъ ты меня,—проговорилъ Лежневъ, какъ только Волинецъ кончилъ свой рассказъ.—Много странностей ожидалъ я отъ него, но ужъ это... Впрочемъ, узнаю его и тутъ“.—„Помилуй!—говорилъ взволнованный Волинецъ,—вѣдь это просто наглость! Вѣдь я чуть-чуть его за окно не выбросилъ. Похвастаться что-ли онъ хотѣлъ передо мной, или струсилъ? Да съ какой стати? Какъ рѣшиться ѣхать къ человѣку...“

Волинецъ закинулъ руки за голову и умолкъ.

— „Нѣтъ, братъ, это не то,—спокойно возразилъ Лежневъ.—Ты вотъ мнѣ не повѣришь, а вѣдь онъ это сдѣлалъ изъ хорошаго побужденія. Право... Оно вишь ты, и благородно и откровенно, ну, да и поговорить представляется случай, краснорѣчіе въ ходъ пустить; а вѣдь намъ вотъ чего нужно, вотъ безъ чего мы жить не въ состояніи... Охъ, языкъ его — врагъ его... Ну, за то-же онъ и слуга ему“.—„Съ какой торжественностью онъ вошелъ и говорилъ, ты себѣ представить не можешь!..“—„Ну, да безъ этого ужъ нельзя. Онъ сюртукъ застегиваетъ, словно священный долгъ исполняетъ. Я-бы посадилъ его на необитаемый островъ и посмотрѣлъ-бы изъ-за угла, какъ-бы онъ тамъ распоряжаться сталъ. А все толкуетъ о простотѣ!“

Свиданіе Рудина съ Наташей. Солнце уже давно встало, когда Рудинъ пришелъ къ Авдюхину пруду; но не веселое было утро. Сплошныя тучи молочнаго цвѣта покрывали все небо; вѣтеръ быстро гналъ ихъ, свистя и взвизгивая. Рудинъ началъ ходить взадъ и впередъ по плотинѣ, покрытой цѣпкимъ лопушникомъ и почернѣлой крапивой. Онъ не былъ спокоенъ. Эти свиданія, эти новыя ощущенія занимали, но и волновали его, особенно послѣ вчерашней записки. Онъ видѣлъ, что развязка приближалась, и втайнѣ смущался духомъ, хотя никто бы этого не подумалъ, глядя, съ какой сосредоточенной рѣшимостью онъ скрещивалъ руки на груди и поводилъ

кругомъ глазами. Недаромъ про него сказалъ однажды Пигасовъ, что его, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшивала голова. Но съ одной головой, какъ бы она сильна ни была, человѣку трудно узнать даже то, что въ немъ самомъ происходитъ... Рудинъ, умный, проникательный Рудинъ, не въ состоянн былъ сказать навѣрное, любить ли онъ Наталью, страдаетъ ли онъ, будетъ ли страдать, разставшись съ нею. Зачѣмъ же, не прикидываясь даже Ловласомъ—эту справедливость отдать ему слѣдуетъ—сбилъ онъ съ толку бѣдную дѣвушку? Отчего ожидалъ ее съ тайнымъ трепетомъ? На это одинъ отвѣтъ: никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди.

Онъ ходилъ по плотинѣ, а Наталья спѣшила къ нему прямо черезъ поле, по мокрой травѣ.

Рудинъ подошелъ къ ней и остановился въ изумленн. Такого выраженн онъ еще не замѣчалъ на ея лицѣ. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, глаза глядѣли прямо и строго.

— „Дмитрнй Николаичъ,—начала она,—намъ время терять некогда. Я пришла на пять минутъ. Я должна сказать вамъ, что матушка все знаетъ. Г-нъ Пандалевскнй подсмотрѣлъ насъ третьягодня и разсказалъ ей о нашемъ свиданн. Онъ всегда былъ шпиономъ у матушки. Она вчера позвала меня къ себѣ.“—„Боже мой!—воскликнулъ Рудинъ,—это ужасно... Что же сказала ваша матушка?“—„Она не сердилась на меня, не бранила меня, только попеняла мнѣ за мое легкомыслне.“—„Только?“—„Да, и объявила мнѣ, что она скорѣе согласится видѣть меня мертвою, чѣмъ вашей женою.“—„Неужели она это сказала?“—„Да, и еще прибавила, что вы сами нисколько не желаете жениться на мнѣ, что вы только такъ, отъ скуки, приволокнулись за мной, и что она этого отъ васъ не ожидала; что, впрочемъ, она сама виновата: зачѣмъ позволила мнѣ такъ часто видѣться съ вами... что она надѣется на мое благоразумне, что я ее очень удивила... да уже я и не помню всего, что она говорила мнѣ“.

Наталья произнесла все это какимъ-то ровнымъ, почти беззвучнымъ голосомъ.

— „А вы, Наталья Алексѣевна, что вы ей отвѣтили?“—спросилъ Рудинъ.—„Что я ей отвѣтила?“—повторила Наталья...—„Что *вы* теперь намѣрены дѣлать?“—„Боже мой! Боже мой!—возразилъ Рудинъ,—это жестоко, Такъ скоро!.. такой внезапный ударъ!.. И ваша матушка пришла въ такое негодованне?“—„Да... да, она слышать о васъ не хочетъ.“—„Это ужасно! Стало-быть, никакой надежды нѣтъ?“—„Никакой.“—„За что мы такъ несчастливы! Гнусный этотъ Пандалевскнй!.. Вы меня спрашиваете, Наталья Алексѣевна, что я намѣренъ дѣлать? У меня голова кругомъ идетъ—я ничего сообразить не могу... Я чувствую только свое несчастне... удивляюсь, какъ вы можете сохранять хладнокровне!..“—„Вы думаете, мнѣ легко?“—проговорила Наталья.

Рудинъ началъ ходить по плотинѣ. Наталья не спускала съ него глазъ.

— „Ваша матушка васъ не разспрашивала?“—промолвилъ онъ наконецъ.—„Она меня спросила, люблю ли я васъ.“—„Ну... и вы?“

Наталья помолчала.

— „Я не солгала“.

Рудинъ взялъ ее за руку!

— „Всегда, во всемъ благородна и великодушна! О, сердце дѣвушки— это чистое золото! Но неужели ваша матушка такъ рѣшительно объявила свою волю насчетъ невозможности нашего брака?“ — „Да, рѣшительно. Я ужъ вамъ сказала, она убѣждена, что вы сами не думаете жениться на мнѣ“. — „Стало-быть, она считаетъ меня за обманщика! Чѣмъ я заслужилъ это?“

И Рудинъ схватилъ себя за голову.

— „Дмитрій Николаичъ! — промолвила Наталья, — мы тратимъ попусту время. Вспомните, я въ послѣдній разъ вижусь съ вами. Я пришла сюда не плакать, не жаловаться—вы видите я не плачу—я пришла за совѣтомъ“. — „Да какой совѣтъ могу я дать вамъ, Наталья Алексѣевна?“ — „Какой совѣтъ? Вы мужчина: я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вѣрить вамъ. Скажите мнѣ, какія ваши намѣренія?“ — „Мои намѣренія? Ваша матушка, вѣроятно, откажетъ мнѣ отъ дому“. — „Можетъ быть. Она уже вчера объявила мнѣ, что должна будетъ раззнакомиться съ вами... Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ“. — „На какой вопросъ?“ — „Какъ вы думаете, что намъ надобно теперь дѣлать?“ — „Что намъ дѣлать? — возразилъ Рудинъ, — разумѣется, покориться“. — „Покориться?“ — медленно повторила Наталья, и губы ея поблѣднѣли. — „Покориться судьбѣ, — продолжалъ Рудинъ. — Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но посудите сами, Наталья Алексѣевна, я бѣденъ... Правда, я могу работать; но если-бъ я былъ даже богатый человѣкъ, въ состояннн ли вы перенести насильственное расторженіе съ вашимъ семействомъ, гнѣвъ вашей матери?.. Нѣтъ, Наталья Алексѣевна, объ этомъ и думать нечего. Видно, намъ не суждено было жить вмѣстѣ, и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня!“

Наталья вдругъ закрыла лицо руками и заплакала. Рудинъ приблизился къ ней.

— „Наталья Алексѣевна! милая Наталья! — заговорилъ онъ съ жаромъ, — не плачьте, ради Бога, не терзайте меня, утѣштесь...“

Наталья подняла голову.

— „Вы мнѣ говорите, чтобы я утѣшилась, — начала она, и глаза ея заблестѣли сквозь слезы, — я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете... Мнѣ не то больно: мнѣ больно то, что я въ васъ обманулась... Какъ! я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту, и первое ваше слово: покориться... Покориться! Такъ вотъ какъ вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, о жертвахъ, которыя...“

Ея голосъ прервался.

— „Но, Наталья Алексѣевна, — началъ смущенный Рудинъ, вспомните... я не отказываюсь отъ словъ моихъ... только...“ — „Вы спрашивали меня, — продолжала она съ новой силой, — что я отвѣтила моей матери, когда она объявила мнѣ, что скорѣе согласится на мою смерть, чѣмъ на бракъ мой

съ вами: я ей отвѣтила, что скорѣе умру, чѣмъ выйду за другого замужъ... А вы говорите: покориться! Стало-быть, она была права: вы точно, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, пошутили со мной...“—„Клянусь вамъ, Наталья Алексѣевна... увѣрю васъ...“—твердилъ Рудинъ.

Но она его не слушала.

— „Зачѣмъ же вы не остановили меня? зачѣмъ вы сами... Или вы не рассчитывали на препятствія? Мнѣ стыдно говорить объ этомъ... но вѣдь все уже кончено“.—„Вамъ надо успокоиться, Наталья Алексѣевна,—началь- было Рудинъ, — намъ надо вдвоемъ подумать, какія мѣры...“ — „Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи,—перебила она,—но, знаете-ли, если-бъ вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: „я тебя люблю, но я жениться не могу, я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной“, — знаете ли, что я бы пошла за вами, знаете ли, что я на все рѣшилась? Но вѣрно отъ слова до дѣла еще далеко, и вы теперь струсили точно такъ же, какъ струсили третьягодня за обѣдомъ передъ Волынцевымъ?“

Краска бросилась въ лицо Рудину. Неожиданная восторженность Натальи его поразила; но послѣднія слова ея уязвили его самолюбіе.

— „Вы слишкомъ раздражены теперь, Наталья Алексѣевна, — началъ онъ,—вы не можете понять, какъ вы жестоко оскорбляете меня. Я надѣюсь, что современемъ вы отдадите мнѣ справедливость; вы поймете, чего мнѣ стоило отказать отъ счастья, которое, какъ вы говорите сами, не налагало на меня никакихъ обязанностей. Ваше спокойствіе мнѣ дороже всего въ мірѣ, и я былъ бы человѣкомъ самымъ низкимъ, если-бъ рѣшился воспользоваться...“ — „Можетъ быть, можетъ быть,—перебила Наталья,—можетъ быть, вы правы; я не знаю, что говорю. Но я до сихъ поръ вамъ вѣрила, каждому вашему слову вѣрила... Впередъ, пожалуйста, взвѣшивайте ваши слова, не произносите ихъ на вѣтеръ. Когда я вамъ сказала, что я люблю васъ, я знала, что значитъ это слово: я на все была готова... Теперь мнѣ остается благодарить васъ за урокъ и проститься“.—„Остановитесь, ради Бога, Наталья Алексѣевна, умоляю васъ. Я не заслуживаю вашего презрѣнія, клянусь вамъ. Войдите же и вы въ мое положеніе. Я отвѣчаю за васъ и за себя. Если-бъ я не любилъ васъ самой преданной любовью—да, Боже мой! я бы тотчасъ самъ предложилъ вамъ бѣжать со мною... Рано или поздно, матушка ваша проститъ насъ... и тогда... Но прежде чѣмъ думать о собственномъ счастьѣ...“

Онъ остановился. Взоръ Натальи, прямо на него устремленный, смущалъ его.

— „Вы стараетесь мнѣ доказать, что вы честный человѣкъ, Дмитрій Николаичъ, — промолвила она,—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Вы не въ состояніи дѣйствовать изъ расчета; но развѣ въ этомъ я желала убѣдиться, развѣ для этого я пришла сюда...“ — „Я не ожидалъ, Наталья Алексѣевна...“ — „А! вотъ когда вы проговорились! Да, вы не ожидали всего этого — вы меня не знали. Не беспокойтесь... вы не любите меня, а я никому не навязываюсь“.—„Я васъ люблю!“—воскликнулъ Рудинъ.

Наталья выпрямилась.

— „Можетъ быть; но какъ вы меня любите? Я помню всѣ ваши слова, Дмитрій Николаичъ. Помните, вы мнѣ говорили, безъ полнаго равенства нѣтъ любви... Вы для меня слишкомъ высоки, вы не мнѣ чета... Я подѣломъ наказана. Вамъ предстоятъ занятія, болѣе достойныя васъ. Я не забуду нынѣшняго дня... Прощайте...“ — „Наталья Алексѣевна, вы уходите? Неужели мы такъ разстанемся?“

Онъ протянулъ къ ней руки. Она остановилась. Его умоляющій голосъ, казалось, поколебалъ ее.

— „Нѣтъ, — промолвила она наконецъ, — я чувствую, что-то во мнѣ надломилось... Я шла сюда, я говорила съ вами точно въ горячкѣ; надо опомниться. Этому не должно быть, вы сами сказали, этого не будетъ. Боже мой, когда я шла сюда, я мысленно прощалась съ моимъ домомъ, со всѣмъ моимъ прошедшимъ, — и что же? кого я встрѣтила здѣсь? малодушнаго человѣка... И почему вы знали, что я не въ состоянii буду перенести разлуку съ семействомъ? „Ваша матушка не согласна... Это ужасно!“ Вотъ все, что я слышала отъ васъ. Вы ли это, вы ли это, Рудинъ? Нѣтъ, прощайте... Ахъ, если бы вы меня любили, я бы почувствовала это теперь, въ это мгновеніе... Нѣтъ, нѣтъ, прощайте!...“

Она быстро повернулась и побѣжала къ Машѣ, которая уже давно начала беспокоиться и дѣлать ей знаки.

— „Вы трусите, а не я!“ — крикнулъ Рудинъ вслѣдъ Натальѣ.

Она уже не обращала на него вниманія и спѣшила черезъ поле домой. Она благополучно возвратилась къ себѣ въ спальню; но только лишь переступила порогъ, силы ей измѣнили, и она безъ чувствъ упала на руки Машѣ.

А Рудинъ долго еще стоялъ на плотинѣ. Наконецъ онъ встрепенулся, медленными шагами добрался до дорожки и тихо пошелъ по ней. Онъ былъ очень пристыженъ... и огорченъ. „Какова? — думалъ онъ. — Въ восемнадцать лѣтъ!.. Нѣтъ, я ее не зналъ... Она замѣчательная дѣвушка. Какая сила воли!.. Она права; она стоитъ не такой любви, какую я къ ней чувствовалъ... Чувствовалъ?.. — спросилъ онъ самого себя. — Развѣ я уже больше не чувствую любви? Такъ вотъ какъ это все должно было кончиться! Какъ я былъ жалокъ и ничтоженъ передъ ней!“

Письмо Рудина къ Волынецу. Вотъ что писалъ Рудинъ:

„Милостивый государь Сергѣй Павловичъ!

Я сегодня уѣзжаю изъ дома Дарьи Михайловны, и уѣзжаю навсегда. Это васъ, вѣроятно, удивитъ, особенно послѣ того, что произошло вчера. Я не могу объяснить вамъ, что именно заставляетъ меня поступить такъ; но мнѣ почему-то кажется, что я долженъ извѣстить васъ о моемъ отъѣздѣ. Вы меня не любите и даже считаете меня за дурнаго человѣка. Я не намѣренъ оправдываться: меня оправдаетъ время. По-моему, и недостойно мужчины и бесполезно доказывать предубѣжденному человѣку несправедливость его предубѣждений. Кто захочетъ меня понять, тотъ извинитъ меня, а кто понять не хочетъ или не можетъ — обвиненія того меня не трогаютъ. Я ошибся въ васъ. Въ глазахъ моихъ вы по прежнему остаетесь благо-

роднымъ и честнымъ человѣкомъ; но я полагаю, вы сумѣете стать выше той среды, въ которой развились... Я ошибся. Что дѣлать?! Не въ первый и не въ послѣдній разъ. Повторяю вамъ: я уѣзжаю. Желаю вамъ счастья. Согласитесь, что это желаніе совершенно безкорыстно, и надѣюсь, что вы теперь будете счастливы. Можетъ быть, вы современемъ измѣните свое мнѣніе обо мнѣ. Увидимся ли мы когда-нибудь, не знаю, но, во всякомъ случаѣ, остаюсь искренно васъ уважающій

„Д. Р.“

„P. S. Должны мною вамъ двѣсти рублей я вышлю, какъ только приѣду къ себѣ въ деревню, въ Т...ую губернію. Также прошу васъ не говорить при Дарьѣ Михайловнѣ объ этомъ письмѣ“.

„P. P. S. Еще одна послѣдняя, но важная просьба: такъ какъ я теперь уѣзжаю, то, я надѣюсь, вы не будете упоминать передъ Натальей Алексѣвной о моемъ посѣщеніи у васъ...“

— „Ну, что ты скажешь“—спросилъ Волынцевъ, какъ только Лежневъ окончилъ письмо. — „Что тутъ сказать!—возразилъ Лежневъ,—воскликнуть по-восточному: „Аллахъ! Аллахъ!“ и положить въ ротъ палецъ изумленія— вотъ все, что можно сдѣлать. Онъ уѣзжаетъ... Ну! дорога скатертью. Но вотъ что любопытно: вѣдь и это письмо онъ почелъ *за домъ* написать, и являлся онъ къ тебѣ по чувству долга... У этихъ господъ на каждомъ шагу долгъ, и все долгъ—да долги“,—прибавилъ Лежневъ, съ усмѣшкой указывая на *post scriptum*.

Отъездъ Рудина. Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ въ тарантасъ. Басистовъ вызвался проводить его до первой станціи и сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ.

— „Помните ли вы,—началъ Рудинъ, какъ только тарантасъ выѣхалъ со двора на широкую дорогу, обсаженную елками,—помните вы, что говорить Донъ-Кихоть своему оруженосцу, когда выѣзжаетъ изъ дворца герцогини? „Свобода,—говоритъ онъ,—другъ мой Санчо, одно изъ самыхъ драгоценныхъ достояній человѣка, и счастливъ тотъ, кому небо даровало кусокъ хлѣба, кому не нужно быть за него обязаннымъ другому!“ Что Донъ-Кихоть чувствовалъ тогда, я чувствую теперь... Дай Богъ и вамъ, добрый мой Басистовъ, испытать когда-нибудь это чувство!“

Басистовъ стиснулъ руку Рудину, и сердце честнаго юноши забилося сильно въ его растроганной груди. До самой станціи говорилъ Рудинъ о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы, — говорилъ горячо, благородно и правдиво—и когда наступило мгновеніе разлуки, Басистовъ не выдержалъ, бросился ему на шею и зарыдалъ. У самого Рудина полились слезы; но онъ плакалъ не о томъ, что расставался съ Басистовымъ, и слезы его были самолюбивыя слезы.

Наталья ушла къ себѣ и прочла письмо Рудина.

„Любезная Наталья Алексѣвна,—писалъ онъ ей,—я рѣшился уѣхать. Мнѣ другого выхода нѣтъ. Я рѣшился уѣхать, пока мнѣ не сказали ясно, чтобы я удался. Отъѣздомъ моимъ прекращаются всѣ недоразумѣнія; а сожалѣть обо мнѣ едва-ли кто-нибудь будетъ. Чего же ждатель?.. Все такъ; но для чего же писать къ вамъ?“

Я расстаюсь съ вами, вѣроятно, навсегда, и оставить вамъ о себѣ память еще хуже той, которую я заслуживаю, было бы слишкомъ горько. Вотъ для чего я пишу къ вамъ. Я не хочу ни оправдываться, ни обвинять кого бы то ни было, кромѣ самого себя: я хочу, по мѣрѣ возможности, объясниться... Происшествія послѣднихъ дней были такъ неожиданны, такъ внезапны...

Сегодняшнее свиданіе послужитъ мнѣ памятнымъ урокомъ. Да, вы правы: я васъ не зналъ, а я думалъ, что зналъ васъ! Въ теченіе моей жизни я имѣлъ дѣло съ людьми всякаго рода, я сближался со многими женщинами и дѣвушками; но, встрѣтясь съ вами, я въ первый разъ встрѣтился съ душой *совершенно* честной и прямой. Мнѣ это было не въ привычку, и я не сумѣлъ оцѣнить васъ. Я почувствовалъ влеченіе къ вамъ съ перваго дня нашего знакомства—вы это могли замѣтить. Я проводилъ съ вами часы за часами, и я не узналъ васъ; я едва ли даже старался узнать васъ... и я могъ вообразить, что полюбилъ васъ!! За этотъ грѣхъ я теперь наказанъ.

Я и прежде любилъ одну женщину, и она меня любила... Чувство мое къ ней было сложно, какъ и ея ко мнѣ; но такъ какъ она сама не была проста, оно и пришлось кстати. Истина мнѣ тогда не сказалась: я не узналъ ея и теперь, когда она предстала передо мною... Я ее узналъ наконецъ, да слишкомъ поздно... Прошедшаго не воротить... Наши жизни могли бы слиться — и не сольются никогда. Какъ доказать вамъ, что я могъ бы полюбить васъ настоящей любовью—любовью сердца, не воображенія—когда я самъ не знаю, способенъ ли я на такую любовь!

Мнѣ природа дала много—я это знаю и изъ ложнаго стыда не стану скромничать передъ вами, особенно теперь, въ такія горькія, въ такія постыдныя для меня мгновенія... Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ. Мнѣ недостаетъ... я самъ не могу сказать, чего именно недостаетъ мнѣ... Мнѣ недостаетъ, вѣроятно, того, безъ чего такъ-же нельзя двигать сердцами людей, какъ и овладѣть женскимъ сердцемъ; а господство надъ одними умами и непрочно и бесполезно. Странная, почти комическая моя судьба: я отдаюсь весь, съ жадностью, вполне—и не могу отдаться. Я кончу тѣмъ, что пожертвую собой за какой-нибудь вздоръ, въ который даже вѣрить не буду... Боже мой! въ тридцать пять лѣтъ все еще собираться что-нибудь сдѣлать!..

Я еще ни передъ кѣмъ такъ не высказывался—это моя исповѣдь.

Но довольно обо мнѣ. Мнѣ хочется говорить о васъ, дать вамъ нѣсколько совѣтовъ: больше я ни на что не годенъ... Вы еще молоды; но сколько бы вы ни жили, слѣдуйте всегда внушеніямъ вашего сердца, не подчиняйтесь ни своему, ни чужому уму. Повѣрьте, чѣмъ проще, чѣмъ тѣснѣе кругъ, по которому пробѣгаетъ жизнь, тѣмъ лучше; не въ томъ дѣло, чтобы отыскивать въ ней новыя стороны, но въ томъ, чтобы всѣ переходы ея совершались своевременно. „Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ...“

Но я замѣчаю, что эти совѣты относятся гораздо болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ вамъ.

Признаюсь вамъ, Наталья Алексѣевна, мнѣ очень тяжело. Я никогда не обманывалъ себя въ свойствѣ того чувства, которое я внушалъ Дарьѣ Михайловнѣ; но я надѣялся, что найду хотя временную пристань... Теперь опять придется мыкаться по свѣту. Что мнѣ замѣнить вашъ разговоръ, ваше присутствіе, вашъ внимательный и умный взглядъ?.. Я самъ виноватъ; но согласитесь, что судьба какъ бы нарочно подсмѣялась надъ нами. Недѣлю тому назадъ, я самъ едва догадывался, что люблю васъ. Третьягодня, вечеромъ, въ саду, я въ первый разъ услышалъ отъ васъ... но къ чему напоминать вамъ то, что вы тогда сказали — и вотъ уже я уѣзжаю сегодня, уѣзжаю съ позоромъ, послѣ жестокаго объясненія съ вами, не унося съ собою никакой надежды... И вы еще не знаете, до какой степени я виноватъ передъ вами... Во мнѣ есть какая-то глупая откровенность, какая-то болтливость... Но къ чему говорить объ этомъ! Я уѣзжаю навсегда“.

(Здѣсь Рудинъ разсказалъ-было Натальѣ свое посѣщеніе у Волицева, но подумалъ и вымаралъ все это мѣсто, а въ письмѣ къ Волицеву прибавилъ второй *postscriptum*).

„Я остаюсь одинокъ на землѣ для того, чтобы предаться, какъ вы сказали мнѣ сегодня по утру съ жестокой усмѣшкой, другимъ, болѣе свойственнымъ мнѣ занятіямъ. Увы! если-бъ я могъ, дѣйствительно, предаться этимъ занятіямъ, побѣдить наконецъ свою лѣнь... Но нѣтъ! я останусь тѣмъ же неоконченнымъ существомъ, какимъ былъ до сихъ поръ... Первое препятствіе — и я весь рассыпался; происшествіе съ вами мнѣ это доказало. Если-бъ я, по крайней мѣрѣ, принесъ мою любовь въ жертву моему будущему дѣлу, моему призванію; но я просто испугался отвѣтственности, которая на меня падала, и потому я точно недостойнъ васъ. Я не стою того, чтобы вы для меня отторглись отъ вашей сферы... А впрочемъ, все это, можетъ быть, къ лучшему. Изъ этого испытанія я, можетъ быть, выйду чище и сильнѣй.

Желаю вамъ полнаго счастья. Прощайте! Иногда вспоминайте обо мнѣ. Надѣюсь, что вы еще услышите обо мнѣ.

„Рудинъ“.

Наталья. Наталья опустила письмо Рудина къ себѣ на колѣни и долго сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на полъ. Письмо это, яснѣе всѣхъ возможныхъ доводовъ, доказало ей, какъ она была права, когда по утру, разставаясь съ Рудинымъ, она невольно воскликнула, что онъ ея не любитъ. Но отъ этого ей не было легче. Она сидѣла не шевелясь; ей казалось, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ ея головой, и она шла ко дну, застывая и пѣмѣя. Всякому тяжело первое разочарованіе; но для души искренней, не желавшей обманывать себя, чуждой легкомыслія и преувеличенія, оно почти нестерпимо. Вспомнила Наталья свое дѣтство, когда, бывало, гуляя вечеромъ, она всегда старалась идти по направленію къ свѣтлому краю неба, тамъ, гдѣ заря горѣла, а не къ темному. Темна стояла теперь жизнь передъ нею, и спиной она обратилась къ свѣту...

Слезы навернулись на глазах Натальи. Не всегда благотворны бывают слезы. Отрадны и цѣлебны онѣ, когда, долго накипѣвъ на груди, потекутъ онѣ наконецъ—сперва съ усиліемъ, потомъ все легче, все слаще; нѣмое томленіе тоски разрѣшается ими... Но есть слезы холодныя, скупю любящія слезы: ихъ по каплѣ выдавливаютъ изъ сердца тяжелымъ и недвижимымъ бременемъ налегшее на него горе; онѣ безотрадны и не приносятъ облегченія. Нужда плачетъ такими слезами, и тотъ еще не былъ несчастливъ, кто не проливалъ ихъ. Наталья узнала ихъ въ этотъ день.

Прошло часа два, Наталья собралась съ духомъ, встала, отерла глаза, засвѣтила свѣчку, сожгла на ея пламени письмо Рудина до конца и пепель выкинула за окно. Потомъ она раскрыла на удачу Пушкина и прочла первыя попавшіяся ей строки (она часто загадывала такъ по немъ). Вотъ что ей вышло:

Кто чувствовалъ, того тревожить
Призракъ невозвратимыхъ дней...
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызеть...

Она постояла, посмотрѣла съ холодной улыбкой на себя въ зеркало и, сдѣлавъ небольшое движеніе головою сверху внизъ, сошла въ гостиную.

День прошелъ тихо, довольно скучно, но всё, раздѣвжамъ, почувствовали, что пошали въ прежнюю колею; а это много значитъ, очень много.

Да, всё пошали въ прежнюю колею... всё, кромѣ Натальи. Оставшіеся наконецъ одна, она съ трудомъ дотащилась до своей кровати и, усталая, разбитая, упала лицомъ на подушки. Ей такъ горько, и противно, и пошло казалось жить, такъ стыдно ей стало самой себя, своей любви, своей печали, что въ это мгновеніе она бы, вѣроятно, согласилась умереть... Много еще предстояло ей тяжелыхъ дней, ночей бессонныхъ, томительныхъ волненій; но она была молода—жизнь только-что начиналась для нея, а жизнь рано или поздно свое возьметъ. Какой бы ударъ ни поразилъ человѣка, онъ въ тотъ же день, много на другой—извините за грубость выраженія—поѣсть, и вотъ вамъ уже первое утѣшеніе...

Наталья страдала мучительно, она страдала впервые... Но первыя страданія, какъ первая любовь, не повторяются,—и слава Богу!

Характеристика Рудина, сдѣланная Лежневъ.—„И такъ-съ,—началь Лежневъ, медлительно опускаясь на диванъ,—доложу вамъ, мнѣ Рудинъ, дѣйствительно, не нравится. Онъ умный человѣкъ... хотя въ сущности пустой, но это еще не бѣда: всё мы пустые люди. Я даже не ставлю въ вину ему то, что онъ деспотъ въ душѣ, лѣнивъ, не очень свѣдущъ...“

Александра Павловна всплеснула руками.

— „Не очень свѣдущъ! Рудинъ!“ — воскликнула она. — „Не очень свѣдущъ, — точно тѣмъ же голосомъ повторилъ Лежневъ, — любить пожить на чужой счетъ, разыгрываетъ роль, и такъ далѣе... это все въ порядкѣ вещей. Но дурно то, что онъ холоденъ, какъ ледъ“. — „Онъ, эта пламенная душа, холоденъ!“ — перебила Александра Павловна. —

„Да, холоденъ, какъ ледъ, и знаетъ это, и прикидывается пламеннымъ. Худо то,—продолжалъ Лежневъ, постепенно оживляясь,—что онъ играетъ опасную игру,—опасную не для него, разумѣется: самъ копѣйки, волоска не ставитъ на карту—а другіе ставятъ душу...“

— „Худо то, что онъ не честенъ. Вѣдь онъ умный человѣкъ: онъ долженъ же знать цѣну словъ своихъ,—а произноситъ ихъ такъ, какъ будто они ему что-нибудь стоятъ... Спору нѣтъ, онъ краснорѣчивъ; только краснорѣчіе его не русское. Да и, наконецъ, красно говорить простительно юношѣ, а въ его года стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться! Дѣло въ томъ, что слова Рудина такъ и остаются словами и никогда не стануть поступкомъ—а между тѣмъ, эти самыя слова могутъ смутить, погубить молодое сердце.“—„Да о комъ, о комъ вы говорите, Михайло Михайлычъ?“

Лежневъ остановился.

— „Вы желаете знать, о комъ я говорю? О Натальѣ Алексѣевнѣ. Наталья не ребенокъ: она, повѣрьте, чаще и глубже размышляетъ, чѣмъ мы съ вами. И надобно же, чтобы этакая честная, страстная и горячая натура наткнулась на такого актера, на такую кокетку! Впрочемъ, и это въ порядкѣ вещей“. — „Кокетка! Это вы его называете кокеткой?“ — „Конечно его... Ну, скажите сами, Александра Павловна, что за роль его у Дарьи Михайловны? Быть идиоломъ, оракуломъ въ домѣ, вмѣшиваться въ распоряженія, въ семейныя сплетни и дразги—неужели это достойно мужчины?“

Александра Павловна съ изумленіемъ посмотрѣла Лежневу въ лицо.

— „Мнѣ кажется, вы ошибаетесь. По вашему, Рудинъ Тартюфъ какой-то“. — „Въ томъ-то и дѣло, что онъ даже не Тартюфъ. Тартюфъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, чего добивался; а этотъ, при всемъ своемъ умѣ...“ — „Что-же, что-же онъ? Доканчивайте вашу рѣчь, несправедливый, гадкій человѣкъ!“

[Лежневъ сталъ рассказывать о своей студенческой жизни. Онъ сблизился тогда съ Покорскимъ].

— „Это былъ Рудинъ?“—спросила Александра Павловна.—„Нѣтъ, это не былъ Рудинъ... это былъ человѣкъ... это былъ человѣкъ необыкновенный. Описать его въ немногихъ словахъ я не въ силахъ, а начавъ говорить о немъ, уже ни о комъ другомъ говорить не захочешь. Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встрѣчалъ потомъ. Покорскій жилъ въ маленькой, низенькой комнаткѣ, въ мезонинѣ стараго деревяннаго домика. Онъ былъ очень бѣденъ и перебивался кое-какъ уроками. Бывало, онъ даже чашкой чаю не могъ попотчевать гостя; а единственный его диванъ до того провалился, что сталъ похожъ на лодку. Но, несмотря на эти неудобства, къ нему ходило множество народа. Его все любили, онъ привлекалъ къ себѣ сердца. Вы не повѣрите, какъ сладко и весело было сидѣть въ его бѣдной комнаткѣ! У него я познакомился съ Рудинымъ. Онъ уже отсталъ тогда отъ своего князька“. — „Что-же было такого особеннаго въ этомъ Покорскомъ?“—спросила Александра Павловна.—„Какъ

вамъ сказать? Поэзія и правда—вотъ что влекло всѣхъ къ нему. При умѣ ясномъ, обширномъ, онъ былъ милъ и забавенъ, какъ ребенокъ. У меня до сихъ поръ звенить въ ухахъ его свѣтлое хохотанье, и въ то же время онъ—

Пылалъ полуночной лампадой

Передъ святынею добра...

Такъ выразился о немъ одинъ полу-сумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка“. — „А какъ онъ говорилъ?“—спросила опять Александра Павловна. — „Онъ говорилъ хорошо, когда былъ въ духѣ, но не удивительно. Рудинъ и тогда былъ въ двадцать разъ краснорѣчивѣе его“.

Лежневъ остановился и скрестилъ руки.

— „Покорскій и Рудинъ не походили другъ на друга. Въ Рудинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, больше энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Покорскаго, а на самомъ дѣлѣ, онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ. Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски; но мысли его рождались не въ его головѣ: онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Покорскаго. Покорскій былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ—и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не дался-бы никому въ обиду. Рудинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть-ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе: тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ онъ ихъ во имя общихъ началъ и идей, и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ; одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили... Покорскому всѣ отдавались сами собой. За то Рудинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Покорскій и чѣмъ всѣ мы; притомъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человекъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... молодежь васъ и слушать не станетъ. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя на половину вѣрили, что обладаете истиной... Оттого-то Рудинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите-ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ-же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ и недоученныхъ мальчиговъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь—все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ понятій, общаго закона мірового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слѣшая Рудина, намъ впервые показалось, что мы наконецъ схватили ее, эту общую связь,

что поднялась наконец завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое—что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло; духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось бессмысленнымъ, случайнымъ: во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и, въ то же время, таинственное, каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому... Вамъ все это не смѣшно?"

— „Нисколько! — медленно возразила Александра Павловна, — почему вы это думаете? Я васъ не совсѣмъ понимаю, но мнѣ не смѣшно.“

— „Мы съ тѣхъ поръ успѣли поузнѣть, конечно, — продолжалъ Лежневъ, — все это намъ теперь можетъ казаться дѣтствомъ... Но, я повторяю, Рудину мы тогда были обязаны многимъ. Покорскій былъ несравненно выше его, безспорно; Покорскій вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу, но онъ иногда чувствовалъ себя вылымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ первическій, нездоровый; за то, когда онъ расправлялъ свои крылья—Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Рудинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ; страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась... политическая натура—съ! Я о немъ говорю, какимъ я его зналъ тогда. Впрочемъ, онъ, къ несчастію, не измѣнился. За то онъ и въ вѣрованіяхъ своихъ не измѣнился... въ тридцать пять лѣтъ!.. Не всякій можетъ сказать это о себѣ. Ну—съ, понавъ въ кружокъ Покорскаго, я доложу вамъ, Александра Павловна, я совсѣмъ переродился: смирился, разсиранивалъ, учился, радовался, благоговѣлъ—однимъ словомъ, точно въ храмъ какой вступилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ вспомню я наши сходки, ну, ей-Богу-же, много въ нихъ было хорошаго, даже трогательнаго. Вы, представьте, сошлись человѣкъ пять-шесть мальчиковъ, одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли-бы вы на всѣ наши лица, послушали-бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи, — говоримъ мы иногда вздоръ, восхищаемся нустяками; но что за бѣда!.. Покорскій сидитъ, поджавъ ноги, подпираетъ блѣдную щеку рукой; а глаза его такъ и свѣтятся. Рудинъ стоитъ по срединѣ комнаты и говоритъ, говоритъ прекрасно, ни дать ни взять молодой Демосѣенъ передъ шумящимъ моремъ; взъерошенный поэтъ Субботинъ издастъ по временамъ; и какъ-бы во снѣ, отрывистыя восклицанія; сорокалѣтній буршъ, сынъ нѣмецкаго пастора, Шеллеръ, прослывшій между нами за глубочайшаго мыслителя, номилости своего вѣчнаго, ничѣмъ ненарунимаго молчанья, какъ-то особенно торжественно безмолвствуетъ—самъ веселый Шптовъ, Аристофанъ нашихъ сходокъ, утихаетъ и только ухмыляется; два-три новичка слушаютъ съ торжественнымъ наслажденіемъ... А

ночь летитъ тихо и плавно, какъ на крыльяхъ. Вотъ ужъ и утро сѣрѣетъ, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какою-то пріятной усталостью на душѣ... Помнится, идешь по пустымъ улицамъ, весь умиленный, и даже на звѣзды какъ-то доверчиво глядишь, словно онѣ и ближе стали и понятнѣе... Эхъ! славное было время тогда, и не хочу я вѣрить, чтобы оно пропало даромъ! Да оно и не пропало,—не пропало даже для тѣхъ, которыхъ жизнь опошляла потомъ... Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей! Кажется, совсѣмъ вѣремъ сталъ человекъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Покорскаго—и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелиятся, точно ты въ грязной и темной комнатѣ раскупоришь забытую склянку съ духами...“

Лежневъ умолкъ; его безвѣтное лицо раскраснѣлось.

— „Но отчего-же, когда вы поссорились съ Рудинымъ?“—заговорила Александра Павловна, съ изумленіемъ глядя на Лежнева.—„Я съ нимъ не поссорился, а съ нимъ разстался, когда узналъ его окончательно за границей. А уже въ Москвѣ я бы могъ разсориться съ нимъ. Онъ со мной уже тогда сыгралъ недобрую штуку“. — „Что такое?“—„А вотъ что. Я... какъ-бы это сказать?.. къ моей фигурѣ оно нейдетъ... но я всегда былъ очень способенъ влюбиться. Я познакомился съ одной дѣвушкой... На третій день, послѣ первой встрѣчи съ ней, я уже пылалъ, а на седьмой день не выдержалъ и во всемъ сознался Рудину. Молодому человеку, влюбленному, невозможно не проболтаться; а я Рудину исповѣдывался во всемъ. Я тогда находился весь подъ его вліяніемъ, и это вліяніе, скажу безъ обиняковъ, было благотворно во многомъ. Онъ первый не побрезгалъ мною, обтесалъ меня. Покорскаго я любилъ страстно и ощущалъ нѣкоторый страхъ передъ его душевной чистотой; а къ Рудину я стоялъ ближе. Узнавъ о моей любви, онъ пришелъ въ восторгъ неописанный: поздравилъ, обнялъ меня и тотчасъ-же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія. Я уши развѣсилъ... Ну, да вѣдь вы знаете, какъ онъ умѣетъ говорить. Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возмѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожно, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоценной влаги, которую я боялся расплескать... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно. Рудинъ пожелалъ познакомиться съ моимъ предметомъ; да чуть-ли не я самъ настоялъ на томъ, чтобы представить его“.

— „Ну, вижу, вижу теперь, въ чемъ дѣло,—перебила Александра Павловна.—Рудинъ отбилъ у васъ вашъ предметъ, и вы до сихъ поръ ему простить не можете... Держу пари, что не ошиблась!“

— „И проиграла-бы пари, Александра Павловна: вы ошибаетесь. Рудинъ не отбилъ у меня моего предмета, да онъ и не хотѣлъ его у меня отбивать, а все-таки онъ разрушилъ мое счастье, хотя, рассудивъ хладнокровно, я теперь готовъ сказать ему спасибо за это. Но тогда я чуть не рехнулся. Рудинъ нисколько не желалъ повредить мнѣ, — напротивъ! но

вслѣдствіе своей проклятой привычки каждое движеніе жизни, и своей и чужой, пришилывать словомъ, какъ бабочку булавкой, онъ пустился обоимъ намъ объяснять насъ самихъ, наши отношенія, какъ мы должны вести себя, деспотически заставляя отдавать себѣ отчетъ въ нашихъ чувствахъ и мысляхъ, хвалили насъ, порицали, вступили даже въ переписку съ нами, вообразите!.. ну, сбить насъ съ толку совершенно! Я-бы едва-ли женился тогда на моей барышнѣ (столько-то во мнѣ еще здраваго смысла оставалось), но, по крайней мѣрѣ, мы-бы съ ней славно провели нѣсколько мѣсяцевъ, въ родѣ Павла и Виргиніи; а тутъ пошли недоразумѣнія, напряженности всякія,—ченуха пошла, однимъ словомъ. Кончилось тѣмъ, что Рудинъ въ одно прекрасное утро договорился до того убѣжденія, что ему, какъ другу, предстоитъ священнѣйшій долгъ извѣстить обо всемъ старика-отца, и онъ это сдѣлалъ.—„Неужели?“ — воскликнула Александра Павловна. — „Да, и, замѣтьте, съ моего согласія сдѣлалъ—вотъ что чудно!.. Помню до сихъ поръ, какой хаосъ носилъ я тогда въ головѣ: просто, все кружилось и переставлялось, какъ въ камеръ-обскурѣ: бѣлое казалось чернымъ, черное—бѣлымъ, ложь—истиной, фантазія — долгомъ... Э! даже и теперь совѣстно вспоминать объ этомъ! Рудинъ—тотъ не унывалъ... куда! носится, бывало, среди всякаго рода недоразумѣній и путаницы, какъ ласточка надъ прудомъ“. — „А признайтесь, вы все-таки не могли простить Рудину...“—начала-было Александра Павловна.⁹

— „Какое!—перебилъ Лежневъ,—я плакалъ, какъ ребенокъ, когда провожалъ его за границу. Однако, правду сказать, сѣмя тамъ у меня на душѣ залегло тогда-же. И когда я встрѣтилъ его потомъ за границей... ну, я тогда уже и постарѣлъ... Рудинъ предсталъ мнѣ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ“.

[Прошло два года. Лежневъ давно уже наслаждался семейнымъ счастьемъ. Наташа сдѣлалась невѣстой Волинцева. Однажды у Лежнева вспомнили о Рудинѣ, и Пигасовъ сталъ его вышучивать].

Лежневъ о Рудинѣ.—„Послушайте, Африканъ Семенычъ!—началъ Лежневъ, и лицо его приняло серьезное выраженіе,—послушайте: вы знаете, и жена моя знаетъ, что я въ послѣднее время особеннаго расположенія къ Рудину не чувствовалъ и даже часто осуждалъ его. Со всѣмъ тѣмъ (Лежневъ разлилъ шампанское по бокаламъ), вотъ что я вамъ предлагаю: мы сейчасъ пили за здоровье дорогого нашего брата и его невѣсты: я предлагаю вамъ выпить теперь за здоровье Дмитрія Рудина!“

Александра Павловна и Пигасовъ съ изумленіемъ посмотрѣли на Лежнева, а Басистовъ встрепенулся весь, покраснѣлъ отъ радости и глаза вытаращилъ.

— „Я знаю его хорошо,—продолжалъ Лежневъ,—недостатки его мнѣ хорошо извѣстны. Они тѣмъ болѣе выступаютъ наружу, что самъ онъ не мелкій человекъ“. — „Рудинъ — гениальная натура!“ — подхватилъ Басистовъ.—„Гениальность въ немъ, пожалуй, есть,—возразилъ Лежневъ,—а натура... Въ томъ-то вся его бѣда, что натуры-то собственно въ немъ нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло. Я хочу говорить о томъ, что въ немъ есть хорошаго,

рѣдкаго. Въ немъ есть энтузіазмъ; а это, повѣрьте мнѣ, флегматическому человѣку, самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелить и согрѣеть! Пора! Помнишь, Саша, я разъ говорилъ съ тобой о немъ и упрекалъ его въ холодности. Я былъ и правъ и неправъ тогда. Холодность эта у него въ крови — это не его вина—а не въ головѣ. Онъ не актеръ, какъ я называлъ его, не надувало, не плутъ; онъ живетъ на чужой счетъ не какъ проныра, а какъ ребенокъ... Да, онъ, дѣйствительно, умретъ гдѣ-нибудь въ нищетѣ и въ бѣдности; но неужели-жъ и за это пускать въ него камнемъ? Онъ не сдѣлаетъ самъ ничего именно потому, что въ немъ натуры, крови нѣтъ; но кто въ правѣ сказать, что онъ не принесетъ, не принесъ уже пользы? что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣнны исполнять собственные замыслы? Да я самъ, я первый, все это испыталъ на себѣ... Саша знаетъ, чѣмъ былъ для меня въ молодости Рудинъ. Я, помнится, также утверждалъ, что слова Рудина не могутъ дѣйствовать на людей; но я говорилъ тогда о людяхъ, подобныхъ мнѣ, въ теперешніе мои годы, о людяхъ уже пожившихъ и поломанныхъ жизнью. Одинъ фальшивый звукъ въ рѣчи—и вся ея гармонія для насъ исчезла; а въ молодомъ человѣкѣ, къ счастью, слухъ еще не такъ развитъ, не такъ избалованъ. Если сущность того, что онъ слышитъ, ему кажется прекрасной, что ему за дѣло до тона! Тонъ онъ самъ въ себѣ найдетъ“.

— „Браво! браво!—воскликнулъ Басистовъ, — какъ это справедливо сказано! А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!“

— „Вы слышите?—продолжалъ Лежневъ, обращаясь къ Пигасову, — какого вамъ еще доказательства нужно? Вы нападаете на философію; говори о ней, вы не находите довольно презрительныхъ словъ. Я самъ ее не больно жалую и плохо ее понимаю; но не отъ философіи наши главныя невзгоды! Философическія хитросплетенія и бредни никогда не привьются къ русскому: на это у него слишкомъ много здраваго смысла; но нельзя-же попустить, чтобы подъ именемъ философіи напали на всякое честное стремленіе къ истинѣ и къ сознанию. Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ — чепуха, космополитъ — нуль, хуже нули; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ фізіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ фізіономіи. Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ. Насъ-бы очень далеко завело, если-бы мы хотѣли разобрать, отчего у насъ

являются Рудины. А за то, что въ немъ есть хорошаго, будемъ-же ему благодарны. Это легче, чѣмъ быть несправедливымъ къ нему, а мы были къ нему несправедливы. Наказывать его не наше дѣло, да и не нужно: онъ самъ себя наказалъ гораздо жесточе, чѣмъ заслуживалъ... И дай Богъ, чтобы несчастье вытравило изъ него все дурное и оставило въ немъ одно прекрасное! Пью за здоровье Рудина! Пью за здоровье товарища моихъ лучшихъ годовъ, пью за молодость, за ея надежды, за ея стремленія, за ея довѣрчивость и честность, за все то, отъ чего и въ двадцать лѣтъ бились наши сердца, и лучше чего мы все-таки ничего не узнали и не узнаемъ въ жизни... Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина!“

Все чокнулись съ Лежневымъ. Басистовъ сгоряча чуть не разбилъ своего стакана и осушилъ его разомъ, а Александра Павловна пожалала Лежневу руку.

Ужинъ кончился. Гости разошлись. Оставшись наединѣ съ своимъ мужемъ, Александра Павловна съ улыбкой посмотрѣла ему въ лицо.

— „Какъ ты хорошъ былъ сегодня, Миша!—промолвила она, лаская его рукою по лбу,—какъ ты умно и благородно говорилъ! Но сознайся, что ты немного увлекся въ пользу Рудина, какъ прежде увлекался противъ него...“ — „Лежачаго не бьютъ... а я тогда боялся, какъ-бы онъ тебѣ голову не вскружилъ“.

Дальнѣйшая судьба Рудина. Въ тотъ самый день, когда все, рассказанное нами, происходило въ домѣ Александры Павловны—въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи, тащилась, въ самый зной, по большой дорогѣ, плохенькая рогожная кибитка, запряженная тройкой обывательскихъ лошадей. Въ кибиткѣ сидѣлъ, на тощемъ чемоданѣ, человекъ высокаго роста, въ фуражкѣ и старомъ запыленномъ плащѣ. То былъ Рудинъ. Онъ сидѣлъ, понутивъ голову и нахлобучивъ козырекъ фуражки на глаза. Неровные толчки кибитки бросали его съ стороны на сторону, онъ казался совершенно безчувственнымъ, словно дремалъ.

Измученныя лошаденки кое-какъ допелись, наконецъ, до почтового двора. Рудинъ вылѣзъ изъ кибитки, расплатился съ мужикомъ (который ему не поклонился и деньги долго пошвыривалъ на ладони—знать на водку мало досталось) и самъ внесъ чемоданъ въ станціонную комнату.

[Узнавъ, что лошадей нѣтъ], Рудинъ съ досадой приблизился къ окну и бросилъ фуражку на столъ. Онъ не много измѣнился, но пожелтѣлъ въ послѣдніе два года; серебряныя нити заблестали кой-гдѣ въ кудряхъ, и глаза, все еще прекрасные, какъ-будто потускнѣли; мелкія морщины, слѣды горькихъ и тревожныхъ чувствъ, легли около губъ, на щекахъ, на вискахъ.

Платье на немъ было изношенное и старое, и бѣлья не виднѣлось нигдѣ. Пора его цвѣтенія видимо прошла: онъ, какъ выражаются садовники, пошелъ въ сѣмя.

Онъ принялся читать надписи по стѣнамъ... извѣстное развлеченіе скучающихъ путешественниковъ... вдругъ дверь заскрипѣла, и вошелъ смотритель.

— „Лошадей въ .....скѣ и нѣтъ и долго еще не будетъ,—заговорилъ

онъ, а вотъ въ .....овъ есть обратный“.—„Въ .....овъ?—промолвилъ Рудинъ.— Да помилюйте! это мнѣ совсѣмъ не по дорогѣ. Я ѣду въ Пензу, а .....овъ лежитъ, кажется, въ направленіи къ Тамбову“.—„Что-жь? вы изъ Тамбова можете тогда проѣхать, а не то изъ .....ова какъ-нибудь свернете“.

Рудинъ подумалъ.

— „Ну, пожалуй,—проговорилъ онъ наконецъ,—велите закладывать лошадей. Мнѣ все равно; поѣду въ Тамбовъ“.

Лошадей скоро подали. Рудинъ вынесъ свой чемоданчикъ, взлѣзъ на телѣгу, сѣлъ, понурился по прежнему. Было что-то безпомощное и грустно-покорное въ его нагнутой фигурѣ... И тройка поплелась неторопливой рысью, отрывисто позвягивая бубенчиками.

[Прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды Лежневъ встрѣтился съ Рудинымъ въ гостиницѣ губернскаго города. Рудинъ былъ „почти совсѣмъ сѣдой и сгорбленный, въ старомъ плисовомъ сюртукѣ“. Лежневъ его горячо привѣтствовалъ и угостилъ обѣдомъ].

Разсказъ Рудина о своей жизни. Въ теченіе обѣда, Лежневъ и Рудинъ, какъ бы сговорившись, все толковали о студенческомъ своемъ времени, припоминали многое и многихъ—мертвыхъ и живыхъ. Сперва Рудинъ говорилъ неохотно, но онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина, и кровь въ немъ разгорѣлась. Наконецъ, лакей вынесъ послѣднее блюдо. Лежневъ всталъ, заперъ дверь и, вернувшись къ столу, сѣлъ прямо напротивъ Рудина и тихонько оперся подбородкомъ на обѣ руки.

Черты Рудина измѣнились мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его на станціи, хотя печать приближающейся старости уже успѣла лечь на нихъ; но выраженіе ихъ стало другое. Иначе глядѣли глаза; во всемъ существѣ его, въ движеніяхъ, то замедленныхъ, то безсвязно порывистыхъ, въ похолодѣвшей, какъ бы разбитой рѣчи высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь, далеко различная отъ той полунривторной грусти, которою онъ щеголялъ бывало, какъ вообще щеголяеть ею молодежь, исполненная надеждъ и довѣрчиваго самолюбія.

— „Разсказать вамъ все, что со мною случилось?—заговорилъ онъ.— Всего разсказать нельзя и не стоить... Маялся я много, скитался не однимъ тѣломъ—душой скитался. Въ чемъ и въ комъ я не разочаровался, Богъ мой! съ кѣмъ не сблизался! Да, съ кѣмъ!—повторилъ Рудинъ, замѣтивъ, что Лежневъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ посмотрѣлъ ему въ лицо.— Сколько разъ мои собственные слова становились мнѣ противными—не говорю уже въ моихъ устахъ, но и въ устахъ людей, раздѣлявшихъ мои мнѣнія! Сколько разъ переходилъ я отъ раздражительности ребенка къ тупой безчувственности лошади, которая уже и хвостомъ не дрыгаетъ, когда ее сбъчетъ кнутъ... Сколько разъ я радовался, надѣялся, враждовалъ и унижался напрасно! Сколько разъ вылеталъ соколомъ—и возвращался ползкомъ, какъ улитка, у которой раздавили раковину!.. Гдѣ не бывалъ я, по какимъ дорогамъ не ходилъ!.. А дороги бываютъ грязныя,—прибавилъ Рудинъ, и слегка отвернулся.—Вы знаете...“—продолжалъ онъ...

[По предложенію Лежнева они перешли на прежнее студенческое *мы*].

— „Ты знаешь,—началь опять, съ удареніемъ на словѣ „ты“ и съ улыбкою, Рудинъ,—во мнѣ сидитъ какой-то червь, который грызетъ меня и гложетъ и не дастъ мнѣ успокоиться до конца. Онъ паталкиваетъ меня на людей—они сперва подвергаются моему вліянію, а потомъ...“

Рудинъ провелъ рукой по воздуху.

— „Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами... съ тобою, я переиспыталъ и переизвѣдалъ многое... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать—и вотъ видишь!“—„Выдержки въ тебѣ не было“,—проговорилъ какъ бы про себя Лежневъ.—„Какъ ты говоришь, выдержки во мнѣ не было!.. Строить я никогда ничего не умѣлъ; да и мудрено, братъ, строить, когда и почвы-то подъ ногами нѣту, когда самому приходится собственный свой фундаментъ создавать! Всѣхъ моихъ похожденій, то-есть, собственно говоря, всѣхъ моихъ неудачъ, я тебѣ описывать не буду. Передамъ тебѣ два-три случая... тѣ случаи изъ моей жизни, когда, казалось, успѣхъ уже улыбался мнѣ, или нѣтъ, когда я начиналъ надѣяться на успѣхъ—что не совсѣмъ одно и то же...“

Рудинъ откинулъ назадъ свои сѣдые и уже жидкіе волосы тѣмъ самымъ движеніемъ руки, какимъ онъ нѣкогда отбрасывалъ свои темныя и густыя кудри.

[Онъ разсказалъ, какъ мечталъ сдѣлаться агрономомъ у одного пріятеля-помѣщика, увлекавшагося науками, но неумнаго и упорнаго].

— „Я поселился у него и уѣхалъ съ нимъ, наконецъ, въ его деревню. Планы, братъ, у меня были громадныя: я мечталъ о разныхъ усовершенствованіяхъ, нововведеніяхъ... Я навезъ съ собою агрономическихъ книгъ... правда, я до конца не прочелъ ни одной... ну, и приступилъ къ дѣлу. Сначала оно не пошло, какъ я и ожидалъ, а потомъ оно какъ-будто и пошло. Мой новый другъ все помалчивалъ, да поглядывалъ, не мѣшалъ мнѣ, т.-е. до извѣстной степени не мѣшалъ мнѣ. Онъ принималъ мои предложенія и исполнялъ ихъ, но съ упорствомъ, туго, съ тайной недовѣрчивостью, и все гнулъ на свое. Онъ чрезвычайно дорожилъ каждой своей мыслью. Такъ я вотъ и бился года два. Дѣло подвигалось плохо, несмотря на всѣ мои хлопоты. Началь я уставать, пріятель мой надоѣдалъ мнѣ, я сталъ язвить его, онъ давилъ меня, словно перина; недовѣрчивость его перешла въ глухое раздраженіе, непріязненное чувство охватывало насъ обоихъ, мы уже не могли говорить ни о чемъ; онъ исподтишка, но безпрестанно старался доказать мнѣ, что не подчиняется моему вліянію; распоряженія мои либо искажались, либо отмѣнялись вовсе... Я замѣтилъ, наконецъ, что состою у господина помѣщика въ качествѣ приживальщика по части умственныхъ упражненій. Горько мнѣ стало тратить попусту время и силы, горько почувствовать, что я опять и опять обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Я зналъ очень хорошо, что я терялъ, уѣзжая; но я не могъ сладить съ собой, и въ одинъ день, вслѣдствіе тяжелой и возмутительной сцены, которой я былъ свидѣтелемъ и которая показала мнѣ моего пріятеля со стороны уже слишкомъ невыгодной, я разсорился съ нимъ окончательно и уѣхалъ, бросилъ барича-педанта, выльпшеннаго изъ степной муки съ примѣсью нѣмецкой патоки...“

[Затѣмъ Рудинъ сошелся съ Курбѣевымъ].

— „Но если-бъ ты видѣлъ Курбѣева! Ты, пожалуйста, не воображай его себѣ какимъ-нибудь пустымъ болтуномъ. Говорятъ, я былъ краснорѣчивъ когда-то. Я передъ нимъ просто ничего не значу. Это былъ человѣкъ удивительно ученый, знающій, голова, творческая, братъ, голова въ дѣлѣ промышленности и предпріятій торговыхъ. Проекты самые смѣлые, самые неожиданные, такъ и кишѣли у него на умѣ. Мы соединились съ нимъ и рѣшили употребить свои силы на общее полезное дѣло...“— „На какое, позволъ узнать?“

Рудинъ опустилъ глаза.

— „Ты засмѣешься“.— „Почему же? Нѣтъ не засмѣюсь“.— „Мы рѣшили одну рѣку въ К...ой губерніи превратить въ судоходную“,— проговорилъ Рудинъ съ неловкой улыбкой.— „Вотъ какъ! Стало-быть, этотъ Курбѣевъ капиталистъ?“— „Онъ былъ бѣднѣ меня“,— возразилъ Рудинъ и тихо поникнулъ своей сѣдой головой.— „Шесть мѣсяцевъ прожили мы въ землянкахъ. Курбѣевъ однимъ хлѣбомъ питался, я тоже не доѣдалъ. Впрочемъ, я объ этомъ не сожалѣю: природа тамъ удивительная. Мы бились, бились, уговаривали купцовъ, письма писали, циркуляры. Кончилось тѣмъ, что я послѣдній грошъ свой добилъ на этомъ проектѣ“.— „Куда же Курбѣевъ этотъ дѣлся?“— спросилъ Лежневъ.— „Онъ? онъ въ Сибири теперь, золотопромышленникомъ сдѣлался. И ты увидишь, онъ себѣ составитъ состояніе; онъ не пропадетъ“.

[Затѣмъ Рудинъ разсказалъ, какъ онъ сдѣлался преподавателемъ русской словесности и имѣлъ большой успѣхъ у молодежи].

— „Скажу тебѣ, ни за одно дѣло не принимался я съ такимъ жаромъ, какъ за это. Мысль дѣйствовать на юношество меня воодушевила. Три недѣли просидѣлъ я надъ составленіемъ вступительной лекціи. Она вышла недурна и понравилась. Какъ теперь вижу лица моихъ слушателей,— лица добрыя, молодыя, съ выраженіемъ чистосердечнаго вниманія, участія, даже изумленія. Возшелъ я на кафедру, прочелъ лекцію въ лихорадкѣ. Я передавалъ слушателямъ все, что у меня было въ душѣ. Между ними было три-четыре мальчика, дѣйствительно замѣчательныхъ; остальные меня понимали плохо. Впрочемъ, сознаться надо, что и тѣ, которые меня понимали, иногда смущали меня своими вопросами. Но я не унывалъ. Любить-то меня всѣ любили; я на репетиціяхъ ставилъ полные баллы всѣмъ. Но тутъ началась противъ меня интрига... или нѣтъ! цикакой интриги не было; а я, просто, попалъ не въ свою сферу. Я стѣснялъ другихъ, и меня тѣснили. Я читалъ гимназистамъ, какъ и студентамъ не всегда читаютъ; слушатели мои выносили мало изъ моихъ лекцій... факты я самъ зналъ плохо. Притомъ, я не удовлетворялся кругомъ дѣйствій, который былъ мнѣ назначенъ... ужъ это, ты знаешь, моя слабость. Я хотѣлъ коренныхъ преобразованій, а клянусь тебѣ, эти преобразованія были и дѣльны и легки. Я надѣялся провести ихъ черезъ директора, добраго и честнаго человѣка, на котораго я сначала имѣлъ вліяніе. Его жена мнѣ помогала. Я, братъ, въ жизни своей не много встрѣчалъ такихъ женщинъ. Ей уже было лѣтъ

подъ сорокъ; но она вѣрила въ добро, любила все прекрасное, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка, и не боялась высказывать свои убѣжденія передъ кѣмъ бы то ни было. Я никогда не забуду ея благородной восторженности и чистоты. По ея совѣту, я написалъ-было планъ... Но тутъ подъ меня подконались, очернили меня передъ ней“.

[У Рудина вышли непріятности съ начальствомъ и онъ вышелъ въ отставку].

Наступило молчаніе. Оба пріятеля сидѣли, понуривъ головы.

Первый заговорилъ Рудинъ.

— „Да, братъ, — началъ онъ, — я теперь могу сказать съ Кольцовымъ: „До чего ты, моя молодость, довела меня, домыкала, что ужъ шагу ступить некуда...“ И между тѣмъ, неужели я ни на что не былъ годенъ, неужели для меня такъ-таки нѣтъ дѣла на землѣ? Часто я ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и какъ я ни старался себя унизить въ собственныхъ глазахъ, не могъ же я не чувствовать въ себѣ присутствія силъ, не всѣмъ людямъ данныхъ! Отчего же эти силы остаются бесплодными? И вотъ еще что: помнишь, когда мы съ тобой были за границей, я былъ тогда самонадѣянъ и ложенъ... Точно, я тогда ясно не сознавалъ, чего я хотѣлъ, я уживался словами и вѣрилъ въ призраки; но теперь, клянусь тебѣ, я могу громко, передо всѣми высказать все, чего я желаю. Мнѣ рѣшительно скрывать нечего: я вполнѣ, и въ самой сущности слова, человекъ благонамѣренный; я смирюсь, хочу примѣниться къ обстоятельствамъ, хочу малаго, хочу достигнуть цѣли близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нѣтъ! не удастся! Что это значитъ? Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?.. Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нею долой... Я сталъ бояться ея — моей судьбы... Отчего все это? Разрѣши мнѣ эту загадку!“ — „Загадку! — повторилъ Лежневъ. — Да, это правда. Ты и для меня былъ всегда загадкой. Даже въ молодости, когда, бывало, послѣ какой-нибудь мелочной выходки, ты вдругъ заговоришь такъ, что сердце дрогнетъ, а тамъ, опять начнешь... ну, ты знаешь, что я хочу сказать... даже тогда я тебя не понималъ: оттого-то я разлюбилъ тебя... Силъ въ тебѣ такъ много, стремленіе къ идеалу такое неутолимое...“ — „Слова, все слова! дѣла не было!“ — прервалъ Рудинъ. — „Да; но доброе слово — то-же дѣло“.

Рудинъ посмотрѣлъ молча на Лежнева и тихо покачалъ головой.

Лежневъ хотѣлъ-было что-то сказать и провелъ рукой по лицу.

— „И такъ, ты ѣдешь въ деревню?“ — спросилъ онъ наконецъ. — „Въ деревню“. — „Да развѣ у тебя осталась деревня?“ — „Тамъ что-то такое осталось. Двѣ души съ половиною. Уголь есть, гдѣ умереть. Ты, можетъ быть, думаешь въ эту минуту: „И тутъ не обошелся безъ фразы!“ Фраза, точно, меня сгубила, она заѣла меня, я до конца не могъ отъ нея отдѣлаться. Но то, что я сказалъ, не фраза. Не фраза, братъ, эти бѣлые волосы, эти морщины; эти прорванные локти — не фраза. Ты всегда былъ строгъ ко мнѣ, и ты былъ справедливъ; но не до строгости теперь, когда уже все

кончено, и масла въ лампадѣ нѣтъ, и сама лампада разбита, и вотъ, вотъ сейчасъ докурится фитиль... Смерть, братъ, должна примирить наконецъ..."

Лежневъ вскочилъ.

— „Рудинъ!—воскликнулъ онъ,—зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Чѣмъ я заслужилъ это отъ тебя? Что я за судья такой, и что-бы я былъ за человѣкъ, если-бъ, при видѣ твоихъ впалыхъ щекъ и морщинъ, слово: фраза—могло придти въ голову? Ты хочешь знать, что я думаю о тебѣ? Изволь! я думаю: „вотъ человѣкъ... съ его способностями, чего-бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ-бы теперь, если-бъ захотѣлъ!.. а я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища...“—„Я возбуждаю твое сожалѣніе“,—промолвилъ глухо Рудинъ.—„Нѣтъ, ты ошибаешься. Ты уваженіе мнѣ внушаешь — вотъ что. Кто тебѣ мѣшалъ проводить годы за годами у этого помѣщика, твоего пріятеля, который, я вполне увѣренъ, если-бъ ты только захотѣлъ подъ него подлаживаться, упрочилъ-бы твое состояніе? Отчего ты не могъ ужиться въ гимназій, отчего ты—странный человѣкъ?—съ какими-бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непременно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была?“—„Я родился перекати-полемъ,—продолжалъ Рудинъ съ унылой усмѣшкой.—Я не могу остановиться“.—„Это правда; но ты не можешь остановиться не оттого, что въ тебѣ червь живетъ, какъ ты сказалъ мнѣ сначала... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ празднаго безпокойства, огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ и, видно, несмотря на всѣ твои дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый на твоемъ мѣстѣ давно-бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился-бы со всѣмъ, а въ тебѣ даже желчи не прибавилось, и ты, я увѣренъ, сегодня-же, сейчасъ, готовъ опять приняться за новую работу, какъ юноша“.—„Нѣтъ, братъ, я теперь усталъ, — проговорилъ Рудинъ. — Съ меня довольно“.—„Усталъ! Другой-бы умеръ давно. Ты говоришь, смерть примиряетъ, а жизнь, ты думаешь, не примиряетъ? Кто пожилъ, да не сдѣлался снисходительнымъ къ другимъ, тотъ самъ не заслуживаетъ снисхожденія. А кто можетъ сказать, что онъ въ снисхожденій не нуждается? Ты сдѣлалъ, что могъ, боролся, пока могъ... Чего-же больше? Наши дороги разошлись...“—„Ты, братъ, со всѣмъ другой человѣкъ, нежели я“, — перебилъ Рудинъ со вздохомъ.—„Наши дороги разошлись, — продолжалъ Лежневъ, — можетъ быть, именно оттого, что, благодаря моему состоянію, холодной крови да другимъ счастливымъ обстоятельствамъ, ничто мнѣ не мѣшало сидѣть сиднемъ да оставаться зрителемъ, сложивъ руки, а ты долженъ былъ выйти на поле, засучить рукава, трудиться, работать. Наши дороги разошлись... но посмотри, какъ мы близки другъ другу. Вѣдь мы говоримъ съ тобой почти однимъ языкомъ, съ полунамека понимаемъ другъ друга, на однихъ чувствахъ выросли. Вѣдь ужъ мало насъ остается, братъ; вѣдь мы съ тобой послѣдніе могикане! Мы могли расходиться, даже враждовать въ старые годы, когда еще много жизни оставалось впереди; но теперь, когда толпа рѣдѣетъ во-

кругъ насъ, когда новыя поколѣнія идутъ мимо насъ, къ не нашимъ цѣлямъ, намъ надобно крѣпко держаться другъ за друга. Чокнемся, братъ, и давай-ка, по старинному: *Gaudeamus igitur!*“

[Кончили свои дни Рудинъ въ Парижѣ, во время революціи 1848 года, убитый на баррикадѣ].

Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ уже разбили ее; ея защитники, оставшіеся въ живыхъ, ее покидали и только думали о собственномъ спасеніи, какъ вдругъ на самой ея вершинѣ, на продавленномъ кузовѣ поваленнаго омнибуса, появился высокій человѣкъ въ старомъ сюртукѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ, и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ, растрепанныхъ волосахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой—кривую и тупую саблю и кричалъ что-то напряженнымъ, тонкимъ голосомъ, карабкаясь кверху и помахивая и знаменемъ, и саблей.

И. Тургеневъ.

III.

ДВОРЯНСКАЕ ГМЪЗДО.

Воспитаніе Лавреюкаго. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день и полюбилъ ее страстно: память о ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между имъ и ею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его; дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ его букой и считалъ дурачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Ѳедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только что зашевелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: „куда? сиди смирно“. По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, позволяли ему играть, то-есть давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: „Символы и эмблемы“. Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ подъ названіемъ: „Шафранъ и радуга“ относилось толкованіе: „Дѣйствіе сего есть большее“; противъ другого, изображавшаго „Цаплю, летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту“, стояла надпись: „Тебѣ всѣ они суть извѣстны“. „Купидонъ и медвѣдь, ликующій своего медвѣжонка“ означали: „Мало-но-малу“. Ѳедя разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей; нѣкоторые, всегда одни и тѣ же, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, шведку съ заячьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепьяно, да сверхъ того отлично со-лила огурцы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими „Эмблемами“ — сидитъ... сидитъ; въ низкой комнатѣ

пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышъ украдкой скребется и грызетъ за обоями, а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Оедю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ,—настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; за то по-временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Оедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его... Горе сердцу, не любившему смолоду!

Такимъ-то нашель его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему.—„Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme,—сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ,—и не только человѣка, но спартанца“.—Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ—вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій „человѣкъ“; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодною водою и заставляли бѣгать вокругъ високаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ, съ своей стороны, писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его mon fils и говорилъ ему vous. По-русски Оедя говорилъ отцу: „ты“, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. „Система“ сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но за то на его здоровье новый образъ жизни благотѣльно подѣйствовала: сначала онъ схватилъ горячку, но векорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчій: „сынъ природы, произведеніе мое“. Когда Оедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу,—и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Первые шаги Лаврецкаго въ жизни. Схоронивъ отца и поручивъ той же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за приказчиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и возна-

мѣрился по возможности воротить упущенное. Въ послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время онъ не зналъ многого, что каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чужакомъ. Недобрую шутку сыгралъ англomanъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились. Онъ не умѣлъ сходитья съ людьми; двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здоровомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи... И вотъ заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ; но онъ не боялся насмѣшекъ: его спартанское воспитаніе хоть на то пригодилось, что развило въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ,—и онъ надѣлъ, не смущаясь, студентскій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе. Здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они и не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ; они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки въ латинскомъ языкѣ. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемѣны въ его судьбѣ.

Однажды, въ театрѣ (Мочаловъ находился тогда на высотѣ своей славы, и Лаврецкій не пропускалъ ни одного представленія) увидѣлъ онъ въ ложѣ бельэтажа дѣвушку,—и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце, никогда еще оно такъ сильно не забилося. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, миловиднаго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ-подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно.

[Лаврецкій легко познакомился съ семействомъ очаровавшей его красавицы, влюбился въ нее, сдѣлалъ предложеніе и женился].

Бракъ и семейная жизнь Лаврецкаго [оказались неудачными, такъ какъ избранная имъ подруга жизни, Варвара Павловна, не любила его, не оцѣ-

нила его чистаго сердца и глубокаго чувства. Она вышла за него замужъ по расчету и измѣнила ему за границей. Потрясенный этимъ Лаврецкій разстался съ нею и, обезпечивъ ее, вернулся на родину, гдѣ въ домѣ дальнихъ своихъ родственниковъ Калитиныхъ встрѣтился съ Лизой].

Дѣтство и воспитаніе Лизы. Читатель знаетъ, какъ выросъ и развивался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ; но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернеровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, нянчиться съ писклятами, — да и некогда ему было нянчиться съ ними: онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя еравнивалъ съ лошадыю, запряженной въ молотильную машину. — „Скоренько жизнь моя проскочила“, — промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ, съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности немного больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитала дѣтей своихъ; она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой — и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Моро изъ Парижа, а послѣ его смерти поступила въ вѣдѣніе Марѳы Тимофеевны.

[Гувернантка Лизы была ничтожнымъ человѣкомъ].

На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Судьба этой женщины была замѣчательна. Она происходила изъ крестьянскаго семейства; 16-ти лѣтъ ее выдали за мужика; но отъ своихъ сестеръ крестьянокъ она отличалась рѣзко. Отецъ ея лѣтъ двадцать былъ старостой, нажилъ денегъ много и баловалъ ее. Красавица она была необыкновенная, первая щеголиха по всему околотку, умница, рѣчистая, смѣлая. Ея баринъ, Дмитрій Пестовъ, отецъ Марьи Дмитріевны, человѣкъ скромный и тихій, увидалъ ее однажды на молотбѣ, поговорилъ съ ней и страстно въ нее влюбился. Она скоро овдовѣла; Пестовъ, хотя и женатый былъ человѣкъ, взялъ ее къ себѣ въ домъ, одѣлъ ее по-дворовому. Агафья тотчасъ освоилась съ новымъ своимъ положеніемъ, точно она вѣкъ свой иначе не жила. Она побѣлѣла, пополнѣла; руки у ней подъ кисейными рукавами стали „крупчататы“, какъ у купчихи, самоваръ не сходилъ со стола, кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла, спала на пуховыхъ перинахъ. Лѣтъ пять продолжалась эта блаженная жизнь, но Дмитрій Пестовъ умеръ; вдова его, барыня добрая, жалѣя память покойника, не хотѣла поступить съ своей соперницей нечестно, тѣмъ болѣе, что Агафья никогда передъ ней не забывалась; однако выдала ее за скотника и сослала съ глазъ долой. Прошло года три. Разъ какъ-то, въ жаркій лѣтній день, барыня заѣхала къ себѣ на скотный дворъ. Агафья попотчивала ее такими славными холодными сливками, такъ скромно себя держала и сама была та-

кая опрятная, веселая, всёю довольная, что барыня объявила ей прощенье и позволила ходить въ домъ; а мѣсяцевъ черезъ шесть такъ къ ней привязалась, что произвела ее въ экономки и поручила ей все хозяйство. Агафья опять вошла въ силу, опять раздобрѣла и побѣлѣла; барыня совсѣмъ ей вѣбрилась. Такъ прошло еще лѣтъ пять. Несчастье вторично обрушилось на Агафью. Мужъ ея, котораго она вывела въ лакеи, заилъ, сталъ пропадать изъ дому и кончилъ тѣмъ, что укралъ шесть господскихъ серебряныхъ ложекъ и запряталъ ихъ— до случая—въ женинъ сундукъ. Это открылось. Его опять повернули въ скотники, а на Агафью наложили опалу; изъ дома ее не выгнали, но разжаловали изъ экономокъ въ швеи и велѣли ей вмѣсто чепца носить на головѣ платокъ. Къ удивленію всѣхъ, Агафья съ покорнымъ смиреніемъ приняла поразившій ее ударъ. Ей уже было тогда за тридцать лѣтъ, дѣти у ней всѣ померли, и мужъ жилъ не долго. Пришла ей пора опомниться: она опомнилась. Она стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздарила всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смирно, степенно, ни съ кѣмъ не ссорясь, всѣмъ уступаая. Нагрубить-ли ей кто—она только поклонится и поблагодаритъ за ученіе. Барыня давно ей простила, и опалу сложила съ нея, и съ своей головы чепецъ ей подарила; но она сама не захотѣла снять свой платокъ и все ходила въ темномъ платьѣ; а послѣ смерти барыни она стала еще тише и ниже. Русскій человекъ боится и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому. Агафью всѣ въ домѣ очень уважали; никто и не вспоминалъ о прежнихъ грѣхахъ, словно ихъ вмѣстѣ съ старымъ бариномъ въ землю похоронили.

[Агафью сдѣлали няней Лизы].

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко ее полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ: черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась: чувство ея къ матери было неопредѣленно,—она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агафѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлыя глазки, слушаетъ, что рассказываетъ ей Агафья; а Агафья рассказываетъ ей не сказки; мѣрнымъ и ровнымъ го-

лосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житія отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и зѣбри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали.—„Желтофіоли?“—спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей-бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала—и образъ Вездѣущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку,—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясала дѣвочку, проникла въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала; и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими—Марьей-ли Дмитріевной, самимъ-ли Калитинимъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой.

Агафья однако не ужилась съ Марьей Тимофеевной, когда та перѣѣхала въ Калитинскій домъ. Строгая важность бывшей „паневницы“ не правилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темныя слухи, будто она удалилась въ раскольничій скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она по прежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марья Тимофеевна, хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то-есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепяно, но одинъ Леммъ зналъ, чего ей это стоило. Читала она не много; у ней не было „своихъ словъ“, но были свои мысли и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что ему дѣлать. Такъ росла она—покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого-бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ,

она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога, восторженно, рѣдко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь.

Такова была Лиза.

Лиза и Лаврецкій. На другое утро, часу въ десятомъ, Лаврецкій всходилъ на крыльцо Калитинскаго дома. Ему навстрѣчу вышла Лиза въ шляпкѣ и въ перчаткахъ.

— „Куда вы?—спросилъ онъ ее.—„Къ обѣднѣ. Сегодня воскресенье“.—„А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?“

Лиза молча, съ изумленіемъ, посмотрѣла на него.

— „Извините пожалуйста,—проговорилъ Лаврецкій,—я... я не то хотѣлъ сказать, я пришелъ проститься съ вами, я черезъ часъ ѣду въ деревню“.—„Смотрите, не забывайте насъ“,—промолвила Лиза и спустилась съ крыльца.—„И вы не забывайте меня. Да послушайте,—прибавилъ онъ,—вы идете въ церковь: помолитесь кстати и за меня“.

Лиза остановилась и обернулась къ нему.

— „Извольте,—сказала она, прямо глядя ему въ лицо,—я помолюсь и за васъ. Пойдемъ, Леночка“.

Лаврецкій въ своей деревнѣ. На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворной собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей кануры, и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпленіе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. „Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки“,—сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался въ теченію тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивою кто-то пацѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжаніе мухъ раздается гудѣнье толетаго шмеля, который то и дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ хрипло вытягивая послѣднюю ноту, простучала телѣга, на деревнѣ скрипятъ ворота. „Чего?“—задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. „Охъ ты, мой сударикъ“,—говоритъ Антонъ двухлѣтней дѣвчкѣ, которую нянчить на рукахъ. „Квасъ неси“,—повторяетъ тотъ же бабій голосъ,—и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго полета. „Вотъ когда я на днѣ рѣки,—думаетъ опять Лаврецкій.—И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь,—думаетъ онъ,—кто входитъ въ ея кругъ—покоряйся: здѣсь незачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель, богородицны слезки еще выше выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше въ поляхъ лоснится

рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и шпрится во всю ширину свою каждый листь на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ“. „На женскую любовь ушли мои лучшіе годы, — продолжаетъ думать Лаврецкій, — пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло“. И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, — и въ то же время какъ-будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ; кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ, кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ, — и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.

[Лаврецкій] читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать рассказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки, — и начиналъ свои неторопливые рассказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копѣйки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны, даже подъ городомъ, тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи.

Лиза и Лаврецкій. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу, человѣка внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, — и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. „Вотъ онъ какой...“ — подумала она, ласково глядя на него; „вотъ ты какая“, — подумалъ и онъ. А потому онъ не очень удивился, когда она, не безъ маленькой однако запинки, объявила ему, что давно имѣетъ на сердцѣ сказать ему что-то, но боится его разсердить.

— „Не бойтесь, говорите“, — промолвилъ онъ и остановился передъ ней.

Лиза подняла на него свои ясные глаза.

— „Вы такіе добрые, — начала она и въ то же время подумала: „да, онъ точно добрый...“ — вы извините меня, я бы не должна смѣть говорить объ этомъ съ вами... но какъ могли вы... отчего вы разстались съ вашей женой?“

Лаврецкій дрогнулъ, поглядѣлъ на Лизу и подошелъ къ ней.

— „Дитя мое, — заговорилъ онъ, — не прикасайтесь пожалуйста къ этой ранѣ; руки у васъ нѣжныя, а все-таки мнѣ будетъ больно“. — „Я знаю, — продолжала Лиза, какъ-будто не разслушавъ его, — она передъ вами виновата, я не хочу ее оправдывать; но какъ же можно разлучать то, что Богъ соединилъ?“ — „Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лизавета Михайловна, — произнесъ Лаврецкій довольно рѣзко, — мы не поймемъ другъ друга“.

Лиза поблѣднѣла; все тѣло ея слегка затрепетало, но она не замолчала.

— „Вы должны простить,—промолвила она тихо,—если хотите, чтобы и васъ простили“. — „Простить! — подхватилъ Лаврецкій. — Вы бы сперва должны были узнать за кого вы просите? Простить эту женщину, принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное существо! И кто вамъ сказалъ, что она хочетъ возвратиться ко мнѣ? Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положеніемъ... Да что тутъ толковать! Имя ея не должно быть произнесимо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять такое существо“. — „Зачѣмъ оскорблять! — съ усиленіемъ проговорила Лиза. Дрожь ея рукъ становилась видимой.—Вы сами ее оставили, Ѳедоръ Ивановичъ“. — „Но я же вамъ говорю,—возразилъ съ невольнымъ взрывомъ нетерпѣнія Лаврецкій,—вы не знаете, какое это созданіе!“—„Такъ зачѣмъ же вы женились на ней?“—прошптала Лиза и потупила глаза.

Лаврецкій быстро поднялся со стула.

— „Зачѣмъ я женился? Я былъ тогда молодъ и неопытенъ; я обманулся, я увлекся красивой внѣшностью. Я не зналъ женщину, я ничего не зналъ. Дай вамъ Богъ заключить болѣе счастливый бракъ! но повѣрьте, ни за что нельзя ручаться“. — „И я могу также быть несчастной,—промолвила Лиза (голосъ ея начиналъ прерываться),—но тогда надо будетъ покориться; я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться...“

Лаврецкій стиснулъ руки и топнулъ ногой.

— „Не сердитесь, простите меня“,—торопливо произнесла Лиза.

Лаврецкій и Михалевичь. Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичь, бывший его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. Они не видались съ Москвы. Посыпались восклицанія, разспросы; выступили на свѣтъ Божій давно заглохшія воспоминанія. Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичь разсказалъ Лаврецкому свои походы; въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ,—а онъ безпрестанно смѣялся сильнымъ нервическимъ хохотомъ. Лаврецкій слушалъ его, слушалъ... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ: его раздражала всегда готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверти часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ,—и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ: голосили и воили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда

Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— „Что же ты послѣ этого? разочарованный?“—кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.—„Развѣ разочарованные такіе бываютъ?—возражалъ Лаврецкій,—тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные,—а, хочешь, я тебя одной рукой подниму?“—„Ну, если не *разочарованій*, то *скитникъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ: въ этомъ твоей вины не было: ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ: первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть“.—„Она и тебя обманула,“—замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.—„Положимъ, положимъ, я былъ тутъ орудіемъ судьбы,—впрочемъ, что это я вру, — судьбы нѣту; старая привычка неточно выражаться. Но что-жъ это доказываетъ?“—„Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули“.—„А ты себя вправь!—на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергій тебѣ не занимать-стать! Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно—частный, такъ сказать, фактъ, возводить въ общій законъ, въ непреложное правило“.—„Какое тутъ правило?—перебилъ Лаврецкій,—я не признаю...“ — „Нѣтъ, это твое правило, правило“, — перебилъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— „Ты эгоистъ, вотъ что!—гремѣлъ онъ часъ спустя,—ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя...“ — „Что такое самонаслажденье?“—„И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами“.—„Что такое самонаслажденье, спрашиваю я тебя?“—„И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя, ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ...“ — „Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* я тебя не понимаю“.—„Ибо,—пожалуй, смѣйся,—ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копѣчный умъ... ты, просто, жалкій, отсталый вольтерьянецъ — вотъ ты кто!“—„Кто, я вольтерьянецъ?“—„Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозреваешь“.—„Послѣ этого, — воскликнулъ Лаврецкій, — я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!“ — „Увы! — возразилъ съ сокрушеніемъ Михалевичъ,—я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія...“

— „Я теперь нашель, какъ тебя назвать,—кричалъ тотъ же Михалевичъ въ 3-мъ часу ночи,—ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтерьянецъ, ты—байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаниемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человѣкъ—и лежишь; ты могъ бы что-нибудь дѣлать и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ,—все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха“.—„Да съ чего ты взялъ, что я лежу?—твердилъ Лаврецкій,—почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?“— „А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія,—продолжалъ неугомонный Миха-

левичъ, — начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ, знаете, что плохо у англичанъ и у французовъ, — и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я, молъ, вотъ умница — лежу, а тѣ, дураки, хлопочуть. Да! А то есть у насъ такіе господа — впрочемъ, я это говорю не на твой счетъ, — которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣннн скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ... какъ грибокъ въ сметанѣ, — подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію. — О, это млѣннн скуки — гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать противный байбакъ...“ — „Да что-жъ ты бранишься? — вопилъ въ свою очередь Лаврецкій. — Работать... дѣлать... Скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосеенъ полтавскій!“ — „Вишь чего захотѣлъ! Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, — возражалъ съ ироніей Демосеенъ. — Помѣщикъ, дворянинъ — и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ: вѣры нѣтъ — и нѣтъ откровенія“. — „Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться“, — молилъ Лаврецкій. — „Ни минуты отдыха, ни секунды! — возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. — Ни одной секунды! Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна“.

— „И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? — кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ, — у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ...“ — „Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, — промолвилъ Лаврецкій, — что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ“.

Эта выходка размѣшила и успокоила Михалевича.

— „До завтра“, — проговорилъ онъ съ улыбкой, и всунулъ трубку въ кисетъ. — „До завтра“, — повторилъ Лаврецкій.

Но друзья еще болѣе часу бесѣдовали... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Оедору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душою не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади на скотрукѣ не доставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не думалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызал кости своими крѣпкими черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ „образованнаго человѣка“. Со всѣмъ тѣмъ, Михалевичъ не унывалъ и жилъ себѣ циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о

судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи, — и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ; но влюбился безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ онъ одну таинственную чернокудрую „панну“... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо известная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ... но какъ подумаешь — развѣ и это не все равно?

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣды, — и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины...

Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкой чемоданъ, онъ еще говорилъ; окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порижѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои возрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣивая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ...

— „Помни мои послѣднія три слова, — закричалъ онъ, высунувшись вѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ: — религія, прогрессъ, человѣчность!.. Прощай!“

Голова его, съ нахлобученной на глаза фуражкой, исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ — и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. „А вѣдь онъ, пожалуй, правъ, — думалъ онъ, возвращаясь въ домъ, — пожалуй, что я байбакъ“. Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хотъ онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ, — его никто отразить не можетъ.

Лаврецкій и Лиза. — „А знаете ли, — началъ Лаврецкій, — я много размышлялъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ съ вами и пришелъ къ тому заключенію, что вы чрезвычайно добры“. — „Я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ“... — возразила-было Лиза, и застыдилась. — „Вы добры, — повторилъ Лаврецкій. — Я топорный человѣкъ, а чувствую, что всѣ должны васъ любить. Вотъ хотъ бы Леммъ; онъ просто влюбленъ въ васъ“.

Брови у Лизы — не то, чтобы нахмурились, а дрогнули; это съ ней всегда случалось, когда она слышала что-нибудь непріятное.

— „Очень онъ мнѣ былъ жалокъ сегодня, — подхватилъ Лаврецкій, — съ своимъ неудавшимся романсомъ. Быть молодымъ и не умѣть — это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ — это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходятъ силы. Старику трудно переносить такіе удары!.. Берегитесь, у васъ клюетъ... Говорятъ, — прибавилъ Лаврецкій, помолчавъ немного, — Владиміръ Николаичъ написалъ очень милый романсъ“. — „У Владиміра Николаича доброе сердце, — заговорила Лиза, — онъ уменъ; папаша его очень любитъ“. — „А вы его любите?“ — „Онъ хорошій человѣкъ; отчего же мнѣ его не любить?“ — „А!“ — промолвилъ Лаврецкій и

умолкъ. Полу-печальное, полу-насмѣшливое выраженіе промелькнуло у него на лицѣ. Упорный взглядъ его смущалъ Лизу, но она продолжала улыбаться. — „Ну и дай Богъ имъ счастья!“ — пробормоталъ онъ, наконецъ, какъ-будто про себя, и отворотилъ голову.

Лиза покраснѣла.

— „Вы ошибаетесь, Федоръ Ивановичъ, — сказала она, — вы напрасно думаете... А развѣ вамъ Владиміръ Николаичъ не нравится?“ — спросила она вдругъ. — „Не нравится“. — „Отчего же?“ — „Мнѣ кажется, сердца-то у него и нѣту“.

Улыбка сошла съ лица Лизы.

— „Вы привыкли строго судить людей“, — промолвила она послѣ долгого молчанья. — „Я не думаю. Какое право имѣю я строго судить другихъ, помилуйте, когда я самъ нуждаюсь въ снисхожденіи? Или вы забыли, что надо мной одинъ лѣнливый не смѣется?.. А что, — прибавилъ онъ, — сдержали вы свое обѣщаніе?“ — „Какое?“ — „Помолились вы за меня?“ — „Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы пожалуйста не говорите легко объ этомъ“.

Лаврецкій началъ увѣрять Лизу, что ему это и въ голову не приходило, что онъ глубоко уважаетъ всякія убѣжденія; потомъ онъ пустился толковать о религіи, о ея значеніи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства...

— „Христіаниномъ нужно быть, — заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза, — не для того, чтобы позгавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“.

Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

— „Какое это вы промолвили слово!“ — сказалъ онъ. — „Это слово не мое“, — отвѣчала она. — „Не ваше... Но почему вы заговорили о смерти?“ — „Не знаю. Я часто о ней думаю“. — „Часто?“ — „Да“. — „Этого не скажешь, глядя на васъ теперь: у васъ такое веселое, свѣтлое лицо, вы улыбаетесь...“ — „Да, мнѣ очень весело теперь“, — наивно возразила Лиза.

Лаврецкому захотѣлось взять ея обѣ руки и крѣпко стиснуть ихъ...

— „Лиза, Лиза, — закричалъ аМарья Дмитріевна, — поди сюда, посмотри, какого караса я поймала“. — „Сейчасъ, маман“, — отвѣчала Лиза и пошла къ ней, а Лаврецкій остался на своей раковинѣ.

„Я говорю съ ней, словно я не отжившій человѣкъ“, — думалъ онъ.

Уходя, Лиза повѣсила свою шляпу на вѣтку; съ страннымъ, почти нѣжнымъ чувствомъ посмотрѣлъ Лаврецкій на эту шляпу, на ея длинныя, немного помятыя ленты. Лиза скоро къ нему вернулась и опять стала на плоть.

— „Почему же вамъ кажется, что у Владиміра Николаича сердца нѣтъ?“ — спросила она, нѣсколько мгновеній спустя. — „Я вамъ уже сказалъ, что я могъ ошибиться; а, впрочемъ, время все покажетъ“.

Лиза задумалась. Лаврецкій заговорилъ о своемъ житѣ-бытѣ въ Васильевскомъ, о Михалевичѣ, объ Антошѣ; онъ чувствовалъ потребность говорить съ Лизой, сообщить ей все, что приходило ему въ душу: она такъ мило, такъ внимательно его слушала; ея рѣдкія замѣчанія и возраженія казались ему такъ просты и умны. Онъ даже сказалъ ей это.

Лиза удивилась.

— „Право?—промолвила она,—а я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, *своихъ* словъ нѣтъ. Она однажды сказала своему жениху; „тебѣ должно быть скучно со мною; ты мнѣ говоришь все такое хорошее, а у меня своихъ словъ нѣтъ“.

„И слава Богу!“—подумалъ Лаврецкій.

Лаврецкій ѣхалъ рысью возлѣ кареты со стороны Лизы, положивъ руку на дверцы—онъ бросилъ поводья на шею плавно бѣжавшей лошади—и изрѣдка мѣняясь двумя-тремя словами съ молодой дѣвушкой. Заря исчезла; наступила ночь, а воздухъ даже потеплѣлъ. Марья Дмитриевна скоро задремала; дѣвочки и горничная заснули тоже. Быстро и ровно катилась карета; Лиза наклонилась впередъ; только-что поднявшійся мѣсяць свѣтилъ ей въ лицо, ночной пахучій вѣтерокъ дышалъ ей въ глаза и щеки. Ей было хорошо. Рука ея опиралась на дверцы кареты рядомъ съ рукою Лаврецкаго. И ему было хорошо: онъ несся по спокойной ночной теплыни, не спуская глазъ съ добраго молодого лица, слушая молодой, и въ шопотъ звенѣвшій голосъ, говорившій простыя, добрыя вещи; онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ полдороги. Онъ не захотѣлъ будить Марью Дмитриевну, пожалъ слегка руку Лизы, сказалъ: „вѣдь мы друзья теперь, не правда ли?“ Она кивнула головой, онъ остановилъ лошадь. Карета покатила дальше, тихонько колыхаясь и ныряя; Лаврецкій отправился шагомъ домой. Обаянне лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно-странно и въ то же время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали,—а далеко было видно, хотя глазъ многого не понималъ изъ того, что видѣлъ,—все покоилось; молодая, расцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецкаго бодро шла, мѣрно раскачиваясь направо и налево; большая черная тѣнь ея шла съ ней рядомъ; было что-то таинственно-приятное въ топотѣ ея коней, что-то веселое и чудное въ гремящемъ крикѣ перепеловъ. Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяць блестялъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію. „Ну! мы еще поживемъ,—думалъ онъ,—не совсѣмъ еще насъ заѣла...“ Онъ не договорилъ: кто или что... Потомъ онъ сталъ думать о Лизѣ, о томъ, что врядъ ли она любитъ Паншина; что встрѣтятся онъ съ ней при другихъ обстоятельствахъ,—Богъ знаетъ, что могло бы изъ этого выйти; что онъ понимаетъ Лемма, хотя у ней „своихъ“ словъ нѣтъ. Да и это неправда: у ней есть свои слова... „Не говорите объ этомъ легкомысленно“, вспомнилось Лаврецкому. Онъ долго ѣхалъ, понуривъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся;

Поклонился всему, что сжигалъ...

но тотчасъ же ударилъ лошадь хлыстомъ и скакалъ вплоть до дому.

Слѣзая съ коня, онъ въ послѣдній разъ оглянулся, съ невольной благо-

дарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь, лежала на холмахъ и на долинахъ; издали, изъ ея благовоной глубины, Богъ знаетъ откуда—съ неба ли, съ земли—тянуло тихимъ и мягкимъ тепломъ. Лаврецкій послалъ послѣдній поклонъ Лизѣ—и взбѣжалъ на крыльцо.

[Изъ французской газеты Лаврецкій узналъ о смерти своей жены; онъ далъ Лизѣ прочесть эту газету, подчеркнувъ извѣстіе, для нихъ важное. На слѣдующій день онъ явился къ Калитинымъ].

Марья Дмитріевна не слишкомъ ласково приняла Лаврецкаго, когда онъ явился къ ней на слѣдующій день. „Вишь, повадился“, — подумала она. Онъ ей самъ по себѣ не очень нравился, да и Паншинъ, подъ вліяніемъ котораго она находилась, весьма коварно и небрежно похвалилъ его наканунѣ. Такъ какъ она не считала его гостемъ и не полагала нужнымъ занимать родственника, почти домашняго человѣка, то и получаса не прошло, какъ онъ уже шелъ съ Лизой въ саду.

Лиза была спокойна по обыкновенію, но болѣе обыкновеннаго блѣдна. Она достала изъ кармана и протянула Лаврецкому мелко сложенный листъ журнала.

— „Это ужасно!“—промолвила она.

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ.

— „Да, можетъ быть, это еще и неправда“, —прибавила Лиза. — „Оттого-то я и просилъ васъ не говорить объ этомъ никому“.

Лиза прошлась немного.

— Скажите,—начала она,—вы не огорчены? нисколько?“ — „Я самъ не знаю, что я чувствую“, — отвѣчалъ Лаврецкій. — „Но вѣдь вы ее любили прежде?“ — „Любилъ“. — „Очень?“ — „Очень“. — „И не огорчены ея смертью?“ — „Она не теперь для меня умерла“. — „Это грѣшно, что вы говорите... Не сердитесь на меня. Вы меня назвали своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее?—а ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано“.

Лаврецкій горько усмѣхнулся.

— „Вы думаете!.. По крайней мѣрѣ я теперь свободенъ“.

Лиза слегка вздрогнула.

— „Полноте, не говорите такъ. На что вамъ ваша свобода? Вамъ не объ этомъ теперь надо думать, а о прощеніи...“ — „Я давно ее простилъ“, — перебилъ Лаврецкій и махнулъ рукой. — „Нѣтъ, не то, —возразила Лиза и покраснѣла. — Вы не такъ меня поняли. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы васъ простили...“ — „Кому меня прощать?“ — „Кому? — Богу. Кто-же можетъ насъ простить кромѣ Бога?“

Лаврецкій схватилъ ее за руку.

— „Ахъ, Лизавета Михайловна, повѣрьте,—воскликнулъ онъ,—я и такъ довольно былъ наказанъ. Я уже все искупилъ, повѣрьте“. — „Это вы не можете знать,—проговорила Лиза вполголоса.—Вы забыли, еще недавно, вотъ когда вы со мной говорили, вы не хотѣли ее прощать“.

Оба молча прошлись по аллеѣ.

— „А что-же ваша дочь?“—спросила вдругъ Лиза и остановилась.

Лаврецкій встрепенулся.

— „О, не беспокойтесь! Я уже послалъ письма во все мѣста. Будущность моей дочери, какъ вы ее... какъ вы говорите... обезпечена. Не беспокойтесь“.

Лиза печально улыбнулась.

— „Но вы правы,—продолжалъ Лаврецкій,—что мнѣ дѣлать съ моей свободой? На что мнѣ она?“—„Когда вы получили этотъ журналъ?“—промолвила Лиза, не отвѣчая на его вопросъ.—„На другой день послѣ вашего посѣщенія“.—„И неужели... неужели вы даже не заплакали?“—„Нѣтъ. Я былъ пораженъ; но откуда было взяться слезамъ? Плакать о прошедшемъ,—да вѣдь оно у меня все выжжено!.. Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастье, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда и не бывало. О чемъ-же тутъ было плакать? Впрочемъ, кто знаетъ?—я, можетъ быть, былъ-бы болѣе огорченъ, еслибъ я получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше...“—„Двумя недѣлями?“—возразила Лиза.—„Да что-жъ такое случилось въ эти двѣ недѣли?“

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.

— „Да, да, вы угадали,—подхватилъ внезапно Лаврецкій,—въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что значить чистая женская душа, и мое прошедшее еще больше отъ меня отодвинулось“.

[Лиза сообщила Лаврецкому, что Паншинъ сдѣлалъ ей предложеніе].

— „Маменькѣ онъ нравится,—продолжала Лиза,—онъ добрый; я ничего противъ него не имѣю“.—„Однако вы колеблетесь?“—„Да... и, можетъ быть, вы, ваши слова тому причиной. Помните, что вы третьягодни говорили? Но это слабость...“—„О, дитя мое!—воскликнулъ вдругъ Лаврецкій и голосъ его задрожалъ,—не мудруйте лукаво, не называйте слабостью крикъ вашего сердца, которое не хочетъ отдаться безъ любви. Не берите на себя такой страшной отвѣтственности передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы не любите и которому хотите принадлежать...“—„Я слушаюсь, я ничего не беру на себя“,—произнесла-было Лиза...—„Слушайтесь вашего сердца; оно одно вамъ скажетъ правду,—перебилъ ее Лаврецкій...—Опытъ, разсудокъ—все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственнаго счастья на землѣ...“—„Вы-ли это говорите, Федоръ Ивановичъ? Вы сами женились по любви—и были-ли вы счастливы?“

Лаврецкій всплеснулъ руками.

— „Ахъ, не говорите обо мнѣ! Вы и понять не можете всего того, что молодой, неискушенный, безобразно воспитанный мальчикъ можетъ принять за любовь!.. Да и, наконецъ, къ чему клеветать на себя? Я сейчасъ вамъ говорилъ, что я не зналъ счастья... нѣтъ! я былъ счастливъ!“—„Мнѣ кажется, Федоръ Ивановичъ,—произнесла, понизивъ голосъ, Лиза (когда она не соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, она всегда понижала голосъ; притомъ она чувствовала большое волненіе),—счастье на землѣ зависитъ не отъ

цать“.—„Отъ насъ, отъ насъ, повѣрьте мнѣ (онъ схватилъ ее за обѣ руки; Лиза поблѣднѣла и почти съ испугомъ, но внимательно глядѣла на него),— лишь-бы мы не портили сами своей жизни: Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ правомъ, съ вашей ясной душой! Умоляю васъ, не выходите замужъ безъ любви, по чувству долга, отреченья, что-ли... Это то-же безвѣріе, тотъ-же расчетъ, и еще худшій. Повѣрьте мнѣ, — я имѣю право это говорить: я дорого заплатилъ за это право. И если вашъ Богъ...“

[Паншинъ предложилъ Лизѣ руку и сердце, но, сверхъ ожиданія, получилъ неопредѣленный отвѣтъ, похожій на отказъ].

Лиза присѣла на край стула, подняла глаза на Лаврецкаго—и почувствовала, что ей нельзя было не дать ему знать, чѣмъ кончилось ее свиданіе съ Паншинымъ. Но какъ это сдѣлать? Ей и стыдно было, и неловко. Давно-ли она познакомилась съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который и въ церковь рѣдко ходитъ, и такъ равнодушно переноситъ кончину жены, — и вотъ уже она сообщаетъ ему свои тайны... Правда, онъ принимаетъ въ ней участіе; она сама вѣритъ ему и чувствуетъ къ нему влеченье; но все-таки ей стыдно стало, точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнату.

[Разказавъ Лаврецкому, что она почти отказала Паншину], Лиза начала играть и долго не отводила глазъ отъ своихъ пальцевъ. Она взглянула, наконецъ, на Лаврецкаго и остановилась: такъ чудно и странно показалось ей его лицо.

— „Что съ вами?“ — спросила она.—„Ничего,—возразилъ онъ,—мнѣ очень хорошо; я радъ за васъ, я радъ васъ видѣть,—продолжайте“.—„Мнѣ кажется,—говорила Лиза нѣсколько мгновений спустя,—если-бы онъ точно меня любилъ, онъ-бы не написалъ этого письма; онъ долженъ былъ-бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь“.—„Это не важно,—промолвилъ Лаврецкій,—важно то, что вы его не любите“.—„Перестаньте, что это за разговоръ! Мнѣ все мерещится ваша покойная жена, и вы мнѣ страшны“.

Лаврецкій не былъ молодымъ человѣкомъ; онъ не могъ долго обманываться насчетъ чувства, внушеннаго ему Лизой; онъ окончательно въ тотъ же день убѣдился въ томъ, что полюбилъ ее. Не много радости принесло ему это убѣжденіе. „Неужели,—подумалъ онъ, мнѣ въ тридцать пять лѣтъ нечего другого дѣлать, какъ опять отдать свою душу въ руки женщины? Но Лиза не чета той: она-бы не потребовала отъ меня постыдныхъ жертвъ; она не отвлекала-бы меня отъ моихъ занятій; она-бы сама воодушевила меня на честный, строгій трудъ, и мы пошли-бы оба впередъ, къ прекрасной цѣли. Да,—кончилъ онъ свои размышленія,—все это хорошо, но худото, что она вовсе не захочетъ пойти со мной. Недаромъ она сказала мнѣ, что я ей страшенъ. За то и Паншина она не любитъ... Слабое утѣшеніе!“

Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась: тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за него,—и чудное

умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладону, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ—все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ,—онъ безъ словъ даже не молился,—го хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ-бы чьего-то свѣжаго прикосновенія; это, думалъ онъ тогда, ангель-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу... „Ты меня сюда привела,—подумалъ онъ,—коснись-же меня, коснись моей души“. Она все такъ-же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ покоя, своей—прощенія...

Они встрѣтились на паперти; она привѣтствовала его съ веселой и ласковой важностью. Солнце ярко освѣщало молодую траву на церковномъ дворѣ, пестрые платья и платки женщинъ; колокола сосѣднихъ церквей гудѣли въ вышинѣ; воробьи чирикали по заборамъ. Лаврецкій стоялъ съ непокрытой головой и улыбался; легкій вѣтерокъ вздымалъ его волосы и концы лентъ Лизинной шляпы. Онъ посадилъ Лизу и бывшую съ ней Леночку въ карету, раздалъ всѣ свои деньги нищимъ и тихонько побрелъ домой.

Встрѣча Лизы съ Лаврецкимъ въ саду.—„Лиза!“—сорвалось едва внятно съ его губъ.

Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— „Лиза!“—повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи.

Лиза съ испугомъ вытянула голову и пошатнулась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отдѣлилась отъ двери и вступила въ садъ.

— „Вы?—проговорилъ она.—Вы здѣсь?“—„Я...я... выслушайте меня“,—прошепталъ Лаврецкій и, схвативъ ея руку, повелъ ее къ скамейкѣ.

Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— „Я не думалъ придти сюда,—началъ онъ,—меня привело... Я... я... я люблю васъ“,—произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновенье поняла, гдѣ она и что съ нею. Она хотѣла подняться, не могла и закрыла лицо руками.

— „Лиза,—произнесъ Лаврецкій,—Лиза“,—повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ...

Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдныхъ рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— „Что съ вами?“—промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло... Онъ понялъ, что значили эти слезы.—Неужели вы

меня любите?“—прошептала онъ и коснулся ея колѣней.—„Встаньте,—послышался ея голосъ,—встаньте, Ѳеодоръ Ивановичъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?“

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— „Мнѣ страшно; что это мы дѣлаемъ?“—повторила она.—„Я васъ люблю,—проговорилъ онъ снова,—я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою“.

Она опять вздрогнула, какъ будто ее что-то ужалило, и подняла взоры къ небу.

— „Это все въ Божьей власти“,—промолвила она.—„Но вы меня любите, Лиза? Мы будемъ счастливы?“

Она опустила глаза; онъ тихо привлекъ ее къ себѣ, и голова ея упала къ нему на плечо... Онъ отклонилъ немного свою голову и коснулся ея блѣдныхъ губъ.

Прїездъ жены Лаврецкаго. [Газетное извѣстіе о смерти жены Лаврецкаго оказалось ложнымъ,—она прикрылась этимъ извѣстіемъ, чтобы уѣхать изъ Парижа въ Россію, якобы для примиренія съ мужемъ,—на дѣлѣ же ради поправленія средствъ. Она явилась и къ Калитинымъ. Лаврецкій предупредилъ Лизу запиской о томъ, что его жена прїѣхала къ нему въ деревню].

Съ утра, съ самой той минуты, когда она, вся похолодѣвъ отъ ужаса, прочла записку Лаврецкаго, Лиза готовилась ко встрѣчѣ съ его женою; она предчувствовала, что увидитъ ее. Она рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе своимъ, какъ она назвала ихъ, преступнымъ надеждамъ. Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ-нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. „По дѣломъ!“—говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ея самое пугавшіе порывы.—„Ну, надо идти!“—подумала она, какъ только узнала о прїѣздѣ Лаврецкой, и она пошла... Долго стояла она передъ дверью гостиной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: „я передъ нею виновата“—переступила она порогъ и заставила себя посмотреть на нее, заставила себя улыбнуться. Варвара Павловна пошла ей на встрѣчу, какъ только увидала ее, и склонилась передъ ней слегка, но все-таки почтительно.—„Позвольте мнѣ рекомендовать себя,—заговорила она вкрадчивымъ голосомъ,—ваша maman такъ снисходительна ко мнѣ, что я надѣюсь, что и вы будете... добры.“—Выраженіе лица Варвары Павловны, когда она сказала это послѣднее слово, ея хитрая улыбка, холодный и въ то-же время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо—возбудили такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить, и черезъ силу протянула ей руку. „Эта барышня брезгаетъ мною“,—подумала Варвара Павловна, крѣпко стискивая холодные пальцы Лизы и, обернувшись къ Марьѣ Дмитриевнѣ, промолвила вполголоса:—„Mais elle est délicieuse!“ Лиза слабо вспыхнула: насмѣшка, обида, послышались ей въ этомъ восклицаніи; но она рѣшилась не вѣрить своимъ впечатлѣніямъ и сѣла къ окну за палцы. Варвара Па-

вловна и тутъ не оставила ее въ покоѣ: подошла къ ней, пачала хвалить ея вкусъ, ея искусство... Сильно и болѣзненно забилось сердце у Лизы: она едва переломила себя, едва усидѣла на мѣстѣ. Ей казалось, что Варвара Павловна все знаетъ и, тайно торжествуя, подтруниваетъ надъ ней. Къ счастью ея, Гедеоновскій заговорилъ съ Варварой Павловной и отвлекъ ея вниманіе. Лиза склонилась надъ пальцами и украдкой наблюдала за нею. „Эту женщину,—думала она,—любилъ онъ“. Но она тотчасъ же изгнала изъ головы самую мысль о Лаврецкомъ: она боялась потерять власть надъ собою, она чувствовала, что голова у ней тихо кружилась. Марья Дмитриевна заговорила о музыкѣ.

— „Я слышала, моя милая,—начала она,—вы удивительная виртуозка“.—„Я давно не играла,—возразила Варвара Павловна, немедленно садясь за фортепьяно, и бойко пробѣжала пальцами по клавишамъ.—Прикажете?“—„Сдѣлайте одолженіе“.

Варвара Павловна мастерски сыграла блестящій и трудный этюдъ Герца. У ней было очень много силы и проворства.

— „Сильфида!“—воскликнулъ Гедеоновскій.—„Необыкновенно!—подтвердила Марья Дмитриевна.—Ну, Варвара Павловна, признаюсь,—промолвила она, въ первый разъ называя ее по имени,—удивили вы меня; вамъ хоть бы концерты давать. Здѣсь у насъ есть музыкантъ, старикъ, изъ нѣмецвъ, чудакъ, очень ученый; онъ Лизѣ уроки даетъ; тотъ просто отъ васъ съ ума сойдетъ“.—„Лизавета Михайловна тоже музыкантша?“—спросила Варвара Павловна, слегка обернувъ къ ней голову.—„Да, она играетъ недурно и любитъ музыку; но что это значитъ передъ вами? Но здѣсь есть еще одинъ молодой человѣкъ: вотъ съ кѣмъ вы должны познакомиться. Это—артистъ въ душѣ и сочиняетъ премило. Онъ одинъ можетъ васъ вполне оцѣнить.“

Лиза вошла въ теткинѣ комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Марѣя Тимофеевна долго, молча, посмотрѣла на нее, тихонько стала передъ нею на колѣни—и начала, все такъ же молча, цѣловать попеременно ея руки. Лиза подалась впередъ, покраснѣла—и заплакала, но не подняла Марѣю Тимофеевну, не отняла своихъ рукъ: она чувствовала, что, не имѣя права отнять ихъ, не имѣла права помѣшать старушкѣ выразить свое раскаяніе, участіе, испросить у ней прощеніе за вчерашнее и Марѣя Тимофеевна не могла нацѣловаться этихъ бѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ—и безмолвныя слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампы чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконой,—и въ сосѣдней комнаткѣ за дверью стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ клѣтчатимъ носовымъ платкомъ.

Лаврецкій и Лиза. Лиза прислонилась къ спинкѣ кресла и тихо занесла себѣ руки на лицо; Лаврецкій остался, гдѣ былъ.

— „Вотъ какъ мы должны были увидѣться,“ — проговорилъ онъ наконецъ.

Лиза приняла руки отъ лица.

— „Да, — сказала она глухо, — мы скоро были наказаны.“ — „Наказаны, — повторилъ Лаврецкій... — За что же вы-то наказаны?“

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклѣй. Лицо ея было блѣдно; слегка раскрытыя губы тоже поблѣднѣли.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— „Вы мнѣ написали: все кончено, — прошепталъ онъ, — да, все кончено, — прежде чѣмъ началось.“ — „Это все надо забыть, — проговорила Лиза, — я рада, что вы пришли; я хотѣла вамъ написать, но такъ лучше. Только надо скорѣе пользоваться этими минутами. Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой.“ — „Лиза!“ — „Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все, что было. Вы подумаете — и не откажете мнѣ.“ — „Лиза, ради Бога — вы требуете невозможнаго. Я готовъ сдѣлать все, что вы прикажете; но *теперь* примириться съ нею!.. Я согласенъ на все, я все забылъ; но не могу же я заставить свое сердце... Помилуйте, это жестоко.“ — „Я и не требую отъ васъ... того, что вы говорите; не живите съ ней, если вы не можете, но примиритесь, — возразила Лиза и снова занесла руку на глаза. — Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для меня.“ — „Хорошо, — проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій, — это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы — въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?“ — „Про это я знаю.“

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— „Ужъ не собираетесь ли вы выйти за Паншина?“ — спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— „О, нѣтъ!“ — промолвила она. — „Ахъ, Лиза, Лиза! — воскликнулъ Лаврецкій, — какъ бы мы могли быть счастливы!“

Лиза опять взглянула на него.

— „Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Ивановичъ, что счастье зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога.“ — „Да, потому что вы...“

— „Лиза, — началъ Лаврецкій умоляющимъ голосомъ, — мы разстанемся навсегда, сердце мое разрывается, — дайте мнѣ вашу руку — на прощаніе.“

Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ...

— „Нѣтъ, — промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку, — нѣтъ, Лаврецкій (она въ первый разъ такъ его называла), — не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ. Вы знаете, я васъ люблю... да, я люблю васъ, — прибавила она съ усиленіемъ, — но нѣтъ... нѣтъ.“

И она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— „Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ этотъ платокъ...“

Дверь скрипнула.

— „Возьмите,“ — поспѣшно проговорила Лиза.

Платокъ скользнулъ по ея колѣнямъ. Лаврецкій подхватилъ его; прежде чѣмъ онъ успѣлъ упасть на полъ, быстро сунулъ его въ боковой карманъ и, обернувшись, встрѣтился глазами съ Марою Тимофеевной.

— „Лизочка, мнѣ кажется, тебя мать зоветъ,“ — промолвила старушка.

Лиза тотчасъ встала и ушла.

Лиза. У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и предъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецькій, она тщательно обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждого цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Марѳа Тимофеевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— „А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, — промолвила Марѳа Тимофеевна, низко наклоняясь къ горшку съ молодымъ розаномъ. — Какъ славно пахнетъ!“

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— „Какое вы это произнесли слово!“ — прошептала она. — „Какое слово, какое? — съ живостью подхватила старушка. — Что ты хочешь сказать? Это ужасно, — заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиной кроваткѣ, — это сверхъ силъ моихъ: четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю, — не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь, не могу, не могу.“ — „Да что съ вами, тетушка? — промолвила Лиза, — я ничего...“ — „Ничего? — воскликнула Марѳа Тимофеевна, — это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя, что ты сдѣлала съ своимъ лицомъ, куда глаза свои дѣвала? — Ничего! развѣ я не все знаю?“ — „Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.“ — „Пройдетъ, да когда? Господи Боже, мой Владыко! неужели ты такъ его полюбила? да вѣдь онъ старикъ, Лизочка. Ну, я не спорю, онъ хорошій человекъ, не кусается; да вѣдь чтожь такое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, этого добра всегда будетъ много.“ — „Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.“

— „Слушай, Лизочка, что я тебѣ скажу, — промолвила вдругъ Марѳа Тимофеевна, усаживая Лизу подлѣ себя на кровати и поправляя то ея волосы, то косынку. — Это тебѣ только такъ стгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа моя, на одну смерть лекарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: „не поддамся-моль я, — ну его!“ и сама потомъ, какъ диву

дашься, — какъ оно скоро, хорошо проходить. Ты только потерпи.“ — „Тетушка, — возразила Лиза, — оно уже прошло, все прошло!“ — „Прошло! какое прошло! Вотъ у тебя носикъ даже заострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!“ — „Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь, — произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Марѣ Тимофеевнѣ. — Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ, не сердитесь, поймите меня...“ — „Да что такое, что такое, мать моя? Не пугай меня, пожалуйста; я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня; говори скорѣе, что такое!“ — „Я... я хочу...“ — Лиза спрятала свое лицо на груди Мары Тимофеевны... — Я хочу идти въ монастырь,“ — проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— „Перекрестись, мать моя, Лизочка, опомнись: что ты это, Богъ съ тобою, — пролепетала она наконецъ, — лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ бессонницы, душа моя“.

Лиза подняла голову, щеки ея пылали.

— „Нѣтъ, тетушка, — промолвила она, — не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ недаромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамаша, Леночки; но дѣлать нечего; чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то, тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду...“

Эпизодъ. [Прошло восемь лѣтъ. Однажды весною Лаврецкій посѣтилъ домъ Калитиныхъ; здѣсь его встрѣтили новыя лица и старыя воспоминанія. Онъ почувствовалъ свое одиночество еще сильнѣе].

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что бросилось ему въ глаза — была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновений; она почернѣла, искривилась; но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ радости, и въ горести, — чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастья, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодостью прошелся онъ по аллеямъ: липы немного постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— „Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла, — вскрикнула вдругъ Леночка, войдя на небольшую зеленую поляну, окруженную липами, — насъ, кстати, пятеро.“ — „А Федора Ивановича ты забыла? — замѣтилъ ее братъ... Или ты себя не считаешь?“

Леночка слегка покраснѣла.

— „Да развѣ Ѳеодоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ...“—начала она.—„Пожалуйста, играйте,—поспѣшно подхватилъ Лаврецкій,—не обращайтесь вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего; у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія“.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью,—точно имъ учитель урокъ прочелъ,—и вдругъ поспали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ по срединѣ—и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ: раздался слабый, но чистый звукъ и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія; но грусть о ней была томительна и не легка: въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладона. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьи, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и—къ чему таить правду?—постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ—и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденія,—онъ одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодого поколѣнія,—оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться—нечего. „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы,—думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ,—жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и

вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: „Здравствуй, одинокая старость! Дорогай, бесполезная жизнь!“

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился; его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

„И конецъ? — спросить, можетъ-быть, неудовлетворенный читатель. — А что же случилось потомъ съ Лаврецкимъ? Съ Лизой?“ Но что сказать о людяхъ еще живыхъ, но уже сошедшихъ съ земного поприща, зачѣмъ возвращаться къ нимъ? Говорятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза—и увидалъ ее. Перебирался съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини — и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо—и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые чотками, еще крѣпче прижались другъ къ другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнаетъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенія въ жизни, такія чувства... На нихъ можно только указать—и пройти мимо.

И. Тургеневъ.

IV.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

[Молодой Адуевъ, кончивъ университетъ, прїѣхалъ въ имѣніе къ матери, соскучился и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Мать долго отговаривала его: она говорила ему о своей любви къ нему, о довольствїи и спокойствїи домашней жизни, пугала его жизнью въ Петербургѣ, гдѣ „злыхъ людей много“; она говорила о красотѣ деревенской природы].

— „Погляди-ка, говорила она:—какой красотой Богъ одѣлъ поля наши! Вонъ съ тѣхъ полей одной ржи до 500 четвертей сберемъ; а вонъ и пшеничка есть, и гречиха; только гречиха нынче не то, что прошлый годъ, кажется, плоха будетъ. А лѣсъ-то, лѣсъ-то какъ разросся! Подумаешь, какъ велика премудрость Божїа! Дровецъ съ своего участка мало-мало на тысячу продадимъ. А дичи, дичи что! и вѣдь все это твое, милый сынокъ: я только твоя приказчица. Погляди-ка, озеро: что за великолѣпіе! истинно небесное! рыба такъ и ходитъ; одну осетрину покупаемъ, а то ерши, окуни, караси кишмя кишатъ: и на себя и на людей идетъ. Вонъ твои коровки и лошадки пасутся. Здѣсь ты одинъ всему господинъ, а тамъ, можетъ-быть, всякій станетъ помыкать тобой. И ты хочешь бѣжать отъ такой благодати, еще не знаешь куда, въ омутъ, можетъ-быть, прости Господи... Остаешься!“

Онъ молчалъ.

— „Да ты не слушаешь,—сказала она.—Куда это ты такъ пристально заглядѣлся?“

Онъ молча и задумчиво указалъ рукой въ даль. Анна Павловна взглянула и измѣнилась въ лицѣ. Тамъ, между полей, змѣейвилась дорога и убѣгала за лѣсъ, дорога въ обѣтованную землю, въ Петербургъ. Анна Павловна молчала нѣсколько минутъ, чтобъ собраться съ силами.

— „Такъ вотъ что!—проговорила она наконецъ уныло.—Ну, мой другъ, Богъ съ тобой! поѣзжай, ужъ если тебя такъ тянетъ отсюда: я не удерживаю! По крайней мѣрѣ, не скажешь, что мать заѣдаетъ твою молодость и жизнь“.

Бѣдная мать! вотъ тебѣ и награда за твою любовь! Того-ли ожидала ты? Въ томъ-то и дѣло, что матери не ожидаютъ награды. Мать любитъ безъ толку и безъ разбору. Велики вы, славны, красивы, горды, перехо-

дить имя ваше изъ устъ въ уста, гремятъ ваши дѣла по свѣту — голова старушки трясется отъ радости, она плачетъ, смѣется и молится долго и жарко. А сынокъ, большею частью, и не думаетъ подѣлиться славой съ родительницею. Нищи-ли вы духомъ и умомъ, отмѣтила-ли васъ природа клеймомъ безобразія, точить-ли жало недуга ваше сердце или тѣло, наконецъ, отталкиваютъ васъ отъ себя люди и нѣтъ вамъ мѣста между ними—тѣмъ болѣе мѣста въ сердцѣ матери. Она сильнѣе прижимаетъ къ груди уродливое, неудавшееся чадо и молится еще долѣе и жарче.

Какъ назвать Александра безчувственнымъ за то, что онъ рѣшился на разлуку? Ему было двадцать лѣтъ. Жизнь отъ пеленъ ему улыбалась; мать лелѣяла и баловала его, какъ балуютъ единственное чадо; нянька все нѣла ему надъ колыбелью, что онъ будетъ ходить въ золотѣ и не знать горя; профессора твердили, что онъ пойдетъ далеко, а по возвращеніи его домой ему улыбнулась дочь сосѣдки. И старый котъ Васька былъ къ нему, какъ жетя, ласковѣе, нежели къ кому-нибудь въ домѣ.

О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху, какъ знаютъ о какой-нибудь заразѣ, которая не обнаружилась, но глухо гдѣ-то таится въ народѣ. Отъ этого будущее представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ. Его что-то манило въ даль, но что именно—онъ не зналъ. Тамъ мелькали обольстительные призраки, но онъ не могъ разглядѣть ихъ; слышались смѣшанные звуки—то голосъ славы, то любви: все это приводило его въ сладкій трепетъ.

Ему скоро тѣсенъ сталъ домашній міръ. Природу, ласки матери, благоговѣніе няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусныя яства и мурлыганье Васьки—всѣ эти блага, которыя такъ дорого цѣнятся на склонѣ жизни, онъ весело мѣнялъ на неизвѣстное, полное увлекательной и таинственной прелести. Даже любовь Софьи, первая, нѣжная и розовая любовь, не удерживала его. Что ему эта любовь? Онъ мечталъ о колоссальной страсти, которая не знаетъ никакихъ преградъ и свершаетъ громкіе подвиги. Онъ любилъ Софью пока маленькою любовью, въ ожиданіи большой. Мечталъ онъ и о пользѣ, которую принесетъ отечеству. Онъ прилежно и многому учился. Въ аттестатѣ его сказано было, что онъ знаетъ съ дюжину наукъ да съ полдюжины древнихъ и новыхъ языковъ. Всего-же болѣе онъ мечталъ о славѣ писателя. Стихи его удивляли товарищей. Передъ нимъ разстилалось множество путей, и одинъ казался лучше другого. Онъ не зналъ, на который броситься. Скрывался отъ глазъ только прямой путь; замѣтъ онъ его, такъ тогда, можетъ-быть, и не поѣхаль-бы.

Какъ-же ему было остаться? Мать желала—это опять другое и очень естественное дѣло. Въ сердцѣ ея отжили всѣ чувства, кромѣ одного—любви къ сыну, и оно жарко ухватилось за этотъ послѣдній предметъ. Не будь его, что-же ей дѣлать? Хоть умирать. Ужъ давно доказано, что женское сердце не живетъ безъ любви.

Александръ былъ избалованъ, но не испорченъ домашнею жизнью. Природа такъ хорошо создала его, что любовь матери и поклоненіе окружающихъ подѣйствовали только на добрыя его стороны, развили, напри-

мѣръ, въ немъ'преждевременно сердечныя склонности, поселили ко всему довѣрчивость до излишества. Это-же самое, можетъ-быть, расшевелило въ немъ и самолюбіе; но вѣдь самолюбіе само по себѣ только форма; все будетъ зависѣть отъ матеріала, который вольешь въ нее.

Гораздо болѣе бѣды для него было въ томъ, что мать его, при всей своей нѣжности, не могла дать ему настоящаго взгляда на жизнь и не приготовила его на борьбу съ тѣмъ, что ожидало его и ожидаетъ всякаго впереди. Но для этого нужно было искусную руку, тонкій умъ и запасъ большой опытности, не ограниченной тѣснымъ деревенскимъ горизонтомъ. Нужно было даже поменьше любить его, не думать за него ежеминутно, не отводить отъ него каждую заботу и неприятность, не плакать и не страдать вмѣсто его и въ дѣтствѣ, чтобъ дать ему самому почувствовать приближеніе грозы, справиться съ своими силами и подумать о своей судьбѣ—словомъ, узнать, что онъ мужчина. Гдѣ-же было Аннѣ Павловнѣ понять все это и, особенно, выполнить? Читатель видѣлъ, какова она.

[Молодой Адуевъ по пріѣздѣ въ Петербургъ отправился къ дядѣ, Петру Ивановичу Адуеву].

Старшій Адуевъ. Въ Петербургѣ онъ слылъ за человѣка съ деньгами, и, можетъ-быть, не безъ причины; служилъ при какомъ-то важномъ лицѣ чиновникомъ особыхъ порученій и носилъ нѣсколько ленточекъ въ петлицѣ фрака; жилъ на большой улицѣ, занималъ хорошую квартиру, держалъ троихъ людей и столько-же лошадей. Онъ былъ не старъ, а что называется „мужчина въ самой порѣ“—между тридцатью пятью и сорока годами.

Онъ былъ высокій, пропорціонально сложенный мужчина, съ крупными, правильными чертами смугло-матоваго лица, съ ровной, красивой походкой, съ сдержанными, но пріятными манерами. Такихъ мужчинъ обыкновенно называютъ *bel homme*.

Въ лицѣ замѣчалась также сдержанность, т.-е. умѣнье владѣть собою, не давать лицу быть зеркаломъ души. Онъ былъ того мнѣнія, что это неудобно—и для себя и для другихъ. Таковъ онъ былъ въ свѣтѣ.

[Дядюшка остался не особенно доволенъ пріѣздомъ провинціального племянника; сентиментальное письмо старой родственницы, въ которую онъ когда-то былъ влюбленъ, его раздосадовало, а наивныя порученія, присланныя съ племянникомъ, разсердили. Адуевъ-старшій прервалъ всѣ связи съ провинціей, сдѣлался типичнымъ петербургскимъ чиновникомъ, его шокировала всякая наивность, некомильфотность провинціи].

Молодой Адуевъ у дяди.—„Маменька, слава Богу, здорова, кланяется вамъ и тетушка Марья Павловна тоже,—сказалъ робко Александръ Ѳеодорычъ.—Тетушка поручила мнѣ обнять васъ...“—Онъ всталъ и подошелъ къ дядѣ, чтобъ поцѣловать его въ щеку, или въ голову, или въ плечо, или, наконецъ, во что удастся.—„Тетушкѣ твоей пора-бы съ лѣтами быть умнѣе, а она, я вижу, все такая-же дура, какъ была двадцать лѣтъ тому назадъ...“

Озадаченный Александръ задомъ воротился на свое мѣсто.

— „Вы получили, дядюшка, письмо?..“ — сказалъ онъ. — „Да, получилъ.“ — „Василій Тихонычъ Заѣзжаловъ,—началъ Александръ Ѳеодорычъ,—

убѣдительно просить васъ справиться и похлопотать о его дѣлѣ...“ — „Да, онъ пишетъ ко мнѣ... У васъ еще не перевелись такіе ослы?“

Александръ не зналъ, что и подумать—такъ его сразили эти отзывы.

— „Извините, дядюшка...“ — началъ онъ почти съ трепетомъ. — „Что?“ — „Извините, что я не пріѣхалъ прямо къ вамъ, а остановился въ конторѣ дилижансовъ... Я не зналъ вашей квартиры...“ — „Въ чемъ тутъ извиняться? Ты очень хорошо сдѣлалъ. Матушка твоя, Богъ знаетъ, что выдумала. Какъ-бы ты ко мнѣ пріѣхалъ, не зная, можно-ли у меня остановиться, или нѣтъ? Квартира у меня, какъ видишь, холостая, для одного: зала, гостиная, столовая, кабинетъ, еще рабочій кабинетъ, гардеробная да туалетная—лишней комнаты нѣтъ. Я-бы стѣснялъ тебя, а ты меня... А я нашелъ для тебя здѣсь-же въ домѣ квартиру...“ — „Ахъ, дядюшка,—сказалъ Александръ,—какъ мнѣ благодарить васъ за эту заботливость?“

И онъ опять вскочилъ съ мѣста, съ намѣреніемъ словомъ и дѣломъ доказать свою признательность.

— „Тише, тише, не трогай!—заговорилъ дядя, — бритвы преострыя, того и гляди обрѣжешься самъ и меня обрѣжешь“.

[Адуевъ былъ смущенъ своими первыми петербургскими впечатлѣніями: дядя его встрѣтилъ холодно, городъ не понравился].

„Такъ вотъ какъ здѣсь, въ Петербургѣ...—думалъ Александръ, сидя въ новомъ своемъ жилищѣ,—если родной дядя такъ, чтожь прочіе?..“

Молодой Адуевъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ въ сильной задумчивости. Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ однѣ трубы, да крыши, да черные, грязные, кирпичные бока домовъ... и сравнилъ съ тѣмъ, что видѣлъ, назадъ тому двѣ недѣли, изъ окна своего деревенскаго дома. Ему стало грустно.

Онъ вышелъ на улицу—сумаатоха, всѣ бѣгутъ куда-то, занятые только собою, едва взглядывая на проходящихъ, и то развѣ для того, чтобъ не наткнуться другъ на друга. Онъ вспомнилъ про свой губернской городъ, гдѣ каждая встрѣча, съ кѣмъ-бы то ни было, почему-нибудь интересна. То вотъ Иванъ Ивановичъ идетъ къ Петру Петровичу—и всѣ въ городѣ знаютъ зачѣмъ. То Марья Мартиновна ѣдетъ отъ вечерни, то Аонасій Савичъ на рыбную ловлю. Тамъ проскакалъ, сломя голову, жандармъ отъ губернатора къ доктору, и всякій знаетъ, что ея превосходительство изволитъ родить, хотя, по мнѣнію разныхъ кумушекъ и бабушекъ, объ этомъ заранѣе знать не слѣдовало-бы. Всѣ спрашиваютъ что: дочку или сына? Барыни готовятъ парадные чепцы. Вонъ Матвѣй Матвѣичъ вышелъ изъ дому, съ толстой палкой, въ шестомъ часу вечера, и всякому извѣстно, что онъ идетъ дѣлать вечерній моціонъ, что у него безъ того желудокъ не варитъ, и что онъ остановится непременно у окна стараго совѣтника, который, также извѣстно, пьетъ въ это время чай. Съ кѣмъ ни встрѣтишься, — поклонъ да пару словъ, а съ кѣмъ и не кланяешься, такъ знаешь кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ, и у того въ глазахъ написано: и я знаю, кто вы, куда и зачѣмъ идете. Если, наконецъ, встрѣтятся незнакомые, еще не видавшіе другъ друга, то вдругъ лица обоихъ превращаются въ знаки

вопроса; они останются и оборотятся назадъ раза два, а пришедши домой, опишутъ и костюмъ и походку новаго лица, и пойдутъ толки и догадки, и кто, и откуда, и зачѣмъ. А здѣсь такъ взглядомъ и сталкиваютъ прочь съ дороги, какъ-будто всѣ враги между собою.

Александръ сначала съ провинціальнымъ любопытствомъ вглядывался въ каждого встрѣчнаго и каждого порядочно одѣтаго человѣка, принимал ихъ то за какого-нибудь министра или посланника, то за писателя: „не онъ-ли?—думалъ онъ,—не этотъ-ли?“ Но вскорѣ это надоѣло ему—министры, писатели, посланники встрѣчались на каждомъ шагу.

Онъ посмотрѣлъ на дома—и ему стало еще скучнѣе: на него наводили тоску эти однообразныя каменные громады, которыя, какъ колоссальныя гробницы, сплошною массою тянутся одна за другою. „Вотъ кончается улица, сейчасъ будетъ приволье глазамъ,—думалъ онъ,—или горка, или зелень, или развалившійся заборъ,—нѣтъ, опять начинается та-же каменная ограда одинакихъ домовъ, съ четырьмя рядами оконъ. И эта улица кончилась, ее преграждаетъ опять то-же, а тамъ новый порядокъ такихъ-же домовъ. Заглянешь направо, налево—всюду обступили васъ, какъ рать исполиновъ, дома, дома и дома, камень и камень, все одно да одно... нѣтъ простора и выхода взгляду: заперты со всѣхъ сторонъ, — кажется, и мысли и чувства людскія также заперты“.

Тяжелы первыя впечатлѣнія провинціала въ Петербургѣ. Ему дико, грустно; его никто не замѣчаетъ; онъ потерялся здѣсь; ни новости, ни разнообразіе, ни толпа не развлекаютъ его. Провинціальный эгоизмъ его объявляетъ войну всему, что онъ видитъ здѣсь и чего не видѣлъ у себя. Онъ задумывается и мысленно переносится въ свой городъ.

А здѣсь... какая тоска! И провинціалъ вздыхаетъ и по заборѣ, который напротивъ его оконъ, и по пыльной и грязной улицѣ, и по тряскому мосту, и по вывѣскѣ на питейной конторѣ. Ему противно сознаться, что Исакиевскій соборъ лучше и выше собора въ его городѣ, что зала Дворянскаго Собранія больше залы тамошней.

Еще болѣе взгрустнется провинціалу, какъ онъ войдетъ въ одинъ изъ этихъ домовъ, съ письмомъ издалека. Онъ думаетъ, вотъ отворятся ему широкія объятія, не будутъ знать какъ принять его, гдѣ посадить, какъ угостить; станутъ искусно вывѣдывать, какое его любимое блюдо, какъ ему станетъ совѣстно отъ этихъ ласкъ, какъ онъ, подъ конецъ, броситъ всѣ церемоніи, расцѣлуетъ хозяйина и хозяйку, станетъ говорить имъ *ты*, какъ-будто двадцать лѣтъ знакомы: всѣ подошпютъ наливочки, можетъ быть, запоютъ хоромъ пѣсню...

Куда! на него едва глядятъ, морщатся, извиняются занятіями; если есть дѣло, такъ назначаютъ такой часъ, когда не обѣдаютъ и не ужинаютъ, а адмиральскаго часу вовсе не знаютъ—ни водки, ни закуски. Хозяинъ пятится отъ объятій, смотритъ на гостя какъ-то странно. Въ сосѣдней комнатѣ звенятъ ложками, стаканами: тутъ-то бы и пригласить, а его искусными намеками стараются выпроводить... Все на заперти, вездѣ колокольчики: не мизерно-ли это? да какія-то холодныя нелюдимыя лица.

[Осмотрѣвъ Петербургъ, Адуевъ нѣсколько успокоился].

Онъ съ часъ простоялъ передъ *Мѣднымъ Всадникомъ*, но не съ горькимъ упрекомъ въ душѣ, какъ бѣдный *Евгеній*, а съ восторженной думой. Взглянулъ на Неву, окружающія ее зданія—и глаза его засверкали. Онъ вдругъ застыдился своего пристрастія къ тряскимъ мостамъ, палисадникамъ, разрушеннымъ заборамъ. Ему стало весело и легко. И суматоха, и толпа—все въ глазахъ его получило другое значеніе. Замелькали опять надежды, подавленные на время грустнымъ впечатлѣніемъ; новая жизнь отверзала ему объятія и манила къ чему-то неизвѣстному. Сердце его сильно билось. Онъ мечталъ о благородномъ трудѣ, о высокихъ стремленіяхъ, и преравно выступалъ по Невскому проспекту, считая себя гражданиномъ новаго міра... Въ этихъ мечтахъ воротился онъ домой.

Разговоръ дяди съ племянникомъ. — „Скажи-ка, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?“ — „Я пріѣхалъ... жить“. — „Жить? т.-е. если ты разумѣешь подѣ этимъ ѣсть, пить и спать, такъ не стоило труда ѣздить такъ далеко: тебѣ такъ не удастся ни поѣсть, ни поспать здѣсь, какъ тамъ, у себя; а если ты думалъ что-нибудь другое, такъ объяснись“... — „Пользоваться жизнью, хотѣлъ я сказать,—прибавилъ Александръ, весь покраснѣвъ,—мнѣ въ деревнѣ надоѣло все одно и то-же... — „Но словамъ вашимъ, дядюшка, выходитъ, что я какъ-будто самъ не знаю, зачѣмъ я пріѣхалъ“. — „Почти такъ, это лучше сказано: тутъ есть правда; только все еще нехорошо. Неужели ты, какъ собирался сюда, не задалъ себѣ этого вопроса: зачѣмъ я ѣду? Это было-бы не лишнее“. — „Прежде, нежели я задалъ себѣ этотъ вопросъ, у меня уже былъ готовъ отвѣтъ!“ — съ гордостью отвѣчалъ Александръ“. — „Такъ что-же ты не говоришь? ну, зачѣмъ?“ — „Меня влекло какое-то неодолимое стремленіе, жажда благородной дѣятельности; во мнѣ кишло желаніе уяснить и осуществить...“

Петръ Ивановичъ приподнялся немного съ дивана, вынулъ изо рта сигару и наострилъ уши.

— „Осуществить тѣ надежды, которыя толпились...“ — „Не пишешь-ли ты стиховъ?“ — вдругъ спросилъ Петръ Ивановичъ. [Затѣмъ дядя тонко вышутилъ восторженность рѣчей племянника и рекомендовалъ говорить] попроще, какъ всѣ, а не какъ профессоръ эстетики. Впрочемъ, этого вдругъ растолковать нельзя; ты послѣ самъ увидишь. Ты, кажется, хочешь сказать, сколько я могу припомнить университетскія лекціи и перевести твои слова, что ты пріѣхалъ сюда дѣлать карьеру и фортуны — такъ-ли?“ — „Да, дядюшка, карьеру...“ — „И фортуны, — прибавилъ Петръ Ивановичъ, — что за карьера безъ фортуны? Мысль хороша — только... напрасно ты пріѣзжалъ. У тебя, кажется, натура не такая, чтобъ поддавалась новому порядку; а тамошній порядокъ—ой, ой! Ты, вошь, изиѣженъ и избалованъ матерью; гдѣ тебѣ выдержать все, что я выдержалъ? Ты, должно быть, мечтатель, а мечтать здѣсь некогда; подобныя намъ ѣздятъ сюда дѣло дѣлать.“ — „Можетъ быть, я въ состояніи что-нибудь сдѣлать, если вы не оставите меня вашими совѣтами и опытностью...“ — „Совѣтовать—боюсь. Я не ручаюсь за твою деревенскую натуру: выйдетъ вздоръ—станешь пенять на меня; а мнѣние

свое сказать, изволь—не отказываюсь, ты слушай или не слушай, какъ хочешь. Да нѣтъ! я не надѣюсь на удачу. У васъ тамъ свой взглядъ на жизнь: какъ переработаете его? Вы помѣшались на любви, на дружбѣ да на прелестяхъ жизни, на счастьи; думаютъ, что жизнь только въ этомъ и состоитъ: ахъ да охъ! плачутъ, хнычутъ да любезничаютъ, а дѣла не дѣлаютъ... Какъ я отучу тебя отъ всего этого?—мудрено!“ — „Я постараюсь, дядюшка, приноровиться къ современнымъ понятіямъ. Уже сегодня, глядя на эти огромныя зданія, на корабли, принесшіе намъ дары дальнихъ странъ, я подумалъ объ успѣхахъ современнаго человѣчества, я понялъ волненіе этой разумно-дѣятельной толпы, готовъ слиться съ нею“...

Петръ Ивановичъ, при этомъ монологѣ, значительно поднялъ брови и пристально посмотрѣлъ на племянника. Тотъ останоился.

— „Дѣло, кажется, простое,—сказалъ дядя,—а они, Богъ знаетъ, что заберутъ въ голову... „разумно-дѣятельная толпа!“ Право, лучше бы тебѣ остаться тамъ. Прожилъ бы ты вѣкъ свой славно: былъ бы тамъ умнѣ всѣхъ, прослылъ бы сочинителемъ и краспорѣчивымъ человѣкомъ, вѣрилъ бы въ вѣчную и неизмѣнную дружбу и любовь, въ родство, счастье, женился бы и незамѣтно дожилъ бы до старости и въ самомъ дѣлѣ былъ бы по своему счастливъ; а по здѣшнему ты счастливъ не будешь: здѣсь всѣ эти понятія надо перевернуть вверхъ дномъ.“—„Какъ, дядюшка, развѣ дружба и любовь—эти священные и высокія чувства, упавшія какъ-будто ненарочно съ неба въ земную грязь...“—„Что?“

Александръ замолчалъ.

— „Любовь и дружба въ грязь упали!“ Ну, какъ ты этакъ здѣсь брянешь?“—„Развѣ онѣ не тѣ же и здѣсь, какъ тамъ, хочу я сказать?“

— „Есть и здѣсь любовь и дружба;—гдѣ нѣтъ этого добра? только не такая, какъ тамъ у васъ; современемъ увидишь самъ... Ты прежде всего забудь эти *священные* да *небесныя* чувства, а приглядывайся къ дѣлу такъ, проще, какъ оно есть, право лучше, будешь и говорить проще. Впрочемъ, это не мое дѣло. Ты пріѣхалъ сюда, не ворочаться же назадъ: если не найдешь, чего искалъ, пеняй на себя. Я предупрежу тебя, что хорошо, по моему мнѣнію, что дурно, а тамъ, какъ хочешь... Попробуемъ, можетъ быть, удастся что-нибудь изъ тебя сдѣлать. Да! матушка просила снабжать тебя деньгами... Знаешь, что я тебѣ скажу: не проси у меня ихъ: это всегда нарушаетъ доброе согласіе между порядочными людьми. Впрочемъ, не думай, чтобъ я тебѣ отказывалъ: нѣтъ, если придется такъ, что другого средства не будетъ, такъ ты, нечего дѣлать, обратись ко мнѣ... Все у дяди лучше взять, чѣмъ у чужого, по-крайней мѣрѣ безъ процентовъ. Да, чтобъ не прибѣгать къ этой крайности, я тебѣ поскорѣй найду мѣсто, чтобъ ты могъ доставать деньги. Ну, до свиданья. Заходи поутру, мы переговоримъ, что и какъ начать.“

Молодой Адуевъ о дяднѣ. Александръ долгомъ считалъ любить дядю, но никакъ не могъ привыкнуть къ его характеру и образу мыслей.

„Дядюшка у меня, кажется, добрый человѣкъ,—писалъ онъ въ одно утро къ Поспѣлову, — очень уменъ, только человѣкъ весьма прозаическій, вѣчно въ дѣлахъ, въ расчетахъ... Духъ его будто прикованъ къ землѣ и

никогда не возносится до чистаго, изолированнаго отъ земныхъ дрызговъ созерцанія явленій духовной природы человѣка. Небо у него неразрывно связано съ землей, и мы съ нимъ, кажется, никогда совершенно не сольемся душами. Бдучи сюда, я думалъ, что онъ, какъ дядя, дастъ мнѣ мѣсто въ сердцѣ, согрѣетъ меня въ здѣшной холодной толпѣ горячими объятіями дружбы; а дружба, ты знаешь, *второе провидѣніе!* Но и онъ есть ничто иное, какъ выраженіе этой толпы. Я думалъ дѣлать съ нимъ вмѣстѣ время, не разставаться ни на минуту, но что встрѣтилъ?—холодные совѣты, которые онъ называетъ дѣльными; но пусть они лучше будутъ не дѣльны, но полны теплаго, сердечнаго участія. Онъ гордъ не гордъ, но врагъ всякихъ искреннихъ изліяній; мы не обѣдаемъ, не ужинаемъ вмѣстѣ, никуда не ѣдимъ. Приѣхавъ, онъ никогда не расскажетъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ и никогда также не говоритъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ, кто у него знакомые, правится ему что, нѣтъ ли, какъ онъ проводитъ время. Никогда не сердитъ особенно, ни ласковъ, ни печаленъ, ни веселъ. Сердцу его чужды всѣ порывы любви, дружбы, всѣ стремленія къ прекрасному. Часто говоришь, и говоришь какъ вдохновенный пророкъ, почти какъ нашъ великій, незабвенный Иванъ Семенычъ, когда онъ, помнишь, гремѣлъ съ каедры, а мы трепетали въ восторгъ отъ его огненнаго взора и слова; а дядюшка? слушаетъ, поднявъ брови, и смотритъ престранно, или засмѣется какъ-то по своему, такимъ смѣхомъ, который леденитъ у меня кровь — и прощай вдохновеніе! Я иногда вижу въ немъ какъ-будто пушкинскаго демона... Не вѣритъ онъ *любви* и проч., говорить, что счастья нѣтъ, что его никто и не обѣцалъ, а что есть просто жизнь, раздѣляющаяся поровну на добро и зло, на удовольствіе, удачу, здоровье, покой, потомъ на неудовольствіе, неудачу, безпокойство, болѣзни и проч., что на все на это надо смотрѣть просто, не забирать себѣ въ голову бесполезныхъ—каково? бесполезныхъ!—вопросовъ о томъ, зачѣмъ мы созданы, да къ чему стремимся,—что это не наша забота, и что отъ этого мы не видимъ, что у насъ подъ носомъ, и не дѣлаемъ своего дѣла... только и слышишь о дѣлѣ! Въ немъ не отличишь, находится ли онъ подъ вліяніемъ какого-нибудь наслажденія, или прозаическаго дѣла: и за счетами, и въ театрѣ, все одинаковъ; сильныхъ впечатлѣній не знаетъ и, кажется, не любитъ изящнаго: оно чуждо душѣ его; я думаю, онъ не читалъ даже Пушкина..."

[Неожиданно явился къ нему дядя, увидалъ у него кольцо и волосы, полученные при отъѣздѣ на память отъ Софьи, высмѣялъ племянника, выкинулъ „вещественные знаки невещественныхъ отношеній“ (слова молодого Адуева) въ окно, завладѣлъ письмомъ его къ Пospѣлову и заставилъ написать другое, въ иномъ стилѣ].

Александръ вынулъ листъ бумажки и взялъ перо, а Петръ Ивановичъ, глядя на прочтенное имъ письмо, диктовалъ:

„Любезный другъ“:

— „Написалъ?“ — „Написалъ.“

„Петербурга и впечатлѣній своихъ описывать тебѣ не стану“.

— „Не стану“, — сказалъ Александръ, написавъ.

„Петербургъ уже давно описанъ, а что не описано, то надо видѣть самому; впечатлѣнія мои тебѣ ни на что не годятся. Нечего попустому тратить время и бумагу. Лучше опишу моего дядю, потому что это относится лично до меня“.

— „Дядю“, — сказалъ Александръ. — „Ну, вотъ ты пишешь, что я очень добръ и уменъ — можетъ быть это и правда, можетъ быть и нѣтъ; возьмемъ лучше середину, пиши:

„Дядя мой не глупъ и не золь, мнѣ желаетъ добра...“

— „Дядюшка! я умѣю цѣнить и чувствовать...“—сказалъ Александръ и потянулся поцѣловать его.

„Хотя и не вѣшается мнѣ на шею“, — продолжалъ диктовать Петръ Ивановичъ. Александръ, не дотянувшись до него, поскорѣй сѣлъ на свое мѣсто.

„А желаетъ добра, потому что не имѣетъ причины и побужденія желать зла, и потому, что его просила обо мнѣ моя матушка, которая дѣлала нѣкогда и для него добро. Онъ говоритъ, что меня не любитъ — и весьма основательно: въ двѣ недѣли нельзя полюбить, и я еще не люблю его, хотя и увѣряю въ противномъ“.

— „Какъ это можно?“—сказалъ Александръ.—„Пиши, пиши“:

„Но мы начинаемъ привыкать другъ къ другу. Онъ даже говоритъ, что можно и совѣмъ обойтись безъ любви. Онъ не сидитъ со мной, обнявшись, съ утра до вечера, потому что это вовсе не нужно, да ему и некогда“.

— „Врагъ искреннихъ изліяній“—это можно оставить: это хорошо.— Написаль?“—„Написаль“.—„Ну, что у тебя тутъ еще? „Прозанческій духъ, демонъ...“ Пиши“.

Пока Александръ писалъ, Петръ Ивановичъ взялъ со стола какую-то бумагу, свернулъ ее, досталъ огня и закурилъ сигару, а бумагу бросилъ и затопталъ.

— „Дядя мой ни демонъ, ни ангелъ, а такой же человѣкъ, какъ и всѣ,— диктовалъ онъ,—только не совѣмъ похожъ на насъ съ тобой. Онъ думаетъ и чувствуетъ по земному, полагаетъ, что если мы живемъ на землѣ, такъ и не надо улетать съ нея на небо, гдѣ насъ теперь пока не спрашиваютъ, а заниматься человѣческими дѣлами, къ которымъ мы призваны. Оттого онъ вникаетъ во всѣ земныя дѣла и, между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ бы намъ ея хотѣлось. Вѣрить въ добро и вмѣстѣ въ зло, въ прекрасное и прескверное. Любви и дружбѣ тоже вѣрить, только не думаетъ, что онѣ упали съ неба въ грязь, а полагаетъ, что онѣ созданы вмѣстѣ съ людьми и для людей, что ихъ такъ и надобно понимать и вообще разсматривать вещи пристально, съ ихъ настоящей стороны, а не заноситься, Богъ знаетъ, куда. Между честными людьми онъ допускаетъ возможность пріязни, которая, отъ частыхъ сношеній и привычки, обращается въ дружбу. Но онъ полагаетъ также, что въ разлукѣ привычка теряетъ силу и люди забываютъ другъ друга и что это вовсе не преступленіе. Поэтому онъ увѣряетъ, что я тебя забуду, а ты меня. Это мнѣ, да и тебѣ вѣроятно, кажется дико, но онъ совѣтуетъ привыкнуть къ этой мысли, отчего мы оба не

будемъ въ дуракахъ. О любви онъ того же мнѣнія, съ небольшими оттѣнками: не вѣрить въ неизмѣнную и вѣчную любовь, какъ не вѣрить въ домовыхъ—и намъ не совѣтуетъ вѣрить. Впрочемъ, объ этомъ онъ совѣтуетъ мнѣ думать какъ можно меньше, а я тебѣ совѣтую. Это, говоритъ онъ, придетъ само собою—безъ зову; говоритъ, что жизнь не въ одномъ только этомъ состоитъ, что для этого, какъ для всего прочаго, бываетъ свое время, а цѣлый вѣкъ мечтать объ одной любви—глупо. Тѣ, которые ищутъ ея и не могутъ ни минуты обойтись безъ нея—живутъ сердцемъ, и еще чѣмъ-то хуже, на счетъ головы. Дядя любитъ заниматься дѣломъ, что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ: мы принадлежимъ къ обществу, говоритъ онъ, которое нуждается въ насъ; занимаясь, онъ не забываетъ и себя: дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ очень любитъ. Притомъ у него, можетъ быть, есть намѣренія, вслѣдствіе которыхъ, вѣроятно, не я буду его наследникомъ. Дядя не всегда думаетъ о службѣ да о заводѣ, онъ знаетъ наизусть не одного Пушкина...

— „Вы, дядюшка?“—сказалъ изумленный Александръ.—„Да, когда-нибудь увидишь. Пиши: „Онъ читаетъ на двухъ языкахъ все, что выходитъ замѣчательнаго по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ фламандской школы—это его вкусъ,—часто бываетъ въ театрѣ, но не суетится, не мечется, не ахаетъ, не охаетъ, думая, что это ребячество, что надо воздерживать себя, не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому что до нихъ никому нѣтъ надобности. Онъ также не говоритъ дикимъ языкомъ, что совѣтуетъ и мнѣ, а я тебѣ. Прощай, пиши ко мнѣ порѣже и не теряй по пустому времени. Другъ твой такой-то. Ну, мѣсяцъ и число“.

— „Какъ можно послать такое письмо?“—сказалъ Александръ:—„пиши порѣже“—написать это человѣку, который нарочно за сто шестьдесятъ верстъ пріѣхалъ, чтобы сказать послѣднее прости! „Совѣтую то, другое, третье...“ онъ не глупѣе меня: онъ вышелъ вторымъ кандидатомъ“.—„Нужды нѣтъ, ты все-таки пошли“

[Дядюшка сжегъ письмо, написанное къ Софьѣ, высмѣялъ эту „поэтическую возвышенную страсть“, отказался слушать отрывки тѣхъ лекцій, которыми увлекался племянникъ, и очень холодно отозвался о стихотвореніяхъ его!]

— „Ни худо, ни хорошо!—сказалъ онъ, окончивъ.—Впрочемъ, другіе начинали и хуже; попробуй, пиши, занимайся, если есть охота; можетъ быть, и обнаружится талантъ; тогда другое дѣло“.

Александръ опечалился. Онъ ожидалъ совсѣмъ не такого отзыва. Его немного утѣшало то, что онъ считалъ дядю человѣкомъ холоднымъ, почти безъ души.

[Дядюшка завладѣлъ всѣми рукописями племянника, чтобы онъ не занимался вздоромъ, и свезъ его представиться будущему начальнику въ департаментъ].

Молодой Адувъ въ департаментъ. Александръ знакомился съ этимъ новымъ для него міромъ. Онъ еще мечталъ все о проектахъ и ломалъ себѣ

голову надъ тѣмъ, какой государственный вопросъ предложить ему рѣшить, между тѣмъ все стоялъ и смотрѣлъ.

„Точно заводъ моего дяди!—рѣшилъ онъ наконецъ.—Какъ тамъ одинъ мастеръ возьметъ кусокъ массы, броситъ ее въ машину, повернетъ разъ, два, три,—смотришь, выйдетъ конусъ, овалъ или полукругъ; потомъ передаетъ другому, тотъ сушитъ на огнѣ, третій золотитъ, четвертый расписываетъ, и выйдетъ чашка, или ваза, или блюдечко. И тутъ: придетъ посторонній проситель, подастъ, полусогнувшись, съ жалкой улыбкой, бумагу—мастеръ возьметъ, едва дотронется до нея перомъ и передастъ другому, тотъ броситъ ее въ массу тысячи другихъ бумагъ,—но она не затеряется: заклеенная нумеромъ и числомъ, она пройдетъ невредимо чрезъ двадцать рукъ, плодятся и производя себѣ подобныхъ. Третій возьметъ ее и полѣзетъ зачѣмъ-то въ шкафъ, заглянетъ или въ книгу, или въ другую бумагу, скажетъ нѣсколько магическихъ словъ четвертому — и тотъ пошелъ скрипѣть перомъ. Поскрипѣвъ, передаетъ родительницу съ новымъ чадомъ пятому, — тотъ скрипитъ въ свою очередь перомъ и рождается еще плодъ, пятый охраниваетъ его и сдаетъ дальше, и такъ бумага идетъ, идетъ—никогда не пропадаетъ: умрутъ ея производители, а она все существуетъ цѣлые вѣки. Когда, наконецъ, ее покроетъ вѣковая пыль, и тогда еще тревожатъ ее и совѣтуются съ нею. И каждый день, каждый часъ, и сегодня и завтра, и цѣлый вѣкъ, бюрократическая машина работаетъ стройно, непрерывно, безъ отдыха, какъ-будто нѣтъ людей,—одни колеса да пружины... Гдѣ же разумъ, оживляющій и двигающій эту фабрику бумагъ?—думалъ Александръ,—въ книгахъ ли, въ самихъ ли бумагахъ, или въ головахъ этихъ людей?“

И какія лица увидѣлъ онъ тутъ: на улицѣ какъ-будто этикія и не встрѣчаются и не выходятъ на Божій свѣтъ: тутъ, кажется, они родились, выросли, срослись съ своими мѣстами, тутъ и умрутъ. Поглядѣлъ Адуевъ пристально на начальника отдѣленія: точно Юпитерь громовеженецъ; откроетъ ротъ—и бѣжитъ Меркурій съ мѣдной бляхой на груди; протянетъ руку съ бумагой—и десять рукъ тянутся принять ее.

Вскорѣ и Адуевъ сталъ одною изъ пружинъ машины. Онъ писалъ, писалъ, писалъ безъ конца, и удивлялся уже, что по утрамъ можно дѣлать что-нибудь другое; а когда вспоминалъ о своихъ проектахъ, краска бросалась ему въ лицо.

„Дядюшка!—думалъ онъ,—въ одномъ ужъ ты правъ, немилосердно правъ; неужели и во всемъ такъ? ужели я ошибался и въ завѣтныхъ, вдохновенныхъ думахъ, и въ теплыхъ вѣрованіяхъ въ любовь, въ дружбу... и въ людей... и въ самого себя?.. Что же жизнь?“

Онъ наклонялся надъ бумагой и сильнѣе скрипѣлъ перомъ, а у самого подъ рѣсницами сверкали слезы.

— „Тебѣ рѣшительно улыбается фортуна,—говорилъ Петръ Ивановичъ племяннику.—Я сначала цѣлый годъ безъ жалованья служилъ, а ты вдругъ поступилъ на старшій окладъ; вѣдь это 750 рублей, а съ наградой 1000 будетъ. Прекрасно на первый случай. Начальникъ отдѣленія хвалитъ тебя; только говорить, что ты разсѣянъ: то запятыхъ не поставишь, то забудешь

написать содержаніе бумаги. Пожалуйста, отвыкни: главное дѣло—обращай вниманіе на то, что у тебя передъ глазами, а не заносись вонь куда“.

[На первыхъ порахъ молодой Адуевъ восхищался многими своими со-служивцами: у столоначальника своего открылъ „возвышенную душу, чистое, благородное направленіе мыслей“— дядя разочаровалъ его, предупредивъ, чтобы онъ не ходилъ къ столоначальнику въ гости играть въ карты, такъ какъ тотъ шулеръ, а помощнику не давалъ бы въ долгъ денегъ, такъ какъ тотъ не отдастъ долговъ. Стараніями дяди племянникъ устроился въ одной редакціи, гдѣ ему давали переводить различныя статьи агрономическаго содержанія: „О наземѣ“, „О картофельной патокѣ“].

Молодой Адуевъ послѣ двухъ лѣтъ жизни въ Петербургѣ. Кто бы узналъ нашего провинціала въ этомъ молодомъ человѣкѣ съ изысканными манерами, въ щегольскомъ костюмѣ? Онъ очень измѣнился, возмужалъ. Мягкость линий юношескаго лица, прозрачность и нѣжность кожи, пушокъ на подбородкѣ—все исчезло. Не стало и робкой застѣнчивости и граціозной неловкости движеній. Черты лица созрѣли и образовали фizioномію, а фizioномія обозначила характеръ. Лилии и розы исчезли, какъ-будто подъ легкимъ загаромъ. Пушокъ замѣнился небольшими бакенбардами. Легкая и шаткая поступь стала ровною и твердою походкою. Въ голосѣ прибавилось нѣсколько басовыхъ нотъ. Изъ подмалеванной картины вышелъ оконченный портретъ. Юноша превратился въ мужчину. Въ глазахъ блистали самоуверенность и отвага—не та отвага, что слышно за верету, что глядитъ на все нагло и хватками и взглядами говоритъ встрѣчному и поперечному: „смотри, берегись, не задѣнь, не наступи на ногу, а не то—понимаешь? съ нами расправа коротка!“ Нѣтъ, выраженіе той отваги, о которой говорю, не отталкиваетъ, а влечетъ къ себѣ. Она узнается по стремленію къ добру, къ успѣху, по желанію уничтожить заграждающія ихъ препятствія... Прежняя восторженность на лицѣ Александра умѣрилась легкимъ оттѣнкомъ задумчивости, первымъ признакомъ закравшейся въ душу недоувѣренности и, можетъ быть, единственнымъ слѣдствіемъ уроковъ дяди и безошаднаго анализа, которому тотъ подвергалъ все, что проносилось въ глазахъ и въ сердцѣ Александра. Александръ усвоилъ, наконецъ, и такъ, то-есть умѣнье обращаться съ людьми. Онъ не бросался всѣмъ на шею, особенно съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, склонный къ *искреннимъ измѣненіямъ*, несмотря на предостереженія дяди, обыгралъ его два раза, а человѣкъ съ твердымъ характеромъ и желѣзной волей перебралъ у него немало денегъ взаймы. И другіе люди и случаи много помогли этому. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчалъ, какъ исподтишка смѣялись надъ его юношескою восторженностью и прозвали романтикомъ. Въ другомъ—едва обращали на него вниманіе, потому что отъ него никому не было ни chaud, ни froid. Онъ не давалъ обѣдовъ, не держалъ экипажа, не игралъ въ большую игру. Прежде у Александра болѣло и ныло сердце отъ этихъ стычекъ розовыхъ его мечтаній съ дѣйствительностью. Ему не приходило въ голову спросить себя: да что же я сдѣлалъ отличнаго, чѣмъ отличился отъ толпы? Гдѣ мои заслуги и за что должны замѣчать меня? А между тѣмъ самолюбіе его страдало.

Потомъ онъ сталъ понемногу допускать мысль, что въ жизни видно не все одні розы, а есть и шипы, которые иногда покалываютъ, но слегка только, а не такъ, какъ рассказываетъ дядюшка. И вотъ онъ началъ учиться владѣть собою, не такъ часто обнаруживалъ порывы и волненія и рѣже говорилъ дикимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, при постороннихъ.

Но все еще, къ немалому горю Петра Ивановича, онъ далеко былъ отъ холоднаго разложенія на простыя начала всего, что волнуетъ и потрясаетъ душу человѣка. О приведеніи же въ ясность всѣхъ тайнъ и загадокъ сердца онъ не хотѣлъ и слушать.

Петръ Ивановичъ дастъ ему утромъ порядочный урокъ; Александръ выслушаетъ, смутится или глубоко задумается, а тамъ поѣдетъ куда-нибудь на вечеръ и воротится самъ не свой; дня три ходитъ, какъ шальной,—и дядина теорія пойдетъ вся къ чорту. Обаяніе и чадъ балльной сферы, громъ музыки, обнаженные плечи, огонь взоровъ, улыбка розовыхъ устъ не дадутъ ему уснуть цѣлую ночь. Ему мерещится то талія, которой онъ касался руками, то томный, продолжительный взоръ, который бросили ему, уѣзжая, то горячее дыханіе, отъ котораго онъ таялъ въ вальсѣ, или разговоръ вполголоса у окна, подъ ревъ мазурки, когда взоры такъ искрились, языкъ говорилъ Богъ знаетъ что. И сердце его билось; онъ съ судорожнымъ трепетомъ обнималъ подушку и долго ворочался съ боку на бокъ.

— „Гдѣ же любовь? О, любви, любви жажду!—говорилъ онъ,—и скоро ли придетъ она? когда настанутъ эти дивныя минуты, эти сладостныя страданія, трепеть блаженства, слезы...“ и проч.

А дѣло до сихъ поръ шло да шло своимъ чередомъ. Въ службѣ замѣтили способности Александра и дали ему порядочное мѣсто. Иванъ Ивановичъ и ему съ почтениемъ началъ подносить свою табакерку, предчувствуя, что онъ, подобно множеству другихъ, послуживъ, какъ онъ гезаривалъ, безъ году недѣлю, обгонитъ его, сидеть ему на шею и махнетъ въ начальники отдѣленія, а тамъ, чего добраго, и въ вице-директоры, какъ вонъ тотъ, или въ директоры, какъ тотъ, а начинали свою служебную школу и тотъ и тотъ подъ его руководствомъ. „А я работой за нихъ!“—прибавилъ онъ. Въ редакціи журнала Александръ тоже сдѣлался важнымъ лицомъ. Онъ занимался и выборомъ, и переводомъ, и поправкою чужихъ статей, писалъ и самъ разные теоретическіе взгляды о сельскомъ хозяйствѣ. Денегъ у него, по его мнѣнію, было больше, нежели сколько нужно, а по мнѣнію дяди, еще недостаточно. Но не всегда онъ работалъ для денегъ. Онъ не отказывался отъ отрадной мысли о другомъ высшемъ призваніи. Юношескихъ его силъ ставало на все. Онъ кралъ время у сна, у службы, и писалъ и стихи, и повѣсти, и историческіе очерки, и біографіи. Дядя ужъ не обклеивалъ перегородокъ его сочиненіями; а читалъ ихъ молча, потомъ посвистывалъ или говорилъ: „да! это лучше прежняго“. Нѣсколько статей явилось подъ чужимъ именемъ. Александръ, съ радостнымъ трепетомъ, прислушивался къ одобрителюму суду друзей, которыхъ у него было множество и на службѣ, и по кондитерскимъ, и въ частныхъ домахъ. Исполнялась его лучшая, послѣ любви, мечта. Будущность общала ему много

блеску, торжества; его, казалось, ожидалъ не совсѣмъ обыкновенный жребій, какъ вдругъ...

[Молодой Адуевъ влюбился въ Наденьку Любецкую, забросилъ всѣ свои литературныя занятія и службу. Прежняя восторженность опять завладѣла имъ. По поводу этой любви у него съ дядюшкой произошелъ длинный разговоръ. Племянникъ съ восторгомъ отзывался о любимой дѣвушкѣ].

— „Въ разговорѣ у ней вы не услышите пошлыхъ, общихъ мѣстъ! Какимъ свѣтлымъ умомъ блестятъ ея сужденія! что за огонь въ чувствахъ! какъ глубоко понимаетъ она жизнь! Вы своимъ взглядомъ отравляете ее, а Наденька миритъ меня съ нею“.

Александръ замолчалъ на минуту и погрузился совсѣмъ въ мечту о Наденькѣ. Потомъ началъ опять:

— „А когда она подниметъ глаза, вы сейчасъ увидите, какому пылкому и нѣжному сердцу служатъ они проводникомъ! а голосъ, голосъ! что за мелодія, что за нѣга въ немъ! Но когда этотъ голосъ прозвучитъ признаніемъ... нѣтъ выше блаженства на землѣ! Дядюшка! какъ прекрасна жизнь! какъ я счастливъ!“

У него выступили слезы; онъ бросился и съ размаху обнялъ дядю.

— „Александръ!—вскричалъ, вскочивъ съ мѣста, Петръ Ивановичъ,—закрой скорѣй свой клапанъ,—весь паръ выпустилъ! Ты сумасшедшій! смотри, что ты надѣлалъ! въ одну секунду ровно двѣ глупости: перемялъ прическу и закапалъ письмо. Я думалъ, ты совсѣмъ отсталъ отъ своихъ привычекъ. Давно ты не былъ такимъ. Посмотри, посмотри, ради Бога, на себя въ зеркало: ну, можетъ-ли быть глупѣе фізіономія? а неглушь!“

[Желая исправить свою вину и вычистить письмо, племянникъ сталъ его скоблить и протеръ дыру, потомъ опрокинулъ этажерку и разбилъ бюстъ. Дядя сталъ ворчать].

— Я заплачу, дядюшка, о! я заплачу, но не проклиняйте моего порыва: онъ чистъ и благороденъ: я счастливъ, счастливъ! Боже! какъ хороша жизнь!

Дядя сморщился и покачалъ головой.

[Затѣмъ онъ, взволнованный и восторженный, сталъ рассказывать исторію своей любви, дядя слушалъ его, время-отъ-времени вставляя насмѣшливыя замѣчанія. Зашелъ разговоръ о женитьбѣ вообще, — къ изумленію своему, молодой Адуевъ узналъ, что дядя его—женихъ. Дядюшка высказалъ свое мнѣніе о бракѣ].

— „Я тебѣ никакъ не совѣтую жениться на женщинѣ, въ которую ты влюбленъ“. — „Какъ, дядюшка? это новое; я никогда не слыхалъ“. — „Мало-ли ты чего не слыхалъ!“— „Я думалъ все, что супружества безъ любви не должно быть“. — „Супружество супружествомъ, а любовь любовью“, — сказалъ Петръ Ивановичъ. — „Какъ-же жениться... по расчету?“— „Съ расчетомъ, а не по расчету. Только расчетъ этотъ долженъ состоятъ не въ однихъ деньгахъ. Мужчина такъ созданъ, чтобъ жить въ обществѣ женщины; ты и станешь разчитывать, какъ-бы жениться, станешь искать, выбирать между женщинами...“— „Искать, выбирать!“—съ изумленіемъ сказалъ

Александръ. — „Да, выбирать. Поэтому-то и не совѣтую жениться, когда влюбишься. Вѣдь любовь пройдетъ—это ужъ пошлая истина“. — „Это самая грубая ложь и клевета“.

— „Ну, теперь тебя не убѣдишь; увидишь самъ современемъ, а теперь запомни мои слова только: любовь пройдетъ, повторяю я, и тогда женщина, которая казалась тебѣ идеаломъ совершенства, можетъ быть, покажется очень несовершенною, а дѣлать будетъ нечего. Любовь заслонитъ отъ тебя недостатокъ качествъ, нужныхъ для жены. Тогда какъ, выбирая, ты хладнокровно разсудишь, имѣеть-ли такая-то или такая женщина качества, какія хочешь видѣть въ женѣ: вотъ въ чемъ главный расчетъ. И если отыщешь такую женщину, она непременно должна нравиться тебѣ постоянно, потому что отвѣчаетъ твоимъ желаніямъ. Изъ этого возникнутъ между ею и тобою близкія отношенія, которыя потомъ образуютъ...“ — „Любовь?“ — спросилъ Александръ. — „Да... привычку“. — „Жениться безъ увлеченія, безъ поэзіи любви, безъ страсти, разсуждать, какъ и зачѣмъ!!“ — „А ты женился-бы, не разсуждая и не спрашивая себя: зачѣмъ? такъ точно, какъ, поѣхавши сюда, тоже не спросилъ себя: зачѣмъ“. — „Такъ вы женитесь по расчету?“ — спросилъ Александръ. — „Съ расчетомъ“ — замѣтилъ Петръ Ивановичъ. — „Это все равно“. — „Нѣтъ, по расчету значитъ жениться для денегъ — это низко; но жениться безъ расчета—это глупо!.. а тебѣ теперь вовсе не слѣдуетъ жениться!“

Наденька. Если кто пристально вглядывался въ ея черты, тотъ долго не сводилъ съ нея глазъ. Ея фізіономія рѣдко оставалась двѣ минуты покойною. Мысли и разнородныя ощущенія до крайности впечатлительной и раздражительной души ея безпрестанно смѣнялись однѣ другими, и оттѣнки этихъ ощущеній сливались въ удивительной игрѣ, придавая лицу ея ежеминутно новое и неожиданное выраженіе. Глаза, напримѣръ, вдругъ бросать будто молнію, обожгутъ и мгновенно спрячутся подъ длинными рѣсницами; лицо сдѣлается безжизненно и неподвижно—и передъ вами точно мраморная статуя. Ожидаетъ вслѣдъ затѣмъ опять такого-же пронзительнаго луча—отнюдь нѣтъ! вѣки подымутся тихо, медленно — васъ озаритъ кроткое сіяніе взоровъ, какъ-будто медленно выплывшей изъ-за облаковъ луны. Сердце непременно отзовется легкимъ біеніемъ на такой взглядъ. Въ движеніяхъ то же самое. Въ нихъ много было граціи, но это не грація Сильфиды. Въ этой граціи много было дикаго, порывистаго, что даетъ природа всѣмъ, но что потомъ искусство отнимаетъ до послѣдняго слѣда, вмѣсто того, чтобъ только смягчить. Эти-то слѣды часто проявлялись въ движеніяхъ Наденьки. Она иногда сидитъ въ живописной позѣ, но вдругъ, Богъ знаетъ вслѣдствіе какого внутренняго движенія, эта картинная поза нарушится вовсе неожиданнымъ и опять обворожительнымъ жестомъ. Въ разговорахъ тѣ-же неожиданные обороты: то вѣрное сужденіе, то мечтательность, рѣзкій приговоръ, потомъ ребяческая выходка или тонкое притворство. Все показывало въ ней умъ пылкій, сердце своенравное и непостоянное. И не Александръ сошелъ бы съ ума отъ нея; одинъ только Петръ Ивановичъ уцѣлѣеть: да много ли такихъ?

[Адуевъ-племянникъ объяснился въ любви, убѣдился, что онъ любимъ, и былъ вполне счастливъ].

Адуевъ достигъ апогея своего счастья. Ему нечего было болѣе желать. Служба, журнальные труды—все забыто, заброшено. Его ужъ обошли мѣстомъ: онъ едва примѣтилъ это, и то потому, что напомнилъ дядя. Петръ Иванычъ совѣтовалъ бросить пустыки, но Александръ, при словѣ „пустыки“, пожималъ плечами, съ сожалѣніемъ улыбался и молчалъ. Дядя, увидя безполезность своихъ представлений, тоже пожалъ плечами, улыбнулся съ сожалѣніемъ и замолчалъ, промолвивъ только: „какъ хочешь, это твое дѣло, только смотри, презрѣннаго металла не проси.“

— „Не бойтесь, дядюшка,—говорилъ на это Александръ,—худо, когда мало денегъ, много мнѣ не нужно, а довольно — у меня есть.“— „Ну, и поздравляю тебя“,—прибавилъ Петръ Иванычъ.

Александръ видимо избѣгалъ его. Онъ потерялъ всякую довѣренность къ его печальнымъ предсказаніямъ и боялся холоднаго взгляда на любовь вообще и оскорбительныхъ намековъ на отношенія его къ Наденькѣ въ особенности.

Ему противно было слушать, какъ дядя, разбирая любовь его, просто, по общимъ и одинакимъ будто-бы для всѣхъ законамъ, профанировалъ это высокое, святое, по его мнѣнію, дѣло. Онъ таилъ свои радости, всю эту перспективу розоваго счастья, предчувствуя, что чуть коснется его анализъ дяди, то, того и гляди, розы разсыплются въ прахъ или превратятся въ наземъ. А дядя сначала избѣгалъ его оттого, что вотъ, думалъ, малый залябнётся, заматается, придетъ къ нему за деньгами, сядетъ на шею.

Въ походкѣ, взглядѣ, во всемъ обращеніи Александра было что-то торжественное, таинственное. Онъ велъ себя съ другими, какъ богатый капиталистъ на биржѣ съ мелкими кунцами, скромно и съ достоинствомъ, думая про себя: „жалкіе! кто изъ васъ обладаетъ такимъ сокровищемъ, какъ я? кто такъ умѣетъ чувствовать? чья могучая душа...“ и проч.

Онъ былъ увѣренъ, что онъ одинъ на свѣтѣ такъ любитъ и любимъ.

Впрочемъ, онъ избѣгалъ не только дяди, но и *толпы*, какъ онъ говорилъ. Онъ или поклонялся своему божеству, или сидѣлъ дома, въ кабинетѣ, одинъ, упивался блаженствомъ, анализируя, разлагая его на безконечно-малые атомы. Онъ называлъ это *творить особый міръ*, и, сидя въ своемъ уединеніи, точно сотворилъ себѣ изъ ничего какой-то міръ и обрѣтался больше въ немъ, а на службу ходилъ рѣдко и неохотно, называя ее *горькою необходимостью*, *необходимымъ зломъ* или *печальной прозой*. Вообще у него много было вариантовъ на этотъ предметъ. Къ редактору и къ знакомымъ вовсе не ходилъ.

Бесѣдовать съ своимъ *я* было для него высшею отрадою. „Наединѣ съ собою только,—писалъ онъ въ какой-то повѣсти,—человѣкъ видитъ себя, какъ въ зеркалѣ; тогда только научается онъ вѣрить въ человѣческое величіе и достоинство. Какъ прекрасенъ онъ въ этой бесѣдѣ съ своими душевными силами! какъ вождь, онъ дѣлаетъ имъ строгій обзоръ, строитъ ихъ по мудро обдуманному плану и стремится во главѣ ихъ, и дѣйствуетъ

и зиждеть! Какъ жалокъ, напротивъ, кто не умѣетъ и боится быть съ собою, кто бѣжитъ отъ самого себя и всюду ищетъ общества, чуждаго ума и духа...“ Подумаешь, мыслитель какой-нибудь открываетъ новые законы строенія міра или бытія человѣческаго, а то просто влюбленный!

Вотъ онъ сидитъ въ вольтеровскихъ креслахъ. Передъ нимъ листъ бумаги, на которомъ набросано нѣсколько стиховъ. Онъ то наклонится надъ листомъ и сдѣлаетъ какую-нибудь поправку или прибавитъ два-три стиха, то опрокинется на спинку креселъ и задумается. На губахъ блуждаетъ улыбка; видно, что онъ только лишь отвелъ ихъ отъ полной чаши счастья. Глаза у него закроются томно, какъ у дремлющаго кота, или вдругъ сверкнутъ огнемъ внутренняго волненія.

Александръ все глубже и глубже погружался въ свои мечты о Наденькѣ, потомъ въ творческія мечты.

На столѣ было пусто. Все, что напоминало о прежнихъ его занятіяхъ, о службѣ, о журнальной работѣ, лежало подъ столомъ, или на шкапу, или подъ кроватью. „Одинъ видъ *этой* врази,—говорилъ онъ,—пугаетъ творческую думу и она улетаетъ, какъ соловей изъ рощи, при внезапномъ скрипѣ незаманныхъ колесъ, раздавшемся съ дороги“.

Часто заря заставляла его надъ какой-нибудь элегіей. Всѣ часы, проводимые не у Любецкихъ, посвящались творчеству. Онъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его Наденькѣ; та переписетъ на хорошенькой бумажкѣ и выучитъ, и онъ „позналъ *высшее блаженство поэта—смышать свое произведение изъ милыхъ устъ*“.

— „Ты моя муза,—говорилъ онъ ей,—будь Вестой этого священнаго огня, который горитъ въ моей груди; ты оставишь его—и онъ заглухнетъ навсегда“.

Потомъ онъ посылалъ стихи подъ чужимъ именемъ въ журналъ. Ихъ печатали, потому что они были недурны, мѣстами не безъ энергіи и всѣ пропикнуты пылкимъ чувствомъ; написаны гладко.

Наденька гордилась его любовью и звала его „мой поэтъ“.

— „Да, твой, вѣчно твой“,—прибавлялъ онъ.

Впереди улыбалась слава, и вѣнокъ, думалъ онъ, сплететъ ему Наденька и перевьетъ лавръ миртами, а тамъ...

— „Жизнь, жизнь, какъ ты прекрасна!“ — восклицалъ онъ. — А дядя? Зачѣмъ смущаетъ онъ миръ души моей? Не демонъ-ли это, посланный мнѣ судьбою? Зачѣмъ отравляетъ онъ желчью все мое благо? не изъ зависти-ли, что сердце его чуждо этимъ чистымъ радостямъ, или, можетъ быть, изъ мрачнаго желанія вредить... о, дальше, дальше отъ него!.. Онъ убьетъ, заразитъ своею ненавистью мою любящую душу, развратитъ ее...“

И онъ бѣжалъ отъ дяди, не видался съ нимъ по цѣлымъ недѣлямъ, по мѣсяцамъ. А если, при встрѣчѣ, разговоръ заходилъ о чувствахъ, онъ насмѣшливо молчалъ или слушалъ, какъ человѣкъ, котораго убѣжденія нельзя поколебать никакими доводами. Онъ свои сужденія считалъ непогрѣшительными, мнѣнія и чувства непреложными, и рѣшился впередъ руковод-

ствоваться только ими, говоря, что онъ уже не мальчикъ, и что *зачѣмъ-же мнѣ чужія только святы?* и проч.

Дни шли за днями, дни непрерывныхъ наслажденій для Александра. Онъ счастливъ былъ, когда поцѣлуетъ кончикъ пальца Наденьки, просидитъ противъ нея въ картинной позѣ часа два, не спуская съ нея глазъ, мѣля и вздыхая или декламируя приличные случаю стихи.

Справедливость требуетъ сказать, что она иногда на вздохи и стихи отвѣчала зѣвотой. И не мудрено: сердце ея было занято, но умъ оставался празденъ. Александръ не позаботился дать ему пищи. Годъ, назначенный Наденькою для испытанія, проходилъ. Она жила съ матерью опять на той же дачѣ. Александръ заговаривалъ о ея обѣщаніи, просилъ позволенія поговорить съ матерью. Наденька отложила-было до переѣзда въ городъ, но Александръ настаивалъ.

[Кончилось счастье Адуева тогда, когда онъ сталъ убѣждаться, что Наденька къ нему охладѣла и увлеклась графомъ Новинскимъ. Наденька долго отрицала это увлеченіе, но стала избѣгать Адуева. Онъ ее упрекалъ рѣзко, она стала его бояться и, наконецъ, перестала скрывать свою любовь къ графу. Убѣдившись окончательно, что онъ потерялъ сердце Наденьки, молодой Адуевъ взбѣшенный явился къ дядюшкѣ, чтобы звать его въ секунданты: онъ хотѣлъ вызвать графа Новинскаго. Долго дядюшка не могъ понять, что надо племяннику; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ отъ секундантства отказался, а попытался доказать племяннику, что и Наденька и графъ ни въ чемъ передъ нимъ не виноваты].

— „Сердце любить до тѣхъ поръ, пока не истратитъ своихъ силъ. Оно живетъ своею жизнью и такъ-же, какъ и все въ человѣкѣ, имѣетъ свою молодость и старость. Не удалась одна любовь, оно только замираетъ, молчитъ до другой; въ другой помѣшали, разлучили—способность любить опять останется не употребленной до третьяго, до четвертаго раза, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, сердце не положитъ всѣхъ силъ своихъ въ одной какой-нибудь счастливой встрѣчѣ, гдѣ ничто не мѣшаетъ, а потомъ медленно и постепенно охладѣетъ. Инымъ любовь удалась съ перваго раза, вотъ они и кричатъ, что можно любить только однажды. Пока человѣкъ не старъ, здоровъ...“—„Вы все, дядюшка, говорите о молодости, слѣдовательно о матеріальной любви...“—„О молодости говорю, потому что старческая любовь есть ошибка, уродливость. И что за матеріальная любовь? Такой любви нѣтъ, или это не любовь, такъ точно, какъ нѣтъ одной идеальной. Въ любви равно участвуютъ и душа и тѣло; въ противномъ случаѣ любовь неполна: мы не духи и не звѣри. Самъ же говоришь: „течетъ въ жилахъ молоко, а не кровь“. Ну, такъ вотъ видишь-ли: съ одной стороны, возьми кровь въ жилахъ—это матеріальное, съ другой—самолюбіе, привычку—это духовное; вотъ тебѣ и любовь! На чемъ я остановился... да! въ солдаты: кромѣ того, послѣ этой исторіи, красавица тебя на глаза къ себѣ не пуститъ. Ты по пустому повредилъ бы и ей, и себѣ,—видишь ли? Надѣюсь, этотъ вопросъ мы съ одной стороны обработали окончательно. Теперь...“

Петръ Иванычъ налилъ себѣ вина и выпилъ.

— „Экой болванъ!—сказаль онъ,—подадь холодный лафитъ“.

Александръ смолчалъ, поникнувъ головой.

— „Тенерь скажи, — продолжалъ дядя, грѣя стаканъ съ виномъ въ обѣихъ рукахъ,—за что ты хотѣлъ стереть графа съ лица земли?“— „Я ужъ сказаль вамъ за что! не онъ ли уничтожилъ мое блаженство? Онъ, какъ дикій звѣрь, ворвался...“ — „Въ овчарню!“ — перебилъ дядя. — „Похитилъ все“, — продолжалъ Александръ. — „Онъ не похитилъ, а пришелъ да и взялъ. Развѣ онъ обязанъ былъ справляться, занята ли твоя красавица, или нѣтъ? Я не понимаю этой глупости, которую, правду сказать, большая часть любовниковъ дѣлають отъ сотворенія міра до нашихъ временъ: сердиться на соперника! можетъ ли быть что-нибудь безсмысленнѣй—*стереть его съ лица земли!* за что? за то, что онъ поправился! какъ-будто онъ виновать и какъ-будто отъ этого дѣла пойдуть лучше, если мы его накажемъ! А твоя... какъ ее? Катенька, что ли, развѣ противилась ему? сдѣлала какое-нибудь усиліе, чтобъ избѣжать опасности? Она сама отдалась, перестала любить тебя, нечего и спорить — не воротись! А настаивать—это эгоизмъ! Требовать вѣрности отъ жены—туть есть еще смыслъ: тамъ заключено обязательство; отъ этого зависитъ часто существенное благосостояніе семейства; да и то нельзя требовать, чтобъ она никого не любила... а можно только требовать, чтобъ она... того... Да и ты самъ не отдалъ ли ее графу обѣими руками? оспариваль ли ты ее?“— „Вотъ я и хочу оспаривать, —сказаль Александръ, вскочивъ съ мѣста,—а вы останавливаете мой благородный порывъ...“

— „Оспаривать съ дубиной въ рукахъ! — перебилъ дядя,—мы не въ киргизской стени. Не надо было грубіянить, избѣгать его и дѣлать ему гримасы, а напротивъ, отвѣчать на его любезность вдвое, втрое, вдесятеро, а... эту, какъ ее? Наденьку? кажется, попалъ? не раздражать упреками, снисходить къ ея капризамъ, показывать видъ, что не замѣчаешь ничего, что даже у тебя и предположенія объ измѣнѣ нѣтъ, какъ о дѣлѣ невозможномъ. Не надо было допускать ихъ сближаться до короткости, а разстраивать искусно, какъ-будто ненарочно, ихъ свиданія съ глазу на глазъ, быть всюду вмѣстѣ, ѣздить съ ними даже верхомъ, и между тѣмъ, тихомолкомъ вызывать, въ глазахъ ея, соперника на бой, и тутъ-то снарядить и двинуть впередъ всѣ силы своего ума, устроить главную батарею изъ остроумія, хитрости да и того... открывать и поражать слабыя стороны соперника такъ, какъ-будто нечаянно, безъ умысла, съ добродушіемъ, даже нехотя, съ сожалѣніемъ, и мало-по-малу снять съ него эту драпировку, въ которой молодой человѣкъ рисуется передъ красавицей. Надо было замѣтить, что ее поражаетъ и ослѣпляетъ болѣе всего въ немъ, и тогда искусно нападать на эти стороны, объяснить ихъ просто, представлять въ обыкновенномъ видѣ, показать, что новый герой... такъ себѣ... и только для нея надѣлъ праздничный нарядъ... Но все это дѣлать съ хладнокровіемъ, съ терпѣніемъ, съ умѣніемъ — вотъ настоящая дуэль въ нашемъ вѣкѣ! Да гдѣ тебѣ! Я вообще о любви невысокаго мнѣнія — ты это знаешь; мнѣ хоть ее и не будь совсѣмъ... но что прочіе — такъ это правда. Съ сердцемъ напрямикъ дѣйствовать нельзя. Это мудреный инструментъ: не знай, кото-

рую пружину тронуть, такъ онъ заиграетъ Богъ знаетъ что. Внуши чѣмъ хочешь любовь, а поддерживай умомъ. Хитрость это одна сторона ума; презрѣннаго тутъ ничего нѣтъ. Не нужно унижать соперника и прибѣгать къ клеветѣ: этимъ вооружишь красавицу противъ себя... надо только стряхнуть съ него тѣ блески, которыми онъ ослѣпляетъ глаза твоей возлюбленной, сдѣлать его передъ ней простымъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, а не героемъ... Я думаю, простительно защищать свое добро благородной хитростью; ею и въ военномъ дѣлѣ не пренебрегаютъ. Вотъ ты женишься хотѣлъ: хорошо былъ бы мужъ, еслибъ сталъ дѣлать сцены женѣ, а соперникамъ показывать дубину—и былъ бы того...“

Петръ Ивановичъ показалъ рукою на лобъ.

— „Чтобъ быть счастливымъ съ женщиной, то-есть не по-твоему, какъ сумасшедшіе, а разумно,—надо много условій... надо умѣть образовать изъ дѣвушки женщину по обдуманному плану, по методѣ, если хочешь, чтобъ она поняла и исполнила свое назначеніе. Надо очертить ее магическимъ кругомъ, не очень тѣсно, чтобъ она не замѣтила границъ и не переступила ихъ, хитро овладѣть не только ея сердцемъ—это что! это скользкое и непрочное обладаніе, а умомъ, волей, подчинить ея вкусъ и нравъ своему, чтобъ она смотрѣла на вещи черезъ тебя, думала твоимъ умомъ...“—„То-есть сдѣлать ее куклой или безмолвной рабой мужа!“—перебилъ Александръ. — „Зачѣмъ? Устрой такъ, чтобъ она не измѣнила ни въ чемъ женскаго характера и достоинства. Предоставь ей свободу дѣйствій въ ея сферѣ, но пусть за каждымъ ея движеніемъ, вздохомъ, поступкомъ наблюдаетъ твой проникательный умъ, чтобъ каждое мгновенное волненіе, вспышка, зародышъ чувства всегда и всюду встрѣчали снаружи равнодушный, но не дремлющій глазъ мужа. Учреди постоянный контроль безъ всякой тираниі... да искусно, незамѣтно отъ нея, и веди ее желаемымъ путемъ... О, нужна мудреная и тяжелая школа, и эта школа—умный и опытный мужчина—вотъ въ чемъ штука!“

— „Ты неблагодаренъ, — продолжалъ Петръ Ивановичъ, — это дурно! Что бы женщина ни сдѣлала съ тобой, измѣнила, охладѣла, поступила, какъ говорятъ въ стихахъ, *коварно*,—вини природу, предавайся, пожалуй, по этому случаю, философскимъ размышленіямъ, брани міръ, жизнь, что хочешь, но никогда не посягай на личность женщины ни словомъ, ни дѣломъ. Оружіе противъ женщины—снисхожденіе, наконецъ, самое жестокое—забвеніе! только это и позволяется порядочному человѣку. Вспомни, что полтора года ты вѣшался всѣмъ на шею отъ радости, не зналъ куда дѣваться отъ счастья! полтора года безпрерывныхъ удовольствій! воля твоя—ты неблагодаренъ!“—„Ахъ, дядюшка, для меня не было ничего на землѣ святѣе любви: безъ нея жизнь не жизнь...“—„Зачѣмъ же ты воображалъ, чего не бываетъ? Не я ли твердилъ тебѣ, что ты до сихъ поръ хотѣлъ жить такую жизнью, какой нѣтъ? У человѣка, по-твоему, только и дѣла, чтобъ быть любовникомъ, мужемъ, отцомъ... а о другомъ ни о чемъ и знать не хочешь. Человѣкъ, сверхъ того, еще и гражданинъ, имѣетъ какое-нибудь званіе, занятіе—писатель что-ли, помѣщикъ, солдатъ, чиновникъ, заводчикъ... А у

тебя все это заслоняет любовь да дружба... что за Аркадія! Начитался романовъ, наслушался своей тетюшки тамъ, въ глуши, и пріѣхалъ съ этими понятіями сюда. Выдумалъ еще—*благородную страсть*“.

Молодой Адуевъ черезъ годъ. Наконецъ страсть выдохлась въ немъ, истинная печаль прошла, но ему жаль было разстаться съ нею; онъ насильственно продолжилъ ее или, лучше сказать, создалъ себѣ искусственную грусть, игралъ, красовался ею и утопалъ въ ней.

Ему какъ-то нравилось играть роль страдальца. Онъ былъ тихъ, важенъ, туманенъ, какъ человекъ, выдержавшій, по его словамъ, *ударъ судьбы*, — говорилъ о высокихъ страданіяхъ, о святыхъ, возвышенныхъ чувствахъ, смятыхъ и втоптаныхъ въ грязь — „и къмъ? — прибавлялъ онъ, — дѣвчонкой, кокеткой и презрѣннымъ развратникомъ, мишурнымъ львомъ. Неужели судьба послала меня въ міръ для того, чтобъ все, что было во мнѣ высокаго, принести въ жертву ничтожеству?“

[Большое участіе въ немъ приняла его тетка, молодая жена старшаго Адуева, Лизавета Александровна. Она часто бесѣдовала съ нимъ].

— „Какой же любви потребовали бы вы отъ женщины?“ — спросила Лизавета Александровна. — „Какой?“ — отвѣчалъ Александръ, — я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ. Любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы. Я одинъ выше, прекраснѣе, — тутъ онъ выпрямился, — лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ. Въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого...“

Лизавета Александровна старалась скрыть улыбку. Александръ не замѣчалъ.

— „Для меня, — продолжалъ онъ съ блистающими глазами, — она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть — вотъ любовь! а эта...“ — „А вы чѣмъ бы вознаградили за эту любовь?“ — спросила тетка. — „Я? О! — началъ Александръ, возводя взоры къ небу, — я бы посвятилъ всю жизнь ей, я бы лежалъ у ногъ ея. Смотрѣть ей въ глаза было бы высшимъ счастьемъ. Каждое слово ея было бы мнѣ закономъ. Я бы пѣлъ ея красоту, нашу любовь, природу:

Съ ней обрѣли-бъ уста мои

Языкъ Петрарки и любви...

Но развѣ я не доказалъ Наденькѣ, какъ я могу любить?“ — „Такъ вы совсѣмъ не вѣрите въ чувство, когда оно не выказывается такъ, какъ вы хотите? Сильное чувство прячется...“ — „Не хотите ли вы увѣрить меня, ma tante, что такое чувство, какъ дядюшкино, напимѣръ, прячется?“

Лизавета Александровна вдругъ покраснѣла. Она не могла внутренно не согласиться съ племянникомъ, что чувство безъ всякаго проявленія какъ-то подозрительно, что, можетъ быть, его и нѣтъ, что еслибъ было, оно бы

прорвалось наружу, что, кромѣ самой любви, обстановка ея заключаетъ въ себѣ неизъяснимую прелесть.

Тутъ она мысленно пробѣжала весь періодъ своей замужней жизни и глубоко задумалась. Нескромный намекъ племянника пошевелилъ въ ея сердцѣ тайну, которую она прятала такъ глубоко, и навелъ ее на вопросъ: счастлива ли она?

Жаловаться она не имѣла права: всѣ наружныя условія счастья, за которымъ гоняется толпа, исполнялись надъ нею, какъ по заданной программѣ. Довольство, даже роскошь въ настоящемъ, обезпеченность въ будущемъ — все избавляло ее отъ мелкихъ, горькихъ заботъ, которыя сосутъ сердце и сушатъ грудь множества бѣдняковъ.

Мужъ ея неутомимо трудился и все еще трудится. Но что было главною цѣлью его трудовъ? Трудился ли онъ для общей человѣческой цѣли, исполняя заданный ему судьбою урокъ, или только для мелочныхъ причинъ, чтобы пріобрѣсть между людьми чиновное и денежное значеніе, для того ли, наконецъ, чтобы его не гнули въ дугу нужда, обстоятельства? Богъ его знаетъ. О высокихъ цѣляхъ онъ разговаривать не любилъ, называя это бредомъ, а говорилъ сухо и просто, что надо *дѣло дѣлать*.

Лизавета Александровна вынесла только то грустное заключеніе, что не она и не любовь къ ней были единственною цѣлью его рвенія и усилій. Онъ трудился и до женитьбы, еще не зная своей жены. О любви онъ ей никогда не говорилъ и у ней не спрашивалъ; на ея вопросы объ этомъ отдѣлывался шуткой, остротой или дремотой. Вскорѣ послѣ знакомства съ ней, онъ заговорилъ о свадьбѣ, какъ-будто давая знать, что любовь тутъ сама собою разумѣется и что о ней толковать много нечего.

Онъ былъ врагъ всякихъ эффектовъ — это бы хорошо; но онъ не любилъ и искреннихъ проявленій сердца, не вѣрилъ этой потребности и въ другихъ. Между тѣмъ, онъ однимъ взглядомъ, однимъ словомъ могъ бы создать въ ней глубокую страсть къ себѣ; но онъ молчитъ, онъ не хочетъ. Это даже не льститъ его самолюбію.

Она пробовала возбудить въ немъ ревность, думая, что тогда любовь непременно выскажется... Ничего не бывало. Чуть онъ замѣтитъ, что она отличается въ обществѣ какого-нибудь молодого человѣка, онъ спѣшитъ пригласить его къ себѣ, обласкаетъ, самъ не нахвалится его достоинствами и не боится оставлять его наединѣ съ женой.

Лизавета Александровна иногда обманывала себя, мечтая, что, можетъ быть, Петръ Ивановичъ дѣйствуетъ стратегически; что не въ томъ ли состоитъ его таинственная метода, чтобы, поддерживая въ ней всегда сомнѣніе, тѣмъ поддерживать и самую любовь. Но при первомъ отзывѣ мужа о любви, она тотчасъ же разочаровывалась.

Еслибъ онъ еще былъ грубъ, неотесанъ, бездушенъ, тяжелоуменъ, одинъ изъ тѣхъ мужей, которымъ имя легионъ, которыхъ такъ безгрѣшно, такъ нужно, такъ отрадно обманывать, для ихъ и своего счастья, которые, кажется, для того и созданы, чтобы женщина искала вокругъ себя и любила діаметрально противоположное имъ — тогда другое дѣло: она, можетъ

бить, поступила бы, какъ поступаетъ большая часть женъ въ такомъ случаѣ. Но Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ съ умомъ и тактомъ, не часто встречающимся. Онъ былъ тонокъ, проникателенъ, ловокъ. Онъ понималъ всѣ тревоги сердца, всѣ душевныя бури, но понималъ—и только. Весь кодексъ сердечныхъ дѣлъ былъ у него въ головѣ, но не въ сердцѣ. Въ его сужденіяхъ объ этомъ видно было, что онъ говоритъ какъ бы слышанное и затверженное, но отнюдь не прочувствованное. Онъ рассуждалъ о страстяхъ вѣрно, но не признавалъ надъ собой ихъ власти, даже смѣялся надъ ними, считая ихъ ошибками, уродливыми отступленіями отъ дѣйствительности, чѣмъ-то въ родѣ болѣзней, для которыхъ современемъ явится своя медицина.

Лизавета Александровна чувствовала его умственное превосходство надъ всѣмъ окружающимъ и терзалась этимъ. „Еслибъ онъ не былъ такъ уменъ,—думала она,—я была бы спасена...“ Онъ поклоняется положительнымъ цѣлямъ—это ясно, и требуетъ, чтобъ и жена жила немечтательною жизнью.

„Но, Боже мой!—думала Лизавета Александровна,—ужели онъ женился только для того, чтобы имѣть хозяйку, чтобъ придать своей холостой квартирѣ полноту и достоинство семейнаго дома, чтобъ имѣть больше вѣса въ обществѣ? Хозяйка, жена—въ самомъ прозаическомъ смыслѣ этихъ словъ! Да развѣ онъ не постигаетъ, со всѣмъ своимъ умомъ, что и въ положительныхъ цѣляхъ женщины присутствуетъ непременно любовь?.. Семейныя обязанности—вотъ ея заботы; но развѣ можно исполнять ихъ безъ любви? Няньки, кормилицы, и тѣ творятъ себѣ кумира изъ ребенка, за которымъ ходятъ; а жена, а мать! О, пусть я купила бы себѣ чувство муками, пусть бы перенесла всѣ страданія, какія неразлучны съ страстью, но лишь бы жить полною жизнью, лишь бы чувствовать свое существованіе, а не прозябать!..“

Она взглянула на роскошную мебель и на всѣ игрушки и дорогія бездѣлки своего будуара—и весь этотъ комфортъ, которымъ у другихъ заботливая рука любящаго человѣка окружаетъ любимую женщину, показался ей холодною насмѣшкой надъ истиннымъ счастьемъ. Она была свидѣтельницею двухъ страшныхъ крайностей—въ племянникѣ и мужѣ. Одинъ восторженъ до сумасбродства, другой—ледянь до ожесточенія.

„Какъ мало понимаютъ оба они, да и большая часть мужчинъ, истинное чувство! и какъ я понимаю его!—думала она,—а что пользы? зачѣмъ? О, еслибъ...“

Она закрыла глаза и пробыла такъ нѣсколько минутъ, потомъ открыла ихъ, оглянулась вокругъ, тяжело вздохнула и тотчасъ приняла обыкновенный, покойный видъ. Вѣдняяжка! Никто не зналъ объ этомъ, никто не видѣлъ этого. Ей бы вмѣнили въ преступленіе эти невидимыя, неосязаемыя, безыменныя страданія, безъ ранъ, безъ крови, прикрытыя не лохмотьями, а бархатомъ. Но она съ героическимъ самоотверженіемъ таила свою грусть, да еще находила довольно силъ, чтобы утѣшать другихъ.

Скоро Александръ пересталъ говорить и о высокихъ страданіяхъ и о

непонятой и неоцѣненной любви. Онъ перешелъ къ болѣе общей темѣ. Онъ жаловался на скуку жизни, пустоту души, на томительную тоску.

Я пережилъ свои страданья,

Я разлюбилъ свои мечты...

твердилъ онъ безпрестанно.

— „И теперь меня преслѣдуетъ черный демонъ. Онъ, ma tante, всюду со мной: и ночью, и за дружеской бесѣдой, за чашей пиршества, и въ минуту глубокой думы!“

[Большое разочарованіе принесла ему и встрѣча съ его прежнимъ пріателемъ. Изъ поэта-мечтателя онъ сдѣлался самымъ банальнымъ человекомъ; отъ прежней восторженности не осталось слѣда: онъ любилъ поѣсть, попить, поиграть въ карты, разговоры вель о карьерѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи, Адуевъ озлобился на весь міръ].

— „Не знаю,—сказалъ Александръ сердито.—Смѣйтесь, дядюшка: вы правы; я виноватъ одинъ. Повѣрить людямъ, искать симпатіи—въ комъ? распытать бисеръ—передъ кѣмъ! Кругомъ низость, слабодушіе, мелочность, а я еще сохранилъ юношескую вѣру въ добро, въ доблесть, въ постоянство. Теперь ужъ жертвы не потребую — не беспокойтесь. Я, благодаря людямъ, низошелъ до жалкаго понятія и о дружбѣ, какъ о любви... Вотъ я всегда носилъ съ собой эти строки, которыя казались мнѣ вѣрнѣйшимъ опредѣленіемъ этихъ двухъ чувствъ, какъ я ихъ понималъ и какъ они должны быть, а теперь вижу, что это ложь, клевета на людей или жалкое незнаніе ихъ сердца... Люди неспособны къ такимъ чувствамъ!“

[Адуевъ сталъ ругать всѣхъ своихъ знакомыхъ. Каждый изъ нихъ, по его словамъ, напоминалъ какого-нибудь звѣря изъ басенъ Крылова].

— „Ну, а ты самъ что за звѣрь?“—спросилъ Петръ Ивановичъ.—„Я не сдѣлалъ людямъ зла!—съ достоинствомъ произнесъ Александръ,—я исполнилъ въ отношеніи къ нимъ все... У меня сердце любящее; я распахнулъ широкія объятія для людей, а они что сдѣлали?“ — „Что это, какъ онъ смѣшно говорить!“—замѣтилъ Петръ Ивановичъ, обратясь къ женѣ.—„Тебѣ все смѣшно!“—отвѣчала она.—„И самъ я отъ людей не требовалъ, — продолжалъ Александръ,—ни подвиговъ добра, ни великодушія, ни самоотверженія... требовалъ только должнаго, слѣдующаго мнѣ по всѣмъ правамъ...“ — „Такъ ты правъ? Вышелъ совсѣмъ сухъ изъ воды. Постой же, я выведу тебя на свѣжую воду...“

Лизавета Александровна замѣтила, что супругъ ея заговорилъ строгимъ тономъ, и встревожилась.

— „Петръ Ивановичъ! — шептала она,—перестань...“ — „Нѣтъ, пусть выслушаетъ правду. Я мигомъ кончу. Скажи, пожалуйста, Александръ, когда ты клеймилъ сейчасъ своихъ знакомыхъ то негодьями, то дураками, у тебя въ сердцѣ не зашевелилось что-нибудь похожее на угрызеніе совѣсти?“ — „Отчего же, дядюшка?“ — „А оттого, что у этихъ звѣрей ты нѣсколько лѣтъ сряду находилъ всегда радушный пріемъ: положимъ, передъ тѣми, отъ кого эти люди добивались чего-нибудь, они хитрили; строили имъ козни, какъ ты говоришь; а въ тебѣ имъ нечего было искать: что же

заставило ихъ зазывать тебя къ себѣ, ласкать?... Нехорошо, Александръ!..— прибавилъ серьезно Петръ Ивановичъ.—Другой за одно это, еслибъ и зналъ за ними какіе-нибудь грѣшки, такъ промолчалъ бы“.

Александръ весь вспыхнулъ.

— „Я приписывалъ ихъ внимательность къ себѣ вашей рекомендаціи,— отвѣчалъ онъ, но уже безъ достоинства, а довольно смиренно. — Притомъ это свѣтскія отношенія...“— „Ну, хорошо; возьмемъ не свѣтскія. Я ужъ доказывалъ тебѣ, не знаю только доказалъ ли, что къ своей этой... какъ ее? Сашенькѣ, что ли? ты былъ несправедливъ. Ты полтора года былъ у нихъ въ домѣ какъ свой: жилъ тамъ съ утра до вечера, да еще былъ любимъ этой *презрѣнной двучонкой*, какъ ты ее называешь. Кажется, это не презрѣнія заслуживаетъ...“— „А зачѣмъ она измѣнила?“— „То-есть полюбила другого? И это мы рѣшили удовлетворительно. Да неужели ты думаешь, что еслибъ она продолжала любить тебя, ты бы не разлюбилъ ее?“

[Затѣмъ дядюшка упрекнулъ Адуева за то, что тотъ не понимаетъ его дружескихъ отношеній, не цѣнить сердечной теплоты тетки].

— „Я умѣю цѣнить дружбу тетушки...“—бормоталъ Александръ невнятно.— „Нѣтъ, не умѣешь: еслибъ умѣлъ, ты бы не искалъ глазами друга на потолокъ, а указалъ бы на нее. Еслибъ чувствовалъ ея дружбу, ты, изъ уваженія къ ея достоинствамъ, не презиралъ бы людей. Она одна выкупила бы, въ глазахъ твоихъ, недостатки другихъ. Кто осушалъ твои слезы да хныкалъ съ тобой вмѣстѣ? Кто во всякомъ твоёмъ вздорѣ принималъ участіе, и какое участіе! Развѣ только мать могла бы такъ горячо принимать къ сердцу все, что до тебя касается, и та не сумѣла бы. Еслибъ ты чувствовалъ это, ты не улыбнулся бы давеча иронически, ты бы видѣлъ, что тутъ нѣтъ ни лисы, ни волка, а есть женщина, которая любить тебя, какъ родная сестра...“— „Ахъ, ma tante!—сказалъ Александръ, растерянный и совсѣмъ уничтоженный этимъ упрекомъ,—неужели вы думаете, что я не цѣню этого и не считаю васъ блистательнымъ исключеніемъ изъ толпы? Боже, Боже! клянусь...“— „*Еще одно послѣднее сказанье!* Ты сказалъ, что исполняешь все, чего требуютъ отъ тебя твои обязанности къ другимъ?“

Александръ уже ни слова не отвѣчалъ и не поднималъ глазъ.

— „Ну, скажи, любишь ли ты свою мать?“

Александръ вдругъ ожилъ.

— „Какой вопросъ?—сказалъ онъ,—кого послѣ этого любить мнѣ? Я ее обожаю, я отдалъ бы за нее жизнь...“— „Хорошо. Стало-быть, тебѣ извѣстно, что она живетъ, дышитъ только тобою, что всякая твоя радость и горе—радость и горе для нея. Она теперь время считаетъ не мѣсяцами, не недѣлями, а вѣстами о тебѣ и отъ тебя... Скажи-ка, давно ли ты писалъ къ ней?“

Александръ встрепенулся.

— „Недѣли... три“,—пробормоталъ онъ.— „Нѣтъ: четыре мѣсяца! Какъ прикажешь назвать такой поступокъ? Ну-ка, какой ты звѣрь? Можетъ быть, оттого и не называешь, что у Крылова такого нѣтъ“.

Адуевъ посылъ бестды съ дядей. Александръ, возвратясь домой отъ

дяди, сѣлъ въ кресло и задумался. Онъ припомнилъ весь разговоръ съ дядей и теткой и потребовалъ строгаго отчета отъ самого себя.

Какъ, въ свои лѣта, позволивъ себѣ ненавидѣть и презирать людей, разсмотрѣвъ и обсудивъ ихъ ничтожность, мелочность, слабости, перебравъ всѣхъ и каждаго изъ своихъ знакомыхъ, онъ забылъ разобрать себя! Какая слѣпота! И дядя далъ ему урокъ, какъ школьнику, разобралъ его по точкѣ, да еще при женщинѣ; что бы ему самому оглянуться на себя! Какъ дядя долженъ выиграть въ этотъ вечеръ въ глазахъ жены! Это бы, пожалуй, ничего, оно такъ и должно быть; но вѣдь онъ выигралъ на его счетъ. Дядя имѣетъ надъ нимъ неоспоримый верхъ, всюду и во всемъ.

Гдѣ же, думалъ онъ, послѣ этого преимущество молодости, свѣжести, пылкости ума и чувствъ, когда человѣкъ, съ нѣкоторою только опытностью, но съ черствымъ сердцемъ, безъ энергіи, уничтожаетъ его на каждомъ шагу, такъ, мимоходомъ, небрежно? Когда же споръ будетъ равенъ и когда, наконецъ, перевѣсъ будетъ на его сторонѣ? А на его сторонѣ, кажется, и талантъ, и избытокъ душевныхъ силъ... а дядя является исполиномъ въ сравненіи съ нимъ. Съ какою увѣренностью онъ спорить, какъ легко устраняетъ всякое противорѣчіе и достигаетъ цѣли, шутя, съ зѣвотой, насмѣхаясь надъ чувствомъ, надъ сердечными изліаніями дружбы и любви, словомъ, надъ всѣмъ, въ чемъ пожилые люди привыкли завидовать молодымъ.

Перебирая все это въ умѣ, Александръ покраснѣлъ отъ стыда. Онъ далъ себѣ слово строго смотрѣть за собой и, при первомъ случаѣ, уничтожить дядю: доказать ему, что никакая опытность не замѣнитъ того, что *вложено свыше*; что, какъ онъ, Петръ Ивановичъ, тамъ себѣ ни проповѣдуй, а съ этой минуты не сбудется ни одно изъ его холодныхъ, методическихъ предсказаній. Александръ самъ найдетъ свой путь и пойдетъ по немъ не робкими, а твердыми и ровными шагами. Онъ теперь не то, что былъ три года назадъ. Онъ проникъ взглядомъ въ тайники сердца, разсмотрѣлъ игру страстей, добылъ себѣ тайну жизни, конечно, не безъ мученій, но за то закалилъ себя противъ нихъ навсегда. Будущее ему ясно, онъ возсталъ, открылся, — онъ не ребенокъ, а мужъ, — смѣло впередъ! Дядя увидитъ и, въ свою очередь, разыграетъ впоследствии передъ нимъ, опытнымъ мастеромъ, роль жалкаго ученика; онъ узнаетъ, къ удивленію своему, что есть иная жизнь, иныя отличія, иное счастье, кромѣ жалкой карьеры, которую онъ себѣ избралъ и которую навязываетъ и ему, можетъ быть, изъ зависти. Еще, еще одно благородное усиліе — и борьба кончена!

Александръ ожилъ. Онъ опять сталъ творить особый міръ, нѣсколько помудрѣе перваго.

[Онъ сталъ сочинять повѣсть. Тетка ему сочувствовала и слушала отдѣльными частями этого произведенія. Но оно оказалось произведеніемъ слабымъ. Редакторъ журнала такъ отозвался объ авторѣ повѣсти]:

„Авторъ долженъ быть молодой человѣкъ. Онъ не глупъ, но что-то не путемъ сердить на весь міръ. Въ какомъ озлобленномъ, ожесточенномъ духѣ пишетъ онъ! Вѣрно разочарованный. О, Боже! когда переведется этотъ народъ? Какъ жаль, что отъ фальшиваго взгляда на жизнь гибнетъ у насъ

много дарованій въ пустыхъ, бесплодныхъ мечтахъ, въ напрасныхъ стремленіяхъ къ тому, къ чему они не призваны.

Самолубіе, мечтательность, преждевременное развитіе сердечныхъ склонностей и неподвижность ума, съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—лѣнью—вотъ причины этого зла. Наука, трудъ, практическое дѣло — вотъ что можетъ отрезвить нашу праздную и большую молодежь.

Писатель тогда только, во-первыхъ, напишетъ дѣльно, когда не будетъ находиться подъ вліяніемъ личнаго увлеченія и пристрастія. Онъ долженъ обозрѣвать покойнымъ и свѣтлымъ взглядомъ жизнь и людей вообще,— иначе выразитъ только свое я, до котораго никому нѣтъ дѣла. Этотъ недостатокъ сильно преобладаетъ въ повѣсти. Второе и главное условіе—этого, пожалуй, автору не говорите, изъ сожалѣнія къ молодости и авторскому самолюбию, самому безпокойному изъ всѣхъ самолюбій — нуженъ талантъ, а его тутъ и слѣда нѣтъ. Языкъ, впрочемъ, вездѣ правиленъ и чистъ; авторъ даже обладаетъ слогомъ...“

Насилу дочиталъ Александръ.

[Извѣрившись въ свои литературскія способности, Адуевъ сжегъ всѣ свои произведенія. Дядя, желая его отвлечь отъ мрачныхъ думъ, посовѣтовалъ поухаживать за молодой вдовой Юліей Павловной Тафаевой. Старшему Адуеву было нужно, чтобы за ней не очень ухаживалъ его компаньонъ по заводу Сурковъ].

Тафаева. Юліи Павловнѣ было двадцать три, двадцать четыре года. Петръ Ивановичъ угадалъ: она въ самомъ дѣлѣ была слабонервна, но это не мѣшало ей быть вмѣстѣ очень хорошенькой, умной и граціозной женщиной. Только она была робка, мечтательна, чувствительна, какъ большая часть нервныхъ женщинъ. Черты лица нѣжныя, тонкія, взглядъ кроткій и всегда задумчивый, частью грустный—безъ причины, или, если хотите, по причинѣ нервъ.

На мѣръ и жизнь она глядѣла не совсѣмъ благосклонно, задумывалась надъ вопросомъ о своемъ существованіи и находила, что она лишняя здѣсь. Но, Воже сохрани, если кто, даже случайно, проговаривался при ней о могилѣ, о смерти—она блѣднѣла. Отъ ея взгляда ускользала свѣтлая сторона жизни. Въ саду, въ рощѣ она выбирала для прогулки темную, густую аллею и равнодушно глядѣла на смѣющійся пейзажъ. Въ театрѣ смотрѣла всегда драму, комедію рѣдко, водевилъ никогда; зажимала уши отъ доходившихъ до нея случайно звуковъ веселой пѣсни, никогда не улыбалась шуткѣ.

Въ другое время черты ея лица выражали томленіе, но не страдальческое, не болѣзненное, а томленіе будто нѣги. Видно было, что она внутренно боролась съ какою-нибудь обольстительною мечтою — и изнемогала. Послѣ такой борьбы долго она была молчалива, грустна, потомъ вдругъ впадала въ безотчетно веселое расположеніе духа, не измѣняя, однако-же, своему характеру: что веселило ее—не развеселило-бы другого. Все нервы! А послушать этихъ дамъ, такъ чего онѣ не скажутъ! слова: *судьба, симпатія, безотчетное влеченіе, невѣдомая грусть, смутныя желанія*—такъ и толкаютъ одно другое, а кончится все-таки вздохомъ, словомъ нервы и флакончикомъ со спиртомъ.

[Начавъ съ простаго ухаживанья, Адуевъ влюбился въ Тафаеву: они по натурѣ были близки другъ другу. Та тоже привязалась къ нему всею душой].

Александръ любилъ Юлію. Онъ почти съ ужасомъ почувствовалъ первые припадки этой любви, какъ-будто какой-нибудь заразы. Его мучили и страхъ и стыдъ: страхъ—подвергнуться опять всеѣмъ прихотямъ и своего и чужого сердца, стыдъ—передъ другими, болѣе всего передъ дядей. Дорого онъ далъ-бы, чтобъ скрыть отъ него. Давно-ли, три мѣсяца назадъ тому, онъ такъ гордо, рѣшительно отрекся отъ любви, написалъ даже эпитафію въ стихахъ этому безпокойному чувству, читанную дядей, наконецъ явно презиралъ женщинъ—и вдругъ опять у ногъ женщины! Опять доказательство ребяческой опрометчивости. Боже! когда-же онъ освободится отъ несокрушимаго вліянія дяди? Неужели жизнь его никогда не приметъ особеннаго, неожиданнаго оборота, а будетъ вѣчно идти по предсказаніямъ Петра Иваныча?

Эта мысль приводила его въ отчаяніе. Онъ радъ-бы бѣжать отъ новой любви. Но какъ бѣжать? Какая разница между любовью къ Наденькѣ и любовью къ Юліи! Первая любовь—не что иное, какъ несчастная ошибка сердца, которое требовало пищи, а сердце въ тѣ лѣта такъ неразборчиво: принимаетъ первое, что попадетъ. А Юлія! это уже не капризная дѣвочка, непонимающая ни его, ни самой себя, ни любви. Это — женщина въ полномъ развитіи, слабая тѣломъ, но съ энергіей духа—для любви: она—вся любовь! Другихъ условій для счастья и жизни она не признаетъ. Любить—будто бездѣлица? это также даръ; а Юлія—геній въ этомъ. Вотъ о какой любви мечталъ онъ: о сознательной, разумной, но вмѣстѣ сильной, незнающей ничего внѣ своей сферы.

Юлія любила Александра еще сильнѣе, нежели онъ ее. Она даже не сознавала всей силы своей любви и не размышляла о ней. Она любила въ первый разъ — это-бы еще ничего—нельзя-же полюбить прямо во второй разъ; но бѣда была въ томъ, что сердце у ней было развито до нельзя, обработано романами и приготовлено не то что для первой, но для той романической любви, которая существуетъ въ нѣкоторыхъ романахъ, а не въ природѣ, и которая оттого всегда и бываетъ несчастлива, что невозможно на дѣлѣ. Между тѣмъ умъ Юліи не находилъ въ чтеніи однихъ романовъ здоровой пищи и отставалъ отъ сердца. Она не могла никакъ представить себѣ тихой, простой любви безъ бурныхъ проявленій, безъ неумѣренной нѣжности. Она-бы тотчасъ разлюбила человѣка, еслибъ онъ *не палъ къ ея ногамъ* при удобномъ случаѣ, еслибъ не клялся ей *всеми силами души*, еслибъ осмѣлился *не сжечь и испепелить ее въ своихъ объятіяхъ*, или дерзнулъ-бы, кромѣ любви, заняться другимъ дѣломъ, а не пилъ-бы только *чаши жизни* по каплѣ въ ея слезахъ и поцѣлуяхъ.

Отсюда родилась мечтательность, которая создала ей особый міръ. Чуть что-нибудь въ простомъ мірѣ совершалось не по законамъ особаго, сердце ея возмущалось, она страдала. Слабый и безъ того организмъ женщины подвергался потрясенію, иногда весьма сильному. Частыя волненія

раздражали нервы и наконец довели их до совершенного расстройства. Вотъ отчего эта задумчивость и грусть безъ причины, этотъ сумрачный взглядъ на жизнь у многихъ женщинъ; вотъ отчего стройный, мудро-созданный и совершающійся по непреложнымъ законамъ порядокъ людскаго существованія кажется имъ тяжкою цѣпью; вотъ, однимъ словомъ, отчего пугаетъ ихъ дѣйствительность, заставляя строить мѣръ, подобный міру фата-морганы.

[Произошло это отъ неудачнаго воспитанія: науки были неинтересны и не воспитывали равномѣрно сердца и ума].

Умъ начиналъ засыпать, а сердце бить тревогу. Вотъ тутъ-то подвернулся услужливый кузень и кстати привезъ ей нѣсколько главъ Онѣгина, Кавказскаго Плѣнника и проч. И дѣва познала сладость русскаго стиха. Онѣгинъ былъ выученъ наизусть и не покидалъ изголовья Юліи. И кузень, какъ прочіе наставники, не умѣлъ растолковать ей значенія и достоинства этого произведенія. Она взяла себѣ за образецъ Татьяну и мысленно повторяла своему идеалу пламенные строки татьянина письма къ Онѣгину, и сердце ея пыло, билось. Воображеніе искало то Онѣгина, то какого-нибудь героя мастеровъ новой школы—блѣднаго, грустнаго, разочарованнаго...

Итальянецъ и другой французъ довершили ея воспитаніе, давъ ея голосу и движеніямъ стройные размѣры, то-есть выучили танцевать, пѣть, играть, или, лучше, поиграть до замужества на фортепіано, но музыкѣ не выучили. И вотъ она восемнадцати лѣтъ, но уже съ постоянно задумчивымъ взоромъ, съ интересной блѣдностью, съ воздушной таліей, съ маленькой ножкой, явилась въ салонахъ на показъ свѣту.

Ее замѣтилъ Тафаевъ, человѣкъ со всѣми атрибутами жениха, то-есть съ почтеннымъ чиномъ, съ хорошимъ состояніемъ, съ крестомъ на шеѣ, словомъ съ карьерой и фортуной. Нельзя сказать про него, чтобъ онъ былъ только простой и добрый человѣкъ. О, нѣтъ! онъ въ обиду себя не давалъ и судилъ весьма здраво о нынѣшнемъ состояніи Россіи, о томъ, чего ей недостаетъ въ хозяйственномъ и промышленномъ состояніи, и въ своей сферѣ считался дѣловымъ человѣкомъ.

И вотъ, когда Юлія вышла изъ дѣтства, ее на первомъ шагу встрѣтила самая печальная дѣйствительность—обыкновенный мужъ. Какъ онъ далеко былъ отъ тѣхъ героевъ, которыхъ создало ей воображеніе и поэты!

Пять лѣтъ провела она въ этомъ скучномъ снѣ, какъ она называла замужество безъ любви, и вдругъ явились свобода и любовь. Она улыбнулась, простерла къ нимъ горячія объятія и предалась своей страсти, какъ человѣкъ предается быстрому бѣгу на конѣ. Онъ несется съ могучимъ животнымъ, забывая пространство. Духъ замираетъ, предметы бѣгутъ назадъ; въ лицо вѣетъ свѣжесть; грудь едва выноситъ ощущеніе нѣги... или, какъ человѣкъ, предающійся безопасно въ челнокѣ теченію волнъ: солнце грѣетъ его, зеленые берега мелькаютъ въ глазахъ, игривая волна ласкаетъ корму и такъ сладко шепчетъ, забѣгаетъ впередъ и манитъ все дальше, дальше, показывая путь безконечной струей... И онъ влечется. Негогда смотрѣть и думать тогда, чѣмъ кончится путь: мчитъ-ли конь въ пропасть, влечетъ-

ли волна на скалу?.. Мысли уносить вѣтеръ, глаза закрываются, обаяніе непреодолимо... такъ и она не преодолевала его, а все влеклась, влеклась... Для нея, наконецъ, настали поэтическія мгновенія жизни: она полюбила эту, то сладостную, то мучительную тревожность души, искала сама волнений, выдумывала себѣ и муку и счастье. Она пристрастилась къ своей любви, какъ пристращаются къ опиуму, и жадно пила сердечную отраву.

Юлія была ужъ взволнована ожиданіемъ. Она стояла у окна и нетерпѣніе ея возрастало съ каждой минутой. Она ощипывала китайскую розу и съ досадой бросала листья на полъ, а сердце такъ и замирало: это былъ моментъ муки. Она мысленно играла въ вопросъ и отвѣтъ: придетъ или не придетъ? вся сила ея соображенія была устремлена на то, чтобъ рѣшить эту мудреную задачу. Если соображенія говорили утвердительно, она улыбалась, если нѣтъ—блѣднѣла.

Когда Александръ подѣхалъ, она, блѣдная, опустилась въ кресла отъ изнеможенія—такъ сильно работали въ ней нервы. Когда онъ вошелъ... невозможно описать этого взгляда, которымъ она встрѣтила его, этой радости, которая мгновенно разлилась по всѣмъ ея чертамъ, какъ будто они годъ не видались, а они видѣлись наканунѣ. Она молча указала на стѣнные часы; но едва онъ заикнулся, чтобъ оправдаться, она, не выслушавъ, повѣрила, простила, забыла всю боль нетерпѣнія, подала ему руку и оба сѣли на диванъ и долго говорили, долго молчали, долго смотрѣли другъ на друга. Не напосми человѣкъ, они непремѣнно забыли-бы объѣдать.

[Любовь Тафаевой наскучила Адуеву, онъ сталъ ею тяготиться, скупать. Мольбы, угрозы Тафаевой на него не дѣйствовали. Разочарованный, озлобленный, онъ заперся у себя, пренебрегалъ службой, друзьями, пересталъ бывать у дяди. Дядюшка пытался вернуть ему прежнее настроеніе].

— „А роскошь умственныхъ и душевныхъ наслажденій, а искусство...—началь-было Петръ Ивановичъ, поддѣлываясь подъ тонъ Александра. — Ты можешь идти впередъ: твое назначеніе выше; долгъ твой призываетъ тебя къ благородному труду... А стремленія къ высокому—забытъ?“ — „Богъ съ ними! Богъ съ ними!—сказалъ съ безпокойствомъ Александръ.—И вы, дядюшка, начали дико говорить! Этого прежде не водилось за вами. Не для меня-ли? Напрасный трудъ! Я стремился выше—вы помните? Что-жъ вышло?“ — „Помню, какъ ты вдругъ сразу въ министры захотѣлъ, а потомъ въ писатели. А какъ увидалъ, что къ высокому званію ведетъ длинная и трудная дорога, а для писателя нуженъ талантъ, такъ и назадъ. Много вашей братьи пріѣзжаютъ сюда съ высшими взглядами, а дѣла своего подъ носомъ не видятъ. Какъ понадобится бумагу написать—смотришь, и того... Я не про тебя говорю: ты доказалъ, что можешь заниматься, а со временемъ и быть чѣмъ-нибудь. Да скучно, долго ждать. Мы вдругъ хотимъ; не удалось—и носъ повѣсили.“

— „Да я стремиться выше не хочу. Я хочу такъ остаться, какъ есть: развѣ я не въ правѣ избрать себѣ занятіе, ниже-ли оно моихъ способностей, или нѣтъ—что нужды? если я дѣлаю дѣло добросовѣстно—я исполню свой долгъ. Пусть упрекаютъ меня въ неспособности къ высшему: меня нисколько

не огорчило-бы, если-бъ это была и правда. Сами-же вы говорили, что есть поэзія въ скромномъ удѣлѣ, а теперь упрекаете, что я избралъ скромнѣйшій. Кто мнѣ запретить сойти нѣсколькими ступенями ниже и стать на той, которая мнѣ нравится? Я не хочу высшаго назначенія—слышите-ли, не хочу!..“—„Слышу! я не глухъ, только все это жалкіе софизмы.“ — „Нужды нѣтъ. Вотъ я нашелъ себѣ мѣсто и буду сидѣть на немъ вѣкъ. Нашелъ простыхъ, незатѣйливыхъ людей, нужды нѣтъ, что ограниченныхъ умомъ, играю съ ними въ шашки и ужу рыбу—и прекрасно! Пусть я по вашему буду наказанъ за это, пусть лишусь награды, денегъ, почета, значенія—всего, что такъ льститъ вамъ. Я навсегда отказываюсь...“

Жизнь Адуэва. Александръ, бѣжавъ Юліи, бросился въ вихрь шумныхъ радостей. Онъ твердилъ стихи извѣстнаго нашего поэта:

Пойдемъ туда, гдѣ дышитъ радость,
Гдѣ шумный вихрь забавъ шумитъ,
Гдѣ не живутъ, но тратятъ жизнь и младость!
Среди веселыхъ игръ за радостнымъ столомъ,
На часъ уившись счастьемъ ложнымъ,
Я приучусь къ мечтамъ ничтожнымъ,
Съ судьбою примирюсь виномъ.
Я сердца усмирю заботы,
Я думамъ не велю летать;
Небесъ на тихое сіянье
Я не велю глазамъ своимъ взирать и проч.

Явилась семья друзей и съ ними неизбежная *чаша*. Друзья созерцали лики свои въ пѣнистой влагѣ, потомъ въ лакированныхъ сапогахъ. „Прочь горе, — восклицали они, ликуя, — прочь заботы! Истратимъ, уничтожимъ, испечелимъ, выпьемъ жизнь и молодость! Ура!“ Стаканы и бутылки съ трескомъ летѣли на полъ.

На нѣкоторое время свобода, шумныя сборища, безопасная жизнь заставили его забыть Юлію и тоску. Но все одно да одно, обѣды у рестораторовъ, тѣ-же лица съ мутными глазами; ежедневно все тотъ-же глупый и пьяный бредъ собесѣдниковъ и, вдобавокъ къ этому, еще постоянно разстроенный желудокъ: нѣтъ, это не по немъ. Слабый организмъ тѣла и душа Александра, настроенная на грустный, элегическій тонъ, не вынесли этихъ забавъ.

Онъ бѣжалъ *веселыхъ игръ за радостнымъ столомъ* и очутился одинъ въ своей комнатѣ, наединѣ съ собой, съ забытыми книгами. Но книга вываливалась изъ рукъ, перо не слушалось вдохновенія. Шиллеръ, Гете, Байронъ являли ему мрачную сторону человѣчества, свѣтлой онъ не замѣчалъ: ему было не до нея.

Вглядываясь въ жизнь, вопрошая сердце, голову, онъ съ ужасомъ видѣлъ, что ни тамъ, ни сямъ не осталось ни одной мечты, ни одной розовой надежды: все уже было назади; туманъ разсѣялся; передъ нимъ разостлалась, какъ степь, голая дѣйствительность. Боже! какое необозримое пространство! какой скучный, безотраднѣйшій видъ! Прошлое погубило, будущее уничтожено, счастья нѣтъ: все химера—а живи!

„Дружба,—подумаль онъ,—другая глупость! Все извѣдано, новаго ничего нѣтъ, старое не повторится, а живи!“

Онъ никому и ничему не вѣрилъ, не забывался въ наслажденіи; вкушалъ его, какъ человѣкъ безъ аппетита вкушаетъ лакомое блюдо, холодно, зная, что за этимъ наступитъ скука, что наполнить душевной пустоты ничѣмъ нельзя. Ввѣрится чувству—оно обманетъ и только взволнуетъ душу и прибавитъ еще нѣсколько ранъ къ прежнимъ. Глядя на людей, связанныхъ любовью, не помнящихъ себя отъ восторга, онъ улыбался иронически и думаль: „погодите, опомнитесь; послѣ первыхъ радостей начнется ревность, сцены примиренія, слезы. Живучи вмѣстѣ, надоѣдите другъ другу смертельно, а разстанетесь—вдвое заплачете. Сойдетесь опять—еще хуже. Сумасшедшіе! непрерывно ссорятся, дуются другъ на друга, ревнуютъ, потому мирятся на минуту, чтобъ сильнѣе посориться: это у нихъ любовь, преданность! а всѣ вмѣстѣ, съ пѣной на устахъ, иногда со слезами отчаянія на глазахъ, упрямо называютъ *счастьемъ*! А дружба ваша... *брось-ка кость*, такъ *что твои собаки!*“

Желать онъ боялся, зная, что часто, въ моментъ достиженія желаемого, судьба вырветъ изъ рукъ счастье и предложитъ совсѣмъ другое, чего вовсе не хочешь—такъ, дрянъ какую-нибудь; а если наконецъ и дастъ желаемое, то прежде измучитъ, истомитъ, унизитъ въ собственныхъ глазахъ и потомъ броситъ, какъ бросаютъ подачку собакѣ, заставивши ее прежде проползти до лакомого куска, смотрѣть на него, держать на носу, заваливать въ щли, стоять на заднихъ лапахъ, и тогда—пиль!

Его пугаль и періодическій приливъ счастья и несчастья въ жизни. Радостей онъ не предвидѣль, а горе все непремѣнно впереди, его не избѣжишь: всѣ подвержены общему закону; всѣмъ, казалось ему, отпущена ровная доля и счастья и несчастья. Счастье для него кончилось, и какое счастье? фантазмагорія, обманъ. Только горе реально, а оно впереди. Тамъ и болѣзни, и старость, и разныя утраты, можетъ быть, еще нужда... Всѣ эти *удары рока*, какъ говоритъ деревенская тетушка, стерегутъ его; а отрады какія? Высокое поэтическое назначеніе измѣнило; на него наваливаютъ тяжкую ношу и называютъ это долгомъ! Остаются жалкія блага—деньги, комфортъ, чины... Богъ съ ними! О, какъ грустно раздѣлять жизнь, понять, какова она, и не понять, зачѣмъ она!

Такъ хандрилъ онъ и не видѣль исхода изъ омута этихъ сомнѣній. Опыты только понапрасну измали его, а здоровья не подбавили въ жизнь, не очистили воздуха въ ней и не дали свѣта. Онъ не зналь что дѣлать: ворочался съ боку на бокъ на диванѣ, сталь перебирать въ умѣ знакомыхъ—и пуще затосковаль. Одинъ служитъ отлично, пользуется почетомъ, извѣстностью, какъ хорошій администраторъ; другой обзавелся семьей и предпочитаетъ тихую жизнь всѣмъ суетнымъ благамъ міра, никому не завидуя, ничего не желая; третій... да что? всѣ, всѣ какъ-то пристроились, основались и идутъ по своему ясному и угаданному пути. „Одинъ я только... да что же я такое?“

Тутъ онъ сталъ допытываться у самого себя: могъ ли бы онъ быть

администраторомъ, какимъ-нибудь командиромъ эскадрона? могъ ли бы довольствоваться семейною жизнью, и увидѣлъ, что ни то, ни другое, ни третье не удовлетворило бы его. Какой-то бѣсенокъ все шевелился въ немъ, все шепталъ ему, что это мелко для него, что ему бы летать выше... а гдѣ и какъ—онъ не могъ рѣшить. Въ авторствѣ онъ ошибся. Что же дѣлать, что начать?—спрашивалъ онъ себя, и не зналъ что отвѣчать. А досада такъ и грызла его: ну, хоть пожалуй администраторомъ или эскадроннымъ командиромъ... да нѣтъ: время ушло, надо начинать съ азбуки.

Отчаяніе выдавило у него слезы изъ глазъ,—слезы досады, зависти, недоброжелательства ко всѣмъ, самыя мучительныя слезы. Онъ горько казался, что не послушалъ матери и бѣжалъ изъ глуши.

„Маленька сердцемъ чужла отдаленное горе,—думалъ онъ,—тамъ эти безпокойные порывы спали бы непробуднымъ сномъ; тамъ не было бы бурнаго броженія этой сложной жизни. Между тѣмъ и тамъ посѣтили бы меня всѣ человѣческія чувства и страсти: и самолюбіе, и гордость, и честолюбіе—все, въ маломъ размѣрѣ, коснулось бы сердца въ тѣсныхъ границахъ нашего уѣзда—и все бы удовлетворилось. Первый въ уѣздѣ! да! все условно. Божественная искра небснаго огня, который, болѣе или менѣе, горитъ во всѣхъ насъ, сверкнула бы тамъ незамѣтно во мнѣ и скоро потухла бы въ празднои жизни, или зажглась бы въ привязанности къ женѣ и дѣтямъ. Существованіе не было бы отравлено. Я прошелъ бы гордо свое назначеніе: путь жизни былъ бы тихъ, казался бы и простъ и понятенъ мнѣ, жизнь была бы по силамъ, я бы вынесъ борьбу съ ней... А любовь? Она цвѣла бы пышнымъ цвѣтомъ и наполнила бы всю жизнь мою. Софья пролюбила бы меня въ тишинѣ. Я не терялъ бы вѣры ни во что, рвалъ бы однѣ розы, не зная шиповъ; не испытывая даже ревности, за недостаткомъ соперничества! Зачѣмъ же такъ сильно и слѣпо влекло меня въ даль, въ туманъ, на неровную и неизвѣстную борьбу съ судьбой? А какъ прекрасно понималъ я тогда и жизнь и людей! такъ понималъ бы ихъ еще и теперь, ничего не понимая. Я ждалъ тогда отъ жизни такъ много и, не разсмотрѣвъ ее пристально, ждалъ бы тамъ отъ нея чего-нибудь еще и до сихъ поръ. Сколько сокровищъ открылъ я въ душѣ своей: куда они дѣлись? Я пустилъ ихъ въ размѣнъ по свѣту, я отдалъ искренность сердца, первую завѣтную страсть—и что получилъ? горькое разочарованіе, узналъ, что все обманъ, все непрочно, что нельзя надѣяться ни на себя, ни на другихъ—и сталъ бояться и другихъ и себя... Я не могъ, среди этого анализа, признать мелочей жизни и быть ими доволенъ, какъ дядюшка и многіе другіе... И вотъ теперь!..“

Теперь онъ желалъ только одного: забвенія прошедшаго, спокойствія, сна души. Онъ охладился болѣе и болѣе къ жизни, на все смотрѣлъ сонными глазами. Въ толпѣ людской, въ шумѣ собраній онъ находилъ скуку, бѣжалъ отъ нихъ, а скука за нимъ.

[Живя на дачѣ, Адуевъ познакомился съ Лизой, богатой барышней—она серьезно увлеклась имъ, видя его разочарованнымъ и считая несчастнымъ. Для Адуева эта любовь дѣвушки была только развлеченіемъ. И онъ

былъ очень наказанъ, когда, явившись на свиданіе, встрѣтилъ отца Лизы и выслушалъ отъ него строгій и рѣзкій выговоръ].

Онъ тихо отворилъ дверь, въ сильномъ волненіи, на цыпочкахъ, подошелъ къ дивану и тихо взялъ за руку—отца Лизы. Александръ вздрогнулъ, отскочилъ, хотѣлъ бѣжать, но старикъ поймалъ его за фалду и посадилъ насильно подлѣ себя на диванъ.

— „Какъ это вы, батюшка, зашли сюда?“—спросилъ онъ.—„Я... за рыбой“...—бормоталъ Александръ, едва шевели губами. Зубы у него стучали одинъ о другой. Старикъ былъ вовсе не страшень, но Александръ, какъ и всякій воръ, пойманный на дѣлѣ, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.— „За рыбой!—повторилъ старикъ насмѣшливо.—Знаете ли, что это значитъ ловить рыбу въ мутной водѣ? Давно я замѣчаю за вами, и вотъ узналъ васъ наконецъ; а Лизу свою знаю съ пеленъ: она добра и довѣрчива, а вы, вы опасный плутъ...“

Александръ хотѣлъ встать, но старикъ удержалъ его за руку.

— „Да, батюшка, не погнѣвайтесь. Вы прикинулись несчастнымъ, притворно избѣгали Лизы, завлекли ее, увѣрились, да и хотѣли воспользоваться... Хорошее ли это дѣло? Какъ васъ назвать?“—„Клянусь честью, я не предвидѣлъ послѣдствій...—сказалъ Александръ голосомъ глубокаго убѣжденія,—я не хотѣлъ...“

Старикъ молчалъ нѣсколько минутъ.

— „А можетъ быть и то!—сказалъ онъ,—можетъ быть, вы не по любви, а такъ, отъ праздности, сбивали съ толку бѣдную дѣвочку, не зная сами, что изъ этого будетъ; удастся—хорошо, не удастся—нужды нѣтъ! Въ Петербургѣ много этакихъ молодцовъ... Знаете, какъ поступаютъ съ такими франтами?“

Александръ сидѣлъ, потупя взоры. У него не доставало духу оправдываться.

— „А сначала я думалъ лучше объ васъ, да ошибся, крѣпко ошибся! Видишь, вѣдь какимъ тихенькимъ прикинулся! слава Богу, что спохватился во-время... Слушайте: терять времени некогда; глупая дѣвчонка, того и гляди, явится на свиданіе. Я вчера подкараулилъ васъ. Ненужно, чтобъ она видѣла насъ вмѣстѣ: вы уйдете и, разумѣется, не воротитесь никогда; она подумаетъ, что вы обманули ее, и это послужитъ ей урокомъ. Только смотрите, чтобъ васъ здѣсь никогда не было; найдите другое мѣсто для рыбной ловли, а не то... я провожу васъ неласково... Счастье ваше, что Лиза еще можетъ прямо глядѣть мнѣ въ глаза; я цѣлый день наблюдалъ за нею... иначе вы не этой дорогой вышли бы отсюда... Прощайте!“

[Сконфуженный и растерянный Адуевъ рѣшился броситься въ рѣку].

Онъ скорыми шагами подошелъ къ рѣчкѣ. Она была черна. По волнамъ перебѣгали какія-то длинныя, фантастическія, уродливыя тѣни. Берегъ, гдѣ стоялъ Александръ, былъ мелокъ.

— „Тутъ и умереть нельзя!“—сказалъ онъ презрительно и пошелъ на мость, бывшій оттуда во ста шагахъ. Александръ облокотился на перила по срединѣ моста и сталъ вглядываться въ воду. Онъ мысленно прощался

съ жизнію, посылалъ вздохи къ матери, благословлялъ тетку, даже простилъ Наденьку. Слезы умиленія текли у него по щекамъ... Онъ закрылъ лицо руками... Неизвѣстно, что бы онъ сдѣлалъ, какъ вдругъ мостъ заколебался у него подъ ногами; онъ оглянулся: Боже мой! онъ на краю пропасти: передъ нимъ зидеть могила: половина моста отдѣлилась и отплываетъ прочь... проходить барки; еще минута—и прощай! Онъ собралъ всѣ силы и сдѣлалъ отчаянный прыжокъ... на ту сторону. Тамъ онъ остановился, перевелъ духъ и схватился за сердце.

— „Что, баринъ, испужался?“—спросилъ его сторожъ.—„Чего, братецъ, чуть было въ середину не попалъ“,—отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ Александръ.

[Теткѣ удалось вызвать Адуева на откровенность — ее безпокоило его настроеніе].

— „Вы спрашиваете, отчего я прячусь отъ людей, отчего я ко всему равнодушень, отчего не вижу даже съ вами?.. отчего? Знайте-же, что жизнь давно опротивѣла мнѣ, и я избралъ себѣ такой быть, гдѣ она меньше замѣтна. Я ничего не хочу, не ищу, кромѣ покоя, сна души. Я извѣдалъ всю пустоту и всю ничтожность жизни—и глубоко презираю ее. *Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей.* Дѣятельность, хлопоты, заботы, развлеченіе—все надоѣло мнѣ. Я ничего не хочу добиваться и искать; у меня нѣтъ цѣли, потому что къ чему повлечешься, достигнешь—и увидишь, что все призракъ. Радости для меня миновались; я къ нимъ охладѣлъ. Въ образованномъ мірѣ, съ людьми, я сильнѣе чувствую неагоды жизни, а у себя, одинъ, вдаль отъ толпы, я одеревенѣлъ: случись что хочеть въ этомъ снѣ—я не замѣчаю ни людей, ни себя. Я ничего не дѣлаю и не вижу ни чужихъ, ни своихъ поступковъ — и покоенъ... мнѣ все равно: счастья не можетъ быть, а несчастье не пройметъ меня...“—„Это ужасно, Александръ, — сказала тетка, — въ эти лѣта такое охлажденіе ко всему...“

— „Чему вы удивляетесь, ma tante? Отдѣлитесь на минуту отъ тѣснаго горизонта, въ которомъ вы заключены, посмотрите на жизнь, на міръ: что это такое?.. Что вчера велико, сегодня ничтожно; чего хотѣлъ вчера, не хочешь сегодня; вчерашній другъ—сегодня врагъ. Стоитъ-ли хлопотать изъ чего-нибудь, любить, привязываться, ссориться, мириться — словомъ, жить? не лучше-ли спать и уомъ, и сердцемъ? Я и сплю, оттого и не хожу нигуда, и къ вамъ особенно... Я уснулъ было совсѣмъ, а вы будите и умъ, и сердце, и толкаете ихъ опять въ омутъ. Если хотите видѣть меня веселымъ, здоровымъ, можетъ быть, живымъ, даже, пожалуй, по понятіямъ дядюшки, счастливымъ — оставьте меня тамъ, гдѣ я теперь. Дайте успокоиться этимъ волненіямъ; пусть мечты улягутся, пусть умъ оцѣпенѣетъ совсѣмъ, сердце окаменѣетъ, глаза отвыкнутъ отъ слезъ, губы отъ улыбки—и тогда, черезъ годъ, черезъ два, я приду къ вамъ совсѣмъ готовый на всякое испытаніе; тогда не пробудите, какъ ни старайтесь, а теперь...“

[Адуевъ не выдержалъ, подалъ въ отставку и уѣхалъ въ деревню. Выѣзжая изъ Петербурга, онъ мысленно прощался со столицей].

— „Прощай,—говорилъ онъ, покачивая головой и хватаясь за свои жиденькіе волосы, — прощай, городъ поддѣльныхъ волосъ, вставныхъ зубовъ, ваточныхъ подражаній природѣ, круглыхъ шляпъ, городъ учтливой спѣси, искусственныхъ чувствъ, безжизненной суматохи! Прощай, великолѣбная гробница глубокихъ, сильныхъ, нѣжныхъ и теплыхъ движеній души. Я здѣсь восемь лѣтъ стоялъ лицомъ къ лицу съ современною жизнью, но спиною къ природѣ, и она отвернулась отъ меня: я утратилъ жизненныя силы и состарѣлся въ двадцать девять лѣтъ; а было время... Прощай, прощай, городъ,

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

Къ вамъ простираю объятія, широкія поля, къ вамъ, благодатныя вѣси и пажити моея родины: примите меня въ свое лоно, да оживу и воскресну душой!“

Тутъ онъ прочелъ стихотвореніе Пушкина: *Художникъ варваръ кистью сонной* и т. д., отеръ влажные глаза и спрятался въ глубину кареты.

[Мать съ ужасомъ увидѣла, какъ измѣнился ея сынъ: похудѣлъ и потерялъ волоса; досталось и лакею Евсею за то, что онъ не заботился о баринѣ, „не унималъ его отъ работы“. Разговоры ея съ сыномъ ни къ чему не привели, — мать его не поняла. Предлагала она сыну жениться, но онъ отвѣтилъ, что не полюбитъ никого].

— „Я не люблю, маменька: я ужъ отлюбилъ“. — „Какъ отлюбилъ, не женясь? Кого-жъ ты любилъ тамъ?“ — „Дѣвушку“. — „Что-жъ не женился?“ — „Она измѣнила мнѣ“. — „Какъ измѣнила? Вѣдь ты еще не былъ женатъ на ней?“

Александръ молчалъ.

— „Хороши-же тамъ у васъ дѣвушки: до свадьбы любятъ! Измѣнила! мерзавка этакая! Счастье-то само просилось къ ней въ руки, да не умѣла цѣнить, негодница! Увидала-бы я ее, я-бы ей въ рожу наплевала. Чего дядя-то смотрѣлъ? Кого это она нашла лучше, посмотрѣла-бы я?.. Что-жъ, развѣ одна она? полюбишь въ другой разъ“. — „Я и въ другой разъ любилъ“. — „Кого-же?“ — „Вдову“. — „Ну, что-жъ не женился?“ — „Той я самъ измѣнилъ“.

Анна Павловна глядѣла на Александра и не знала что сказать.

— „Измѣнилъ!..—повторила она.—Видно безпутная кака-нибудь!—прибавила потомъ.—Подлинно омутъ, прости Господи: любятъ до свадьбы, безъ обряда церковнаго; измѣняютъ... Что это дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, какъ поглядишь! Знать скоро свѣта преставленіе!.. Ну, скажи, не хочетсяли тебѣ чего-нибудь? Можетъ быть пицца тебѣ не по вкусу? Я изъ города повара выпишу...“ — „Нѣтъ, благодарю: все хорошо“. — „Можетъ быть, тебѣ скучно одному: я за сосѣдями пошлю“. — „Нѣтъ, нѣтъ. Не тревожьтесь, маменька! мнѣ здѣсь покойно, хорошо; все пройдетъ... я еще не осмотрѣлся“.

[По просьбѣ матери онъ отправился въ церковь].

Солнце уже садилось и бросало косвенные лучи, которые то играли по золотымъ окладамъ иконъ, то освѣщали темные и суровые лики святыхъ и уничтожали своимъ блескомъ слабое и робкое мерцаніе свѣчъ. Церковь была

почти пуста: крестьяне были на работѣ въ полѣ; только въ углу у выхода тѣснилось нѣсколько старухъ, повязанныхъ бѣлыми платками. Инныя, пригорюнившись и опершись щекой на руку, сидѣли на каменной ступенькѣ придѣла и по временамъ испускали громкіе и тяжкіе вздохи, Богъ знаетъ, о грѣхахъ-ли своихъ, или о домашнихъ дѣлахъ. Другія, припавъ къ землѣ, долго лежали ницъ, молясь.

Свѣжій вѣтерокъ врвался сквозь чугунную рѣшетку въ окно и то приподнималъ ткань на престолѣ, то игралъ сѣдинами священника, или перевортывалъ листъ книги и тушилъ свѣчу. Шаги священника и дьячка громко раздавались по каменному полу въ пустой церкви; голоса ихъ уныло разносились по сводамъ. Вверху, въ куполѣ, звучно кричали галки и чирикали воробьи, перелетавшіе отъ одного окна къ другому, и шумъ крыльевъ ихъ и звонъ колоколовъ заглушали иногда службу...

„Пока въ человѣкѣ кипятъ жизненные силы,—думалъ Александръ,— пока играютъ желанія и страсти, онъ занятъ чувственно, онъ бѣжитъ того успокоительнаго, важнаго и торжественнаго созерцанія, къ которому ведетъ религія... онъ приходитъ искать утѣшенія въ ней съ угасшими, растраченными силами, съ сокрушенными надеждами, съ бременемъ лѣтъ...“

Мало-по-малу, при видѣ знакомыхъ предметовъ, въ душѣ Александра пробуждались воспоминанія. Онъ мысленно пробѣжалъ свое дѣтство и юношество до поѣздки въ Петербургъ; вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью молитвы, какъ она твердила ему объ ангелѣ-хранителѣ, который стоитъ на стражѣ души человѣческой и вѣчно враждуетъ съ нечистымъ; какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что это очи Божіихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ, и какъ радуются, когда добрыя дѣла превышаютъ злыя. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это Сіонъ... Александръ вздохнулъ, очнувшись отъ этихъ воспоминаній.

„Ахъ! еслибъ я могъ еще вѣрить въ это!—думалъ онъ. — Младенческія вѣрованія утрачены, а что я узналъ новаго, вѣрнаго?.. ничего: я нашелъ сомнѣнія, толки, теоріи... и отъ истины еще дальше прежняго... Къ чему этотъ расколъ, это умничанье?.. Боже!.. когда теплота вѣры не грѣбеть сердца, развѣ можно быть счастливымъ? Счастливые-ли я?“

Адуевъ въ деревнѣ. Прошло два—три мѣсяца. Мало-по-малу уединеніе, тишина, домашняя жизнь и всѣ сопряженныя съ нею матеріальныя блага помогли Александру войти въ тѣло. А лѣнь, беззаботность и отсутствіе всякаго нравственнаго потрясенія водворяли въ душѣ его миръ, котораго Александръ напрасно искалъ въ Петербургѣ. Тамъ, бѣжавши отъ міра идей, искусствъ, заключенный въ каменныхъ стѣнахъ, онъ хотѣлъ заснуть сномъ крота, но его безпрестанно пробуждали волненія зависти и бессильныя желанія. Всякое явленіе въ мірѣ науки и искусства, всякая новая знаменитость будили въ немъ вопросъ: „почему это не я, зачѣмъ не я?“ Тамъ на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ въ людяхъ невыгодныя для себя сравненія... тамъ онъ такъ часто падалъ, тамъ увидалъ, какъ въ зеркалѣ, свои сла-

бости... тамъ былъ неутомимый дядя, преслѣдовавшій его образъ мыслей, лѣнь и ни на чемъ не основанное славолюбіе; тамъ изящный міръ и куча дарованій, между которыми онъ не игралъ никакой роли. Наконецъ, тамъ жизнь стараются подвести подъ извѣстныя условія, прояснить ея темныя и загадочныя мѣста, не давая разгула чувствамъ, страстямъ и мечтамъ, и тѣмъ лишая ее поэтической заманчивости, хотятъ издать для нея какую-то скучную, сухую, однообразную и тяжелую форму...

А здѣсь какое приволье! Онъ лучше, умѣе всѣхъ! Здѣсь онъ всеобщій идолъ на нѣсколько верстъ кругомъ. Притомъ, здѣсь на каждомъ шагу, передъ лицомъ природы, душа его отверзалась мирнымъ, успокоительнымъ впечатлѣніямъ. Говоръ струй, шопотъ листьевъ, прохлада и подъ-часъ самое молчаніе природы—все рождало думу, будило чувство. Въ саду, въ полѣ, дома, его посѣщали воспоминанія дѣтства и юности. Анна Павловна, сидя иногда подлѣ него, какъ-будто угадывала его мысли. Она помогала ему возобновлять въ памяти дорогія сердцу мелочи изъ жизни, или рассказывала то, чего онъ вовсе не помнилъ.

„Боже мой, какъ здѣсь хорошо!—говорилъ онъ подъ вліяніемъ этихъ кроткихъ впечатлѣній, — вдали отъ суеты, отъ этой мелочной жизни, отъ того муравейника, гдѣ люди...

...въ кучахъ, за оградой,
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ.

Какъ устаешь тамъ жить и какъ отдыхаешь душой здѣсь, въ этой простой, несложной, не мудреной жизни! Сердце обновляется, грудь дышитъ свободнѣе, а умъ не терзается мучительными думами и нескончаемымъ разборомъ тяжельныхъ дѣлъ съ сердцемъ: и то, и другое въ ладу. Не надъ чѣмъ задумываться. Беззаботно, безъ тягостной мысли, съ дремлющимъ сердцемъ и умомъ и съ легкимъ трепетомъ скользишь взглядомъ отъ рощи къ пашнѣ, отъ пашни къ холму, и потомъ погружаешь его въ бездонную синеву неба“.

Мать не могла нарадоваться, глядя, какъ Александръ полилъ, какъ на щеки его возвращался румянецъ, какъ глаза оживлялись мирнымъ блескомъ. „Только волоски не растутъ, — говорила она, — а были какъ шелкъ“.

Однажды, въ ненастную погоду, попробовалъ онъ заняться дѣломъ, сѣлъ писать и остался доволенъ началомъ труда. Понадобилась для справокъ какая-то книга: онъ написалъ въ Петербургъ, книгу выслали. Онъ занялся не шутя. Выписалъ еще книгъ. Напрасно Анна Павловна пустилась уговаривать его не писать, чтобы не *надсадила грудку*: онъ и слушать не хотѣлъ. Она подослала Антона Иваныча. Александръ не послушалъ и его и все писалъ. Когда прошло мѣсяца три — четыре, а онъ отъ писанья не только не похудѣлъ, а растолстѣлъ больше, Анна Павловна успокоилась.

Такъ прошло года полтора. Все бы хорошо, но Александръ, къ концу этого срока, сталъ опять задумываться. Желаній у него не было никакихъ, а какія и были, такъ ихъ не мудрено было удовлетворить, они не выходили

изъ предѣловъ семейной жизни. Ничто его не тревожило: ни забота, ни сомнѣніе, а—онъ скучалъ! Ему мало-по-малу надоѣлъ тѣсный домашній кругъ; угожденія матери стали докучны, а Антонъ Ивановичъ опротивѣлъ; надоѣлъ и трудъ, и природа не плѣняла его.

Онъ сиживалъ молчаливо у окна и уже равнодушно глядѣлъ на отцовскія лица, съ досадой слушалъ плескъ озера. Онъ началъ размышлять о причинѣ этой новой тоски и открылъ, что ему было скучно—по Петербургу!? Удалясь отъ минувшаго, онъ началъ жалѣть о немъ. Кровь еще кипѣла въ немъ, сердце билось, душа и тѣло просили дѣятельности... Опять задача. Боже мой! онъ чуть не заплакалъ отъ этого открытія. Онъ думалъ, что эта скука пройдетъ, что онъ приживется въ деревнѣ, привыкнетъ—нѣтъ: чѣмъ дольше онъ жилъ тамъ, тѣмъ сердце пуще ныло и опять просилось въ омутъ, теперь уже знакомый ему.

Письмо къ теткѣ. „Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, вы, tante, со слезами на глазахъ напутствовали меня драгоценными словами, которыя врѣзались въ моей памяти. Вы сказали: „если когда-нибудь мнѣ нужна будетъ теплая дружба, искреннее участіе, то въ вашемъ сердцѣ всегда останется уголокъ для меня“. Настала минута, когда я понялъ всю цѣну этихъ словъ. Въ правахъ, которыя вы мнѣ такъ великодушно дали надъ вашимъ сердцемъ, заключается для меня залогъ мира, тишины, утѣшенія, спокойствія, можетъ быть, счастья всей моей жизни. Мѣсяца три назадъ, скончалась матушка: больше не прибавлю ни слова. Вы по письмамъ ея знаете, что она была для меня, и поймете, чего я лишился въ ней... Я теперь бѣгу отсюда навсегда. Но куда, одинокій странникъ, направилъ бы я путь свой, какъ не въ тѣ мѣста, гдѣ вы?.. Скажите одно слово: найду ли я въ васъ то, что оставилъ года полтора назадъ? Не изгнали ли вы меня изъ памяти? Согласитесь ли вы на скучную обязанность исцѣлить вашу дружбаю, которая уже не разъ спасала меня отъ горя, новую и глубокую рану? Всю надежду возлагаю на васъ и другую, могучую союзницу — дѣятельность.

Вы удивляетесь—не правда ли? Вамъ странно слышать отъ меня это? читать эти строки, писанныя въ покойномъ, не свойственномъ мнѣ тонѣ? Не удивляйтесь и не бойтесь моего возвращенія: къ вамъ пріѣдетъ не сумасбродъ, не мечтатель, не разочарованный, не провинціалъ, а просто человекъ, какихъ въ Петербургѣ много и какимъ бы давно мнѣ пора быть. Предупредите особенно дядюшку на этотъ счетъ. Когда посмотрю на прошлую жизнь, мнѣ становится неловко, стыдно и другихъ, и самого себя. Но иначе и быть не могло. Вотъ когда только очнулся — въ тридцать лѣтъ! Тяжкая школа, пройденная въ Петербургѣ, и размышленіе въ деревнѣ прояснили мнѣ вполне судьбу мою. Удалясь на почтительное разстояніе отъ уроковъ дядюшки и собственнаго опыта, я уразумѣлъ ихъ здѣсь, въ тишинѣ, яснѣе, и вижу, къ чему бы они давно должны были повести меня, вижу, какъ жалко и неразумно уклонялся я отъ прямой цѣли. Я теперь покоенъ: не терзаюсь, не мучусь, но не хвастаюсь этимъ; можетъ быть, это спокойствіе истекаетъ пока изъ эгоизма; чувствую, впрочемъ, что скоро взгляды

мой на жизнь уяснится до того, что я открою другой источникъ спокойствія—чище. Теперь я еще не могу не жалѣть, что я уже дошелъ до того рубежа, гдѣ—увы! кончается молодость и начинается пора размышленій, повѣрка и разборка всякаго волненія, пора сознанія.

Хотя, можетъ быть, мнѣніе мое о людяхъ и жизни измѣнилось и немного, но много надеждъ улетѣло, много миновалось желаній, словомъ, иллюзіи утрачены; слѣдовательно, не во многомъ и не во многихъ ужъ придется ошибиться и обмануться, а это очень утѣшительно съ одной стороны! И вотъ я смотрю яснѣе впередъ: самое тяжелое позади; волненія не страшны, потому что ихъ осталось немного: главнѣйшія пройдены, и я благословляю ихъ. Стыжусь вспомнить, какъ я, воображая себя страдальцемъ, проклиналъ свой жребій, жизнь. Проклиналъ! какое жалкое ребячество и неблагодарность! Какъ я поздно увидѣлъ, что страданія очищаютъ душу, что они одни дѣлаютъ человѣка сноснымъ и себѣ, и другимъ, возвышаютъ его... Признаю теперь, что не быть причастнымъ страданіямъ, значить не быть причастнымъ всей полнотѣ жизни: въ нихъ много важныхъ условій, которыхъ разрѣшенія мы здѣсь, можетъ быть, и не дождемся. Я вижу въ этихъ волненіяхъ руку Промысла, который, кажется, задаетъ человѣку нескончаемую задачу—стремиться впередъ, достигать выше предназначенной цѣли, при ежеминутной борьбѣ съ обманчивыми надеждами, съ мучительными преградами. Да, вижу, какъ необходима эта борьба и волненія для жизни, какъ жизнь безъ нихъ была бы не жизнь, а застой, сонъ... Кончается борьба, смотришь—кончается и жизнь; человѣкъ былъ занятъ, любилъ, наслаждался, страдалъ, волновался, сдѣлалъ свое дѣло и слѣдовательно жилъ!

Видите ли, какъ я разсуждаю: я вышелъ изъ тѣмы—и вижу, что все прожитое мною до сихъ поръ было какимъ-то труднымъ приготовленіемъ къ настоящему пути, мудреною наукою для жизни. Что-то говоритъ мнѣ, что остальной путь будетъ легче, тише, понятнѣе... Темныя мѣста освѣтились, мудреные узлы развязались сами собою; жизнь начинаетъ казаться благомъ, а не зломъ. Скоро скажу опять: какъ хороша жизнь! но скажу не какъ юноша, упоенный минутнымъ наслажденіемъ, а съ полнымъ сознаніемъ ея истинныхъ наслажденій и горечи. За тѣмъ не страшна и смерть: она представляется не пугаломъ, а прекраснымъ опытомъ. И теперь уже въ душу вѣетъ невѣдомое спокойствіе; ребяческихъ досадъ, вспышекъ уколотаго самолюбія, дѣтской раздражительности и комическаго гнѣва на міръ и людей, похожега на гнѣвъ москки на слона—какъ не бывало.

Я сдружился опять, съ чѣмъ давно раздружился—съ людьми, которые, мимоходомъ замѣчу, и здѣсь тѣ же, какъ въ Петербургѣ, только пожестче, поглубѣе, посмѣшнѣе. Но я не сержусь на нихъ и здѣсь, а тамъ и подавно не стану сердиться. Вотъ вамъ образчикъ моей кротости: къ намъ ѣздитъ чудакъ Антонъ Ивановичъ гостить, дѣлать, будто бы, мое горе; завтра онъ поѣдетъ на свадьбу къ сосѣду—дѣлать радость, а тамъ къ кому-нибудь—исправлять должность повивальной бабки. Но ни горе, ни радость не мѣшаютъ ему у всѣхъ ѣсть раза по четыре въ день. Я вижу, что ему все

равно: умеръ ли, или родился, или женился человѣкъ, и мнѣ не противно смотрѣть на него, не досадно... я терплю его, не выгоняю... Добрый признакъ — не правда ли, ma tante? Что вы скажете, прочтя это похвальное слово самому себѣ?"

Къ дядѣ:

„Любезнѣйшій, добрѣйшій дядюшка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ваше превосходительство!

Съ какою радостью узналъ я, что и карьера ваша совершена достойно; съ фортуною вы ужъ поладили давно! Вы дѣйствительный статскій совѣтникъ, вы—директоръ канцеляріи! Осмѣлюсь ли напомнить вашему превосходительству обѣщаніе, данное мнѣ при отъѣздѣ: „когда понадобятся служба, занятія, или деньги, обратись ко мнѣ!“ говорили вы. И вотъ мнѣ понадобились и служба, и занятія; понадобятся, конечно, и деньги. Бѣдный провинціалъ осмѣливается просить мѣста и работы. Какая участь ожидаетъ мою просьбу? Не такая ли, какая постигла нѣкогда письмо Заѣзжалова, который просилъ похлопотать о своемъ дѣлѣ?.. Что касается *творчества*, о которомъ вы имѣли жестокость упомянуть въ одномъ изъ вашихъ писемъ, то... не грѣхъ ли вамъ тревожить давно забытыя глупости, когда я самъ краснѣю за нихъ?.. Эхъ, дядюшка, эхъ, ваше превосходительство! Кто жъ не былъ молодъ и отчасти глупъ? У кого не было какой-нибудь странной, такъ-называемой *завѣтной* мечты, которой никогда не суждено сбываться? Вотъ мой сосѣдъ, справа, воображалъ себя героемъ, исполиномъ—ловцомъ предъ Господомъ... онъ хотѣлъ изумить міръ своими подвигами... и кончилось тѣмъ, что онъ вышелъ прапорщикомъ въ отставку, не бывши на войнѣ, и мирно разводилъ картофель и сѣялъ рѣпу. Другой, слѣва, мечталъ по-своему передѣлать весь свѣтъ и Россію, а самъ, пописавъ нѣкоторое время бумаги въ палатѣ, удалился сюда и до сихъ поръ не можетъ передѣлать стараго забора. Я думалъ, что въ меня вложенъ свыше творческій даръ, и хотѣлъ повѣдать міру новыя, невѣдомыя тайны, не подозревая, что это уже не тайны и что я не пророкъ. Всѣ мы смѣшны; но скажите, кто, не краснѣя за себя, рѣшится заклеить позорною бранью эти юношескія, благородныя, пылкія, хоть и не совсѣмъ умѣренныя мечты? Кто не питалъ, въ свою очередь, безплоднаго желанія, не ставилъ себя героемъ доблестнаго подвига, торжественной пѣсни, громкаго повѣствованія? Чье воображеніе не уносилось къ баснословнымъ, героическимъ временамъ? Кто не плакалъ, сочувствуя высокому и прекрасному? Если найдется такой человѣкъ, пусть онъ броситъ камень въ меня—я ему не завидую. Я краснѣю за свои юношескія мечты, но чту ихъ: онѣ залогъ чистоты сердца, признакъ души благородной, расположенной къ добру.

Васъ, я знаю, не убѣдятъ эти доводы: вамъ нуженъ доводъ положительный, практическій; извольте, вотъ онъ: скажите, какъ узнавались и обрабатывались бы дарованія, еслибъ молодые люди подавляли въ себѣ эти раннія склонности, еслибъ не давали воли и простора мечтамъ своимъ, а слѣдовали рабски указанному направленію, не пробуя силъ? Наконецъ, не есть ли это общій законъ природы, что молодость должна быть тревожна,

кипуча, иногда сумасбродна, глупа и что у всякаго мечты современем улягутся, какъ улеглись теперь у меня? А ваша собственная молодость развѣ чужда этихъ грѣховъ? Вспомните, поройтесь въ памяти. Вижу отсюда, какъ вы, съ вашимъ покойнымъ, никогда не смущающимся взоромъ, качаете головой и говорите: нѣтъ ничего! Позвольте же уличить васъ, напимѣрь, хоть въ любви... отрекаетесь? не отречетесь: улика у меня въ рукахъ... Вспомните, что я могъ изслѣдовать дѣло на мѣстѣ дѣйствія. Театръ вашихъ любовныхъ похожденій передъ моими глазами — это озеро. На немъ еще растутъ желтые цвѣты; одинъ, высушивъ надлежащимъ образомъ, честь имѣю препроводить при семъ къ вашему превосходительству, для сладкаго воспоминанія. Но есть страшнѣе оружіе противъ вашихъ гоненій на любовь вообще, и на мою въ особенности—это документъ... Вы хмуритесь? и какой документъ!!! поблѣднѣли? Я похитилъ эту драгоцѣнную ветхость у тетюшки, съ не менѣе ветхой груди, и везу съ собой, какъ вѣчную улику противъ васъ и какъ защиту себѣ. Трепещите, дядюшка! Мало того, я въ подробности знаю всю исторію вашей любви: тетюшка рассказываетъ мнѣ каждый день, за утреннимъ чаемъ, и за ужиномъ, на сонъ грядущій, по интересному факту, а я вношу всѣ эти драгоцѣнные матеріалы въ особый мемуаръ. Я не премину вручить его вамъ лично, вмѣстѣ съ моими трудами по части сельскаго хозяйства, которыми занимаюсь здѣсь уже съ годъ. Я, съ своей стороны, долгомъ считаю увѣрить тетюшку въ неизмѣнности вашихъ къ ней *чувствованій*, какъ она говоритъ. Когда удостоюсь получить отъ вашего превосходительства благоприятный, по моей просьбѣ, отвѣтъ, то буду имѣть честь явиться къ вамъ, съ приношеніемъ сушеной малины и меду, и съ представленіемъ нѣсколькихъ писемъ, которыми обѣщаютъ меня снабдить сосѣди, по своимъ надобностямъ, кромѣ Заѣзжалова, умершаго до окончанія своего процесса“.

[Прошло четыре года. Жена старшаго Адуева за это время постарѣла, опустила и сдѣлалась больной и ко всему равнодушной женщиной. Старшій Адуевъ съ ужасомъ въ душѣ долженъ былъ сознаться, что онъ не далъ ей счастья, убилъ въ ней молодость и силы].

Онъ долго, молча, глядѣлъ на нее. Въ ея безжизненно матовыхъ глазахъ, въ лицѣ, лишенномъ игры живой мысли и чувствъ, въ ея лѣнивой позѣ и медленныхъ движеніяхъ, онъ прочиталъ причину того равнодушія, о которомъ боялся спросить; онъ угадалъ отвѣтъ тогда еще, когда докторъ только-что намекнулъ ему о своихъ опасеніяхъ. Онъ тогда опомнился и сталъ догадываться, что, ограждая жену методически отъ всѣхъ уклоненій, которыя могли бы повредить ихъ супружескимъ интересамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не представилъ ей въ себѣ вознаградительныхъ условій за тѣ, можетъ быть, непривилегированныя закономъ радости, которыя бы она встрѣтила внѣ супружества, что домашній ея міръ былъ не что иное, какъ крѣпость, благодаря методѣ его, неприступная для соблазна, но за то въ ней встрѣчались на каждомъ шагу рогатки и патрули и противъ всякаго законнаго проявленія чувства...

Методичность и сухость его отношеній къ ней простерлись, безъ его

вѣдома и воли, до холодной и тонкой тиранніи, и надъ чѣмъ? надъ сердцемъ женщины! За эту тираннію онъ платилъ ей богатствомъ, роскошью, всѣми наружными и сообразными съ его образомъ мыслей условіями счастья—ошибка ужасная, тѣмъ болѣе ужасная, что она сдѣлана была не отъ незнанія, не отъ грубаго принятія его о сердцѣ—онъ зналъ его—а отъ небрежности, отъ эгоизма! Онъ забывалъ, что она не служила, не играла въ карты, что у ней не было завода, что отличный столъ и лучшее вино почти не имѣютъ цѣны въ глазахъ женщины, а между тѣмъ онъ заставлялъ ее жить этою жизнью.

Петръ Ивановичъ былъ добръ; и если не по любви къ женѣ, то по чувству справедливости онъ далъ бы Богъ знаетъ что, чтобъ поправить зло; но какъ поправить? Не одну ночь провелъ онъ безъ сна съ тѣхъ поръ, какъ докторъ сообщилъ ему свои опасенія насчетъ здоровья жены, стараясь отыскать средства, примирить ея сердце съ настоящимъ ея положеніемъ и возстановить угасающія силы. И теперь, стоя у камина, онъ размышлялъ о томъ же. Ему пришло въ голову, что, можетъ быть, въ ней уже таится зародышъ опасной болѣзни, что она убита безцвѣтной и пустой жизнью...

Холодный потъ выступалъ у него на лбу. Онъ терялся въ средствахъ, чувствуя, что для изобрѣтенія ихъ нужно больше сердца, чѣмъ головы. А гдѣ ему взять его? Ему что-то говорило, что еслибъ онъ могъ пасть къ ея ногамъ, съ любовью заключить ее въ объятія и голосомъ страсти сказать ей, что жилъ только для нея, что цѣль всѣхъ трудовъ, суеты, карьеры, стяжанія—была она, что его методическій образъ поведенія съ ней внушенъ былъ ему только пламеннымъ, настойчивымъ, ревнивымъ желаніемъ укрѣпить за собой ея сердце... Онъ понималъ, что такія слова были бы дѣйствіемъ гальванизма на трупъ, что она вдругъ процвѣла бы здоровьемъ, счастьемъ, и на воды не понадобилось бы ѣхать.

Но сказать и доказать—двѣ вещи разныя. Чтобъ доказать это, надо точно имѣть страсть. А порывшись въ душѣ своей, Петръ Ивановичъ не нашелъ тамъ и слѣда страсти. Онъ чувствовалъ только, что жена была необходима ему—это правда, но наравнѣ съ прочими необходимостями жизни, необходима по привычкѣ. Онъ, пожалуй, не прочь бы притвориться, сыграть роль любовника, какъ ни смѣшно въ пятьдесятъ лѣтъ вдругъ заговорить языкомъ страсти; но обманешь ли женщину страстью, когда ея нѣтъ? Достанетъ ли потомъ столько героизма и умѣнья, чтобъ дотянуть на плечахъ эту роль до той черты, за которой умолкаютъ требованія сердца? И не убьетъ ли ее окончательно оскорбленная гордость, когда она замѣтитъ, что то, что нѣсколько лѣтъ назадъ было бы волшебнымъ наитіемъ для нея, подносится ей теперь, какъ лѣкарство? Нѣтъ, онъ, по-своему, отчетливо взвѣсилъ и обсудилъ этотъ поздній шагъ и не рѣшился на него. Онъ думалъ сдѣлать, можетъ быть, то же, но иначе, такъ, какъ это теперь было нужно и возможно. У него уже три мѣсяца шевелилась мысль, которая прежде показалась бы ему нелѣпостью, а теперь—другое дѣло! Онъ берегъ ее на случай крайности: крайность настала, и онъ рѣшился исполнить свой планъ.

„Если это не поможетъ, — думалъ онъ, — тогда нѣтъ спасенья! будь, что будетъ!“

Петръ Ивановичъ рѣшительными шагами подошелъ къ женѣ и взялъ ее за руку.

— „Ты знаешь, Лиза, — сказалъ онъ, — какую роль я играю въ службѣ: я считаюсь самымъ дѣльнымъ чиновникомъ въ министерствѣ. Нынѣшній годъ буду представленъ въ тайные совѣтники и, конечно, получу. Не думай, чтобъ карьера моя кончилась этимъ: я могу еще идти впередъ... и пошелъ бы...“

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ, ожидая, къ чему это поведетъ.

— „Я никогда не сомнѣвалась въ твоихъ способностяхъ, — сказала она. — Я очень увѣрена, что ты не остановишься на половинѣ дороги, а пойдешь до конца...“ — „Нѣтъ, не пойду: я на-дняхъ подамъ въ отставку.“ — „Въ отставку?“ — спросила она съ изумленіемъ, выпрямившись. — „Да.“ — „Зачѣмъ?“ — „Слушай еще. Тебѣ извѣстно, что я расчелся съ своими компаньонами и заводъ принадлежитъ мнѣ одному. Онъ приноситъ мнѣ до сорока тысячъ чистаго барыша, безъ всякихъ хлопотъ. Онъ идетъ какъ заведенная машина.“ — „Знаю; такъ что-жь?“ — спросила Лизавета Александровна. — „Я его продамъ.“ — „Что ты, Петръ Ивановичъ! Что съ тобой? — съ возрастающимъ изумленіемъ говорила Лизавета Александровна, глядя на него съ испугомъ, — для чего все это? Я не опомнюсь, понять не могу...“ — „Неужели не можешь понять?“ — „Нѣтъ!...“ — въ недоумѣніи сказала Лизавета Александровна. — „Ты не можешь понять, что, глядя, какъ ты скучаешь, какъ твое здорье терпитъ... отъ климата, я подорожу своей карьерой, заводомъ, не увезу тебя вонъ отсюда? не посвящу остатка жизни тебѣ?... Лиза! неужели ты считала меня неспособнымъ къ жертвѣ?...“ — прибавилъ онъ съ упрекомъ.

— „Такъ это для меня! — сказала Лизавета Александровна, едва приходя въ себя, — нѣтъ, Петръ Ивановичъ! — живо заговорила она, сильно встревоженная, — ради Бога, никакой жертвы для меня! Я не приму ее — слышишь ли? рѣшительно не приму! Чтобъ ты пересталъ трудиться, отличаться, богатѣть — и для меня! Боже сохрани! Я не стою этой жертвы! Прости меня: я была мелка для тебя, ничтожна, слаба, чтобы понять и оцѣнить твои высокія цѣли, благородные труды... Тебѣ не такую женщину надо было...“ — „Еще великодушіе! — сказалъ Петръ Ивановичъ, пожимая плечами. — Мои намѣренія неизмѣнны, Лиза.“ — „Боже, Боже, что я надѣлала! Я была брошена, какъ камень на твоемъ пути; я мѣшаю тебѣ... Что за странная моя судьба! — прибавила она почти съ отчаяніемъ. — Если человѣку не хочется, не нужно жить... неужели Богъ не сжалятся, не возьметъ меня? Мѣшать тебѣ...“ — „Напрасно ты думаешь, что эта жертва тяжела для меня. Полно жить этой деревянной жизнью! Я хочу отдохнуть, успокоиться, а гдѣ я успокоюсь, какъ не наединѣ съ тобой?... Мы поѣдемъ въ Италію.“ — „Петръ Ивановичъ! — сказала она, почти плача, — ты добръ, благороденъ... я знаю, ты въ состояніи на великодушное притворство... но, можетъ быть, жертва бесполезна, можетъ быть, ужъ... поздно, а ты бросишь свои дѣла...“ — „Пощади меня, Лиза, и не добирайся до этой мысли, — возразилъ Петръ

Иванычъ, — иначе ты увидишь, что я не изъ желѣза созданъ... Я повторю тебѣ, что я хочу жить не одной головой: во мнѣ еще не все застыло.“

Она глядѣла на него пристально, съ недовѣрчивостью.

— „И это... искренно?—спросила она, помолчавъ,—ты точно хочешь покоя, уѣзжаешь не для меня одной?“—„Нѣтъ, и для себя.“—„А если для меня, я ни за что, ни за что...“—„Нѣтъ, нѣтъ! я нездоровъ, усталъ... хочу отдохнуть...“

Она подала ему руку. Онъ съ жаромъ поцѣловаль ее.

— „Такъ ѣдемъ въ Италію?“—спросилъ онъ.—„Хорошо, поѣдемъ,“—отвѣчала она монотонно.

У Петра Иваныча—какъ гора съ плечъ. „Что-то будетъ!“—подумаль онъ.

Младшій Адуевъ. Какъ онъ пережѣнился! Какъ пополнилъ, оплѣшивъ, какъ сталь румянь! Съ какимъ достоинствомъ онъ носить свое выпуклое брюшко и орденъ на шеѣ! Глаза его сіяли радостью. Онъ съ особеннымъ чувствомъ поцѣловаль руку у тетки и пожалъ дядину руку...

[Онъ явился къ нимъ съ извѣстіемъ, что женится на богатой дѣвушкѣ].

— „Въ самомъ дѣлѣ? На комъ?“—спросили дядя и тетка.—„На дочери Александра Степаныча.“—„Неужели? Да вѣдь она богатая невѣста, — сказала Петръ Иванычъ.—И отецъ... ничего?“—„Я сейчасъ отъ нихъ. Отчего отцу не согласится? Напротивъ, онъ со слезами на глазахъ выслушалъ мое предложеніе; обнялъ меня и сказалъ, что теперь онъ можетъ умереть спокойно: что онъ знаетъ, кому вѣряетъ счастье дочери... „Идите, говорить, только по слѣдамъ вашего дядошки!“—„Онъ сказалъ это? Видишь, и тутъ не безъ дядошки!“—„А что сказала дочь“—спросила Лизавета Александровна.—„Да... она... такъ какъ, знаете, всѣ дѣвицы,—отвѣчалъ Александръ,—ничего не сказала, только покрасѣла; а когда я взялъ ее за руку, такъ пальцы ея точно играли на фортепьяно въ моей рукѣ... будто дрожали.“—„Ничего не сказала!—замѣтила Лизавета Александровна,—неужели вы не взяли на себя труда вывѣдать объ этомъ у ней до предложенія? Вамъ все равно? Зачѣмъ же вы женитесь?“—„Какъ зачѣмъ? Не все же такъ шататься! Одиночество наскучило; пришла пора, ma tante, уѣсться на мѣстѣ, основаться, обзавестись своимъ домкомъ, исполнить долгъ... Невѣста же хорошенькая, богатая... Да вотъ дядошка скажетъ вамъ, зачѣмъ жениться: онъ такъ обстоятельно рассказываетъ...“

Петръ Иванычъ, тихонько отъ жены, махнулъ ему рукой, чтобъ онъ не ссылся на него и молчалъ, но Александръ не замѣтилъ.

— „А можетъ быть вы не правитесь ей?—говорила Лизавета Александровна,—можетъ быть, она любитъ васъ не можетъ—что вы на это скажете?“—„Дядошка, что бы сказать? Вы лучше меня говорите... Да вотъ, я приведу ваши же слова,—продолжалъ онъ, не замѣчая, что дядя вертѣлся на своемъ мѣстѣ и значительно кашлялъ, чтобъ замаять эту рѣчь:—женишься по любви,—говорилъ Александръ,—любовь пройдетъ и будешь жить привычкой; женишься не по любви—и придешь къ тому же результату: привыкнешь къ женѣ. Любовь любовью, а женитьба женитьбой; эти двѣ вещи не

всегда сходятся, а лучше когда не сходятся... Не правда ли, дядюшка? вѣдь вы такъ училиг...“

Онъ взглянулъ на Петра Ивановича и вдругъ остановился, видя, что дядя глядитъ на него свирѣпо. Онъ, съ разинутымъ ртомъ, въ недоумѣніи, поглядѣлъ на тетку, потомъ опять на дядю и замолчалъ. Лизавета Александровна задумчиво покачала головой. Она вздохнула.

— „О чемъ же вы вздохнули, ма tante?“—спросилъ онъ. — „О прежнемъ Александрѣ“,—отвѣчала она. — „Неужели вы желали бы, ма tante, чтобъ я остался такимъ, какимъ былъ десять лѣтъ назадъ?“—возразилъ Александръ.—Дядюшка правду говоритъ, что эта глупая мечтательность...“

Лицо Петра Ивановича начало свирѣпѣть. Александръ замолчалъ.

— „Нѣтъ, не такимъ, — отвѣчала Лизавета Александровна, — какъ десять лѣтъ, а какъ четыре года назадъ: помните, какое письмо вы написали ко мнѣ изъ деревни? Какъ вы хороши были тамъ!“ — „Я, кажется, тоже мечталъ тамъ“, — сказала Александръ. — „Нѣтъ, не мечтали. Тамъ вы поняли, растолковали себѣ жизнь; тамъ вы были прекрасны, благородны, умны... Зачѣмъ не остались такими? Зачѣмъ это было только на бумагѣ, а не на дѣлѣ? Это прекрасное мелькнуло какъ солнце изъ-за тучъ—на одну минуту...“—„Вы хотите сказать, ма tante, что теперь я... не умень и... не благороденъ...“—„Боже сохрани! нѣтъ! Но теперь вы умны и благородны... по-другому, не по-моему...“—„Что дѣлать, ма tante?—сказалъ съ громкимъ вздохомъ Александръ, — вѣкъ такой. Я иду наравнѣ съ вѣкомъ: нельзя же отетавать!“

И. Гончаровъ.

У.

ОБЛОМОВЪ.

Пробужденіе Обломова. Въ Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало-бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ отъ-роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала въ глазахъ, садилась на полуотворенныя губы, пряталась въ складкахъ лба, потомъ совсѣмъ пропадала, и тогда во всемъ лицѣ теплился ровный свѣтъ безпечности. Съ лица безпечность переходила въ позы всего тѣла, даже въ складки плафрока. Иногда взглядъ его помрачался выраженіемъ будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать съ лица мягкость, которая была господствующимъ и основнымъ выраженіемъ не лица только, а всей души; а душа такъ открыто и ясно свѣтилась въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи головы, руки. И поверхностно-наблюдательный, холодный человѣкъ, взглянувъ мимоходомъ на Обломова, сказалъ-бы: „добрякъ долженъ быть, простота!“ Человѣкъ поглубже и посимпатичнѣе, долго вглядываясь въ лицо его, отошелъ-бы въ пріятномъ раздумѣ, съ улыбкой.

Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно-блѣдный, а безразличный, или казался такимъ, можетъ быть, потому, что Обломовъ какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка-ли движенія, или воздуха, а можетъ быть того и другого. Вообще-же тѣло его, судя по матовому, черезчуръ бѣлому цвѣту шеи, маленькихъ пухлыхъ рукъ, мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ извѣженнымъ для мужчины. Движенія его, когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались также мягкостью и не лишенною своего рода граціи лѣнью. Если на лицо набѣгала изъ души туча заботы, взглядъ туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнѣній, печали, испуга; но рѣдко тревога эта застывала въ формѣ опредѣленной идеи, еще рѣже превращалась въ намѣреніе. Вся тревога разрѣшалась вздохомъ и замирала въ апатіи или въ дремотѣ.

Какъ шелъ домашній костюмъ Обломова къ покойнымъ чертамъ лица

его и къ изнѣженному тѣлу! На немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, настоящій восточный халатъ, безъ малѣйшаго намека на Европу, безъ кистей, безъ бархата, безъ тали; весьма помѣстительный; такъ что и Обломовъ могъ дважды завернуться въ него. Рукава, по неизмѣнной азіатской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире и шире. Хотя халатъ этотъ и утратилъ свою первоначальную свѣжесть и мѣстами замѣнилъ свой первобытный, естественный лоскъ другимъ, благопріобрѣтеннымъ, но все еще сохранялъ яркость восточной краски и прочность ткани.

Халатъ имѣлъ въ глазахъ Обломова тьму неоцѣненныхъ достоинствъ: онъ мягокъ, гибокъ: тѣло не чувствуетъ его на себѣ; онъ, какъ послушный рабъ, покоряется самомалѣйшему движенію тѣла.

Обломовъ всегда ходилъ дома безъ галстука и безъ жилета, потому что любилъ просторъ и приволье. Туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія; когда онъ, не глядя, опускалъ ноги съ постели на полъ, то непременно попадалъ въ нихъ сразу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимою, какъ у больного или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностію, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его нормальнымъ состояніемъ. Когда онъ былъ дома—а онъ былъ почти всегда дома—онъ все лежалъ, и все постоянно въ одной комнатѣ.

Самъ хозяинъ, однако, смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣяннo, какъ будто спрашивалъ глазами: „кто сюда натащилъ и поставилъ все это?“ Видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе, поражалъ господствующею въ немъ запущенностію и небрежностію. По стѣнамъ, около картинъ, лѣнилась, въ видѣ фестоновъ, паутина, напи-танная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобъ отражать предметы, могли-бы служить скорѣе скрижалями для записыванія на нихъ, по пыли, какихъ-нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки.

Если-бъ не эта тарелка, да не прислоненная къ постели только-что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было-бы подумать, что тутъ никто не живетъ—такъ все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія. На этажеркахъ, правда, лежали двѣ-три развернутыя книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница съ перьями; но страницы, на которыхъ развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтѣли; видно, что ихъ бросили давно; нумеръ газеты былъ прошлогодній, а изъ чернильницы, если обмакнуть въ нее перо, вырвалась-бы развѣ только, съ жужжаньемъ, испуганная муха.

[Сверхъ обыкновенія Илья Ильичъ проснулся въ этотъ день очень рано—въ восемь часовъ: онъ былъ обезпокоенъ письмомъ старосты изъ деревни. Староста писалъ объ уменьшеніи доходовъ].

Онъ, какъ только проснулся, тотчасъ-же вознамѣрился встать, умыться

и, напившись чаю, подумать хорошенько, кое-что сообразить, записать и вообще заняться этимъ дѣломъ какъ слѣдуетъ. Съ полчаса онъ все лежалъ, мучась этимъ намѣреніемъ; но потомъ разсудилъ, что успѣетъ еще сдѣлать это и послѣ чаю, а чай можно пить, по обыкновенію, въ постели, тѣмъ болѣе, что не мѣшаетъ думать и лежа. Такъ и сдѣлалъ. Послѣ чаю онъ уже приподнялся съ своего ложа и чуть было не всталъ; поглядывая на туфли, онъ даже началъ спускать къ нимъ одну ногу съ постели, но тотчасъ-же опять подобралъ ее.

Пробило половина десятого, Илья Ильичъ встрепенулся.

— „Что-жъ это я въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ онъ вслухъ, съ досадой,— надо совѣсть знать: пора за дѣло! Дай только волю себѣ, такъ и... — Захаръ!“—закричалъ онъ.

Захаръ. Въ комнатѣ, которая отдѣлялась только небольшимъ коридоромъ отъ кабинета Ильи Ильича, послышалось сначала точно ворчанье цѣпной собаки, потомъ стукъ спрыгнувшихъ откуда-то ногъ. Это Захаръ спрыгнулъ съ лежанки, на которой обыкновенно проводилъ время, сидя погруженный въ дремоту.

Въ комнату вошелъ пожилой человѣкъ, въ сѣромъ сюртукѣ, съ прорѣхою подъ мышкой, откуда торчалъ клочокъ рубашки, въ сѣромъ-же жилетѣ, съ мѣдными пуговицами, съ голымъ, какъ колѣно, черепомъ и съ необъятно широкими и густыми, русыми съ просѣдью бакенбардами, изъ которыхъ каждой стало-бы на три бороды.

Захаръ не старался измѣнить не только даннаго ему Богомъ образа, но и своего костюма, въ которомъ ходилъ въ деревнѣ. Платье ему шилось по вывезенному имъ изъ деревни образцу. Сѣрый сюртукъ и жилетъ нравились ему и потому, что въ этой полуформенной одеждѣ онъ видѣлъ слабое воспоминаніе ливреи, которую онъ носилъ нѣкогда, провожая покойныхъ господъ въ церковь или въ гости; а ливрея въ воспоминаніяхъ его была единственною представительницею достоинства дома Обломовыхъ. Болѣе ничто не напоминало старику барскаго широкаго и покойнаго быта въ глуши деревни. Старые господа умерли; фамильные портреты остались дома и, валяются гдѣ-нибудь на чердакѣ; преданія о старинномъ бытѣ и важности фамиліи все гложутъ, или живутъ только въ памяти немногихъ, оставшихся въ деревнѣ-же стариковъ. Поэтому для Захара дорогъ былъ сѣрый сюртукъ: въ немъ, да еще въ кое-какихъ признакахъ, сохранившихся въ лицѣ и манерахъ барина, напоминавшихъ его родителей, и въ его капризахъ, на которые хотя онъ и ворчалъ и про себя и вслухъ, но которые, между тѣмъ, уважалъ внутренно, какъ проявленіе барской воли, господскаго права, видѣлъ онъ слабые намеки на отжившее величіе. Безъ этихъ капризовъ онъ какъ-то не чувствовалъ надъ собой барина; безъ нихъ ничто не зоскрешало молодости его, деревни, которую они покинули давно, и преданій объ этомъ старинномъ домѣ, единственной хроники, веденной старыми слугами, няньками, мамками и передаваемой изъ рода въ родъ. Домъ Обломовыхъ былъ когда-то богатъ и знаменитъ въ своей сторонѣ, но потомъ, Богъ знаетъ отчего, все бѣднѣлъ, мельчалъ и, наконецъ, незамѣтно поте-

рялся между не старыми дворянскими домами. Только посѣдѣвшіе слуги дома хранили и передавали другъ другу вѣрную память о минувшемъ, дорожа ею, какъ святынею. — Вотъ отчего Захаръ такъ любилъ свой сѣрый сюртукъ. Можетъ быть, и бакенбардами своими онъ дорожилъ потому, что видѣлъ въ дѣтствѣ своемъ много старыхъ слугъ съ этимъ стариннымъ, аристократическимъ украшеніемъ.

Разговоръ съ Захаромъ. Илья Ильичъ, погруженный въ задумчивость, долго не замѣчалъ Захара. Захаръ стоялъ передъ нимъ молча. Наконецъ онъ кашлянулъ.

— „Что ты?“—спросилъ Илья Ильичъ.—„Вѣдь вы звали?“ — „Звалъ? Зачѣмъ-же это я звалъ — не помню! — отвѣчалъ онъ, потягиваясь.—Поди пока къ себѣ, а я вспомню.“

Захаръ ушелъ, а Илья Ильичъ продолжалъ лежать и думать о проклятомъ письмѣ.

Прошло съ четверть часа.

— „Ну, полно лежать!—сказалъ онъ,—надо-же встать... А впрочемъ, дай-ка я прочту еще разъ со вниманіемъ письмо старости, а потомъ ужъ и встану. Захаръ!“

Опять тотъ-же прыжокъ и ворчанье сильнѣе. Захаръ вошелъ, а Обломовъ опять погрузился въ задумчивость. Захаръ стоялъ минуты двѣ, неблагоприятно, немного стороной посматривая на барина, и, наконецъ, пошелъ къ дверямъ.

— „Куда-же ты?“—вдругъ спросилъ Обломовъ.—„Вы ничего не говорите, такъ что-жъ тутъ стоять-то даромъ?“—захрипѣлъ Захаръ, за неимѣніемъ другого голоса, который, по словамъ его, онъ потерялъ на охотѣ съ собаками, когда ѣздилъ съ старымъ бариномъ и когда ему дунуло будто сильнымъ вѣтромъ въ горло. Онъ стоялъ въ полуоборотѣ среди комнаты и глядѣлъ все стороной на Обломова.

— „А у тебя развѣ ноги отсохли, что ты не можешь постоять? Ты видишь, я озабоченъ—такъ и подожди! Не належался еще тамъ? Сыщи письмо, что я вчера отъ старости получилъ. Куда ты его дѣлъ?“—„Какое письмо? Я никакого письма не видалъ“, — сказалъ Захаръ.—„Ты-же отъ почтальона принялъ его, грязное такое!“—„Куда-жъ его положили—почему мнѣ знать?“—говорилъ Захаръ, хлопывая рукой по бумагамъ и по разнымъ вещамъ, лежавшимъ на столѣ.—„Ты никогда ничего не знаешь. Тамъ въ корзинѣ посмотри! Или не завалилось-ли за диванъ? Вотъ спинга-то у дивана до сихъ поръ не починена; что-бъ тебѣ призвать столяра да починить? Вѣдь ты-же изломалъ. Ни о чемъ не подумаешь!“—„Я не ломалъ,—отвѣчалъ Захаръ,—она сама изломалась; не вѣкъ-же ей быть: надо когда-нибудь и изломаться.“

Илья Ильичъ не стелъ за нужное доказывать противное.

— „Нашелъ, что-ли?“—спросилъ онъ только. — „Вотъ какія-то письма.“—„Не тѣ.“—„Ну, такъ нѣтъ больше,“—говорилъ Захаръ. — „Ну, хорошо, поди!—съ нетерпѣніемъ сказалъ Илья Ильичъ,—я встану, самъ найду“.

Захаръ пошелъ къ себѣ, но только онъ уперся было руками о лежанку, чтобъ прыгнуть на нее, какъ опять послышался торопливый крикъ: „Захаръ, Захаръ!“

[Обломовъ звалъ Захара потому, что ему понадобился носовой платокъ. Послѣ долгихъ исканій Захара платокъ былъ найденъ: Обломовъ лежалъ на немъ. Затѣмъ Обломовъ упрекнулъ Захара за то, что тотъ грязно держитъ квартиру].

— „Понимаешь ли ты, — сказалъ Илья Ильичъ, — что отъ пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стѣнѣ!“ — „У меня и блохи есть!“ — равнодушно отозвался Захаръ. — „Развѣ это хорошо? вѣдь это гадость!“ — замѣтилъ Обломовъ.

Захаръ усмѣхнулся во все лицо, такъ что усмѣшка охватила даже брови и бакенбарды, которыя отъ этого раздвинулись въ стороны, и по всему лицу до самаго лба расплылось красное пятно.

— „Чѣмъ же я виноватъ, что клопы на свѣтѣ есть?“ — сказалъ онъ съ наивнымъ удивленіемъ, — развѣ я ихъ выдумалъ?“ — „Это отъ нечистоты, — перебилъ Обломовъ. Что ты все врешь!“ — „И нечистоту не я выдумалъ“. — „У тебя, вотъ, тамъ, мыши бѣгаютъ по ночамъ — я слышу“. — „И мышей не я выдумалъ. Этой твари, что мышей, что кошекъ, что клоповъ, вездѣ много“. — „Какъ же у другихъ не бываетъ ни моли, ни клоповъ?“

На лицѣ Захара выразилась недовѣрчивость или, лучше сказать, покойная увѣренность, что этого не бываетъ.

— „У меня всего много, — сказалъ онъ упрямо, — за всякимъ клопомъ не умотришь, въ щелку къ нему не влѣзешь“.

А самъ, кажется, думалъ: „да и что за спанье безъ клопа?“

— „Ты мети, выбирай соръ изъ угловъ — и не будетъ ничего“, — училъ Обломовъ. — „Уберешь, а завтра опять наберется“, — говорилъ Захаръ. — „Не наберется, — перебилъ баринъ, — не должно“. — „Наберется, — я знаю“ — твердилъ слуга. — „А наберется, такъ опять вымети“. — „Какъ это? всякій день перебирай всѣ углы? — спросилъ Захаръ, — да что-жъ это за жизнь? лучше Богъ по-душу пошли!“ — „Отчего-жъ у другихъ чисто? — возразилъ Обломовъ. — Посмотри напротивъ, у настройщика: любо взглянуть, а всего одна дѣвка...“

— „А гдѣ цѣмцы сору возьмутъ, — вдругъ возразилъ Захаръ. — Вы поглядите-ко, какъ они живутъ! Вся семья цѣлую недѣлю кость гложетъ. Сюртукъ съ плечъ отца переходитъ на сына, а съ сына опять на отца. На женѣ и дочеряхъ платишки коротенькія: все поджимаютъ подъ себя ноги, какъ гусыни... Гдѣ имъ сору взять? У нихъ нѣтъ этого, вотъ какъ у насъ, чтобъ въ шкапахъ лежала по годамъ куча стараго изношеннаго платья, или набрался цѣлый уголъ корога хлѣба за зиму... У нихъ и корка зря не валяется: надѣлаютъ сухариковъ, да съ пивомъ и выпьютъ!“

Захаръ даже сквозь зубы плюнулъ, разсуждая о такомъ скаредномъ житьѣ.

[Захаръ предложилъ Обломову убрать всю квартиру, если онъ на цѣлый день уйдетъ изъ дому. Обломовъ] ужъ былъ не радъ, что вызвалъ Захара на этотъ разговоръ. Онъ все забывалъ, что чуть тронешь этотъ деликатный

предметъ, такъ и не оберешься хлопотъ. Обломову и хотѣлось бы, чтобъ было чисто, да онъ бы желалъ, чтобъ это сдѣлалось какъ-нибудь такъ, незамѣтно, само-собою; а Захаръ всегда заводилъ тяжбу, лишь только начинали требовать отъ него сметанія пыли, мытья половъ и т. п. Онъ въ такомъ случаѣ станетъ доказывать необходимость громадной возни въ домѣ, зная очень хорошо, что одна мысль объ этомъ приводила барина его въ ужасъ.

Захаръ ушелъ, а Обломовъ погрузился въ размышленія. Черезъ нѣсколько минутъ пробило еще полчаса.

— „Что это?—почти съ ужасомъ сказалъ Илья Ильичъ,—одиннадцать часовъ скоро, а я еще не всталъ, не умылся до сихъ поръ? Захаръ, Захаръ!“

[Захаръ принесъ Обломову счеты отъ лавочниковъ и сообщилъ, что, по случаю ремонта дома, управляющій проситъ ихъ очистить квартиру].

— „Ну, что-жъ такое? Если нужна, такъ, разумѣется, съѣдемъ. Что ты пристаешь ко мнѣ? Ужъ ты третій разъ говоришь мнѣ объ этомъ“. — „Ко мнѣ пристають тоже“. — „Скажи, что съѣдемъ“. — „Они говорятъ: вы ужъ съ мѣсяць, говорятъ, общали, а все не съѣзжаете; мы, говорятъ, полиціи дадимъ знать“. — „Пусть дають знать!—сказалъ рѣшительно Обломовъ,—мы и сами переѣдемъ, какъ теплѣе будетъ, недѣли черезъ три“. — „Куда недѣли черезъ три! Управляющій говоритъ, что чрезъ двѣ недѣли рабочіе придуть: ломать все будутъ...“ „Съѣзжайте, говоритъ, завтра или послѣзавтра...“ — „Э-э-э! слишкомъ проворно: завтра! Видишь, еще что! не сейчасъ ли прикажете? А ты мнѣ не смѣй и напоминать о квартирѣ. Я ужъ тебѣ запретилъ разъ, а ты опять. Смотри!“ — „Что-жъ мнѣ дѣлать-то?“ — отозвался Захаръ. — „Что-жъ дѣлать?—вотъ онъ чѣмъ отдѣливается отъ меня!—отвѣчалъ Илья Ильичъ.—Онъ меня спрашиваетъ! Мнѣ что за дѣло? Ты не безпокой меня, а тамъ какъ хочешь, такъ и распорядись, только чтобъ не переѣзжать. Не можетъ постараться для барина!“

— „Да какъ же, батюшка Илья Ильичъ, я распоряжусь?—началь мягкимъ сипѣньемъ Захаръ, — домъ-то не мой: какъ же изъ чужого дома не переѣзжать, коли гонять? Кабы мой домъ былъ, такъ я бы съ великимъ моимъ удовольствіемъ...“ — „Нельзя ли ихъ уговорить какъ-нибудь. „Мы дескать живемъ давно, платимъ исправно“. — „Говорилъ“—сказалъ Захаръ. — „Ну, что-жъ они?“ — „Что! наладили свое: „переѣзжайте, говорятъ, намъ нужно квартиру передѣлывать“: хотятъ изъ докторской и изъ этой одну большую квартиру сдѣлать, къ свадьбѣ хозяйскаго сына“. — „Ахъ ты, Боже мой! — съ досадою сказалъ Обломовъ, — вѣдь есть же этикіе ослы, что желяются!“

Онъ повернулся на спину.

— „Вы бы написали, сударь, къ хозяину, — сказалъ Захаръ, — такъ, можетъ-быть, онъ бы васъ не тронулъ, а велѣлъ бы сначала вонъ ту квартиру ломать“.

Захаръ при этомъ показалъ рукой куда-то направо.

— „Ну, хорошо, какъ встану, напишу... Ты ступай къ себѣ, а я по-

думаю. Ничего ты не умѣешь сдѣлать, — добавилъ онъ, — мнѣ и объ этой дряни надо самому хлопотать!“

Захаръ ушелъ, а Обломовъ сталъ думать.

Посетители Обломова. [Уже съ утра стали къ нему являться гости. Явился прежде всего юноша, съ восторгомъ отдающійся суетливой пустотѣ свѣтской жизни. Разсказъ его о своемъ времяпрепровожденіи удивилъ Обломова. Особенно его поразило увлеченіе, съ которымъ юноша разсказывалъ о томъ, сколько визитовъ нужно ему сдѣлать въ день].

„Въ десять мѣстъ въ одинъ день—несчастный!—думалъ Обломовъ.— И это жизнь! — Онъ сильно пожалъ плечами.— Гдѣ же тутъ человѣкъ? На что онъ раздробляется и разсыпается? Конечно, недурно заглянуть и въ театръ, и влюбиться въ какую-нибудь Лидію... она миленькая! Въ деревнѣ съ ней цвѣты рвать, кататься — хорошо; да, въ десять мѣстъ въ одинъ день—несчастный!“—заклучилъ онъ, перевертываясь на спину и радуясь, что нѣтъ у него такихъ пустыхъ желаній и мыслей, что онъ не мыкается, а лежитъ вотъ тутъ, сохраняя свое человѣческое достоинство и свой покой.

[Затѣмъ явился къ нему бывшій товарищъ по службѣ: усердный чиновникъ, жившій интересами одной службы. И онъ показался Обломову страннымъ].

„Увязъ, любезный другъ, по-уши увязъ,—думалъ Обломовъ, провожая его глазами.— И слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ для всего остального въ мірѣ. А выйдетъ въ люди, будетъ современемъ ворочать дѣлами, и чиновъ нахватаетъ... У насъ это называется тоже карьерой! А какъ мало тутъ человѣка-то нужно: ума его, воли, чувства—зачѣмъ это? роскошь! И проживетъ свой вѣкъ, и не пошевелится въ немъ многое, многое... А между тѣмъ работаетъ съ двѣнадцати до пяти въ канцеляріи, съ восьми до двѣнадцати дома—несчастный!“ — Онъ испыталъ чувство мирной радости, что онъ, съ девяти до трехъ, съ восьми до девяти, можетъ пробить у себя на диванѣ, и гордился, что не надо идти съ докладомъ, писать бумагъ, что есть просторъ его чувствамъ, воображенію.

[Явился писатель-реалистъ, придерживающійся обличительнаго направленія и, узнавъ, что Обломовъ книгъ не читаетъ, сталъ рекомендовать ему познакомиться съ однимъ новымъ произведеніемъ].

— „Да хоть изъ любопытства прочтите“. — „Чего я тамъ не видалъ?— говорилъ Обломовъ. — Зачѣмъ это они пишутъ: только себя тѣшатъ...“ — „Какъ себя: вѣрность-то, вѣрность кака! до смѣха похоже. Точно живые портреты. Какъ кого возьмутъ, купца ли, чиновника, офицера, будочника—точно живьемъ и отпечатаютъ“. — „Изъ чего же они бьются:—изъ потѣхи, что ли, что вотъ кого-де ни возьмемъ, а вѣрно и выйдетъ? А жизни-то и нѣтъ ни въ чемъ: нѣтъ пониманія ея и сочувствія, нѣтъ того, что тамъ у васъ называется гуманитетомъ. Одно самолюбіе только. Изображаютъ-то они воровъ, падшихъ женщинъ, точно ловятъ ихъ на улицѣ, да отводятъ въ тюрьму. Въ ихъ разсказѣ слышны не „невидимыя слезы“, а одинъ только видимый, грубый смѣхъ, злость...“ — „Что-жъ еще нужно? И прекра-

сно, вы сами высказались: это кипучая злость—желчное гоненіе на порокъ, смѣхъ презрѣнія надъ падшимъ человѣкомъ... тутъ все!“

— Нѣтъ не все!—вдругъ воспламенившись, сказалъ Обломовъ, — изображи вора, падшую женщину, надутаго глупца, да и человѣка тутъ же не забудь. Гдѣ же человѣчность-то? Вы одной головой хотите писать? — почти шипѣлъ Обломовъ, — вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобъ поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой, тогда я стану васъ читать и склоню передъ вами голову... — сказалъ онъ, улегшись опять покойно на диванѣ. — Изображаютъ они вора, падшую женщину, — говорилъ онъ, — а человѣка-то забываютъ, или не умѣютъ изобразить. Какое же тутъ искусство, какія поэтическія краски нашли вы? Обличайте развратъ, грязь, только, пожалуйста, безъ претензіи на поэзію“. — „Что-же, природу прикажете изображать: розы, соловья, или морозное утро, между тѣмъ какъ все кипитъ, движется вокругъ? Намъ нужна одна голая фізіологія общества; не до пѣсенъ намъ теперь...“

— „Человѣка, человѣка давайте мнѣ!—говорилъ Обломовъ, — любите его...“ — „Любите ростовщика, ханжу, ворующаго или тупоумнаго чиновника—слышите? Что вы это? И видно, что вы не занимаетесь литературой!—горячился Пенкинъ. — Нѣтъ, ихъ надо карать, извергнуть изъ гражданской среды, изъ общества...“ — „Извергнуть изъ гражданской среды! — вдругъ заговорилъ вдохновенно Обломовъ, вставъ передъ Пенкинымъ, — это, значитъ, забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало высшее начало; что онъ испорченный человѣкъ, но все человѣкъ же, то-есть вы сами. Извергнуть! А какъ вы извергнете его изъ круга человѣчества, изъ лона природы, изъ милосердія Божія?“ — почти крикнулъ онъ съ пылавшими глазами. — „Вонъ куда хватили!“ — въ свою очередь, съ изумленіемъ сказалъ Пенкинъ.

Обломовъ увидѣлъ, что и онъ далеко хватилъ. Онъ вдругъ смолкъ, постоялъ съ минуту, зѣвнулъ и медленно легъ на диванъ.

[Изъ бесѣды съ писателемъ, Обломовъ узналъ, что тотъ работаетъ даже по ночамъ. Послѣ ухода его Обломовъ сталъ думать о его жизни].

„Ночью писать, — думалъ Обломовъ, — когда же спать-то? А поди, тысячъ пять въ годъ заработаетъ! — это хлѣбъ! Да писать-то все, тратить мысль, душу свою на мелочи, мѣнять убѣжденія, торговать умомъ и воображеніемъ, насиловать свою натуру, волноваться, кипѣть, горѣть, не зная покоя и все куда-то двигаться... И все писать, все писать, какъ колесо, какъ машина: пиши завтра, послѣзавтра, праздникъ придетъ, лѣто наступитъ—а онъ все пиши? Когда же остановиться и отдохнуть? Несчастный!“

Онъ повернулъ голову къ столу, гдѣ все было гладко, и чернила засохли, и пера не видать, и радовался, что лежитъ онъ, беззаботенъ, какъ поворожденный младенецъ, что не разбрасывается, не продаетъ ничего... А письмо старосты, а квартира?—вдругъ вспомнилъ онъ и задумался.

[Когда къ нему пришелъ нѣкто Алексѣевъ, Обломовъ пробовалъ было съ нимъ посоветоваться насчетъ письма старосты].

Обломовъ, комкая письмо въ рукахъ, подперъ голову руками, а локти уперъ въ колѣнки, и такъ сидѣлъ нѣсколько времени, мучимый приливомъ безпокойныхъ мыслей.

— „Хоть-бы Штольцъ скорѣй пріѣхалъ!—сказалъ онъ,—пишетъ, что скоро будетъ, а самъ, чертъ знаетъ, гдѣ шатается! Онъ-бы все уладилъ“.

Онъ опять пригорюнился. Долго молчали оба. Наконецъ, Обломовъ очнулся первый.

— „Вотъ тутъ что надо дѣлать! — сказалъ онъ рѣшительно и чуть-было не всталъ съ постели,—и дѣлать какъ можно скорѣе, мѣшкать нечего... Во-первыхъ...“

Въ это время раздался отчаянный звонокъ въ передней, такъ что Обломовъ съ Алексѣевымъ вздрогнули, а Захаръ мгновенно спрыгнуть съ лежанки.

Тарантьевъ. Вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, принадлежащій къ крупной породѣ, высокій, объемистый въ плечахъ и во всемъ туловищѣ, съ крупными чертами лица, съ большой головой, съ крѣпкой, коротенькой шеей, съ большими нависающими глазами, толстогубый. Бѣглый взглядъ на этого человѣка рождалъ идею о чемъ-то грубомъ и неопрятномъ. Видно было, что онъ не гонялся за изяществомъ костюма. Не всегда удавалось его видѣть чисто обривымъ. Но ему, повидимому, это было все равно; онъ не смущался отъ своего костюма и носилъ его съ какимъ-то циническимъ достоинствомъ. Это былъ Михай Андреевичъ Тарантьевъ, землякъ Обломова.

Тарантьевъ смотрѣлъ на все угрюмо, съ полупрезрѣніемъ, съ явнымъ недоброжелательствомъ ко всему окружающему, готовый бранить все и всѣхъ на свѣтѣ, какъ будто какой-нибудь обиженный несправедливостью или непризнанный въ какомъ-то достоинствѣ, наконецъ, какъ гонимый судьбою сильный характеръ, который недобровольно, не уныло покоряется ей. Движенія его были смѣлы и размашисты; говорилъ онъ громко, бойко и почти всегда сердито: если слушать въ нѣкоторомъ отдаленіи, точно будто три пустыя телѣги ѣдутъ по мосту. Никогда не стѣснялся онъ ничьимъ присутствіемъ и въ карманъ за словомъ не ходилъ, и вообще постоянно былъ грубъ въ обращеніи со всѣми, не исключая и пріятелей, какъ будто давалъ чувствовать, что, заговаривая съ человѣкомъ, даже обѣдая или ужиная у него, онъ дѣлаетъ ему большую честь.

Тарантьевъ былъ человѣкъ ума бойкаго и хитраго; никто лучше его не разсудитъ какого-нибудь общаго житейскаго вопроса или юридическаго запутаннаго дѣла: онъ сейчасъ построитъ теорію дѣйствій въ томъ или другомъ случаѣ и очень тонко подведетъ доказательства, а въ заключеніе еще почти всегда нагрубитъ тому, кто съ нимъ о чемъ-нибудь посоветуется.

Между тѣмъ, самъ, какъ, двадцать пять лѣтъ назадъ, опредѣлился въ какую-то канцелярію писцомъ, такъ въ этой должности и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Ни ему самому и никому другому и въ голову не приходило, чтобъ онъ пошелъ выше. Дѣло въ томъ, что Тарантьевъ мастеръ былъ только

говорить; на словахъ онъ рѣшалъ все ясно и легко, особенно, что касалось другихъ; но какъ только нужно было двинуть пальцемъ, тронуться съ мѣста—словомъ, примѣнить имъ-же созданную теорію къ дѣлу и дать ему практической ходъ, оказать распорядительность, быстроту—онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: тутъ его не хватало—ему вдругъ и тяжело дѣлалось, и нездоровилось, то неловко, то другое дѣло случится, за которое онъ тоже не приметя, а если и приметя, такъ не дай Богъ что выйдетъ. Точно ребенокъ: тамъ не доглядитъ, тутъ не знаетъ какихъ-нибудь пустяковъ, тамъ опоздаетъ, и кончитъ тѣмъ, что броситъ дѣло на половинѣ или приметя за него съ конца и такъ все изгадитъ, что и поправить никакъ нельзя, да еще онъ-же потомъ и браниться станетъ.

Отецъ его, провинціальный подъячій стараго времени, назначалъ было сыну въ наслѣдство искусство и опытность хожденія по чужимъ дѣламъ и свое ловко пройденное поприще служенія въ присутственномъ мѣстѣ; но судьба распорядилась иначе. Отецъ, учившійся самъ когда-то по-русски на мѣдныхъ деньги, не хотѣлъ, чтобъ сынъ его отставалъ отъ времени, и пожелалъ поучить чему-нибудь, кромѣ мудреной науки хожденія по дѣламъ. Онъ года три посылалъ его къ священнику учиться по-латыни.

Онъ [Михей] съ юношескою впечатлительностью вслушивался въ рассказы отца и товарищей его о разныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, о любопытныхъ случаяхъ, которые проходили черезъ руки всѣхъ этихъ подъячихъ стараго времени. Но все это ни къ чему не повело. Изъ Михея не выработался дѣлецъ и крючкотворецъ, хотя всѣ старанія отца и клонились къ этому и, конечно, увѣнчались-бы успѣхомъ, еслибъ судьба не разрушила замысловъ старика. Михей дѣйствительно усвоилъ себѣ всю теорію отцовскихъ бесѣдъ, оставалось только примѣнить ее къ дѣлу, но за смертью отца онъ не успѣлъ поступить въ судъ и былъ увезенъ въ Петербургъ какимъ-то благодѣтелемъ, который нашелъ ему мѣсто писца въ одномъ департаментѣ, да потомъ и забылъ о немъ. Такъ Тарантьевъ и остался только теоретикомъ на всю жизнь.

Онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на свои настоящія занятія: на переписыванье бумагъ, на подшиванье дѣлъ и т. п. Ему вдали улыбалась только одна послѣдняя надежда: перейти служить по виннымъ откупамъ; на этой дорогѣ онъ видѣлъ единственную выгодную замѣну поприща, завѣщаннаго ему отцомъ и не достигнутаго. А въ ожиданіи этого, готовая и созданная ему отцомъ теорія дѣятельности и жизни, теорія взятокъ и лукавства, миновавъ главное и достойное ея поприще въ провинціи, примѣнилась ко всѣмъ мелочамъ его ничтожнаго существованія въ Петербургѣ, вкралась во всѣ его пріятельскія отношенія, за недостаткомъ официальныхъ. Онъ былъ взяточникъ въ душѣ, по теоріи, ухитрялся брать взятки, за неимѣніемъ дѣлъ и просителей, съ сослуживцемъ, съ пріятелей, Богъ знаетъ какъ и за что—заставлялъ, гдѣ и кого только могъ, то хитростью, то назойливостью, угощать себя, требовалъ отъ всѣхъ незаслуженнаго уваженія, былъ придиричивъ. Его никогда не смущалъ стыдъ за поношенное платье, но онъ не чуждъ былъ тревоги, если въ перспективѣ дни не было у

него громаднаго обѣда, съ приличнымъ количествомъ вина и водки. Отъ этого онъ въ кругу своихъ знакомыхъ игралъ роль большой сторожевой собаки, которая лаетъ на всѣхъ, не даетъ никому пошевелиться, но которая въ то же время непременно схватитъ на-лету кусокъ мяса, откуда и куда-бы онъ ни летѣлъ.

Алексѣевъ и Тарантьевъ. Таковы были два самые усердные посѣтители Обломова. Зачѣмъ эти два русскіе пролетарія ходили къ нему? Они очень хорошо знали зачѣмъ: пить, ѣсть, курить хорошія сигары. Они находили теплый, покойный пріютъ и всегда одинаково, если не радушный, то равнодушный пріемъ. Но зачѣмъ пускалъ ихъ къ себѣ Обломовъ—въ этомъ онъ едва-ли отдавалъ себѣ отчетъ. А, кажется, затѣмъ, зачѣмъ еще о-сю-пору въ нашихъ отдаленныхъ Обломовкахъ, въ каждомъ зажиточномъ домѣ толпится рой подобныхъ лицъ обоего пола, безъ хлѣба, безъ ремесла, безъ рукъ для производительности и только съ желудкомъ для потребленія, но почти всегда съ чиномъ и званіемъ. Есть еще сибариты, которымъ необходимы такія дополненія въ жизни: имъ скучно безъ лишняго на свѣтѣ. Кто подастъ куда-то запропащившуюся табакерку или подниметъ упавшій на полъ платокъ? Кому можно пожаловаться на головную боль съ правомъ на участіе, рассказать дурной сонъ и потребовать истолкованія? Кто почитаетъ книжку на сонъ грядущій и поможетъ заснуть? А иногда такой пролетарій посылается въ ближайшій городъ за покупкой, поможетъ по хозяйству—не самимъ-же мыкаться!

Тарантьевъ дѣлалъ много шума, выводилъ Обломова изъ неподвижности и скуки. Онъ кричалъ, спорилъ и составлялъ родъ какого-то спектакля, избавляя лѣниваго барина самого отъ необходимости говорить и дѣлать. Въ комнату, гдѣ царствовалъ сонъ и покой, Тарантьевъ приносилъ жизнь, движеніе, а иногда и вѣсти извнѣ. Обломовъ могъ слушать, смотрѣть, не шевеля пальцемъ, на что-то бойкое, движущееся и говорящее передъ нимъ. Кромѣ того, онъ еще имѣлъ простодушіе вѣрить, что Тарантьевъ въ самомъ дѣлѣ способенъ посовѣтовать ему что-нибудь путное.

Посѣщенія Алексѣева Обломовъ терпѣлъ по другой, не менѣе важной причинѣ. Если онъ хотѣлъ жить по-своему, т.-е. лежать молча, дремать, или ходить по комнатѣ, Алексѣева какъ будто не было тутъ: онъ тоже молчалъ, дремалъ, или смотрѣлъ въ книгу, разглядывалъ, съ лѣнливой зѣвотой до слезъ, картинки и вещицы. Онъ могъ такъ пробыть хоть три сутки. Если-же Обломову наскучивало быть одному и онъ чувствовалъ потребность выразиться, говорить, читать, разсуждать, проявить волненіе—тутъ былъ всегда покорный и готовый слушатель и участникъ, раздѣлявшій одинаково согласно и его молчаніе, и его разговоръ, и волненіе, и образъ мыслей, каковъ-бы онъ ни былъ. Другіе гости заходили не часто, на минуту, какъ первые три гостя; съ ними со всѣми все болѣе и болѣе порывались живыя связи. Обломовъ иногда интересовался какою-нибудь новостью, пятиминутнымъ разговоромъ, потомъ, удовлетворенный этимъ, молчалъ. Имъ надо было платить взаимностью, принимать участіе въ томъ, что ихъ интересовало. Они купались въ людской толпѣ; всякій понималъ жизнь по-своему,

какъ не хотѣлъ понимать ее Обломовъ, а они путали въ нее и его: все это не нравилось ему, отталкивало его, было ему не по душѣ. Былъ ему по сердцу одинъ человѣкъ: тотъ тоже не давалъ ему покоя; онъ любилъ и новости, и свѣтъ, и науку, и всю жизнь, но какъ-то глубже, теплѣе, искреннѣе — и Обломовъ, хотя былъ ласковъ со всѣми, но любилъ искренно его одного, вѣрилъ ему одному, можетъ-быть, потому, что росъ, учился и жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Это Андрей Карловичъ Штольцъ. Онъ былъ въ отлучкѣ, но Обломовъ ждалъ его съ часу на часъ.

Жизнь Обломова въ Петербургѣ. Обломовъ, дворянинъ родомъ, коллежскій секретарь чиномъ, безвыѣздно живетъ двѣнадцатый годъ въ Петербургѣ.

[Сначала онъ жилъ въ двухъ комнатахъ. Когда-же умерли родители, онъ сдѣлался владѣльцемъ 350 душъ и ежегодно сталъ получать до 10000 р., то] онъ нанялъ квартиру побольше, прибавилъ къ своему штату еще повара и завелъ было пару лошадей. Тогда еще онъ былъ молодъ и, если нельзя сказать, чтобъ онъ былъ живъ, то, по крайней мѣрѣ, живѣе, чѣмъ теперь; еще онъ былъ полонъ разныхъ стремленій, все чего-то надѣялся, ждалъ многого и отъ судьбы, и отъ самого себя; все готовился къ поприщу, къ роли — прежде всего, разумѣется, въ службѣ, что и было цѣлью его пріѣзда въ Петербургъ. Потомъ онъ думалъ и о роли въ обществѣ; наконецъ, въ отдаленной перспективѣ, на поворотѣ съ юности къ зрѣлымъ лѣтамъ, воображенію его мелькало и улыбалось семейное счастье. Но дни шли за днями, года смѣнялись годами, пушокъ обратился въ жесткую бороду, лучи глазъ смѣнились двумя тусклыми точками, талія округлилась, волосы стали немилосердно лѣзть, стукнуло тридцать лѣтъ, а онъ ни на шагъ не подвинулся ни на какомъ поприщѣ, и все еще стоялъ у порога своей арены, тамъ-же, гдѣ былъ десять лѣтъ назадъ. Но онъ все собирался и готовился начать жизнь, все рисовалъ въ умѣ узоръ своей будущности; но съ каждымъ мелькавшимъ надъ головой его годомъ долженъ былъ что-нибудь измѣнить и отбрасывать въ этомъ узорѣ.

Жизнь въ его глазахъ раздѣлялась на двѣ половины: одна состояла изъ труда и скуки—это у него были синонимы; другая изъ покоя и мирнаго веселья. Отъ этого главное поприще—служба на первыхъ порахъ озадачила его самымъ неприятнымъ образомъ.

Воспитанный въ нѣдрахъ провинціи, среди кроткихъ и теплыхъ нравовъ и обычаевъ родины, переходя въ теченіе двадцати лѣтъ изъ объятій въ объятія родныхъ, друзей и знакомыхъ, онъ до того былъ проникнутъ семейнымъ началомъ, что и будущая служба представлялась ему въ видѣ какого-то семейнаго занятія, въ родѣ, на примѣръ, лѣниваго записыванья въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлывалъ его отецъ.

[Онъ воображалъ, что чиновники составляютъ дружную семью, что на службу можно являться когда была охота и хорошая погода. Интенсивность канцелярской жизни его неприятно поразила]: не успѣютъ спустить съ рукъ одно дѣло, какъ ужъ опять съ яростью хватаются за другое, какъ будто въ немъ вся сила и есть, а кончивъ, забудутъ его и кидаются на третье — и конца этому никогда нѣтъ! Раза два его поднимали ежечю и заставляли

писать „записки“, нѣсколько разъ добывали, посредствомъ курьера, изъ гостей—все по поводу этихъ-же записокъ. Все это навело на него страхъ и скуку великую. „Когда-же жить? когда жить?“—твердилъ онъ.

[Начальника своего Обломовъ представлялъ какимъ-то „отцомъ“ подчиненныхъ, который входитъ въ ихъ мелкія нужды, заботится о здоровьи. Оказалось, что хотя начальникъ его былъ человѣкъ добрый и вѣжливый, но между нимъ и чиновниками была пропасть: быть можетъ, по привычкѣ робѣть передъ начальствомъ вообще, робѣли всѣ и передъ нимъ].

И Илья Ильичъ вдругъ робѣлъ, самъ не зная отчего, когда начальникъ входилъ въ комнату, и у него сталъ пропадать свой голосъ и являлся какой-то другой, тоненькій и гадкій, какъ скоро заговаривалъ съ нимъ начальникъ.

[Служба доставила Обломову много нравственныхъ мукъ. Къ довершенію этого онъ однажды изъ разсѣянности перепуталъ бумаги: какую-то нужную бумагу отправилъ вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ. Обломовъ подалъ въ отставку].

Роль въ обществѣ удалась-было ему лучше. Въ первые годы пребыванія въ Петербургѣ, въ его ранніе, молодые годы, покойныя черты лица его оживлялись чаще, глаза подолгу сіяли огнемъ жизни, изъ нихъ лились лучи свѣта, надежды, силы. Онъ волновался, какъ и всѣ, надѣялся, радовался пустякамъ, и отъ пустяковъ же страдалъ. Но это все было давно, еще въ ту нѣжную пору; когда человѣкъ во всякомъ другомъ человѣкѣ предполагаетъ искренняго друга, и влюбляется почти во всякую женщину, и всякой готовъ предложить руку и сердце, что инымъ даже и удается совершить, часто къ великому прискорбію потомъ на всю остальную жизнь. Въ эти блаженные дни, на долю Ильи Ильича тоже выпало немало мягкихъ, бархатныхъ, даже страстныхъ взглядовъ изъ толпы красавицъ, пропасть многообѣщающихъ улыбокъ, два—три непривилегированные поцѣлуя и еще больше дружескихъ рукопожатій, съ болью до слезъ.

Впрочемъ, онъ никогда не отдавался въ плѣнъ красавицамъ, никогда не былъ ихъ рабомъ, даже очень прилежнымъ поклонникомъ, уже и потому, что къ сближенію съ женщинами ведутъ большія хлопоты. Обломовъ больше ограничивался поклоненіемъ имъ издали, на почтительномъ разстояніи. Рѣдко судьба сталкивала его съ женщиною въ обществѣ до такой степени, чтобъ онъ могъ вснхнуться на нѣсколько дней и почестъ себя влюбленнымъ. Отъ этого его любовныя интриги не разыгрывались въ романы: онѣ останавливались въ самомъ началѣ и своею невинностью, простотой и чистотой не уступали повѣстямъ любви какой-нибудь пансіонерки на возрастѣ.

Душа его была еще чиста и дѣвственна; она, можетъ-быть, ждала своей любви, своей поры, своей патетической страсти, а потомъ, съ годами, кажется, перестала ждать и отчаялась.

[Съ друзьями Обломовъ разстался еще легче; послѣ первыхъ же пиемъ старости о неурожаяхъ и недомкахъ, онъ сократилъ число прислуги, продалъ лошадей и пересталъ вести открытый образъ жизни].

Его почти ничто не влекло изъ дома, и онъ съ каждымъ днемъ все крѣпче и постояннѣе водворялся въ своей квартирѣ.

Сначала ему тяжело стало пробыть целый день одетым, потом он лѣнился обѣдать въ гостяхъ, кромѣ коротко-знакомыхъ, больше холостыхъ домовъ, гдѣ можно снять галстукъ, растегнуть жилетъ и гдѣ можно даже „повалиться“, или соснуть часокъ. Вскорѣ и вечера надѣли ему: надо надѣвать фракъ, каждый день бриться. Вычиталъ онъ гдѣ-то, что только утреннія испаренія полезны, а вечернія вредны, и сталъ бояться сырости. Несмотря на всѣ эти причуды, другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его въ люди; но Штолецъ часто отлучался изъ Петербурга въ Москву, въ Нижній, въ Крымъ, а потомъ и за границу—и безъ него Обломовъ опять ввергался весь по уши въ свое одиночество и уединеніе, изъ котораго могло его вывести только что-нибудь необыкновенное, выходящее изъ ряда ежедневныхъ явленій жизни; но подобнаго ничего не было и не предвидѣлось впереди.

Ко всему этому, съ лѣтами, возвратилась какая-то ребяческая робость, ожиданіе опасности и зла отъ всего, что не встрѣчалось въ сферѣ его ежедневнаго быта—слѣдствіе отвычки отъ разнообразныхъ виѣшнихъ явленій.

Его не пугала, напримѣръ, трещина потолка въ его спальнѣ: онъ къ ней привыкъ; не приходило ему тоже въ голову, что вѣчно спертый воздухъ въ комнатѣ и постоянное сидѣнье взаперти чуть-ли не губительнѣе для здоровья, нежели ночная сырость; что переполнять ежедневно желудокъ есть своего рода постепенное самоубійство; но онъ къ этому привыкъ и не пугался. Онъ не привыкъ къ движению, къ жизни, къ многолюдству и суетѣ. Въ тѣсной толпѣ ему было душно; въ лодку онъ садился съ невѣрной надеждою добратся благополучно до другого берега; въ каретѣ ѣхалъ, ожидая, что лошади понесутъ и разобьютъ.

Такъ разыгралась роль его въ обществѣ. Лѣнливо махнулъ онъ рукой на всѣ юношескія обманувшія его, или обманутыя имъ надежды, всѣ нѣжно-грустныя, свѣтлыя воспоминанія, отъ которыхъ у иныхъ и подъ старость бьется сердце.

Что-жь онъ дѣлалъ дома? читалъ? писалъ? учился? Да, если попадется подъ-руки книга, газета, онъ ее прочтетъ. Услышитъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи—у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ — и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ подлѣ него недочитанная, непонятая. Охлажденіе овладѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ. Робкій, апатическій характеръ мѣшалъ ему обнаруживать вполне свою лѣнь и капризы въ чужихъ людяхъ, въ школѣ, гдѣ не дѣлали исключеній въ пользу балованныхъ сынковъ. Онъ по необходимости сидѣлъ въ классѣ прямо, слушалъ, что говорили учителя, потому что другого ничего дѣлать было нельзя, и съ трудомъ, съ потомъ, со вздохами выучивалъ задаваемые ему уроки. Все это вообще считалъ онъ за названіе, ниспосланное небомъ за наши грѣхи.

Дальше той строки, подъ которой учитель, задавая урокъ, проводилъ

погтемъ черту, онъ не заглядываль, разспросовъ никакихъ ему не дѣлаль и поясненій не требоваль. Онъ довольствовался тѣмъ, что написано въ тетраджѣ, и докучливаго любопытства не обнаруживаль, даже когда и не все понималь, что слушаль и училъ. Если ему кое-какъ удавалось одолѣть книгу, называемую статистикой, исторіей, политической экономіей, онъ совершенно былъ доволенъ. Когда же Штольцъ приносилъ ему книги, какія надо еще прочесть сверхъ выученнаго, Обломовъ долго глядѣль, молча, на него. „Когда же жить? — спрашиваль онъ опять самого себя, — когда же, наконецъ, пускать въ оборотъ этотъ капиталъ знаній, изъ которыхъ большая часть еще ни на что не понадобятся въ жизни? Политическая экономія, напримѣръ, алгебра, геометрія—что я стану съ ними дѣлать въ Обломовкѣ? И сама исторія только въ тоску повергаетъ; учишь, читаешь, что вотъ-де настала година бѣдствій, несчастливъ человѣкъ; вотъ собирается съ силами, работаетъ, гомозится, страшно терпитъ и трудится, все готовить ясные дни. Вотъ настали они—тутъ бы хотъ сама исторія отдохнула: нѣтъ, опять работать, гомозиться... Не останвятся ясные дни, бѣгутъ—и все течетъ жизнь, все течетъ, все ломка да ломка“.

Серьезное чтеніе утомляло его. Мыслителямъ не удалось расшевелить въ немъ жажду къ умозрительнымъ истинамъ. За то поэты задѣли его за живое: онъ сталъ юношей, какъ всѣ. И для него насталь счастливый, никому неизмѣняющій, всѣмъ улыбающійся моментъ жизни, расцвѣтанія силъ, надеждъ на бытіе, желанія блага, доблести, дѣятельности, эпоха сильнаго біенія сердца, пульса, трепета, восторженныхъ рѣчей и сладкихъ слезъ. Умъ и сердце просвѣтлѣли: онъ стряхнулъ дремоту, душа запросила дѣятельности. Штольцъ помогъ ему продлить этотъ моментъ, сколько возможно было для такой натуры, какова была натура его друга. Онъ поймалъ Обломова на поэтахъ и года полтора держаль его подъ ферулой мысли и науки. Пользуясь восторженнымъ полетомъ молодой мечты, онъ въ чтеніе поэтовъ вставляль другія цѣли, кромѣ наслажденія, строже указываль въ дали пути своей и его жизни и увлекаль въ будущее. Оба волновались, плакали, давали другъ другу торжественныя обѣщанія идти разумною и свѣтлой дорогой. Юношескій жаръ Штольца заражалъ Обломова, и онъ сгораль отъ жажды труда, далекой, но обаятельной цѣли.

Но цвѣтъ жизни распустился и не далъ плодовъ. Обломовъ отрезвился и только изрѣдка, по указанію Штольца, пожалуй, и прочитываль ту или другую книгу, но не вдругъ, не торопясь, безъ жадности, а лѣнливо пробѣгалъ глазами по строкамъ. Какъ ни интересно было мѣсто, на которомъ онъ останавливался, но если на этомъ мѣстѣ заставаль его часъ обѣда или сна, онъ клалъ книгу переплетомъ вверхъ и шелъ обѣдать, или гасилъ свѣчу и ложился спать. Если давали ему первый томъ, онъ, по прочтеніи, не просилъ второго, а приносили—онъ медленно прочитываль. Потомъ ужъ онъ не осиливаль и перваго тома, а большую часть свободнаго времени проводилъ, положивъ локоть на столъ, а на локоть голову, иногда вмѣсто локтя употребляль ту книгу, которую Штольцъ навязываль ему прочесть.

Странно подѣйствовало ученіе на Илью Ильича: у него между наукой и жизнью лежала цѣлая бездна, которой онъ не пытался перейти. Жизнь у него была сама-по-себѣ, а наука сама-по-себѣ. Онъ учился всѣмъ существующимъ и давно несуществующимъ правамъ, прошелъ курсъ и практическаго судопроизводства, а когда, по случаю какой-то покражи въ домѣ, понадобилось написать бумагу въ полицію, онъ взялъ листъ бумаги, перо, думалъ, думалъ, да и послалъ за писаремъ. Счеты въ деревнѣ сводилъ староста. „Что тутъ было дѣлать наукѣ?“—разсуждалъ онъ въ недоразумѣніи.

И онъ воротился въ свое уединеніе безъ груза знаній, которыя бы могли дать направленіе вольногуляющей въ головѣ или праздно-дремлющей мысли. Чтожъ онъ дѣлалъ? Да все продолжалъ чертить узоръ собственной жизни. Въ ней онъ, не безъ основанія, находилъ столько премудрости и поэзіи, что и не исчерпашь никогда безъ книгъ и учености. Измѣнивъ службѣ и обществу, онъ началъ иначе рѣшать задачу своего существованія, вдумывался въ свое назначеніе и, наконецъ, открылъ, что горизонтъ его дѣятельности и житья-бытья кроется въ немъ самомъ. Онъ понималъ, что ему досталось въ удѣлъ семейное счастье и заботы объ имѣніи: до тѣхъ поръ онъ и не зналъ порядочно своихъ дѣлъ: за него заботился иногда Штольцъ. Не вѣдалъ онъ хорошенько ни дохода, ни расхода своего, не составлялъ никогда бюджета—ничего.

[Отецъ Обломова велъ хозяйство по старинному, никакихъ нововведеній не допускалъ].

Старикъ бывалъ очень доволенъ, если хорошій урожай или возвышенная цѣна дастъ дохода больше прошлагодняго: онъ называлъ это благословеніемъ Божиимъ. Онъ только не любилъ выдумокъ и натяжекъ къ пріобрѣтенію денегъ.

— „Отцы и дѣды не глупѣе насъ были,—говорилъ онъ въ отвѣтъ на какіе-нибудь вредные, по его мнѣнію, совѣты,—да прожили же вѣкъ счастливо; проживемъ и мы: дастъ Богъ, сыты будемъ“.

Получая, безъ всякихъ лукавыхъ ухищреній, съ имѣнія столько дохода, сколько нужно было ему, чтобъ каждый день обѣдать и ужинать безъ мѣры, съ семьей и разными гостями, онъ благодарилъ Бога и считалъ грѣхомъ стараться пріобрѣтать больше. Если приказчикъ приносилъ ему двѣ тысячи, спрятавъ третью въ карманъ, и со слезами ссылся на градъ, засуху, неурожай, старикъ Обломовъ крестился и тоже со слезами приговаривалъ: „воли Божья; съ Богомъ спорить не станешь! Надо благодарить Господа и за то, что есть“.

[Со смертью отца хозяйство совсѣмъ пошло вкривъ и вкось. Очевидно, самому Обломову нужно было туда ѣхать. Но свой отъѣздъ онъ все откладывалъ главнымъ образомъ потому, что ему было это сдѣлать лѣнь].

Потомъ Илья Ильичъ откладывалъ свою поѣздку еще и оттого, что не приготовился, какъ слѣдуетъ, заняться своими дѣлами. Онъ ужъ былъ не въ отца и не въ дѣда. Онъ учился, жилъ въ свѣтѣ: все это наводило его на разные чуждыя имъ соображенія. Онъ понималъ, что пріобрѣтеніе

не только не грѣхъ, но что долгъ всякаго гражданина частными трудами поддерживать общее благосостояніе. Отъ этого большую часть узора жизни, который онъ чертилъ въ своемъ уединеніи, занималъ новый, свѣжій, сообразный съ потребностями времени планъ устройства имѣнія и управленія крестьянами. Основная идея плана, расположеніе, главныя части—все давно готово у него въ головѣ; остались только подробности, смѣты и цифры. Онъ нѣсколько лѣтъ неутомимо работаетъ надъ планомъ, думаетъ, размышляетъ и ходя, и лежа, и дома, и въ людяхъ; то дополняетъ, то измѣняетъ разныя статьи, то возобновляетъ въ памяти придуманное вчера и забытое ночью; а иногда вдругъ, какъ молнія, сверкнетъ новая неожиданная мысль, и закипитъ въ головѣ—и пойдетъ работа. Онъ не какой-нибудь мелкій исполнитель чужой, готовой мысли; онъ самъ творецъ и самъ исполнитель своихъ идей. Онъ, какъ встанетъ утромъ съ постели, послѣ чая ляжетъ тотчасъ на диванъ, подопретъ голову рукой и обдумываетъ, не щадя силъ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, голова утомится отъ тяжелой работы и когда совѣсть скажетъ: довольно сдѣлано сегодня для общаго блага.

Освободясь отъ дѣловыхъ заботъ, Обломовъ любилъ уходить въ себя и жить въ созданномъ имъ мірѣ. Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ, въ иную пору, надъ бѣдствіями человечества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленіе куда-то въ даль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольць... Сладкія слезы потекуть по щекамъ его... Случается и то, что онъ исполнится презрѣніемъ къ людскому пороку, къ лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преобразуются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами встанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ, стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія!.. Но, смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленнымъ силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно, къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно-сажащееся за чей-то четырехэтажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!

На утро опять жизнь, опять волненія, мечты! Онъ любитъ вообразить себя иногда какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Ерусланъ Лазаревичъ ничего не значить; выду-

маеъ войну и причину ея: у него хлынуть, напрімѣръ, народы изъ Африки въ Европу; или устроить онъ новые крестовые походы, и воюеъ, рѣшаеъ участь народовъ, разоряеъ города, щадить, казнить, оказываетъ подвиги добра и великодушія. Или избереъ онъ арену мыслителя, великаго художника: всѣ поклоняются ему; онъ пожинаеъ лавры; толпа гонится за нимъ, восклицая: „посмотрите, посмотрите, вотъ идетъ Обломовъ, нашъ знаменитый Илья Ильичъ!“ Въ горькія минуты онъ страдаетъ отъ заботъ, перевертывается съ боку на бокъ, ляжеъ лицомъ внизъ, иногда даже совсѣмъ потеряется; тогда онъ встанеъ съ постели на колѣни, и начнеъ молиться жарко, усердно, умолая небо отвратить какъ-нибудь угрожающую бурю. Потомъ, давъ попеченіе о своей участи небесамъ, дѣлаеъ покоенъ и равнодушенъ ко всему на свѣтѣ, а буря тамъ какъ себѣ хочеъ.

Никто не зналъ и не видалъ этой внутренней жизни Ильи Ильича: всѣ думали, что Обломовъ такъ себѣ, только лежитъ, да кушаеъ на здоровье, и что больше отъ него нечего ждать; что едва ли у него вижутся и мысли въ головѣ.

Захаръ. [Это не былъ слуга изъ тѣхъ въ старинномъ вкусѣ], безъ страха и упрека, исполненныхъ преданности господамъ до самозабвенія, которые отличались всѣми добродѣтелями и не имѣли никакихъ пороковъ. Этотъ рыцарь былъ и со страхомъ, и съ упрекомъ. Онъ принадлежалъ двумъ эпохамъ, и обѣ положили на него печать свою. Отъ одной перешла къ нему, по наслѣдству, безграничная преданность къ дому Обломовыхъ, а отъ другой, позднѣйшей, утонченность и развращеніе нравовъ. Страстно преданный барину, онъ, однако-жъ, рѣдкій день въ чемъ-нибудь ни солжеъ ему.

[Онъ не только лгалъ барину, но вѣчно таскалъ у него или мелкія деньги, или съѣстное. Захаръ былъ сплетникъ и не прочь былъ сочинять даже про барина разную небывальщину. Онъ былъ неопрятенъ, лѣнивъ].

Захаръ начерталъ себѣ, однажды навсегда, опредѣленный кругъ дѣятельности, за который добровольно никогда не переступалъ. Онъ утромъ ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги и то платье, которое баринъ спрашивалъ, но отнюдь не то, которое не спрашивалъ, хоть виси оно десять лѣтъ. Потомъ онъ мелъ—не всякій день однако-жъ—середину комнаты, не добираясь до угловъ, и обтиралъ пыль только съ того стола, на которомъ ничего не стояло, чтобъ не снимать вещей. Затѣмъ онъ уже считалъ себя вправѣ дремать на лежанкѣ, или болтать съ Анисей въ кухнѣ и съ дворней у воротъ, ни о чемъ не заботясь.

Несмотря на все это, то-есть, что Захаръ любилъ выпить, посплетничать, бралъ у Обломова пятаки и гривны, ломалъ и билъ разныя вещи и лѣнился, все-таки выходило, что онъ былъ глубокопреданный своему барину слуга. Онъ-бы не задумался сгорѣть или утонуть за него, не считая этого подвигомъ, достойнымъ удивленія или какихъ-нибудь наградъ. Онъ смотреъ на это, какъ на естественное, иначе быть не могущее дѣло, или, лучше сказать, никакъ не смотреъ, а поступаъ такъ, безъ всякихъ умозрѣній. Теорій у него на этотъ предметъ не было никакихъ. Ему никогда не приходило въ голову подвергать анализу свои чувства и отношенія къ

Ильѣ Ильичу; онъ не самъ выдумалъ ихъ; они перешли отъ отца, дѣда, братьевъ, дворни, среди которой онъ родился и воспитался, и обратились въ плоть и кровь. Захаръ умеръ-бы вмѣсто барина, считая это своимъ неизбѣжнымъ и природнымъ долгомъ, и даже не считая ничѣмъ, а просто бросился-бы на смерть, точно такъ-же, какъ собака, которая, при встрѣчѣ съ звѣремъ въ лѣсу, бросается на него, не разсуждая, отчего должна броситься она, а не ея господинъ. Но за то, еслибъ понадобилось, напримѣръ, просидѣть всю ночь подлѣ постели барина, не смыкая глазъ, и отъ этого-бы зависѣло здоровье или даже жизнь барина, Захаръ непремѣнно-бы заснулъ. Наружно онъ не выказывалъ не только подобострастія къ барину, но даже былъ грубоватъ, фамильяренъ въ обхожденіи съ нимъ, сердился на него, не шутя, за всякую мелочь, и даже, какъ сказано, злословилъ его у воротъ; но все-таки этимъ только на время заслонялось, а отнюдь не умалялось кровное, родственное чувство преданности его не къ Ильѣ Ильичу собственно, а ко всему, что носить имя Обломова, что близко, мило, дорого ему. Можетъ-быть, даже это чувство было въ противорѣчьи съ собственнымъ взглядомъ Захара на личность Обломова, можетъ-быть, изученіе характера барина внушало другія убѣжденія Захару. Вѣроятно, Захаръ, еслибъ ему объяснили о степени привязанности его къ Ильѣ Ильичу, сталъ-бы оспаривать это. Захаръ любилъ Обломовку, какъ кошка свой чердакъ, лошадь—стойло, собака—кануру, въ которой родилась и выросла. Въ сферѣ этой привязанности у него вырабатывались уже свои особенныя, личныя впечатлѣнія. Напримѣръ, обломовскаго кучера онъ любилъ больше, нежели повара, скотницу Варвару больше ихъ обоихъ, а Илью Ильича меньше ихъ всѣхъ; но все-таки обломовскій поваръ для него былъ лучше и выше всѣхъ другихъ поваровъ въ мірѣ, а Илья Ильичъ выше всѣхъ помѣщиковъ. Тараску, буфетчика, онъ терпѣть не могъ; но этого Тараску онъ не промѣнялъ-бы на самаго хорошаго человѣка въ цѣломъ свѣтѣ, потому только, что Тараска былъ обломовскій. Онъ обращался фамильярно и грубо съ Обломовымъ, точно такъ-же, какъ шаманъ грубо и фамильярно обходится съ своимъ идоломъ: онъ и обметаётъ его, и уронить, иногда, можетъ-быть, и ударить съ досадой, но все-таки въ душѣ его постоянно присутствуетъ сознание превосходства натуры этого идола надъ своей. Малѣйшаго повода довольно было, чтобъ вызвать это чувство изъ глубины души Захара и заставить его смотрѣть съ благоговѣніемъ на барина, иногда даже удариться, отъ умиленія, въ слезы. Боже сохрани, чтобъ онъ поставилъ другого какого-нибудь барина не только выше, даже наравнѣ съ своимъ! Боже сохрани, еслибъ это выдумалъ сдѣлать и другой!

Захаръ былъ довольно мягкаго и добраго сердца. Онъ любилъ даже проводить время съ ребятишками. На дворѣ, у воротъ, его часто видали съ кучей дѣтей. Онъ ихъ мирить, дразнить, устраиваетъ игры, или просто сидитъ съ ними, взявъ одного на одно колѣно, другого на другое, а сзади шею его обовьетъ еще какой-нибудь шалунъ руками, или треплетъ его за бакенбарды.

И такъ Обломовъ мѣшалъ Захару жить тѣмъ, что требовалъ поми-

нужно его услугъ и присутствія около себя, тогда какъ сердце, общительный нравъ, любовь къ бездѣйствию и вѣчная, никогда не умолкающая потребность жевать влекли Захара то къ кумѣ, то въ кухню, то въ лавочку, то къ воротамъ.

Давно знали они другъ друга и давно жили вдвоемъ. Захаръ нянчилъ маленькаго Обломова на рукахъ, а Обломовъ помнить его молодымъ, проворнымъ, прозорливымъ и лукавымъ парнемъ. Старинная связь была неистребима между ними. Какъ Илья Ильичъ не умѣлъ ни встать, ни лечь спать, ни быть причесаннымъ и обутымъ, ни отобѣдать безъ помощи Захара, такъ Захаръ не умѣлъ представить себѣ другого барина, кромѣ Ильи Ильича, другого существованія, какъ одѣвать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и въ то же время внутренне благоговѣть передъ нимъ.

Мечты Обломова. Деревенское утро давно прошло, и петербургское было на исходѣ. До Ильи Ильича долеталъ со двора смѣшанный шумъ человѣческихъ и не человѣческихъ голосовъ: пѣнье кочующихъ артистовъ, сопровождаемое большею частью лаемъ собакъ. Приходили показывать и звѣря морского, приносили и предлагали на разные голоса всевозможные продукты.

Онъ легъ на спину и заложилъ обѣ руки подъ голову. Илья Ильичъ занялся разработкою плана имѣнiю. Онъ быстро пробѣжалъ въ умѣ нѣсколько серьезныхъ, коренныхъ статей объ оброкѣ, о запашкѣ; придумалъ новую мѣру, построже, противъ лѣни и бродяжничества крестьянъ, и перешелъ къ устройству собственнаго житья-бытья въ деревнѣ. Его занимала постройка деревенскаго дома: онъ съ удовольствiемъ остановился нѣсколько минутъ на расположенiи комнатъ, опредѣлить длину и ширину столовой, бильярдной, подумалъ и о томъ, куда будетъ обращенъ окнами его кабинетъ; даже вспомнилъ о мебели и коврахъ. Послѣ этого расположилъ флигеля дома, сообразивъ число гостей, которое намѣревался принимать, отвелъ мѣсто для конюшенъ, сараевъ, людскихъ и разныхъ другихъ службъ. Наконецъ, обратился къ саду: онъ рѣшилъ оставить всѣ старыя липовыя и дубовыя деревья такъ, какъ они есть, а яблони и груши уничтожить и на мѣсто ихъ посадить акацiи; подумалъ было о паркѣ, но, сдѣлавъ въ умѣ примѣрно смѣту издержкамъ, нашелъ, что дорого, и, отложивъ это до другого времени, перешелъ къ цвѣтникамъ и оранжереямъ. Тутъ мелькнула у него соблазнительная мысль о будущихъ фруктахъ до того живо, что онъ вдругъ перенесся за нѣсколько лѣтъ въ деревню, когда ужъ имѣнiе устроено по его плану и когда онъ живетъ тамъ безвыѣздно.

Ему представилось, какъ онъ сидитъ въ лѣтнiй вечеръ на террасѣ, за чайнымъ столомъ, подъ непроницаемымъ отъ солнца навѣсомъ деревьевъ, съ длинной трубкой, и лѣниво втягиваетъ въ себя дымъ, задумчиво наслаждаясь открывающимся изъ-за деревьевъ видомъ, прохладой, тишиной; а вдали желтѣютъ поля, солнце опускается за знакомый березнякъ и румянить гладкiй, какъ зеркало, прудъ; съ полей восходитъ паръ; становится прохладно, наступаютъ сумерки; крестьяне толпами идутъ домой. Праздная дворня сидитъ у-воротъ; тамъ слышатся веселые голоса, хохоть, балабайка,

дѣвки играютъ въ горѣлки; кругомъ его самого рѣзвятся его малютки, лѣзутъ къ нему на колѣни, вѣшаются ему на шею; за самоваромъ сидитъ... царица всего окружающаго, его божество... женщина! жена! а между тѣмъ въ столовой, убранной съ изящной простотой, ярко заблистали привѣтные огоньки, накрывался большой круглый столъ; Захаръ, произведенный въ мажордомы, съ совершенно сѣдыми бакенбардами, накрываетъ столъ, съ пріятнымъ звономъ разставляетъ хрусталь и раскладываетъ серебро, поминутно роняя на полъ то стаканъ, то вилку; садятся за обильный ужинъ; тутъ сидитъ и товарищъ его дѣтства, неизмѣнный другъ его, Штольцъ, и другіе; всѣ знакомыя лица; потомъ отходятъ ко сну...

Лицо Обломова вдругъ облилось румянцемъ счастья: мечта была такъ ярка, жива, поэтична, что онъ мгновенно повернулся лицомъ къ подушкѣ. Онъ вдругъ почувствовалъ смутное желаніе любви, тихаго счастья, вдругъ зажаждавъ полей и холмовъ своей родины, своего дома, жены и дѣтей...

Полежавъ ничкомъ минутъ пять, онъ, медленно, опять повернулся на спину. Лицо его сіяло кроткимъ, трогательнымъ чувствомъ: онъ былъ счастливъ... Онъ, съ наслажденіемъ, медленно вытянулъ ноги, отчего панталоны его засучились немного вверхъ, но онъ и не замѣчалъ этого маленькаго беспорядка. Услужливая мечта носила его, легко и вольно, далеко въ будущемъ. Теперь его поглотила любимая мысль: онъ думалъ о маленькой колоніи друзей, которые поселятся въ деревенькахъ и фермахъ, въ пятнадцати или двадцати верстахъ вокругъ его деревни, какъ попеременно будутъ каждый день сѣзжаться другъ къ другу въ гости, обѣдать, ужинать, танцовать; ему видятся все ясные дни, ясные лица, безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ двойнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ; будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь...

„Боже, Боже!“ — произнесъ онъ отъ полноты счастья и очнулся! А тутъ раздается со двора въ пять голосовъ: „картофеля! песку, песочку не надо-ли? уголья! уголья! Пожертвуйте, милосердные господа, на построеніе храма Господня!“ А изъ сосѣдняго, вновь строящагося дома раздавался стукъ топоровъ, крикъ рабочихъ.

„Ахъ!—горестно вслухъ вздохнулъ Илья Ильичъ,—что за жизнь! какое безобразіе этотъ столичный шумъ! Когда-же настанетъ райское, желанное житье? когда въ поля, въ родныя рощи?—думалъ онъ.—Лежать-бы теперь на травѣ, подъ деревомъ, да глядѣть сквозь вѣтки на солнышко и считать, сколько птичекъ перебиваетъ на вѣткахъ. А тутъ тебѣ на траву то обѣдъ, то завтракъ принесетъ какая-нибудь краснощекая прислужница, съ голыми, круглыми и мягкими локтями и съ загорѣлой шеей; потупляетъ, плутовка, взглядъ и улыбается... Когда-же настанетъ эта пора?..“ „А планъ! а староста, а квартира?“—вдругъ раздалось въ памяти его.—„Да, да!—торопливо заговорилъ Илья Ильичъ:—сейчасъ, сію минуту!“

Обломовъ быстро приподнялся и сѣлъ на диванъ; потомъ спустилъ ноги на полъ, попалъ разомъ въ обѣ туфли и посидѣлъ такъ; потомъ всталъ совсѣмъ и постоялъ задумчиво минуты двѣ.

Разговоръ Обломова съ Захаромъ. — „Илья Ильичъ!“ — „Ну?“ — откликнулся онъ. — „А что-жь управляющему-то сказать?“ — „О чемъ?“ — „А насчетъ того, чтобъ переѣхать?“ — „Ты опять объ этомъ?“ — съ изумленіемъ спросилъ Обломовъ. — „Да какъ же, батюшка Илья Ильичъ, быть-то мнѣ? сами разсудите: и такъ жизнь-то моя горька, я въ гробъ гляжу...“ — „Нѣтъ, ты, видно, въ гробъ меня хочешь вогнать своимъ переѣздомъ, — сказалъ Обломовъ. — Послушай-ка, что говорить докторъ!“

Захаръ не нашель, что сказать, только вздохнулъ такъ, что концы шейнаго платка затрепетали у него на груди.

— „Ты рѣшился уморить, что ли, меня?“ — спросилъ опять Обломовъ, — я надобль тебѣ — а? ну, говори же!“ — „Христось съ вами! живите на здоровье! кто вамъ зла желаетъ?“ — ворчалъ Захаръ въ совершенномъ смущеніи отъ трагическаго оборота, который начинала принимать рѣчь. — „Ты! — сказалъ Илья Ильичъ, — я запретилъ тебѣ заикаться о переѣздѣ, а ты, не проходишь дня, чтобъ пять разъ не напомнилъ мнѣ: вѣдь это разстраиваетъ меня — пойми ты. И такъ здоровье мое никуда не годится.“ — „Я думаль, сударь, что... отчего, молъ, думаль, не переѣхать?“ — дрожащимъ отъ душевной тревоги голосомъ говорилъ Захаръ. — „Отчего не переѣхать! Ты такъ легко судишь объ этомъ!“ — говорилъ Обломовъ, оборачиваясь съ креслами къ Захару. — „Да ты вникнулъ ли хорошенько, что значить переѣхать — а? вѣрно, не вникнулъ?“ — „И такъ не вникнулъ!“ — смиренно отвѣчалъ Захаръ, готовый во всемъ согласиться съ бариномъ, лишь бы не доводить дѣла до патетическихъ сценъ, которыя были для него хуже горькой рѣдьки. — „Не вникнулъ, такъ слушай, да и разбери, можно переѣзжать, или нѣтъ. Что значить переѣхать? Это значить: баринъ уйди на цѣлый день, да такъ одѣтый съ утра и ходи...“

— „Что-жь, хоть бы и уйти? — замѣтилъ Захаръ, — отчего-жь и не отлучиться на цѣлый день? Вѣдь нездорово сидѣть дома. Вонъ вы какіе нехорошіе стали! Прежде вы были какъ огурчикъ, а теперь, какъ сидите, Богъ знаетъ, на что похожи. Походили бы по улицамъ, посмотрѣли бы на народъ, или на другое что...“ — „Полно вздоръ молоть, а слушай! — сказалъ Обломовъ. — Ходить по улицамъ!“ — „Да, право, — продолжалъ Захаръ съ большимъ жаромъ. — Вонъ, говорятъ, какое-то неслыханное чудовище привезли: его бы поглядѣли. Въ театръ, или маскарадъ бы пошли, а тутъ бы безъ васъ и переѣхали.“ — „Не болтай пустяковъ! Славно ты заботишься о барскомъ покоѣ! По-твоему, шатайся цѣлый день — тебѣ нужды нѣтъ, что я пообѣдаю ни вѣсть-гдѣ и какъ и не прилягу послѣ обѣда?... Безъ меня они тутъ перевезутъ! Не догляди, такъ и перевезутъ — черепки. Знаю я, — съ возрастающей убѣдительностью говорилъ Обломовъ, — что значить перевозка! Это значить ломка, шумъ; всѣ вещи свалить въ кучу на полу: тутъ и чемоданъ, и спинка дивана, и картины, и чубуки, и книги, и склянки какія-то, которыхъ въ другое время и не видать, а тутъ, чортъ знаетъ, откуда возьмутся! Смотри за всѣмъ, чтобъ не растеряли да не переломали... половина тутъ, другая на возу, или на новой квартирѣ: захочется покурить, возьмешь трубку, а табакъ ужъ уѣхалъ... хочешь сѣсть, да не на

что; до чего ни дотронулся—выпачкался; все въ пыли; вымыться печѣмъ, и ходи вонъ съ такими руками; какъ у тебя...“

— „У меня руки чисты,“—замѣтилъ Захарь, показывая какія-то двѣ подошвы вмѣсто рукъ. — „Ну, ужъ не показывай только! — сказалъ Илья Ильичъ, отворачиваясь. — А захочется пить, — продолжалъ Обломовъ, — взять графинъ, да стакана нѣтъ...“ — „Можно и изъ графина напиться!“ — добродушно прибавилъ Захарь. — „Вотъ у васъ все такъ: можно и не мести, и пыли не стирать, и ковровъ не выколачивать. А на новой квартирѣ, — продолжалъ Илья Ильичъ, увлекаясь самъ живо представившейся ему картиной переѣзда, — дня въ три не разберутся, все не на своемъ мѣстѣ: картины у стѣнъ, на полу, галоши на постели, сапоги въ одномъ узлѣ съ чаемъ да съ помадой. То, глядишь, ножка у кресла сломана, то стекло на картинѣ разбито, или диванъ въ пятнахъ. Чего ни спросишь—нѣтъ, никто не знаетъ гдѣ, или потеряно, или забыто на старой квартирѣ: бѣги туда...“ — „Въ ину пору разъ десять взадъ и впередъ сбѣгаешь,“ — перебилъ Захарь.

— „Вотъ видишь ли! — продолжалъ Обломовъ. — А встанешь на новой квартирѣ утромъ, что за скука! ни воды, ни угольевъ нѣтъ, а зимой такъ холодомъ насидишься, настудятъ комнаты, а дровъ нѣтъ; поди бѣгай, занимай...“ — „Еще какихъ сосѣдей Богъ дастъ, — замѣтилъ опять Захарь, — отъ иныхъ не то, что вязанки дровъ — ковшы воды не допросишься.“ — „А издержекъ, издержекъ...“ — Прошлый разъ, восемь лѣтъ назадъ, рублевъ двѣсти стало — какъ теперь помню, — подтвердилъ Захарь. — „Зачѣмъ же ты предлагалъ мнѣ переѣхать? станетъ ли человѣческихъ силъ вынести все это?“ — „Я думалъ, что другіе, молъ, не хуже насъ, да переѣзжаютъ, такъ и намъ можно...“ — сказалъ Захарь. — „Что? что? — вдругъ съ изумленіемъ спросилъ Илья Ильичъ, поднимаемая съ кресель, — что ты сказалъ?“

Захарь вдругъ смутился, не зная, чѣмъ онъ могъ подать барину поводъ къ патетическому восклицанію и жесту. Онъ молчалъ.

— „Другіе не хуже! — съ ужасомъ повторилъ Илья Ильичъ, — вотъ ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все равно, что „другой“!“

Обломовъ поклонился иронически Захару и сдѣлалъ въ высшей степени оскорбленное лицо.

— „Помилуйте, Илья Ильичъ, развѣ я равняю васъ съ кѣмъ-нибудь?...“ — „Съ глазъ долой! — повелительно сказалъ Обломовъ, указывая рукой на дверь, — я тебя видѣть не могу. А! „другіе“! хорошо!“

Захарь съ глубокимъ вздохомъ удалился къ себѣ.

— „Эка жизнь, подумаешь!“ — ворчалъ онъ, садясь на лежанку. — „Боже мой!“ — стоналъ тоже Обломовъ, — вотъ хотѣлъ посвятить утро дѣльному труду, а тутъ разстроили на цѣлый день! И кто же? свой собственный слуга! преданный, испытанный, а что сказалъ! и какъ это онъ могъ?“

Обломовъ долго не могъ успокоиться; онъ ложился, вставалъ, ходилъ по комнатамъ и опять ложился. Онъ въ низведеніи себя Захаромъ до степени *другихъ* видѣлъ нарушеніе правъ своихъ на исключительное предпочтеніе Захаромъ особы барина всѣмъ и каждому. Онъ вникалъ въ глубину этого

сравненія и разбираль, что такое *другіе* и что онъ самъ, въ какой степени возможна и справедлива эта параллель и какъ тяжела обида, нанесенная ему Захаромъ, наконецъ, сознательно ли оскорбилъ его Захаръ, то-есть убѣжденъ ли онъ былъ, что Илья Ильичъ все равно, что „другой“, или такъ это сорвалось у него съ языка, безъ участія головы. Все это задѣло самолюбіе Обломова и онъ рѣшился показать Захару разницу между нимъ и тѣми, которыхъ разумѣлъ Захаръ подъ именемъ „другихъ“, и дать почувствовать ему всю гнусность его поступка.

— „Захаръ!“—протяжно и торжественно кликнулъ онъ.

Захаръ, услышавъ этотъ зовъ, не прыгнувъ, по обыкновенію, съ лѣжанки, стуча ногами, не заворчалъ; онъ медленно сползъ съ печки и пошелъ, задѣвая за все и руками и боками, тихо, нехотя, какъ собака, которая, по голосу господина, чувствуетъ, что проказа ея открыта и что ее зовутъ на расправу. Захаръ отворилъ вполовину дверь, но войти не рѣшался.

— „Войди!“—сказалъ Илья Ильичъ.

Хотя дверь отворялась свободно, но Захаръ отворялъ такъ, какъ-будто нельзя было пролѣзть, и оттого только завязъ въ двери, но не вошелъ.

Обломовъ сидѣлъ на краю постели.

— „Поди сюда!“—настойчиво сказалъ онъ.

Захаръ съ трудомъ высвободился изъ двери, но тотчасъ притворилъ ее за собой и прислонился къ ней плотно спиной.

— „Сюда!“—говорилъ Илья Ильичъ, указывая пальцемъ мѣсто подлѣ себя.

Захаръ сдѣлалъ полшага и остановился за двѣ сажени отъ указанного мѣста.

— „Еще!“—говорилъ Обломовъ.

Захаръ сдѣлалъ видъ, что будто шагнулъ, а самъ только качнулся, стукнулъ ногой и остался на мѣстѣ. Илья Ильичъ, видя, что ему никакъ не удастся на этотъ разъ подманить Захара ближе, оставилъ его тамъ, гдѣ онъ стоялъ, и смотрѣлъ на него нѣсколько времени молча, съ угоризной. Захаръ, чувствуя неловкость отъ этого безмолвнаго созерцанія его особы, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ барина, и болѣе, нежели когда-нибудь, стороной стоялъ къ нему, и даже не кидалъ въ эту минуту своего односторонняго взгляда на Илью Ильича. Онъ упорно сталъ смотрѣть налѣво, въ другую сторону: тамъ увидалъ онъ давно-знакомый ему предметъ—бахрому изъ паутины около картинъ, и въ паукѣ—живой упрекъ своему нерадѣнію.

— „Захаръ!“—тихо, съ достоинствомъ произнесъ Илья Ильичъ.

Захаръ не отвѣчалъ; онъ, кажется, думалъ: „ну, чего тебѣ? другого, что ли, Захара? вѣдь я тутъ стою,“—и перенесъ взглядъ свой, мимо барина, слѣва направо; тамъ тоже напомнило ему о немъ. самомъ зеркало, подернутое, какъ кисеей, густою пылью: сквозь нея дико, исподлобья смотрѣлъ на него, какъ изъ тумана, собственный его же угрюмый и некрасивый ликъ. Онъ съ неудовольствіемъ отвратилъ взглядъ отъ этого грустнаго;

слишкомъ знакомаго ему предмета и рѣшился на минуту остановить его на Ильѣ Ильичѣ. Взгляды ихъ встрѣтились. Захаръ не вынесъ укора, написаннаго въ глазахъ барина, и потушилъ свои внизъ, подѣ ноги: тутъ опять, въ коврѣ, пропитанномъ пылью и пятнами, онъ прочелъ печальный аттестатъ своего усердія къ господской службѣ.

— „Захаръ!“—съ чувствомъ повторилъ Илья Ильичъ.—„Чего изволите?“—едва слышно прошепталъ Захаръ и чуть-чуть вздрогнулъ, предчувствуя патетическую рѣчь.—„Дай мнѣ квасу!“—сказалъ Илья Ильичъ.

У Захара отлегло отъ сердца; онѣ, съ радости, какъ мальчишка, проворно бросился въ буфетъ и принесъ квасу.

— „Что, каково тебѣ?“—кратко спросилъ Илья Ильичъ, отпивъ изъ стакана и держа его въ рукахъ,—вѣдь не хорошо?“

Видѣ дикости на лицѣ Захара мгновенно смягчился блеснувшимъ въ чертахъ его лучомъ раскаянія. Захаръ почувствовалъ первые признаки проснувашагося въ груди и подступавашаго къ сердцу благоговѣйнаго чувства къ барину, и онѣ вдругъ сталъ смотрѣть прямо ему въ глаза.

— „Ты огорчилъ барина!“—съ разстановкой произнесъ Илья Ильичъ и пристально смотрѣлъ на Захара, наслаждаясь его смущеніемъ.

Захаръ не зналъ куда дѣваться отъ тоски.

— „Вѣдь огорчилъ?“—спросилъ Илья Ильичъ.—„Огорчилъ!“—шепталъ, растерявшись совсѣмъ, Захаръ отъ этого новаго *жалкаго* слова.

Онѣ металъ взгляды направо, налево и прямо, ища въ чемъ-нибудь спасенія, и опять замелькали передъ нимъ и паутина, и пыль, и собственное отраженіе, и лицо барина. „Хоть-бы сквозь землю провалиться! Эхъ, смерть нейдетъ!“—подумалъ онѣ, видя, что не избѣжать ему патетической сцены, какъ ни вертись. И такъ онѣ чувствовалъ, что мигаетъ чаще и чаще, и вотъ, того и гляди, брызнуть слезы. Наконецъ, онѣ отвѣчалъ барину извѣстной пѣсней, только въ прозѣ.

— „Чѣмъ-же я огорчилъ васъ, Илья Ильичъ?“—почти плача сказалъ онѣ.—„Чѣмъ?“—повторилъ Обломовъ.—Да ты подумалъ-ли, что такое *другой*?“

Онѣ остановился, продолжая глядѣть на Захара.

— „Сказать-ли тебѣ, что это такое?“

Захаръ повернулся, какъ мѣдвѣдъ въ берлогѣ, и вздохнулъ на всю комнату.

— „*Другой*—кого ты разумѣешь—есть голь окаянная, грубый, необразованный человѣкъ, живетъ грязно, бѣдно, на чердакѣ; онѣ и выпится себѣ на войлокѣ гдѣ-нибудь на дворѣ. Что такому сдѣлается? ничего. Трескается-то онѣ картофель да селедку. Нужда мечетъ его изъ угла въ уголь, онѣ и бѣгаетъ день-деньской. Онѣ, пожалуй, и переѣдетъ на новую квартиру. Вонъ, Лягаевъ возьметъ линейку подѣ мышку, да двѣ рубашки въ носовой платокъ, и идетъ... „Куда, моль, ты?“— „Переѣзжаю“ говорить. Вотъ это такъ „другой!“ А я по-твоему, „другой“—а?“

Захаръ взглянулъ на барина, переступилъ съ ноги на ногу и молчалъ.

— „Что такое *другой*?“—продолжалъ Обломовъ,—другой есть такой человѣкъ, который самъ себѣ сапоги чиститъ, одѣвается самъ, хоть иногда

и бариномъ смотритъ, да вретъ, онъ и не знаетъ, что такое прислуга; по-слать некого—самъ сбѣгаетъ зачѣмъ нужно; и дрова въ печкѣ самъ помѣ-шаетъ, иногда и пылъ оботретъ...“—„Изъ нѣмцевъ много такихъ“,—угрюмо сказалъ Захаръ. — „То-то-же! А я? какъ ты думаешь, я „другой?“ Я совсѣмъ другой — а? погоди, ты посмотри, что ты говоришь! Ты раз-бери-ка, какъ „другой“-то живетъ? „Другой“ работаетъ безъ усталы, бѣ-гаетъ, суетится,—продолжалъ Обломовъ,—не порабатаетъ, такъ и не по-ѣстъ. „Другой“ кланяется, „другой“ проситъ, унижается... А я? Ну-ка, рѣши: какъ ты думаешь, „другой“ я—а?“—„Да полно вамъ, батюшка, то-мить-то меня жалкими словами!—умолялъ Захаръ,—ахъ, ты Господи!“—„Я „другой!“ Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что-ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ не достааетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать — есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану-ли я беспокоиться? изъ чего мнѣ? И кому я это говорю? Не ты-ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался. Такъ какъ-же это у тебя достало духу равнять меня съ дру-гими? Развѣ у меня такое здоровье, какъ у этихъ „другихъ?“ развѣ я могу все это дѣлать и перенести?“

— „Нѣтъ, нѣтъ, ты стой! — заговорилъ Обломовъ, — я спрашиваю тебя: какъ ты могъ такъ горько оскорбить барина, котораго ты ребенкомъ носилъ на рукахъ, которому вѣкъ служишь и который благодаритъ тебя?“

Захаръ не выдержалъ: слово *благодѣтельствуетъ* доканало его! Онъ началъ мигать чаще и чаще. Чѣмъ меньше понималъ онъ, что говорилъ ему въ патетической рѣчи Илья Ильичъ, тѣмъ грустнѣе становилось ему.

— „Виноватъ, Илья Ильичъ,—началъ онъ сипѣть съ раскаяніемъ,— это я по глупости, право по глупости...“

И Захаръ, не понимая, что онъ сдѣлалъ, не зная, какой глаголь употребить въ концѣ своей рѣчи.

— „А я,—продолжалъ Обломовъ голосомъ оскорбленнаго и неоцѣнен-наго по достоинству человѣка,—еще забочусь день и ночь, тружусь, иногда голова горитъ, сердце замираетъ, по ночамъ не спишь, ворочаешься, все думаешь, какъ-бы лучше... а о комъ? для кого? все для васъ, для крестьянъ; стало быть, и для тебя. Ты, можетъ-быть, думаешь, глядя, какъ я иногда покроюсь совсѣмъ одѣяломъ съ головой, что я лежу какъ пень да сплю; нѣтъ, не сплю я, а думаю все крѣпкую думу, чтобъ крестьяне не потер-пѣли ни въ чемъ нужды, чтобъ не позавидовали чужимъ, чтобъ не плака-лись на меня Господу Богу на страшномъ судѣ, а молились-бы да поми-нали меня добромъ. Неблагодарные!“ — съ горькимъ упрекомъ заключилъ Обломовъ.

Захаръ тронулся окончательно послѣдними *жалкими* словами. Онъ на-чалъ понемногу всхлипывать, сипѣнье и хрипѣнье слились въ этотъ разъ въ

одну невозможную ни для какого инструмента ноту, развѣ только для какого-нибудь китайскаго гонга, или индѣйскаго там-тама.

— „Батюшка Илья Ильичъ! — умолялъ онъ, — полно вамъ! Что вы, Господь съ вами, такое несете! Ахъ ты, Мать Пресвятая Богородица! какая бѣда вдругъ стряслась неожиданно-негаданно...“ — „А ты, — продолжалъ, не слушая его, Обломовъ, — ты-бы постыдился выговорить-то! Вотъ какую змѣю отогрѣлъ на груди!“ — „Змѣя! — произнесъ Захарь, всплеснувъ руками, и такъ приударилъ плачемъ, какъ-будто десятка два жуковъ влетѣли и зажжужжали въ комнатѣ. — Когда-же я змѣю поминалъ? — говорилъ онъ среди рыданій, — да я и во снѣ-то не вижу ее, поганую!“

Оба они перестали понимать другъ друга, а наконецъ каждый и себя.

[Долго думалъ Обломовъ объ обидѣ, нанесенной ему Захаромъ, о письмѣ старосты, о крестьянахъ, и подъ конецъ сталъ успокаиваться].

„И что тревожится? — думалъ онъ. — Скоро и планъ подоспѣетъ — чего-жъ пугаться заранѣе? Эхъ, я...“ — Мысль о переѣздѣ тревожила его нѣсколько болѣе. Это было свѣжее, позднѣйшее *несчастье*; но въ успокоительномъ духѣ Обломова и для этого факта наступала уже исторія. Хотя онъ смутно и предвидѣлъ неизбежность переѣзда, тѣмъ болѣе, что тутъ вмѣшался Тарантьевъ, но онъ мысленно отдалялъ это тревожное событіе своей жизни хоть на недѣлю, и вотъ уже выиграна цѣлая недѣля спокойствія! „А, *можетъ-быть*, еще Захаръ постарается такъ уладить, что и вовсе не нужно будетъ переѣзжать; *авось* обойдутся: отложить до будущаго лѣта, или совсѣмъ отмѣнить перестройку, ну, *какъ-нибудь* да сдѣлаютъ! Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ... переѣзжать!..“ Такъ онъ попеременно волновался и успокаивался, и наконецъ въ этихъ примирительныхъ и успокоительныхъ словахъ *авось, можетъ-быть и какъ-нибудь* Обломовъ нашелъ и на этотъ разъ, какъ находилъ всегда, цѣлый ковчегъ надеждъ и утѣшеній, какъ въ ковчегѣ завѣта отцовъ нашихъ, и въ настоящую минуту онъ успѣлъ оградить себя ими отъ двухъ несчастій. Уже легкое, приятное онѣмѣніе пробѣжало по членамъ его и начало чуть-чуть туманить сномъ его чувства, какъ первые, робкіе морозцы туманить поверхность водъ, еще минута — и сознание улетѣло-бы Богъ вѣсть куда, но вдругъ Илья Ильичъ очнулся и открылъ глаза.

„А вѣдь я не умылся! какъ-же это? да и ничего не сдѣлалъ, — прошепталъ онъ, — хотѣлъ изложить планъ на бумагу и не изложилъ, къ исправнику не написалъ, къ губернатору тоже, къ домовому хозяину началъ письмо и не кончилъ, счетовъ не повѣрилъ и денегъ не выдалъ — утро такъ и пропало!“

Онъ задумался...

„Что-жъ это такое? А *другой-бы* все это сдѣлалъ! — мелькнуло у него въ головѣ, — другой, другой... Что-же это такое *другой*?“

Онъ углубился въ сравненіе себя съ „другимъ“. Онъ началъ думать, думать: и теперь у него формировалась идея, совсѣмъ противоположная той, которую онъ далъ Захару о *другомъ*. Онъ долженъ былъ признать, что другой успѣлъ-бы написать всѣ письма, такъ что *который* и *что* ни разу

не столкнулись-бы между собою; другой и переѣхалъ-бы на новую квартиру, и планъ исполнилъ-бы, и въ деревню съѣздилъ-бы...

„Вѣдь и я-бы могъ все это...—думалось ему,—вѣдь я умѣю, кажется, и писать; писывалъ, бывало, не то что письма, а помудренѣе этого! Куда же все это дѣлось? И переѣхать что за штука? Стоитъ захотѣть! „Другой“ и халата никогда не надѣваетъ, прибавилось еще къ характеристикѣ другого; „другой“...—тутъ онъ зѣвнулъ...—почти не спитъ... другой тѣшитъ жизнью, вездѣ бываетъ, все видитъ, до всего ему дѣло... А я! я... не „другой“!—уже съ грустью сказалъ онъ и впалъ въ глубокую думу. Онъ даже высвободилъ голову изъ-подъ одеяла.

Настала одна изъ ясныхъ, сознательныхъ минутъ въ жизни Обломова. Какъ страшно стало ему, когда вдругъ въ душѣ его возникло живое и ясное представление о человѣческой судьбѣ и назначеніи, и когда мелькнула параллель между этимъ назначеніемъ и собственной его жизнью, когда въ головѣ просыпались, одинъ за другимъ, и безпорядочно, пугливо носились, какъ птицы, пробужденныя внезапнымъ лучомъ солнца въ дремлющей развалинѣ, разные жизненные вопросы. Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему; и зависть грызла его, что другіе такъ полно и широко живутъ, а у него какъ будто тяжелый камень брошенъ на узкой и жалкой тропѣ его существованія. Въ робкой душѣ его вырабатывалось мучительное сознание, что многія стороны его натуры не пробуждались совсѣмъ, другія были чуть-чуть тронуты, и ни одна не разработана до конца. А между тѣмъ, онъ болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть, теперь уже умершее или лежитъ оно, какъ золото, въ нѣдрахъ горы, и давно-бы пора этому золоту быть ходячей монетой.

Горько становилось ему отъ этой тайной исповѣди передъ самимъ собою. Бесплодныя сожалѣнія о минувшемъ, жгучіе упреки совѣсти язвили его, какъ иглы, и онъ всѣми силами старался свергнуть съ себя бремя этихъ упрековъ, найти виноватаго внѣ себя и на него обратить жало ихъ. Но на кого?..

— „Это все... Захаръ!“—прошпенталъ онъ...

Вспомнилъ онъ подробности сцены съ Захаромъ и лицо его вспыхнуло цѣлымъ пожаромъ стыда. „Что если-бы кто-нибудь слышалъ это?..—думалъ онъ, цѣпенѣя отъ этой мысли.—Слава Богу, что Захаръ не сумѣетъ пересказать никому; да и не повѣрятъ; слава Богу!“

Онъ вздыхалъ, проклиналъ себя, ворочался съ боку на бокъ, искалъ виноватаго и не находилъ. Охи и вздохи его достигли даже до ушей Захара.

— „Экъ его тамъ съ квасу-то раздуваетъ!“—съ сердцемъ ворчалъ Захаръ.

Обломовка. Гдѣ мы? Въ какой благословенный уголокъ земли перенесъ насъ сонъ Обломова? Что за чудный край!

Нѣтъ, правда, тамъ моря, нѣтъ высокихъ горъ, скалъ и пропастей,

ни дремучихъ лѣсовъ—нѣтъ ничего грандіознаго, дикаго и угрюмаго. Да и зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное? Море, напримѣръ? Богъ съ нимъ! Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ, и не на чемъ отдохнуть взгляду, измученному однообразіемъ безконечной картины. Ревъ и бѣшеные раскаты валовъ не нѣжатъ слабаго слуха: они все твердятъ свою, отъ начала міра одну и ту же, пѣснь мрачнаго и неразгаданнаго содержанія; и все слышится въ ней одинъ и тотъ-же стонъ, оди́ и тѣ же жалобы будто обреченнаго на мугу чудовища, да чьи-то пронижительные, зловѣщіе голоса. Птицы не щебечуть вокругъ; только безмолвныя чайки, какъ осужденныя, уныло носятся у побережья и кружатся надъ водой.

Безсиленъ ревъ звѣря предъ этими воплями природы, ничтоженъ и голосъ человѣка, и самъ человѣкъ такъ малъ, слабъ, такъ незамѣтно исчезаетъ въ мелкихъ подробностяхъ широкой картины! Отъ этого, можетъ быть, такъ и тяжело ему смотрѣть на море. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ моремъ! Самая тишина и неподвижность его не рождаютъ отраднато чувства въ душѣ: въ едва замѣтномъ колебаніи водяной массы человѣкъ все видитъ ту же необъятную, хотя и спящую силу, которая подь-часъ такъ ядовито издѣвается надъ его гордой волей и такъ глубоко хоронитъ его отважныя замыслы, всѣ его хлопоты и труды.

Горы и пропасти созданы тоже не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны, какъ выпущенные и устремленные на него когти и зубы дикаго звѣря; онѣ слишкомъ живо напоминаютъ намъ бранный составъ нашъ и держатъ въ страхѣ и тоскѣ за жизнь. И небо тамъ, надъ скалами и пропастями, кажется такимъ далекимъ и недостижимымъ, какъ будто оно отступило отъ людей.

Не таковъ мирный уголокъ, гдѣ вдругъ очутился нашъ герой. Небо тамъ, кажется, напротивъ, ближе жметъ къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобъ метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только чтобъ обнять ее покрѣпче, съ любовью: оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобъ уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ.

Солнце тамъ ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, точно нехотя, какъ будто оборачивается назадъ взглянуть еще разъ или два на любимое мѣсто и подарить ему осенью, среди ненастья, ясный, теплый день.

Горы тамъ какъ будто только модели тѣхъ страшныхъ, гдѣ-то воздвигнутыхъ горъ, которыя ужасаютъ воображеніе. Это рядъ отлогихъ холмовъ, съ которыхъ пріятно кататься, рѣзваясь, на спинѣ, или, сидя на нихъ, смотрѣть въ раздумьи на заходящее солнце.

Рѣка бѣжитъ весело, шая и играя; она то разольется въ широкій прудъ, то стремится быстрой нитью, или присмирѣетъ, будто задумавшись, и чуть-чуть ползетъ по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ сладко дремлется.

Весь уголокъ верстъ на пятнадцать или на двадцать вокругъ пред-

ставляя рядъ живописныхъ этюдовъ, веселыхъ, улыбающихся пейзажей. Песчаные и отлогіе берега свѣтлой рѣчки, подбирающійся съ холма къ водѣ мелкій кустарникъ, искривленный оврагъ съ ручьемъ на днѣ и березовая роща—все какъ будто было нарочно прибрано одно къ одному и мастерски нарисовано.

Измученное волненіями или вовсе незнакомое съ ними сердце такъ и просится спрятаться въ этотъ забытый всѣми уголокъ и жить никому невѣдомымъ счастьемъ. Все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до желтизны волосъ и незамѣтную, сну подобную смерть.

Какъ все тихо, все сонно въ трехъ-четырехъ деревенькахъ, составляющихъ этотъ уголокъ! Онѣ лежали недалеко другъ отъ друга и были какъ-будто случайно брошены гигантской рукой и рассыпались въ разныя стороны, да такъ съ тѣхъ поръ и остались. Какъ одна изба попала на обрывъ оврага, такъ и виситъ тамъ съ незапамятныхъ временъ, стоя одной половиной на воздухѣ и подпираясь тремя жердями. Три-четыре поколѣнія тихо и счастливо прожили въ ней. Кажется, курицѣ страшно бы войти въ нее, а тамъ живетъ съ женой Онисимъ Сусловъ, мужчина солидный, который не оставится во весь ростъ въ своемъ жилищѣ. Не всякій сумѣетъ и войти въ избу къ Онисиму; развѣ только-что посѣтитель упроситъ ее *стать къ тѣсу задомъ, а къ нему передомъ*. Крыльцо висѣло надъ оврагомъ, и чтобъ попасть на крыльцо ногой, надо было одной рукой ухватиться за траву, другой за кровлю избы и потомъ шагнуть прямо на крыльцо. Другая изба прильнула къ пригорку, какъ ласточкино гнѣздо; тамъ три очутились случайно рядомъ, а двѣ стоятъ на самомъ днѣ оврага.

Тихо и сонно все въ деревнѣ: безмолвныя избы отворены настежь; не видно ни души; однѣ мухи тучами летаютъ и жужжатъ въ духотѣ. Войдя въ избу, напрасно станешь кликать громко: мертвое молчаніе будетъ отвѣтомъ; въ рѣдкой избѣ отзовется болѣзненнымъ стономъ, или глухимъ кашлемъ старуха, доживающая свой вѣкъ на печи, или появится изъ-за перегородки босой, длинноволосый трехлѣтній ребенокъ, въ одной рубашонкѣ, молча, пристально поглядитъ на вошедшаго и робко спрячется опять. Та же глубокая тишина и миръ лежатъ и на поляхъ; только кое-гдѣ, какъ муравей, гомозится на черной нивѣ палимый зноемъ пахарь, налегая на соху и обливаясь потомъ.

Тишина и невозмутимое спокойствіе царствуютъ и въ нравахъ людей въ томъ краю. Ни грабежей, ни убійствъ, никакихъ страшныхъ случайностей не бывало тамъ; ни сильныя страсти, ни отважныя предпріятія не волновали ихъ. И какія бы страсти и предпріятія могли волновать ихъ? Всякій зналъ тамъ самого себя. Обитатели этого края далеко жили отъ другихъ людей. Ближайшія деревни и уѣздный городъ были верстахъ въ двадцатипяти и тридцати. Крестьяне въ извѣстное время возили хлѣбъ на ближайшую пристань къ Волгѣ, которая была ихъ Колхидой и Геркулесовыми Столпами, да разъ въ годъ ѣздили нѣкоторые на ярмарку, и болѣе никакихъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣли. Интересы ихъ были сосредоточены на нихъ самихъ, не перекрецивались и не соприкасались ни съ

чьими. Они знали, что въ восьмидесяти верстахъ отъ нихъ была „губернія“, то-есть губернской городъ, но рѣдкіе ѣзжали туда; потомъ знали, что подальше, тамъ, Саратовъ или Нижній; слышали, что есть Москва и Питеръ, что за Питеромъ живутъ французы или нѣмцы, а далѣе уже начинался для нихъ, какъ для древнихъ, темный мѣръ, неизвѣстныя страны, населенныя чудовищами, людьми о двухъ головахъ, великанами; тамъ слѣдовалъ мракъ—и наконецъ все оканчивалось той рыбой, которая держитъ на себѣ землю.

Дѣтство Обломова. Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалуни надуется нарочно и такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами, няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, расспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— „Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять?“—вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.—„Пойдемъ, душенька“,—торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и снѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, непрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, трясая отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверъ его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какіе-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили на руки Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрощенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не подпускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною, потому только,

что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагѣ свозили падалъ; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

[Ребенокъ былъ живой, подвижной, ему хотѣлось вездѣ побѣгать, все осмотрѣть, нянька насилу справлялась съ нимъ].

— „Ахъ ты, Господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно!“—говорила нянька.

И цѣлый день, и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его неспитворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность: этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи, и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, утасла бы давнымъ-давно.

Не все рѣзовъ, однако-жъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глупо въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

— „Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а уже будетъ и тамъ свѣтло?“—спрашивалъ ребенокъ.—„Оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а уже, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ“.

Задумывается ребенокъ и все смотреть вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, и по землѣ, рядомъ съ нимъ, шель другой Антипъ, вдсятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ два раза, еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотреть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— „Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагѣ уйдетъ“.—„У! баловень!“—тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо.

Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитьсявается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ

заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней, съ ведрами, корытами и кувшинами, бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ оконка и оболетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— „Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ?“—спроситъ онъ идущаго по двору человѣка.—„Несу ножи точить въ людскую“,—отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.—„Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!“

Потомъ остановитъ бабу:

— „Эй, баба! баба! куда ходила?“—„Въ погребъ, батюшка“,—говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно,—молока къ столу достать.—„Ну, иди, иди!“—отвѣчалъ баринъ,—да смотри, не пролей молоко-то.—А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь?—кричалъ потомъ,—вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!“

И Захарка шель опять дремать въ прихожую. Придутъ-ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ-ли изъ окна, что дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не украсть сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповнѣ, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливаются яблоко, не упало-ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главная забота была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ, и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто ланшу, или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался, или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна, напомнить о томъ, прибавить это, или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья, и посмотрѣть, все-ли положить поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! кабая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляя висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника,

чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги неклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки постунали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антину, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждался болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра наставлялъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженихъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣноваль, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пещни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ кануры, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ-бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несетя разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотреть бессмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ,

плюнуть спросонья и почавкавъ губами, или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочить обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватить кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ, чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшение своего положенія, промочить горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

[Ребенокъ пользовался общимъ сномъ, и, дождавшись, когда засынала и нянька, бѣгалъ по всѣмъ запретнымъ мѣстамъ].

Онъ выбѣжить и за ворота: ему бы хотѣлось въ березнякъ; онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался-бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо, черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженьяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудил старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Ильюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все поживѣ; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ, мало-по-малу, нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человекъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопить, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутолимую жажду. Жажда палить горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стenanье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособию, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся точно караванъ путешественниковъ въ аравійской стени, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь; кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродить по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ

окну и ловить глазами каждое мимолетное явление: пробѣжить ли кошка по двору, пролетитъ-ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налево. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на огнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Ильюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любяся мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тиховну, и разговариваетъ съ ними о будущности Ильюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ее блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинается смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чашу вѣтвей; но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ всеѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всеѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чиркала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та, наконецъ, свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгрушировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ закришитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердце живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— „Пойдемъ, мама, гулять“,—говоритъ Ильюша.— „Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять, —отвѣчаетъ она,—сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей“. — „Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ?“—спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморить его всеѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой—въ постель.

— „Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу!—говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, — прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ, Господи!“

Сказки няни. Потомъ Обломову приснилась другая пора: онъ въ безконечный зимній вечеръ робко жметъ къ нянѣ, а она нашептываетъ ему о какой-то невѣдомой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣчки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день-деньской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ, да красавицы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Тамъ есть и добрая волшебница, являющаяся у насъ иногда въ видѣ щуки, которая изберетъ себѣ какого-нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами, какого-нибудь лѣнтя, котораго всеъ обижаютъ, да и осыпаетъ его, ни съ того, ни съ сего, разнымъ добромъ, а онъ знай кушаетъ себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой-нибудь неслыханной красавицѣ, Милитрисѣ Кирбитьевнѣ. Ребенокъ, наостривъ уши и глаза, страстно вшивался въ рассказъ. Нянька, или преданіе такъ искусно избѣгали въ рассказѣ всего, что существуетъ на самомъ дѣлѣ, что воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости. Нянька съ добродушіемъ повѣствовала сказку о Емельѣ-дурачкѣ, эту злую и коварную сатиру на нашихъ прадѣдовъ, а, можетъ быть, еще и на насъ самихъ. Взрослый Илья Ильичъ хотя послѣ и узнаетъ, что нѣтъ медовыхъ и молочныхъ рѣкъ, нѣтъ добрыхъ волшебницъ, хотя и шутить онъ съ улыбкой надъ сказаніями няни, но улыбка эта неискренняя, она сопровождается тайнымъ вздохомъ: сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ бессознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Онъ невольно мечтаетъ о Милитрисѣ Кирбитьевнѣ; его все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, не заработанномъ платьѣ и поѣсть насчетъ доброй волшебницы. И старикъ Обломовъ и дѣдъ выслушивали въ дѣтствѣ тѣ же сказки, прошедшія въ стереотипномъ изданіи старины, въ устахъ нянекъ и дядеѣвъ, сквозь вѣка и поколѣнія.

Няня между тѣмъ ужъ рисуетъ другую картину воображенію ребенка.

Она повѣствуетъ ему о подвигахъ нашихъ Ахилловъ и Улиссовъ, объ удали *Ильи Муромца*, *Добрыни Никитича*, *Алеши Поповича*, о *Полтавѣ-богатырѣ*, о *Колечицѣ* проходимѣ, о томъ, какъ они страствовали по Руси, побивали несмѣтные полчища басурманъ, какъ состязались въ томъ, кто однимъ духомъ выпьетъ чару зеленѣ-вина и не крикнетъ; потомъ говорила о злыхъ разбойникахъ, о спящихъ царевнахъ, окаменѣлыхъ городахъ и людяхъ; наконецъ, переходила къ нашей демонологіи, къ мертвецамъ, къ чудовищамъ и къ оборотнямъ.

А то вдругъ явятся знаменія небесныя, огненные столпы да шары; а тамъ, надъ свѣжей могилой, всыхнетъ огонекъ, или въ лѣсу кто-то про-

туливается, будто съ фонаремъ, да страшно хохочетъ и сверкаетъ глазами въ темнотѣ. И съ самимъ человѣкомъ творилось столько непонятнаго: живеть-живеть человѣкъ долго и хорошо—ничего, да вдругъ заговорить такое непутное, или учнетъ кричать не своимъ голосомъ, или бродить сонный по почамъ; другого, ни съ того, ни съ сего, начнетъ коробить и бить о земь. А передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться этому, только-что курица прокричала пѣтухомъ, да воронъ прокаркалъ надъ крышей. Терялся слабый человѣкъ, съ ужасомъ озираясь въ жизни, и искалъ въ воображеніи ключа къ тайнствамъ окружающей его и своей собственной природы.

А, можетъ быть, сонъ, вѣчная тишина вялой жизни и отсутствіе движенія и всякихъ дѣйствительныхъ страховъ, приключеній и опасностей заставляли человѣка творить, среди естественнаго міра, другой, несбыточный, и въ немъ искать разгула и потѣхи праздному воображенію, и въ разгадки обыкновенныхъ сдѣлений обстоятельствъ и причинъ явленія видѣть самого явленія. Ощущью жили бѣдные предки наши; не окрыляли и не сдерживали они своей воли, а потомъ наивно дивились или ужасались неудобству, злу и допрашивались причинъ у нѣмыхъ и неясныхъ іероглифовъ природы. Смерть у нихъ приключилась отъ вынесеннаго передъ тѣмъ изъ дома покойника головой, а не ногами изъ воротъ; пожаръ—отъ того, что собака вьла три ночи подъ окномъ; и они хлопотали, чтобъ покойника выносили ногами изъ воротъ, а ѣли все то же, по столько же, и спали попрежнему на голой травѣ; воющую собаку били или сгоняли съ двора, а искры отъ лучины все-таки сбрасывали въ трещину гнилого пола. И понынь русский человѣкъ, среди окружающей его строгой, лишенной вымысла дѣйствительности, любитъ вѣрять соблазнительнымъ сказаніямъ старины, и долго, можетъ быть, еще не отрѣшится ему отъ этой вѣры.

Слушая отъ няни сказки о нашемъ *золотомъ рунѣ* — *Жарь-птицѣ*, о преградахъ и тайникахъ волшебнаго замка, мальчикъ то бодрился, воображая себя героемъ подвига—и мурашки бѣгали у него по спинѣ, то страдалъ за неудачи храбреца. Разсказъ лился за разсказомъ. Няня повѣствовала съ шломъ, живописно, съ увлеченіемъ, мѣстами вдохновенно, потому что сама вполнину вѣрила разсказамъ. Глаза старухи искрились огнемъ; голова дрожала отъ волненія; голосъ возвышался до непривычныхъ нотъ. Ребенокъ, объятый невѣдомымъ ужасомъ, жался къ ней со слезами на глазахъ. Заходила ли рѣчь о мертвецахъ, поднимающихся въ полночь изъ могилъ, или о жертвахъ, томящихся въ неволѣ у чудовища, или о медвѣдѣ съ деревянной ногой, который идетъ по селамъ и деревьямъ отыскивать отрубленную у него натуральную ногу—волосы ребенка трещали на головѣ отъ ужаса; дѣтское воображеніе то застывало, то кипѣло; онъ испытывалъ мучительный, сладко-болѣзненный процессъ; нервы напрягались, какъ струны. Когда нянька мрачно повторяла слова медвѣдя: „скрипи, скрипи, нога липовая; я по селамъ шелъ, по деревнѣ шелъ, всѣ бабы спятъ, одна баба не спитъ, на моей шкурѣ сидитъ, мое мясо варитъ, мою шерстку прыдетъ“ и т. д.; когда медвѣдъ входилъ, наконецъ, въ избу и готовился схватить похитителя своей ноги, ребенокъ не выдерживалъ: онъ съ тренетомъ и виз-

гомъ бросался на руки къ нянѣ; у него брызжутъ слезы испуга, и вмѣстѣ хохочетъ онъ отъ радости, что онъ не въ когтяхъ у звѣря, а на лежанкѣ, подлѣ няни. Населилось воображеніе мальчика странными призраками; боязнь и тоска засѣли надолго, можетъ быть навсегда, въ душу. Онъ печально озирается вокругъ и все видитъ въ жизни вредъ, бѣду, все мечтаетъ о той волшебной сторонѣ, гдѣ нѣтъ зла, хлопотъ, печалей, гдѣ живетъ Милитриса Кирбитьевна, гдѣ такъ хорошо кормятъ и одѣваютъ даромъ...

Сказка не надъ одними дѣтьми въ Обломовкѣ, но и надъ взрослыми до конца жизни сохраняетъ свою власть. Всѣ въ домѣ и въ деревнѣ, начиная отъ барина, жены его и до дюжого кузнеца Тараса — всѣ трепещутъ чего-то въ темный вечеръ: всякое дерево превращается тогда въ великана, всякій кустъ — въ вертепъ разбойниковъ. Стукъ ставни и завыванье вѣтра въ трубѣ заставляли блѣднѣть и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Никто въ Крещенье не выйдетъ послѣ десяти часовъ вечера одинъ за ворота; всякій въ ночь на Пасху побоится идти въ конюшню, опасаясь застать тамъ домового. Въ Обломовкѣ вѣрили всему: и оборотнямъ, и мертвецамъ. Расскажутъ ли имъ, что копна сѣна разгуливала по полю — они не задумаются и повѣрятъ; пропуститъ ли кто-нибудь слухъ, что вотъ это не баранъ, а что-то другое, или что такая-то Марѳа или Степанида — вѣдьма, они будутъ бояться и барана, и Марѳы; имъ и въ голову не придетъ спросить, отчего баранъ сталъ не бараномъ, а Марѳа едѣлалась вѣдьмой, да еще накинута и на того, кто бы вздумалъ усомниться въ этомъ — такъ сильна вѣра въ чудесное въ Обломовкѣ!

Жизнь въ Обломовкѣ. Дѣлали ли они себѣ вопросъ: зачѣмъ дана жизнь? Богъ вѣсть. И какъ отвѣчали на него? Вѣроятно, никакъ: это казалось имъ очень просто и ясно. Не слыхивали они о такъ-называемой многотрудной жизни, о людяхъ, носящихъ томительныя заботы въ груди, снующихъ зачѣмъ-то изъ угла въ уголокъ по лицу земли, или отдающихъ жизнь вѣчному, нескончаемому труду. Плохо вѣрили обломовцы и душевнымъ тревогамъ; не принимали за жизнь круговорота вѣчныхъ стремленій куда-то, къ чему-то; боялись, какъ огня, увлеченія страстей; и какъ въ другомъ мѣстѣ тѣло у людей быстро сгорало отъ вулканической работы внутренняго, душевнаго огня, такъ душа обломовцевъ мирно, безъ помѣхи утопала въ мягкомъ тѣлѣ. Не клеймила ихъ жизнь, какъ другихъ, ни преждевременными морщинами, ни нравственными разрушительными ударами и недугами. Добрые люди понимали ее не иначе, какъ идеаломъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными неприятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ. Они никогда не смущали себя никакими туманными умственными или нравственными вопросами: оттого всегда и цвѣли здоровьемъ и весельемъ, оттого тамъ жили долго; мужчины въ сорокъ лѣтъ ходили на юношей; старики не боролись съ трудной, мучительной смертью, а, доживъ

до невозможности, умирали какъ будто украдкой, тихо застывая и незамѣтно испуская послѣдній вздохъ. Оттого и говорятъ, что прежде былъ крѣпче народъ. Да, въ самомъ дѣлѣ крѣпче: прежде не торопились объяснять ребенку значенія жизни и готовить его къ ней, какъ къ чему-то мудреному и нешуточному; не томили его надъ книгами, которыя рождаютъ въ головѣ тьму вопросовъ, а вопросы гложутъ умъ и сердце и сокращаютъ жизнь. Норма жизни была готова и преподана имъ родителями, а тѣ приняли ее, тоже готовую, отъ дѣдушки, а дѣдушка отъ прадѣдушки, съ завѣтомъ блюсти ея цѣлость и неприкосновенность, какъ огонь Весты. Какъ что дѣлалось при дѣдахъ и отцахъ, такъ дѣлалось при отцѣ Ильи Ильича, такъ, можетъ быть, дѣлается еще и теперь въ Обломовкѣ.

О чемъ же имъ было задумываться и чѣмъ волноваться, что узнавать, какихъ цѣлей добиваться? Ничего не нужно: жизнь какъ покойная рѣка текла мимо ихъ; имъ оставалось только сидѣть на берегу этой рѣки и наблюдать неизбѣжныя явленія, которыя поочереди, безъ зову, представляли предъ каждымъ изъ нихъ.

Они, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ, ожидали обряда, пира, церемоніи, а потомъ, окрестивъ, женивъ или похоронивъ человѣка, забывали самого человѣка и его судьбу и погружались въ обычную апатію, изъ которой выводилъ ихъ новый такой-же случай—именины, свадьба и т. п. Какъ только рождался ребенокъ, первую заботою родителей было какъ можно точно, безъ малѣйшихъ упущеній, справить надъ нимъ всѣ требуемые приличіемъ обряды, то-есть задать послѣ крестинъ пиръ; затѣмъ начиналось заботливое ухаживанье за нимъ. Мать задавала себѣ и нянькѣ задачу: выводить здоровенькаго ребенка, беречь его отъ простуды, отъ глаза и другихъ враждебныхъ обстоятельствъ. Усердно хлопотали, чтобъ дитя было всегда весело и кушало много. Только лишь поставятъ на ноги молодца, то-есть когда нянька станетъ ему не нужна, какъ въ сердце матери закрадывается уже тайное желаніе прискаты ему подругу—тоже поздоровѣе, порумянѣе. Опять настаетъ эпоха обрядовъ, пировъ, наконецъ свадьба: на этомъ и сосредоточивался весь паѳосъ жизни. Потомъ уже начинались повторенія: рожденіе дѣтей, обряды, пиры, пока похороны не измѣняютъ декораціи; но не надолго: одни лица уступаютъ мѣсто другимъ, дѣти становятся юношами и вмѣстѣ съ тѣмъ женихами, женятся, производятъ подобныхъ себѣ—и такъ жизнь по этой программѣ тянется непрерывной, однообразною тканью, незамѣтно обрываясь у самой могилы.

Навязывались имъ, правда, порой и другія заботы, но обломовцы встрѣчали ихъ по большей части съ стоическою неподвижностью, и заботы, покружившись надъ головами ихъ, мчались мимо, какъ птицы, которыя, прилетя къ гладкой стѣнѣ и не найдя мѣстечка пріютиться, потрепещутъ напрасно крыльями около твердаго камня и летятъ далѣе. Такъ, напримѣръ, однажды часть галереи съ одной стороны дома вдругъ обрушилась и погребла подъ развалинами своими насѣдку съ цыплятами; досталось-бы и Аксиньѣ, женѣ Антипа, которая усѣлась-было подъ галереей съ донцомъ, да на ту пору, къ счастью своему, пошла за мочками. Въ домѣ сдѣлался

гвалтъ: всѣ приближали, отъ мала до велика, и ужаснулись, представивъ себѣ, что, вмѣсто насѣдки съ цыплятами, тутъ могла прохаживаться сама барыня съ Ильей Ильичемъ. Всѣ ахнули и начали упрекать другъ друга въ томъ, какъ это давно въ голову не пришло: одному напомнить, другому—велѣть поправить, третьему—поправить. Всѣ дались диву, что галерея обрушилась, а накануне дивились, какъ это она такъ долго держится! Начались заботы и толки, какъ поправить дѣло; пожалѣли о насѣдкѣ съ цыплятами и медленно разошлись по своимъ мѣстамъ, настрого запретивъ подводить къ галереѣ Илью Ильича. Потомъ, недѣли черезъ три, велѣно было Андрюшкѣ, Петрушкѣ, Васыкѣ обрушившіяся доски и перила оттащить къ сараямъ, чтобъ онѣ не лежали на дорогѣ. Тамъ валялись онѣ до весны. Старикъ Обломовъ всякій разъ, какъ увидитъ ихъ изъ окошка, такъ и озаботится мыслью о поправкѣ: призоветъ плотника, начнетъ совѣщаться, какъ лучше сдѣлать, новую-ли галерею выстроить, или сломать и остатки; потомъ отпуститъ его домой, сказавъ: „поди себѣ, а я подумаю“. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Васыка или Мотыка донесъ барину, что, вотъ-де, когда онъ, Мотыка, сего утра лазилъ на остатки галереи, такъ углы совсѣмъ отстали отъ стѣнъ и, того гляди, рухнуть опять. Тогда призванъ былъ плотникъ на окончательное совѣщаніе, вслѣдствіе котораго рѣшено было подпереть пока старыми обломками остальную часть уцѣлѣвшей галереи, что и было сдѣлано къ концу того-же мѣсяца.

— „Э! да галерея-то пойдетъ опять заново!—сказалъ старикъ женѣ.— Смотри-ка, какъ Федотъ красиво расставилъ бревна, точно колонны у предводителя въ дому! Вотъ теперь и хорошо: опять надолго!“

Кто-то напомнилъ ему, что вотъ кстати-бы ужъ и ворота исправить и крыльцо починить, а то, дескать, съвозъ ступеньки не только кошки, и свиньи пролѣзаютъ въ подвалъ.

— „Да, да, надо“,—заботливо отвѣчалъ Илья Ивановичъ и шелъ тотчасъ осмотрѣть крыльцо. — „Въ самомъ дѣлѣ, видишь вѣдь какъ, совсѣмъ расшаталось,—говорилъ онъ, качая ногами крыльцо, какъ колыбель“. — „Да оно и тогда шаталось, какъ его сдѣлали“,—замѣтилъ кто-то. — „Такъ что-жъ, что шаталось?—отвѣчалъ Обломовъ,— да вотъ не развалилось-же, даромъ что шестнадцать лѣтъ безъ поправки стоитъ. Славно тогда сдѣлалъ Лука!.. Вотъ былъ плотникъ, такъ плотникъ... умеръ—царство ему небесное! Нынче избаловались: не сдѣлаютъ такъ“.

И онъ обращалъ глаза въ другую сторону, а крыльцо, говорятъ, шатается и до сихъ поръ и все еще не развалилось.

Видно, въ самомъ дѣлѣ славный былъ плотникъ этотъ Лука.

Зимній вечеръ въ домъ Обломовыхъ. На креслахъ въ гостиной, въ разныхъ положеніяхъ, сидятъ и сопятъ обитатели или обычные посѣтители дома. Между собесѣдниками по большей части царствуетъ глубокое молчаніе: всѣ видятся ежедневно другъ съ другомъ; умственные сокровища взаимно исчерпаны и извѣданы, а новостей извнѣ получается мало. Тихо; только раздаются шаги тяжелыхъ, домашней работы сапогъ Ильи Ивановича, еще стѣнные часы въ футлярѣ глухо постукиваютъ маятникомъ, да

порваннаго, время - отъ - времени, рукой или зубами нитка у Целагеи Игнатъевны или у Настасьи Ивановны нарушаетъ глубокую тишину. Такъ иногда пройдетъ полчаса, развѣ кто-нибудь зѣвнетъ вслухъ и перекреститъ ротъ, примолвивъ: „Господи помилуй!“ За нимъ зѣвнетъ сосѣдъ, потомъ слѣдующій, медленно, какъ-будто по командѣ, отворяетъ ротъ, и такъ далѣе, заразительная игра воздуха въ легкихъ обойдетъ всѣхъ, при чемъ много прошибетъ слеза. Или Илья Ивановичъ подойдетъ къ окну, взглянетъ туда и скажетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ:

— „Еще пять часовъ только, а ужъ какъ темно на дворѣ!“ — „Да, — отвѣтитъ кто-нибудь, — объ эту пору всегда темно; длинные вечера наступаютъ“.

А весной удивятся и обрадуются, что длинные дни наступаютъ. А спросите-ка, зачѣмъ имъ эти длинные дни, такъ они и сами не знаютъ.

И опять замолчатъ. А тамъ кто-нибудь станетъ снимать со свѣчи и вдругъ погаситъ — всѣ встрепенутся; „нечаянный гость!“ скажетъ непременно кто-нибудь. Иногда на этомъ завяжется разговоръ.

— „Кто-жь-бы это гость?—скажетъ хозяйка, —ужъ не Настасья-ли Оадѣевна? Ахъ, дай-то Господи! Да нѣтъ; она ближе праздника не будетъ. То-то бы радости! то-то бы обнялись да наплакались съ ней вдвоемъ! И къ заутренѣ и къ обѣднѣ-бы вмѣстѣ... Да куда мнѣ за ней! я даромъ что моложе, а не выстоять мнѣ столько!“ — „А когда, бишь, она уѣхала отъ насъ?—спросилъ Илья Ивановичъ, —кажется, послѣ Ильина дня“. — „Что ты, Илья Ивановичъ! всегда перепутаешь! Она и семика не дождалась“, —поправила жена. — „Она, кажется, въ петровки здѣсь была“, —возражаетъ Илья Ивановичъ. — „Ты всегда такъ! — съ упрекомъ скажетъ жена, — споришь, только срамишься...“ — „Ну, какъ-же не была въ петровки? еще тогда все пироги съ грибами пекли: она любитъ...“ — „Такъ это Марья Онисимовна: она любитъ пироги съ грибами—какъ это не помнишь! да и Марья Онисимовна не до Ильина дня, а до Прохора и Никанора гостила“.

Они вели счетъ времени по праздникамъ, по временамъ года, по разнымъ семейнымъ и домашнимъ случаямъ, не ссылаясь никогда ни на мѣсяцы, ни на числа. Можетъ быть, это происходило частью и оттого, что, кромѣ самого Обломова, прочіе все пугали и названія мѣсяцевъ, и порядокъ чисель.

Замолчитъ побѣжденный Илья Ивановичъ, и опять все общество погружится въ дремоту. Ильюша, завалившись за спину матери, тоже дремлетъ, а иногда и совсѣмъ спитъ.

— „Да, —скажетъ потомъ какой-нибудь изъ гостей съ глубокимъ вздохомъ, — вотъ мужъ-то Марьи Онисимовны, покойникъ Василій Ѳомичъ, какой былъ, Богъ съ нимъ, здоровый, а умеръ! и шестидесяти лѣтъ не прожилъ—жить-быэтакому сто лѣтъ!“ — „Всѣ умремъ, кому когда—воля Божья!—возражаетъ Целагея Игнатъевна со вздохомъ. — Кто умираетъ, а вотъ у Хлоповыхъ такъ не поспѣваютъ крестить: говорятъ, Анна Андревна опять родила—ужъ это шестой“. — „Одна-ли Анна Андревна! — сказала хозяйка, — вотъ какъ брата-то ея женять и пойдутъ дѣти — столько-ли еще будетъ

хлопотъ! И меньшіе подрастаютъ, тоже въ женихи смотрять; тамъ дочерей выдавай замужъ, а гдѣ женихи здѣсь? Нынче, вишь, вѣдь всѣ хотятъ приданого, да все деньгами...“ — „Что вы такое говорите?“ — спросилъ Илья Ивановичъ, подойдя къ бесѣдовавшимъ. — „Да вотъ говоримъ, что...“

И ему повторяютъ рассказъ.

— „Вотъ жизнь-то человѣческая!—поучительно произнесъ Илья Ивановичъ,—одинъ умираетъ, другой рождается, третій женится, а мы вотъ все старѣемся: не то что годъ на годъ, день на день не приходится! Зачѣмъ это такъ? То-ли бы дѣло, еслибъ каждый день какъ вчера, вчера какъ завтра!.. Грустно, какъ подумаешь...“ — „Старый старится, а молодой растетъ!“ — соннымъ голосомъ кто-то сказалъ изъ угла.—„Надо Богу больше молиться, да не думать ни о чемъ!“—строго замѣтила хозяйка.—„Правда, правда“,—трусливо, скороговоркой отозвался Илья Ивановичъ, вздумавшій было пофилософствовать, и пошелъ опять ходить взадъ и впередъ.

По прежнему слышалось только качанье маятника, стукъ сапогъ Обломова, да легкій трескъ откушенной нитки. Вдругъ Илья Ивановичъ остановился посреди комнаты съ встревоженнымъ видомъ, держась за кончикъ носа.

— „Что это за бѣда? смотрите-ка!—сказалъ онъ,—быть покойнику: у меня кончикъ носа все чешется...“ — „Ахъ, ты, Господи! — всплеснувъ руками, сказала жена,—какой-же это покойникъ, коли кончикъ чешется? Покойникъ—когда переносе чешется. Ну, Илья Иванычъ, какой ты, Богъ съ тобой, безамятный! Вотъ, этакъ, скажешь въ людяхъ когда-нибудь или при гостяхъ и—стыдно будетъ“. — „А что-жъ это значить, кончикъ-то чешется?“ — спросилъ сконфуженный Илья Ивановичъ. — „Въ рюмку смотрѣть. А то, какъ это можно: покойникъ!“ — „Все пугаю! — сказалъ Илья Ивановичъ,—гдѣ тутъ упомянуть: то сбоку носъ чешется, то съ конца, то брови...“ — „Сбоку,—подхватила Пелагея Ивановна,—означаетъ вѣсти; брови чешутся—слезы; лобъ—кланяться; съ правой стороны чешется—мужчинѣ, съ лѣвой—женщинѣ; уши зачешутся—значить къ дождю, губы—цѣловаться, усы—гостинцы ѣсть, локоть—на новомъ мѣстѣ спать, подошвы—дорога...“

Въ эту минуту въ комнатѣ раздалось, въ одно время, какъ-будто ворчанье собаки и шипѣнье кошки, когда онѣ собираются броситься другъ на друга. Это загудѣли часы.

— „Э! да ужъ девять часовъ!—съ радостнымъ изумленіемъ произнесъ Илья Ивановичъ. — Смотри-ка, пожалуй, и не видать, какъ время прошло. Эй, Васька! Ванька, Мотыка!“

Послѣ ужина, почмокавшись и перекрестивъ другъ друга, всѣ расходятся по своимъ постелямъ, и сонъ воцаряется надъ безопасными головами.

Изрѣдка развѣ это прохождение времени нарушится какимъ-нибудь нечаяннымъ случаемъ, когда, напримѣръ, всѣ угорять цѣлымъ домомъ отъ мала до велика. Другихъ болѣзней почти и не слышать было въ дому и деревнѣ; развѣ кто-нибудь напорется на какой-нибудь колъ въ темнотѣ, или свернется съ сѣновала, или съ крыши свалится доска, да ударить по головѣ. Но все это случалось рѣдко, и противъ такихъ нечаянностей упо-

треблялись домашнія испытанныя средства: ушибенное мѣсто потрутъ бодягой или зарей, дадутъ вышить святой водицы или пошечтуть—и все пройдетъ. Но угаръ случался частенько. Тогда всѣ валяются въ повалку по постелямъ; слышится оханье, стоны; одинъ обложить голову огурцами и повяжется полотенцемъ, другой положить клюквы въ уши и нохаетъ хрѣнь, третій, въ одной рубашкѣ, уйдетъ на морозъ, четвертый просто валяется безъ чувствъ по полу. Это случалось періодически одинъ или два раза въ мѣсяць, потому что тепла даромъ въ трубу пускать не любили и закрывали печи, когда въ нихъ бѣгали еще такіе огоньки, какъ въ Робертѣ-дьяволѣ. Ни къ одной лежанкѣ, ни къ одной печкѣ нельзя было приложить руки: того и гляди вскочить пузырь.

Однажды только однообразіе ихъ быта нарушилось ужъ подлинно печальнымъ случаемъ. Когда, отдохнувъ послѣ труднаго обѣда, всѣ собрались къ чаю, вдругъ пришелъ воротившійся изъ города обломовскій мужикъ, и ужъ онъ доставалъ, доставалъ изъ-за пазухи, наконецъ насилу досталъ скомканное письмо на имя Ильи Ивановича Обломова. Всѣ обомлѣли; хозяйка даже измѣнилась немного въ лицѣ; глаза у всѣхъ устремились и носы вытянулись по направленію къ письму.

— „Что за диковина! отъ кого это?“—произнесла, наконецъ, барыня, опомнившись.

Обломовъ взялъ письмо и съ недоумѣніемъ ворочалъ его въ рукахъ, не зная, что съ нимъ дѣлать.

— „Да ты гдѣ взялъ? — спросилъ онъ мужика, — кто тебѣ далъ?“ — „А на дворѣ, гдѣ я приставалъ въ городѣ-то, слышь ты, — отвѣчалъ мужикъ, — съ почты приходили два раза спрашивать, нѣтъ ли обломовскихъ мужиковъ: письмо, слышь, къ барину есть“. — „Ну?..“ — „Ну, я перво-наперво притаился: солдатъ и ушелъ съ письмомъ-то. Да верхлѣвскій дьячокъ видалъ меня, онъ и сказалъ. Пришли вдругорядъ. Какъ пришли вдругорядъ-то, ругаться стали и отдали письмо, еще пятакъ взяли. Я спросилъ, что, молъ, дѣлать мнѣ съ нимъ, куда его дѣтъ? Такъ вотъ велѣли вашей милости отдать.“ — „А ты бы не бралъ“, — сердито замѣтила барыня. — „Я и то не бралъ. На что, молъ, намъ письмо-те — намъ не надо. Намъ, молъ, не наказывали писемъ брать — я не смѣю: подите вы, съ письмомъ-то! Да пошелъ больно ругаться солдатъ-то: хотѣлъ начальству жаловаться; я и взялъ“. — „Дуракъ!“ — сказала барыня.

— „Отъ кого-жъ бы это?“ — задумчиво говорилъ Обломовъ, разсматривая адресъ, — рука какъ-будто знакомая, право!“

И письмо пошло ходить изъ рукъ въ руки. Начались толки и догадки: отъ кого и о чемъ оно могло быть. Всѣ, наконецъ, стали втупикъ. Илья Ивановичъ велѣлъ сыскать очки: ихъ отыскивали часа полтора. Онъ надѣлъ ихъ и уже подумывалъ было вскрыть письмо.

— „Полно, не распечатывай, Илья Ивановичъ, — съ боязнью остановила его жена, — кто его знаетъ, какое оно тамъ, письмо-то? можетъ-быть, еще страшное, бѣда какая-нибудь. Вишь, вѣдь народъ-то нынче какой сталъ! Завтра или послѣзавтра успеешь — не уйдетъ оно отъ тебя“.

И письмо съ очками было спрятано подъ замокъ. Всѣ занялись чаемъ. Оно бы пролежало тамъ годы, еслибъ не было слишкомъ необыкновеннымъ явленіемъ и не взволновало умы обломовцевъ. За чаемъ и на другой день у всѣхъ только и разговора было, что о письмѣ. Наконецъ не вытерѣли, и на четвертый день, собравшись толпой, съ смущеніемъ распечатали. Обломовъ взглянулъ на подпись.

— „Радищевъ“,—прочиталъ онъ.—Э! да это отъ Филиппа Матвѣича!“—„А! э! вотъ отъ кого!“—поднялось со всѣхъ сторонъ.—Да какъ это онъ еще живъ по сю пору? поди ты, еще не умеръ! Ну, слава Богу! Что онъ пишетъ?“

Обломовъ сталъ читать вслухъ. Оказалось, что Филиппъ Матвѣевичъ просить прислать ему рѣцетъ пива, которое особенно хорошо варили въ Обломовкѣ.

— „Послать, послать ему!“—заговорили всѣ,—надо написать письмо“.

Такъ прошло недѣли двѣ.

— „Надо, надо написать!“—твердилъ Илья Ивановичъ женѣ,—гдѣ рѣцетъ-то?“—„А гдѣ онъ?“—отвѣчала жена,—еще надо сыскать. Да погоди, что торопиться? Вотъ, Богъ дастъ, дождемся праздника, разговѣмся, тогда и напишешь; еще не уйдетъ...“—„Въ самомъ дѣлѣ, о праздникѣ лучше напишу“,—сказалъ Илья Ивановичъ.

На праздникѣ опять зашла рѣчь о письмѣ. Илья Ивановичъ собрался совсѣмъ писать. Онъ удалился въ кабинетъ, надѣлъ очки и сѣлъ къ столу. Въ домѣ воцарилась глубокая тишина; людямъ не велѣно было топать и шумѣть. „Баринъ пишетъ!“—говорили всѣ такимъ робко-почтительнымъ голосомъ, какимъ говорятъ, когда въ домѣ есть покойникъ. Онъ только было вывелъ „Милостивый государь“ медленно, криво, дрожащей рукой и съ такою осторожностью, какъ будто дѣлаетъ какое-нибудь опасное дѣло, какъ къ нему явилась жена.

— „Искала, искала,—нѣту рѣцета,—сказала она.—Надо еще въ спальнѣ въ шкапу поискать. Да какъ посылать письмо-то?“—„Съ почтой надо“,—отвѣчалъ Илья Ивановичъ.—„А что туда стоитъ?“

Обломовъ досталъ старый календарь.

— „Сорокъ копѣекъ“,—сказалъ онъ.—„Вотъ, сорокъ копѣекъ на пустиаки бросать!“—замѣтила она,—лучше подождемъ, не будетъ-ли изъ города оказіи туда. Ты вели узнавать мужикамъ“. — „И въ самомъ дѣлѣ, по оказіи-то лучше“,—отвѣчалъ Илья Ивановичъ и, пощелкавъ перо объ столъ, всунулъ въ чернильницу и снялъ очки.

Ученіе Обломова. [Уступая требованіямъ времени, Обломовы отдали сына въ ученіе къ сосѣду, нѣмцу Штольцу, который устроилъ у себя маленъкій пансіонъ].

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Ильюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ отвезли. Нѣмецъ былъ челоуѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть у него Ильюша и успѣлъ-бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка

была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлёва. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлёво; вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиной и неподвижностью.

А бѣдный Ильюша ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— „Антипка! закладывай пѣгу: барченка къ нѣмцу везти!“

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ отчего, и начинаетъ золотить шлюлю.

[Ребенка ласкали, утѣшали, давали съ собою разныхъ яствъ и сладостей, а иногда оставляли дома].

— „Сегодня не поѣдешь, въ четвергъ большой праздникъ: стоитъ-ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?“

Или иногда вдругъ объявятъ ему, что сегодня родительская недѣля: „не до ученья, а блины будемъ печь“.

А не то такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— „Что-то у тебя глаза не свѣжи сегодня. Здоровъ ли ты?“—и покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровѣхонекъ, но молчитъ.

— „Посиди-ка ты эту недѣлку дома, — скажетъ она, — а тамъ — что Богъ дастъ“.

И всё въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученіе и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ—неодолима преграда къ ученью во всю недѣлю.

[Родители особенно боялись, что ученье отразится на здоровьѣ Ильюши].

— „Долго-ли до грѣха? — говорили отецъ и мать, — ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадаетъ, жиденькій такой... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!“ — „Да,—замѣтитъ отецъ,—ученье-то не свой братъ: хоть кого въ бараній рогъ свернетъ!“

И нѣжные родители продолжали прискивать предлоги удерживать сына дома. Старики понимали выгоду просвѣщенія, но только внѣшнюю его выгоду. Они видѣли, что ужъ всё начали выходить въ люди, то-есть приобрѣтать чины, кресты и деньги не иначе, какъ только путемъ ученья.

Обломовы смекали это и понимали выгоду образованія, но только эту очевидную выгоду. О внутренней потребности ученья они имѣли еще смутное и отдаленное понятіе, и оттого имъ хотѣлось уловить для своего Ильюши пока нѣкоторыя блестящія преимущества. Они мечтали и о шитомъ мундирѣ для него, воображали его совѣтникомъ въ палатѣ, а мать даже и губернаторомъ; но всего этого хотѣлось-бы имъ достигнуть какъ-нибудь подешевле, съ разными хитростями, обойти тайкомъ разбросанные

по пути просвѣщенія и честей камни и преграды, не трудясь перескакивать черезъ нихъ, то-есть, напримѣръ, учиться слегка, не до изнуренія души и тѣла, не до утраты благословенной, въ дѣтствѣ пріобрѣтенной полноты, а такъ, чтобъ только соблюсти предписанную форму и добыть какъ-нибудь аттестатъ, въ которомъ-бы сказано было, что Ильюша *прошелъ* *всѣ науки и искусства*.

Воспитаніе Ильюши. Захаръ, какъ, бывало, нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Ильюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру, умыться и т. п.

Захочетъ-ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть— ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронить-ли онъ что-нибудь, достать-ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести-ли что, сбѣгать-ли зачѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— „Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька! Ванька! Захарка! чего вы смотрите, розини? вотъ я васъ!..“

И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашель, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покригивать:

— „Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!“

Штольцъ. Штольцъ былъ нѣмецъ только вполовину, по отцу: мать его была русская; вѣру онъ исповѣдывалъ православную; природная рѣчь его была русская: онъ учился ей у матери и изъ книгъ, въ университетской аудиторіи и въ играхъ съ деревенскими мальчишками, въ толкахъ съ ихъ отцами и на московскихъ базарахъ. Нѣмецкій-же языкъ онъ наслѣдовалъ отъ отца да изъ книгъ. Въ селѣ Верхлевѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ, Штольцъ выросъ и воспитывался. Съ восьми лѣтъ онъ сидѣлъ съ отцомъ за географической картой, разбиралъ по складамъ Гердера, Виланда, библейскіе стихи и подводилъ итоги безграмотнымъ счетамъ крестьянъ, мѣщанъ и фабричныхъ, а съ матерью читалъ священную исторію, училъ басни Крылова и разбиралъ по складамъ-же „Телемака“.

[Его воспитывали на свободѣ: отецъ позволялъ ему бѣгать, гдѣ ему угодно, развивалъ въ немъ самостоятельность, не опасаясь за него. Мать Андрюши относилась къ такому воспитанію тревожно].

Когда онъ подростъ, отецъ сажалъ его съ собой на рессорную телѣжку, давалъ вожжи и велѣлъ везти на фабрику, потомъ въ поля, потомъ въ горды, къ кущамъ, въ присутственныя мѣста, потомъ посмотреть какую-

нибудь глину, которую возьмет на палец, понюхаетъ, иногда лизнетъ, и сыну дастъ понюхать, и объяснить, какая она, на что годится. Не то, такъ отправится посмотрѣть, какъ добываютъ поташъ, или деготь, топятъ сало. Четырнадцать, пятнадцать лѣтъ, мальчикъ отправлялся частенько одинъ, въ телѣжкѣ или верхомъ, съ сумкой у сѣдла, съ порученіями отъ отца въ городъ, и никогда не случалось, чтобъ онъ забылъ что-нибудь, переначилъ, не доглядѣлъ, далъ промахъ. „Recht gut, mein lieber Junge!“ — говорилъ отецъ, выслушавъ отчетъ и трепля его широкой ладонью по плечу, давалъ два, три рубля, смотря по важности порученія. Мать послѣ долго отмываетъ копотъ, грязь, глину и сало съ Андруши.

Съ одной стороны Обломовка, съ другой княжескій замокъ, съ широкимъ раздольемъ барской жизни, встрѣтились съ нѣмецкимъ элементомъ, и не вышло изъ Андрея ни добраго бурша, ни даже филистера.

Отецъ Андруши былъ агрономъ, технологъ, учитель. У отца своего, фермера, онъ взялъ практическіе уроки въ агрономіи, на саксонскихъ фабрикахъ изучилъ технологию, а въ ближайшемъ университетѣ, гдѣ было около сорока профессоровъ, получилъ призваніе къ преподаванію того, что кое-какъ успѣли ему растолковать сорокъ мудрецовъ. Дальше онъ не пошелъ, а упрямо поворотилъ назадъ, рѣшивъ, что надо дѣлать дѣло, и возвратился къ отцу. Тотъ далъ ему сто талеровъ, новую котомку, и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Съ тѣхъ поръ Иванъ Богдановичъ не видалъ ни родины, ни отца. Шестъ лѣтъ пространствовалъ онъ по Швейцаріи, Австріи, а двадцать лѣтъ живетъ въ Россіи и благословляетъ свою судьбу.

Онъ былъ въ университетѣ и рѣшилъ, что сынъ его долженъ быть также тамъ—нужды нѣтъ, что это будетъ уже не нѣмецкій университетъ, нужды нѣтъ, что университетъ русскій долженъ будетъ произвести переворотъ въ жизни его сына и далеко отвести отъ той колеи, которую мысленно проложилъ отецъ въ жизни сына. А онъ сдѣлалъ это очень просто: взялъ колею отъ своего дѣда и продолжилъ ее, какъ по линейкѣ, до будущаго своего внука, и былъ покоенъ, не подозревая, что варьяціи Герца, мечты и рассказы матери, галерея и будуаръ въ княжескомъ замкѣ обратятъ узенькую нѣмецкую колею въ такую широкую дорогу, какая не снилась ни дѣду его, ни отцу, ни ему самому. Впрочемъ, онъ не былъ педантъ въ этомъ случаѣ и не сталъ-бы настаивать на своемъ; онъ только не умѣлъ-бы начертать въ своемъ умѣ другой дороги сыну.

Онъ мало объ этомъ заботился. Когда сынъ его воротился изъ университета и прожилъ мѣсяца три дома, отецъ сказалъ, что дѣлать ему въ Верхлевѣ больше нечего, что вонъ ужъ даже Обломова отправили въ Петербургъ, что, слѣдовательно, и ему пора. А отчего нужно ему въ Петербургъ, почему не могъ онъ остаться въ Верхлевѣ и помогать управлять имѣніемъ—объ этомъ старикъ не спрашивалъ себя; онъ только помнилъ, что когда онъ самъ кончилъ курсъ ученья, то отецъ отослалъ его отъ себя. И онъ отослалъ сына — таковъ обычай въ Германіи. Матери не было на свѣтѣ, и противорѣчить было некому.

Въ день отъѣзда Иванъ Богдановичъ далъ сыну сто рублей ассигнаціями.

— „Ты поѣдешь верхомъ до губернскаго города,—сказалъ онъ,—тамъ получи отъ Калининкова триста пятьдесятъ рублей, а лошадь оставь у него. Если-жъ у него нѣтъ, продай лошадь; тамъ скоро ярмарка: дадутъ четыреста рублей и не на охотника. До Москвы доѣхать тебѣ станетъ рублей сорокъ, оттуда въ Петербургъ—семьдесятъ пять; останется довольно. Потомъ—какъ хочешь. Ты дѣлалъ со мной дѣла, стало-быть знаешь, что у меня есть нѣкоторый капиталъ; но ты прежде смерти моей на него не считывай, а я, вѣроятно, еще проживу лѣтъ двадцать, развѣ только камень упадетъ на голову. Лампада горитъ ярко, и масла въ ней много. Образованъ ты хорошо: передъ тобой всѣ карьеры открыты; можешь служить, торговать, хоть сочинять пожалуй—не знаю, что ты изберешь, къ чему чувствуешь больше охоты...“—„Да я посмотрю, нельзя-ли вдругъ по всѣмъ“,—сказалъ Андрей.

Отецъ захоталъ изо всей мочи и началъ трепать сына по плечу, такъ, что и лошадь-бы не выдержала. Андрей ничего.

— „Ну, а если не станетъ умѣнья, не сумѣешь самъ отыскать вдругъ свою дорогу, понадобится посоветоваться, спросить—зайди къ Рейнгольду: онъ научитъ. О! — прибавилъ онъ, поднявъ пальцы вверхъ и тряся головой,—это... это... (онъ хотѣлъ похвалить и не нашелъ слова). Мы вмѣстѣ изъ Саксоніи пришли. У него четырехэтажный домъ. Я тебѣ адресъ скажу...“—„Не надо, не говори, — возразилъ Андрей,—я пойду къ нему, когда у меня будетъ четырехэтажный домъ, а теперь обойдусь безъ него“...

Штольцъ ровесникъ Обломову: и ему уже за тридцать лѣтъ. Онъ служилъ, вышелъ въ отставку, занялся своими дѣлами и въ самомъ дѣлѣ нажилъ домъ и деньги. Онъ участвуетъ въ какой-то компаніи, отправляющей товары за границу. Онъ безпрестанно въ движеніи: понадобится обществу послать въ Бельгію или Англію агента — посылаютъ его; нужно написать какой-нибудь проектъ, или приспособить новую идею къ дѣлу—выбираютъ его. Между тѣмъ онъ ѣздитъ и въ свѣтъ, и читаетъ: когда онъ успѣваетъ—Богъ вѣсть.

Онъ шель твердо, бодро; жилъ по бюджету, стараясь тратить каждый день, какъ каждый рубль, съ ежеминутнымъ, никогда недремлющимъ контролемъ издержаннаго времени, труда, силъ души и сердца. Кажется, и печальми и радостями онъ управлялъ какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ, или какъ обращался съ дурной и хорошей погодой. Простой, то-есть прямой, настоящій взглядъ на жизнь—вотъ что было его постоянною задачею, и, добираясь постепенно до ея рѣшенія, онъ понималъ всю трудность ея и былъ внутренно гордъ и счастливъ всякій разъ, когда ему случалось замѣтить кривизну на своемъ пути и сдѣлать прямой шагъ. „Мудрено и трудно жить просто!“—говорилъ онъ часто себѣ и торопливыми взглядами смотрѣлъ, гдѣ криво, гдѣ косо, гдѣ нить снурка жизни начинается заворачиваться въ неправильный, сложный узелъ. Больше всего онъ боялся воображенія, этого двуличневаго спутника, съ дружескимъ на одной и вражескимъ на другой сторонѣ лицомъ, друга—чѣмъ меньше вѣришь ему, и врага—когда уснешь довѣрчиво подъ его сладкій шопоть. Онъ бо-

ялся всякой мечты, или, если входилъ въ ея область, то входилъ, какъ входятъ въ гротъ съ надписью: „*ma solitude, mon hermitage, mon repos*“, зная часъ и минуту, когда выйдешь оттуда.

Такъ же тонко и осторожно, какъ за воображеніемъ, слѣдилъ онъ за сердцемъ. Здѣсь, часто оступаясь, онъ долженъ былъ сознаваться, что сфера сердечныхъ отправленій была еще *terra incognita*. Онъ горячо благодарилъ судьбу, если въ этой невѣдомой области удавалось ему заблаговременно различить нарумяненную ложь отъ блѣдной истины.

Онъ, и среди увлеченія, чувствовалъ землю подъ ногой и довольно силы въ себѣ, чтобъ, въ случаѣ крайности, рвануться и быть свободнымъ. Онъ не ослѣплялся красотой и потому не забывалъ, не унижалъ достоинства мужчины, не былъ рабомъ, „не лежалъ у ногъ“ красавицъ, хотя не испытывалъ огненныхъ радостей. У него не было идоловъ, за то онъ сохранилъ силу души, крѣпость тѣла, за то онъ былъ цѣломудренно-гордъ; отъ него вѣяло какою-то свѣжестью и силой, передъ которой невольно смущались и незастѣнчивыя женщины. „Страсти, страсти все оправдываютъ,—говорили вокругъ него,—а вы въ своемъ эгоизмѣ бережете только себя; посмотримъ, для кого“.—„Для кого-нибудь да берегу“,—говорилъ онъ задумчиво, какъ будто глядя въ даль, и продолжалъ не вѣрить въ поэзію страстей, не восхищался ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами, а все хотѣлъ видѣть идеаль бытія и стремленій человѣка въ строгомъ пониманіи и отправленіи жизни. Не видали, чтобъ онъ задумывался надъ чѣмъ-нибудь болѣзненно и мучительно; повидимому, его не пожирали угрызения утомленнаго сердца; не болѣлъ онъ душой, не терялся никогда въ сложныхъ, трудныхъ или новыхъ обстоятельствахъ. Выше всего онъ ставилъ настойчивость въ достиженіи цѣлей: это было признакомъ характера въ его глазахъ, и людямъ съ этой настойчивостью онъ никогда не отказывалъ въ уваженіи, какъ бы ни были неважны ихъ цѣли. Но онъ неспособенъ былъ вооружиться той отвагой, которая, закрывъ глаза, скакнетъ черезъ бездну, или бросится на стѣну на авось. Онъ измѣритъ бездну или стѣну, и если нѣтъ вѣрнаго средства одолѣть, онъ отойдетъ, что бы тамъ про него ни говорили.

[Съ Обломовымъ онъ дружилъ потому, что ихъ связывали дѣтскія воспоминанія, сознаніе своей силы, а главное любовь къ сердцу Обломова].

[*Штольцъ и Обломовъ*. Штольцъ, вернувшись изъ путешествія, зашелъ къ Обломову и пришелъ въ ужасъ при видѣ того, какъ тотъ онустился и облѣнился. Онъ сталъ стыдить Обломова, и тотъ, легко уступая его влиянію, снова сталъ выѣзжать. Штольцъ возилъ его съ собою повсюду. Наконецъ Обломовъ усталъ и возренталъ].

— „Не правится мнѣ эта ваша петербургская жизнь!“—продолжалъ онъ, ложась на диванъ.—„Какая же тебѣ правится?“—спросилъ Штольцъ.—„Не такая, какъ здѣсь“.—„Что-жъ здѣсь именно такъ не понравилось?“—„Все, вѣчная бѣготня взапуски, вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиванья другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу, это оглядываше съ ногъ до головы; послушаешь, о

чемъ говорить, такъ голова закружится, одурѣешь. Свѣтъ, общество! Ты, вѣрно, нарочно, Андрей, посылаешь меня въ этотъ свѣтъ и общество, чтобъ отбить больше охоту быть тамъ. Жизнь: хороша жизнь! Чего тамъ искать? интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества! Что водить ихъ въ жизни? Вотъ они не лежатъ, а спуютъ каждый день, какъ мухи, взадъ и впередъ, а что толку? Войдешь въ залу и не налюбуешься, какъ симметрически разсажены гости, какъ смирно и глубоко-мысленно сидятъ—за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! отличный примѣръ для ищущаго движенія ума! Развѣ это не мертвецы? развѣ не спятъ они всю жизнь сидя? Чѣмъ я виноватѣе ихъ, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?“

— „Это все [старое, объ этомъ тысячу разъ говорили,—замѣтилъ Штольць.—Нѣтъ ли чего поновѣе?“

— „А наша лучшая молодежь, что она дѣлаетъ? развѣ не спитъ, ходя, развѣзжая по Невскому, танцуя? Ежедневная пустая перетасовка дней! А посмотри, съ какою гордостью и невѣдомымъ достоинствомъ, отталкивающимъ взглядомъ смотрятъ, кто не такъ одѣтъ, какъ они, не носить ихъ имени и званія. И воображаютъ, несчастные, что еще они выше толпы: „мы-де служимъ, гдѣ кромѣ насъ никто не служитъ; мы въ первомъ ряду кресель, мы на балѣ у князя N, куда только насъ пускаютъ...“ А сойдутся между собой, перепьются и подерутся, точно дикіе! Развѣ это живые, не спящіе люди? Да не одна молодежь: посмотри на взрослыхъ. Собираются, кормятъ другъ друга: ни радушія, ни доброты, ни взаимнаго влеченія! Собираются на обѣдъ, на вечеръ, какъ въ должность, безъ веселья, холодно, чтобъ похвастать поваромъ, салономъ, и потомъ подъ-рукой осмѣять, подставить ногу одинъ другому. Третьяго дня, за обѣдомъ, я не зналъ, куда смотрѣть, хоть подъ столъ залѣзть, когда началось терзаніе репутаций отсутствующихъ: „тотъ глупъ, этотъ низокъ, другой воръ, третій смѣшонъ“—настоящая травля! Говоря это, глядятъ другъ на друга такими же глазами „вотъ уйди только за дверь, и тебѣ то же будетъ...“ Зачѣмъ же они сходятся, если они таковы? зачѣмъ такъ крѣпко жмутъ другъ другу руки? Ни искренняго смѣха, ни проблеска симпатіи! Стараются залучить громкій чинъ, имя. „У меня былъ такой-то, а я былъ у такого-то“,—хвастаютъ потомъ... Что-жъ это за жизнь? Я не хочу ея. Чему я тамъ научусь, что извлеку?“

[Затѣмъ Обломовъ сталъ доказывать, что ему, Обломову, не нужна вся эта суета, и желѣзныя дороги, и поѣздки и пр.]

— „Къ какому же разряду общества причисляешь ты себя?“—„Спроси Захара“,—сказалъ Обломовъ.

Штольць буквально исполнилъ желаніе Обломова.

— „Захаръ!“—закричалъ онъ.

Пришелъ Захаръ съ сонными глазами.

— „Кто это такой лежитъ?“—спросилъ Штольць.

Захарь вдругъ проснулся и стороной, подозрительно взглянул на Штольца, потомъ на Обломова

— „Какъ кто? развѣ вы не видите?“ — „Не вижу“, — сказалъ Штолецъ.

— „Что за диковина? Это баринъ, Илья Ильичъ“.

Онъ усмѣхнулся.

— „Хорошо, ступай. „Баринъ!“ — повторилъ Штолецъ и закатился хохотомъ. — „Ну, джентльменъ“, — съ досадой поправилъ Обломовъ. — „Нѣтъ, нѣтъ, ты баринъ!“ — продолжалъ съ хохотомъ Штолецъ. — „Какая же разница? — сказалъ Обломовъ, — джентльменъ такой же баринъ“. — „Джентльменъ есть такой баринъ, — опредѣлилъ Штолецъ, — который самъ надѣваетъ чулки и самъ же снимаетъ съ себя сапоги“. — „Да, англичанинъ самъ, потому что у нихъ не очень много слугъ, а русскій“...

[Обломовъ сталъ мечтать о счастливой деревенской жизни, на лонѣ природы, съ молодой женой. Жизнь эта представлялась ему беззаботной, безмятежно-свѣтлой, такой, какую вели его дѣды и родители].

— „Это не жизнь!“ — упрямо повторялъ Штолецъ. — „Что-жъ это по-твоему?“ — „Это... (Штолецъ задумался и искалъ, какъ назвать эту жизнь) какая-то... обломовщина!“ — сказалъ онъ наконецъ. — „Обломовщина! — медленно произнесъ Илья Ильичъ, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складамъ. — Об-ло-мов-щина!“

Онъ странно и пристально глядѣлъ на Штольца.

— „Гдѣ-же идеаль жизни, по-твоему? что-жъ не обломовщина? — безъ увлеченія, робко спросилъ онъ, — развѣ не всѣ добиваются того-же, о чемъ я мечтаю? Помилуй! — прибавилъ онъ смѣлѣе, — да цѣль всей вашей бѣготни, страстей, войнъ, торговли и политики, — развѣ не выдѣлка покоя, не стремленіе къ этому идеалу утраченнаго рая?“ — „И утопія-то у тебя обломовская“, — возразилъ Штолецъ. — „Всѣ ищутъ отдыха и покоя“, — защищался Обломовъ. — „Не всѣ, и ты самъ, лѣтъ десять, не того искалъ въ жизни“. — „Чего-же я искалъ?“ — съ недоумѣніемъ спросилъ Обломовъ, погружаясь мыслью въ прошедшее. — „Вспомни, подумай. Гдѣ твои книги, переводы?“ — „Захарь куда-то дѣлъ, — отвѣчалъ Обломовъ, — тутъ гдѣ-нибудь въ углу лежать“. — „Въ углу! — съ упрекомъ сказалъ Штолецъ, — въ этомъ-же углу лежать и замыслы твои „служить, пока станеть силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разрабатыванія неистощимыхъ источниковъ (твои слова); работать, чтобъ слаще отдыхать, а отдыхать — значитъ жить другой, артистической, изящной стороной жизни, жизни художниковъ, поэтовъ. Всѣ эти замыслы тоже Захарь сложилъ въ уголь? Помнишь, ты хотѣлъ, послѣ книгъ, объѣхать чужіе края, чтобъ лучше знать и любить свой? Вся жизнь есть мысль и трудъ, — твердилъ ты тогда, — трудъ хоть безвѣстный, темный, но непрерывный и умереть съ сознаниемъ, что сдѣлалъ свое дѣло“ — а? въ какомъ углу лежитъ это у тебя?“

— „Да... да... — говорилъ Обломовъ, безпокойно слѣдя за каждымъ словомъ Штольца, — помню, что я точно... кажется... Какъ-же, — сказалъ онъ, вдругъ вспомнивъ прошлое, — вѣдь мы, Андрей, собирались сначала извѣдывать вдоль и поперекъ Европу, исходить Швейцарію пѣшкомъ, обжечь

ноги на Везувіи, спуститься въ Геркуланъ. Съ ума чуть не сошли! Сколько глупостей!..“

— „Глупостей!—съ упрекомъ повторилъ Штольцъ.—Не ты-ли со слезами говорилъ, глядя на гравюры рафаэлевскихъ мадоннъ, „Корреджіевой ночи“, на Аполлона Бельведерскаго: „Боже мой! ужели никогда не удастся взглянуть на оригиналы и онѣмѣть отъ ужаса, что ты стоишь передъ произведеніемъ Микель-Анджело, Тиціана и попираешь почву Рима? Ужели провести вѣкъ и видѣть эти мирты, кипарисы и померанцы въ оранжереяхъ, а не на ихъ родинѣ? Не подышать воздухомъ Италіи, не ушиться синею неба“. И сколько великолѣпныхъ фейерверковъ пускалъ ты изъ головы! Глупости!“ — „Да, да, помню! — говорилъ Обломовъ, вдумываясь въ прошлое.—Ты еще взялъ меня за руку и сказалъ: „дадимъ обѣщаніе не умирать, не увидавши ничего этого...“ — „Помню, — продолжалъ Штольцъ, — какъ ты однажды принесъ мнѣ переводъ изъ Сэя, съ посвященіемъ мнѣ въ именины; переводъ цѣль у меня. А какъ ты записался съ учителемъ математики, хотѣлъ непременно добиться, зачѣмъ тебѣ знать круги и квадраты, но на половинѣ бросилъ и не добился? По-англійски началъ учиться... и не доучился! А когда я сдѣлалъ планъ поѣздки за границу, звалъ заглянуть въ германскіе университеты, ты вскочилъ, обнялъ меня и подаль торжественно руку: „я твой, Андрей, съ тобой всюду“—это все твои слова. Ты всегда былъ немножко актеръ.—Что-жъ, Илья? Я два раза былъ за границей, послѣ нашей премудрости, смиренно сидѣлъ на студенческихъ скамьяхъ въ Боннѣ, въ Іенѣ, въ Эрлангенѣ, потомъ выучилъ Европу какъ свое имѣніе. Но, положимъ, вояжъ—это роскошь и не всѣ въ состояніи и обязаны пользоваться этимъ средствомъ; а Россія? Я видѣлъ Россію вдоль и поперекъ. Тружусь...“ — „Когда-нибудь перестанешь-же трудиться“, — замѣтилъ Обломовъ.— „Никогда не перестану. Для чего?“ — „Когда удвоишь свои капиталы“, — сказалъ Обломовъ. — „Когда учетверю ихъ, и тогда не перестану“. — „Такъ изъ чего-же, — заговорилъ онъ, помолчавъ, — ты бьешься, если цѣль твоя не обезпечитъ себя навсегда и удалится потомъ на покой, отдохнуть?..“ — „Деревенская обломовщина!“ — сказалъ Штольцъ. — „Или достигнуть службой значенія и положенія въ обществѣ, и потомъ въ почетномъ бездѣйствіи наслаждаться заслуженнымъ отдыхомъ...“ — „Петербургская обломовщина!“ — возразилъ Штольцъ. — „Такъ когда-же жить?—съ досадою на замѣчанія Штольца возразилъ Обломовъ. — Для чего-же мучиться весь вѣкъ?“ — „Для самого труда, больше ни для чего. Трудъ—образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ, моей. Вонъ, ты выгналъ трудъ изъ жизни: на что она похожа? Я попробую приподнять тебя, можетъ быть, въ послѣдній разъ“.

— „Не брани меня, Андрей, а лучше въ самомъ дѣлѣ помоги! — началъ онъ со вздохомъ.—Я самъ мучусь этимъ; и еслибъ ты посмотрѣлъ и послушалъ меня хоть-бы сегодня, какъ я самъ копаю себѣ могилу и оплакиваю себя, у тебя-бы упрекъ не сошелъ съ языка. Все знаю, все понимаю, по силы и воли нѣтъ. Дай мнѣ своей воли и ума и веди меня куда хочешь. За тобой я, можетъ быть, пойду, а одинъ не сдвинусь съ мѣста.“

Ты правду говоришь: „теперь или никогда больше“. Еще годъ — поздно будетъ!“

— „Ты сказалъ давеча, что у меня лицо несовсѣмъ свѣжо, измято,— продолжалъ Обломовъ,— да, я дряблый, ветхій, изношенный кафтанъ, но не отъ климата, не отъ трудовъ, а оттого, что двѣнадцать лѣтъ во мнѣ былъ запертъ свѣтъ, который искалъ выхода, но только жегъ свою тюрьму, не вырвался на волю и угасъ. И такъ, двѣнадцать лѣтъ, милый мой Андрей, прошло: не хотѣлось ужъ мнѣ просыпаться больше“.

[Желая спасти Обломова, освѣжить его новыми, свѣжими впечатлѣніями, Штольцъ рѣшилъ взять его съ собой путешествовать за границу, а пока ввелъ его въ домъ Ольги. Обломовъ отвыкъ отъ дамскаго общества и сперва конфузился и надѣлалъ неловкостей].

Ольга. Ольга, въ строгомъ смыслѣ, не была красавица, то-есть не было ни бѣлизны въ ней, ни яркаго колорита щекъ и губъ, и глаза не горѣли лучами внутренняго огня; ни коралловъ на губахъ, ни жемчугу во рту не было, ни миниатюрныхъ рукъ, какъ у пятилѣтняго ребенка, съ пальцами въ видѣ винограда. Но еслибъ ее обратить въ статую, она была-бы статуя граціи и гармоніи. Нѣсколько высокому росту строго отвѣчала величина головы, величинѣ головы—оваль и размѣры лица; все это, въ свою очередь, гармонировало съ плечами, плечи—съ станомъ... Кто ни встрѣчалъ ее, даже разсѣянный, и тотъ на мгновение останавливался передъ этимъ, такъ строго и обдуманно, артистически созданнымъ существомъ. Носъ образовалъ чуть замѣтно вышуклую, граціозную линію; губы тонкія и большею частію сжатія: признакъ непрерывно устремленной на что-нибудь мысли. То-же присутствіе говорящей мысли свѣтилось въ зоркомъ, всегда бодромъ, ничего не пропускающемъ взглядѣ темныхъ, сѣро-голубыхъ глазъ. Брови придавали особенную красоту глазамъ: онѣ не были дугообразны, не округляли глазъ двумя тоненькими, нащипанными пальцемъ ниточками—нѣтъ, это были двѣ русыя, пушистыя, почти прямыя полоски, которыя рѣдко лежали симметрично: одна на линію была выше другой; отъ этого надъ бровью лежала маленькая складка, въ которой какъ-будто что-то говорило, будто тамъ покоилась мысль. Ходила Ольга съ наклоненной немного впередъ головой, такъ стройно, благородно покоившейся на тонкой, гордой шеѣ; двигалась всѣмъ тѣломъ ровно, шагая легко, почти неуловимо... „Что это она вчера смотрѣла такъ пристально на меня? — думалъ Обломовъ,— Андрей божится, что о чулкахъ и о рубашкѣ еще не говорилъ, а говорилъ о дружбѣ своей ко мнѣ, о томъ, какъ мы росли, учились—все, что было хорошаго, и между тѣмъ (и это разсказалъ), какъ несчастливъ Обломовъ, какъ гибнетъ все доброе отъ недостатка участія, дѣятельности, какъ слабо мерцаетъ жизнь и какъ... Чему-жъ улыбаться? — продолжалъ думать Обломовъ.— Если у ней есть сколько-нибудь сердца, оно должно-бы замереть, облиться кровью отъ жалости, а она... ну, Богъ съ ней! перестану думать! вотъ только съѣзжу сегодня отобѣдаю—и ни ногой“.

[Подъ влияніемъ разсказовъ Штольца объ Обломовѣ, Ольга заинтересовалась имъ. Она охотно вела съ нимъ бесѣды, слегка подтрунивала надъ

нимъ, но такъ добродушно и деликатно, что Обломовъ не только не обижался, но даже привязывался къ ней и раскрывался все больше и больше].

Пльнiе Ольга. „Постойте, еще одно спюю...“—сказала она, и въ ту же минуту лицо ея будто вспыхнуло, глаза загорѣлись, она опустила на стулъ, сильно взяла два-три аккорда и запѣла.

Боже мой, что слышалось въ этомъ пѣнiи! надежды, неясная бользнь грозь, самия грозы, порывы счастья—все звучало не въ пѣснѣ, а въ ея голосѣ. Долго пѣла она, по временамъ оглядываясь къ нему, дѣтски спрашивая: „Довольно? Нѣтъ, вотъ еще это“,—и пѣла опять. Щеки и уши рдѣли у нея отъ волненiя; иногда на свѣжемъ лицѣ ея вдругъ сверкала игра сердечныхъ молнiй, вспыхивалъ лучъ такой зрѣлой страсти, какъ будто она сердцемъ переживала далекую будущую пору жизни, и вдругъ опять потухалъ этотъ мгновенный лучъ, опять голосъ звучалъ свѣжо и серебристо. И въ Обломовѣ играла такая же жизнь; ему казалось, что онъ живетъ и чувствуетъ все это — не часъ, не два, а цѣлые годы... Оба они, снаружи неподвижные, разрывались внутреннимъ огнемъ, дрожали одинакимъ трепетомъ; въ глазахъ стояли слезы, вызванныя одинакимъ настроенiемъ. Все это симптомы тѣхъ страстей, которыя должны, повидимому, заиграть нѣкогда въ ея молодой душѣ, теперь еще подвластной только временнымъ, летучимъ намекамъ и вспышкамъ спящихъ силъ жизни. Она кончила долгимъ пѣвчимъ аккордомъ, и голосъ ея пропалъ въ немъ. Она вдругъ остановилась, положила руки на колѣни и сама, растроганная, взволнованная, поглядѣла на Обломова: что онъ? У него на лицѣ сіяла заря пробужденнаго, со dna души возставшаго счастья; наполненный слезами взглядъ устремленъ былъ на нее.

Теперь ужъ она, какъ онъ, также невольно взяла его за руку.

— „Что съ вами?—спросила она,—какое у васъ лицо! Отчего?“

Но она знала, отчего у него такое лицо, и внутренно скромно торжествовала, любуясь этимъ выраженiемъ своей силы.

— „Посмотритесь въ зеркало,—продолжала она, съ улыбкой указывая ему его же лицо въ зеркалѣ,—глаза блестятъ, Боже мой, слезы въ нихъ! Какъ глубоко вы чувствуете музыку!..“—„Нѣтъ, я чувствую... не музыку... а... любовь!“—тихо сказалъ Обломовъ.

Ольга. Долго послѣ того, какъ у него вырвалось признанiе, не видались они наединѣ. Онъ прятался, какъ школьникъ, лишь только завидитъ Ольгу. Она перемѣнилась съ нимъ, но не бѣгала, не была холодна, а стала только задумчивѣе. Ей, казалось, было жаль, что случилось что-то такое, что помѣшало ей мучить Обломова устремленнымъ на него любопытнымъ взглядомъ и добродушно уязвлять его насмѣшками надъ лежаньемъ, надъ лѣнью, надъ его неловкостью... Въ ней разыгрывался комизмъ, но это былъ комизмъ матери, которая не можетъ не улыбнуться, глядя на смѣшной нарядъ сына. Штольцъ уѣхалъ, и ей скучно было, что некому пѣть; роля ея была закрытъ—словомъ, на нихъ обоихъ легло принужденiе, оковы, обомъ было неловко. А какъ было пошло хорошо! какъ просто познакомились они! какъ свободно сошлись! Обломовъ былъ проще Штольца и добрѣе его,

хотя не смѣшили ее такъ, или смѣшили собой, и такъ легко прощаль на-смѣшки. Потомъ еще Штольцъ, уѣзжая, завѣщаль Обломова ей, просилъ приглядывать за нимъ, мѣшать ему сидѣть дома. У ней, въ умненькой, хорошенькой головкѣ, развился уже подробный планъ, какъ она отучить Обломова спать послѣ обѣда, да не только спать, она не позволитъ ему даже прилечь на диванѣ днемъ: возьметъ съ него слово. Она мечтала, какъ „прикажетъ ему прочесть книги“, которыя оставилъ Штольцъ, потомъ читать каждый день газеты и рассказывать ей новости, писать въ деревню письма, дописывать планъ устройства имѣнія, приготовиться ѣхать за границу—словомъ, онъ не задремлетъ у нея; она укажетъ ему цѣль, заставить полюбить опять все, что онъ разлюбилъ, и Штольцъ не узнаетъ его, воротясь. И все это чудо сдѣлаетъ она, такая робкая, молчаливая, которой до сихъ поръ никто не слушался, которая еще не начала жить! она—виновница такого превращенія! Ужъ оно началось: только лишь она зашла, Обломовъ не тотъ... Онъ будетъ жить, дѣйствовать, благословлять жизнь и ее. Возвратить человѣка къ жизни—сколько славы доктору, когда онъ спасетъ безнадежнаго больного! а спасти нравственнаго—погибающій умъ, душу?.. Она даже вздрагивала отъ гордаго, радостнаго трепета; считала это урокомъ, назначеннымъ свыше. Она мысленно сдѣлала его своимъ секретаремъ, библиотекаремъ. И вдругъ все это должно кончиться! Она не знала, какъ поступить ей, и оттого молчала, когда встрѣчалась съ Обломовымъ.

[Обоихъ мучило это внезапное признаніе. Обломовъ былъ подавленъ своей смѣлостью и прятался отъ Ольги. Она не знала, какъ себя держать по отношенію къ Обломову].

„Однако, какъ же это, вдругъ, едва познакомился... Этого никто другой ни за что не сказалъ бы, увидя во второй, въ третій разъ женщину; да никто и не почувствовалъ бы такъ скоро любви. Это только Обломовъ могъ... Но она вспомнила, что она слышала и читала, какъ любовь приходитъ иногда внезапно. И у него былъ порывъ, увлеченіе; теперь онъ глазъ не кажетъ; ему стыдно; стало быть, это не дерзость. А кто виновать?—подумала еще:—Андрей Ивановичъ, конечно, потому что заставилъ ее пѣть“. Но Обломовъ сначала слушать не хотѣлъ—ей было досадно, и она... старалась... Она сильно покраснѣла—да, всѣми силами старалась расшевелить его. Штольцъ сказалъ про него, что онъ апатиченъ, что ничто его не занимаетъ, что все угасло въ немъ... Вотъ ей и захотѣлось посмотрѣть, все-ли угасло, и она пѣла, пѣла... какъ никогда...

[Неловко и не краснорѣчиво извинялся Обломовъ при встрѣчѣ передъ Ольгой. Изъ этихъ объясненій для обоихъ сдѣлалось почти яснымъ, что между ними образовалась какая-то связь. Обломовъ сталъ мечтать о семейной жизни съ Ольгой].

Обломовъ все лежалъ на диванѣ, вѣря и не вѣря смыслу утренняго разговора съ Ольгой. „Она любитъ меня, въ ней играетъ чувство ко мнѣ. Возможно-ли? Она обо мнѣ мечтаетъ; для меня пѣла она такъ страстно, и музыка заразила насъ обоихъ симпатіей“. Гордость заиграла въ немъ, засіяла жизнь, ея волшебная даль, всѣ краски и лучи, которыхъ еще недавно

не было. Онъ ужъ видѣлъ себя за границей съ ней, въ Швейцаріи на озеряхъ, въ Италіи, ходитъ въ развалинахъ Рима, катается въ гондолѣ, потомъ теряется въ толпѣ Парижа, Лондона, потомъ... потомъ въ своемъ земномъ раю—въ Обломовкѣ. Она—божество, съ этимъ милымъ лепетомъ, съ этимъ изящнымъ, бѣленькимъ личикомъ, тонкой, нѣжной шеей... Крестьяне не видали никогда ничего подобнаго; они падаютъ ницъ передъ этимъ ангеломъ. Она тихо ступаетъ по травѣ, ходитъ съ нимъ въ тѣни березняка; она поетъ ему... И онъ чувствуетъ жизнь, ея тихое теченье, ея сладкія струи, плесканье... онъ впадаетъ въ раздумье отъ удовлетворенныхъ желаній, отъ полноты счастья...

Вдругъ лицо его омрачилось.

— „Нѣтъ, этого быть не можетъ!—вслухъ произнесъ онъ, вставъ съ дивана и ходя по комнатѣ,—любить меня! смѣшнаго, съ соннымъ взглядомъ, съ дряблыми щеками... Она все смѣется надо мной...“

Онъ остановился передъ зеркаломъ и долго разсматривалъ себя, сначала неблагоприятно, потомъ взгляды его прояснѣли; онъ даже улыбнулся.

— „Я какъ будто получше, посвѣжѣе, нежели какъ былъ въ городѣ,—сказалъ онъ,—глаза у меня не тусклые... Вотъ ячмень показался—было, да и пропалъ... Должно-быть отъ здѣшняго воздуха; много хожу, вина не пью совсѣмъ, не лежу... Не надо и въ Египетъ ѣхать“.

[Ольга полюбила Обломова серьезной и глубокой любовью. Эту серьезность и глубину почувствовалъ Обломовъ, и ему сдѣлалось жутко и тягостно,—ему не по плечу казалось такое чувство. Онъ сталъ избѣгать Ольгу].

Онъ смутно понималъ, что она выросла и чуть-ли не выше его, что отнынѣ нѣтъ возврата къ дѣтской довѣрчивости, что передъ ними рубиконъ, и утраченное счастье уже на другомъ берегу: надо перешагнуть. А какъ? Ну, если онъ шагнетъ одинъ? Она понимала яснѣе его, что въ немъ происходитъ, и потому перевѣсь былъ на ея сторонѣ. Она открыто глядѣла въ его душу, видѣла, какъ рождалось чувство на днѣ его души, какъ играло и выходило наружу; видѣла, что съ нимъ женская хитрость, лукавство, кокетство—орудія Сонички—были бы лишнія, потому что не предстояло борьбы. Она даже видѣла и то, что несмотря на ея молодость, ей принадлежитъ первая и главная роль въ этой симпатіи, что отъ него можно было ожидать только глубокаго впечатлѣнія, страстно-лѣнливой покорности, вѣчной гармоніи съ каждымъ біеніемъ ея пульса, но никакого движенія воли, никакой активной мысли. Она мигомъ взвѣсила свою власть надъ нимъ и ей правилась эта роль путеводной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ стоячимъ озеромъ и отразится въ немъ. Ольга, какъ всякая женщина въ первенствующей роли, то-есть въ роли мучительницы, конечно, менѣе другихъ и бессознательно, но не могла отказать себѣ въ удовольствіи немного поиграть имъ по-кошачьи; иногда у ней вырвется, какъ молнія, какъ неожиданный капризъ, проблескъ чувства, а потомъ, вдругъ, опять она сосредоточится, уйдетъ въ себя; но больше и чаще всего она толкала его впередъ, дальше, зная, что онъ самъ не сдѣлаетъ ни шагу и останется неподвиженъ тамъ, гдѣ она оставитъ его.

[Ольга на этотъ разъ сумѣла успокоить тревогу Обломова].

А Обломовъ лишь проснется утромъ, первый образъ въ воображеніи—образъ Ольги, во весь ростъ, съ вѣткой сирени въ рукахъ. Засыпалъ онъ съ мыслью о ней, шель гулять, читалъ—она тутъ, тутъ. Онъ мысленно вель съ ней нескончаемый разговоръ и днемъ и ночью.

Но беззаботность отлетѣла отъ него съ той минуты, какъ она въ первый разъ пѣла ему. Онъ уже жилъ не прежней жизнью, когда ему все равно было, лежать-ли на спинѣ и смотрѣть въ стѣну, сидить-ли у него Алексѣевъ, или онъ самъ сидитъ у Ивана Герасимовича, въ тѣ дни, когда онъ не ждалъ никого и ничего, ни отъ дня, ни отъ ночи. Теперь и день и ночь, всякій часъ утра и вечера принималъ свой образъ и былъ или исполненъ радужнаго сіянія, или безцвѣтенъ и сумраченъ; смотря по тому, наполнялся ли этотъ часъ присутствіемъ Ольги, или протекалъ безъ нея и, слѣдовательно, протекалъ вяло и скучно. Все это отражалось въ его существѣ: въ головѣ у него была сѣть ежедневныхъ, ежеминутныхъ соображеній, догадокъ, предвидѣній, мученій неизвѣстности, и все отъ вопросовъ: увидитъ или не увидитъ онъ ее? что она скажетъ и сдѣлаетъ? какъ посмотритъ, какое дастъ ему порученіе, о чемъ спросить, будетъ довольна или нѣтъ? Всѣ эти соображенія сдѣлались насущными вопросами его жизни. „Ахъ, еслибъ испытывать только эту теплоту любви, да не испытывать ея тревогъ!—мечталъ онъ.—Нѣтъ, жизнь трогаешь, куда ни уйди, такъ и жжетъ! Сколько новаго движенія вдругъ втѣснилось въ нее, занятій! Любовь—претрудная школа жизни!“ Онъ ужъ прочелъ нѣсколько книгъ. Ольга просила его рассказывать содержаніе и съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ слушала его рассказъ. Онъ написалъ нѣсколько писемъ въ деревню, смѣнилъ старосту и вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ сосѣдей черезъ посредство Штольца. Онъ бы даже поѣхалъ въ деревню, еслибъ считалъ возможнымъ уѣхать отъ Ольги. Онъ не ужиналъ и вотъ уже двѣ недѣли не знаетъ, что значить прилечь днемъ. Въ двѣ-три недѣли они объѣздили всѣ петербургскія окрестности. Тетка съ Ольгой, баронъ и онъ являлись на загородныхъ концертахъ, на большихъ праздникахъ. Поговариваютъ съѣздить въ Финляндію, на Иматру. Что касается Обломова, онъ дальше парка нигда бы не тронулся, да Ольга все придумываетъ, и лишь только онъ, на приглашеніе куда-нибудь поѣхать, замнется отвѣтомъ, навѣрное поѣздка предпринималась. И тогда не было конца улыбкамъ Ольги. На пять верстъ кругомъ дачи не было пригорка, на который бы онъ не влѣзалъ по нѣскольку разъ.

Между тѣмъ симпатія ихъ росла, развивалась и проявлялась по своимъ непреложнымъ законамъ. Ольга расцвѣтала вмѣстѣ съ чувствомъ. Въ глазахъ прибавилось свѣта, въ движеніяхъ граціи; грудь ея такъ пышно развивалась, такъ мѣрно волновалась.

Она повременамъ кидала на него глубокой взглядъ, читала немудреный смыслъ, начертанный на его лицѣ, и думала: „Боже мой! какъ онъ любитъ! какъ онъ нѣженъ, какъ нѣженъ!“ И любовалась, гордилась этимъ поверженнымъ къ ногамъ ея, ея же силою, человѣкомъ! Моментъ символическихъ

намековъ, знаменательныхъ улыбокъ, сиреневыхъ вѣтокъ прошелъ невозвратно. Любовь дѣлалась строже, взыскательнѣе, стала превращаться въ какую-то обязанность; явились взаимныя права. Обѣ стороны открывались болѣе и болѣе: недоразумѣнія, сомнѣнія исчезали, или уступали мѣсто болѣе яснымъ и положительнымъ вопросамъ. Она все колола его легкими сарказмами за праздно-убитые годы, изрекала суровый приговоръ, казнила его апатію глубже, дѣйствительнѣе, нежели Штольцъ; потомъ, по мѣрѣ сближенія съ нимъ, отъ сарказмовъ надъ вялымъ и дряблымъ существованіемъ Обломова она перешла къ деспотическому проявленію воли, отважно напомнила ему цѣль жизни и обязанностей и строго требовала движенія, безпрестанно вызвала наружу его умъ, то запутывая его въ тонкій, жизненный, знакомый ей вопросъ, то сама шла къ нему съ вопросомъ о чемъ-нибудь неясномъ, недоступномъ ей. И онъ бился, ломалъ голову, изворачивался, чтобъ не упасть тяжело въ глазахъ ея, или чтобъ помочь ей разъяснить какой-нибудь узелъ, не то такъ геройски разсѣчь его. Вся ея женская тактика была проникнута нѣжной симпатіей; всѣ его стремленія поспѣть за движеніемъ ея ума дышали страстью. Но чаще онъ изнемогалъ, ложился у ногъ ея, прикладывалъ руку къ сердцу и слушалъ, какъ оно бьется, не сводя съ нея неподвижнаго, удивленнаго, восхищеннаго взгляда. „Какъ онъ любитъ меня!“—твердила она въ эти минуты, любуясь имъ. Если же иногда замѣчала она затаявшіяся прежнія черты въ душѣ Обломова—а она глубоко умѣла смотрѣть въ нее—малѣйшую усталость, чуть замѣтную дремоту жизни, на него лились упреки, къ которымъ изрѣдка примѣшивалась горечь раскаянія, боязнь ошибки. Иногда только соберется онъ зѣвнуть, откроетъ ротъ—его поражаетъ ея изумленный взглядъ: онъ мгновенно сомкнетъ ротъ, такъ что зубы стукнутъ. Она преслѣдовала малѣйшую тѣнь сонливости даже у него на лицѣ. Она спрашивала, не только что онъ дѣлаетъ, но и что будетъ дѣлать. Еще сильнѣе, нежели отъ упрековъ, просыпалась въ немъ бодрость, когда онъ замѣчалъ, что отъ его усталости уставала и она, дѣлалась небрежною, холодною. Тогда въ немъ появлялась лихорадка жизни, сила, дѣятельности, и тѣнь исчезала опять, и симпатія была опять сильнымъ и яснымъ ключомъ. Но всѣ эти заботы не выходили пока изъ магическаго круга любви; дѣятельность его была отрицательная: онъ не спитъ, читаетъ, иногда подумываетъ писать и планъ, много ходитъ, много ѣздитъ. Дальнѣйшее же направленіе, самая мысль жизни, дѣло — остается еще въ намѣреніяхъ.

— „Какой еще жизни и дѣятельности хочетъ Андрей?—говорилъ Обломовъ, тараща глаза послѣ обѣда, чтобъ не заснуть,—развѣ это не жизнь? развѣ любовь не служба? Попробовалъ бы онъ! каждый день — верстъ по десяти пѣшкомъ! Вчера ночевалъ въ городѣ, въ дрянномъ трактирѣ, одѣтый, только сапоги снялъ, и Захара не было — все по милости ея порученій!“

Любовь Олми.—„Я люблю иначе,—сказала она, опрокидываясь спиной на скамью и блуждая глазами въ несущихся облакахъ. — Мнѣ безъ васъ скучно; разставаться съ вами не надолго—жаль, надолго—больно. Я одна-

жды навсегда узнала, увидѣла и вѣрю, что вы меня любите—и счастлива, хоть не повторяйте мнѣ никогда, что любите меня. Больше и лучше любить я не умѣю“.

„Это слова... какъ-будто Кордели!“—подумалъ Обломовъ, глядя на Ольгу страстно...

— „Умрете... вы,—съ запинкой продолжала она,—я буду носить вѣчный трауръ по васъ и никогда болѣе не улыбнусь въ жизни. Полюбите другую—роптать, проклинать не стану, а про себя пожелаю вамъ счастья... Для меня любовь эта—все равно, что... жизнь, а жизнь...“

Она искала выраженія.

— „Что-жъ жизнь, по вашему?“—спросилъ Обломовъ.—„Жизнь—долгъ, обязанность, слѣдовательно, любовь—тоже долгъ: мнѣ какъ-будто Богъ послалъ ее,—досказала она, поднявъ глаза къ небу,—и велѣлъ любить“.

[Наконецъ, любовь утомила Обломова].

Обломовъ всталъ блѣдный и мрачный; на лицѣ слѣды бессонницы; лобъ весь въ морщинахъ; въ глазахъ нѣтъ огня, нѣтъ желаній. Гордость, веселый, бодрый взглядъ, умѣренная, сознательная торопливость движений занятого человѣка — все пропало. Онъ вяло напился чаю, не тронулъ ни одной книги, не присѣлъ къ столу, задумчиво закурилъ сигару и сѣлъ на диванъ. Прежде бы онъ легъ, но теперь отвыкъ и его даже не тянуло къ подушкѣ; однако-жъ онъ уперся локтемъ въ нее—признакъ, намекавшій на прежнія наклонности. Онъ былъ мраченъ, иногда вздыхалъ, вдругъ пожималъ плечами, качалъ съ сокрушеніемъ головой. Въ немъ что-то сильно работаетъ, но не любовь. Образъ Ольги предъ нимъ, но онъ носится будто вдали, въ туманѣ, безъ лучей, какъ чужой ему; онъ смотритъ на него болѣзненнымъ взглядомъ и вздыхаетъ.

„Живи, какъ Богъ велитъ, а не какъ хочется—правило мудрое, но...“ И онъ задумался. „Да, нельзя жить, какъ хочется—это ясно,—началъ говорить въ немъ какой-то угрюмый, строптивый голосъ,—впадешь въ хаосъ противорѣчій, которыхъ не распутаетъ одинъ человѣческій умъ, какъ онъ ни глубоко, какъ ни дерзокъ! Вчера пожелалъ, сегодня достигаешь желаемого страстно, до изнеможенія, а послѣзавтра красишь, что пожелалъ, потомъ клянешь жизнь, зачѣмъ исполнилось—вѣдь вотъ что выходитъ отъ самостоятельнаго и дерзкаго шаганья въ жизни, отъ своевольнаго *хочу*. Надо идти ощупью, на многое закрывать глаза и не бредить счастьемъ, не смѣть роптать, что оно ускользнетъ—вотъ жизнь! Кто выдумалъ, что она—счастье, наслажденіе? Безумцы! „Жизнь есть жизнь, долгъ, — говоритъ Ольга,—обязанность, а обязанность бываетъ тяжела. Исполнимъ же долгъ...“ Онъ вздохнулъ. „Не увидимся съ Ольгой... Боже мой! ты открылъ мнѣ глаза и указалъ долгъ,—говорилъ онъ, глядя въ небо,—гдѣ же взять силы? Разстаться! Еще есть возможность теперь, хотя съ болью, за то послѣ не будешь клясть себя, зачѣмъ не разстался? А отъ нея сейчасъ придутъ, она хотѣла прислать... Она не ожидаетъ...“

„Вотъ оно что!—съ ужасомъ говорилъ онъ, вставая съ постели и зажигающая дрожащей рукой свѣчку.—Больше ничего тутъ нѣтъ и не было! Она

готова была къ воспринятію любви, сердце ея ждало чутко, и онъ встрѣтился нечаянно, попалъ ошибкой... Другой только явится—и она съ ужасомъ отрезвится отъ ошибки! Какъ она взглянетъ тогда на него, какъ отвернется... ужасно! Я покишаю чужое: я—воръ! Что я дѣлаю, что я дѣлаю? Какъ я ослѣпъ—Боже мой!“

Онъ посмотрѣлъ въ зеркало: блѣдень, желтъ, глаза тусклые. Онъ вспомнилъ тѣхъ молодыхъ счастливецъ, съ подернутымъ влагой, задумчивымъ, но сильнымъ и глубокимъ взглядомъ, какъ у нея, съ трепещущей искрой въ глазахъ, съ увѣренностью на побѣду въ улыбкѣ, съ такой бодрой походкой, съ звучнымъ голосомъ. И онъ дождется, когда одинъ изъ нихъ явится: она вспыхнетъ вдругъ, взглянетъ на него, Обломова и... захочетъ!

Онъ опять поглядѣлъ въ зеркало.

— „Этакихъ не любятъ!“—сказалъ онъ.

Потомъ легъ и припалъ лицомъ къ подушкѣ.

— „Прощай, Ольга, будь счастлива“,—заклучилъ онъ.

Письмо Обломова. — „Вамъ странно, Ольга Сергѣевна (писалъ онъ), вмѣсто меня самого получить это письмо, когда мы такъ часто видимся. Прочитайте до конца, и вы увидите, что мнѣ иначе поступить нельзя. Надо было бы начать съ этого письма: тогда мы оба избавились бы многихъ упрековъ совѣсти впереди; но и теперь не поздно. Мы полюбили другъ друга такъ внезапно, такъ быстро, какъ-будто оба вдругъ сдѣлались больны, и это мнѣ мѣшало очнуться раиѣ. Притомъ, глядя на васъ, слушая васъ по цѣлымъ часамъ, кто бы добровольно захотѣлъ принимать на себя тяжелую обязанность отрезвляться отъ очарованія? Гдѣ напасешься на каждый мигъ оглядки и силы воли, чтобъ остановиться у всякой покатости и не увлечься по ея склоню? И я всякій день думалъ: „дальше не увлекусь, я остановлюсь: отъ меня зависитъ“ и увлекся, и теперь настаетъ борьба, въ которой требую вашей помощи. Я только сегодня, въ эту ночь, понялъ, какъ быстро скользятъ ноги мои; вчера только удалось мнѣ заглянуть поглубже въ пропасть, куда я падаю, и я рѣшился остановиться. Я говорю только о себѣ—не изъ эгоизма, а потому, что, когда я буду лежать на днѣ этой пропасти, вы все будете, какъ чистый ангель, летать высоко, и не знаю, захотите ли бросить въ нее взглядъ. Послушайте, безъ всякихъ намековъ, скажу прямо и просто: вы меня не любите и не можете любить. Послушайтесь моей опытности и повѣрьте безусловно. Вѣдь мое сердце начало биться давно, положимъ, билось фальшиво, невольно, но это само научило меня различать его правильное бѣненіе отъ случайнаго. Вамъ нельзя, а мнѣ можно и должно знать, гдѣ истина, гдѣ заблужденіе, и на мнѣ лежитъ обязанность предостеречь того, кто еще не успѣлъ узнать этого. И вотъ я предостерегаю васъ: вы въ заблужденіи; оглянитесь!

„Пока между нами любовь появилась въ видѣ легкаго, улыбающагося видѣнія, пока она звучала въ *Casta diva*, носилась въ запахахъ сиреневой вѣтки, въ невысказанномъ участіи, въ стыдливомъ взглядѣ, я не довѣрялъ ей, принимая ее за игру воображенія и шопотъ самолюбія. Но шалости прошли; я сталъ боленъ любовью, почувствовалъ симптомы страсти; вы

стали задумчивы, серьезны; отдали мнѣ ваши досуги; у васъ заговорили нервы; вы начали волноваться, и тогда, то-есть теперь только, я испугался и почувствовалъ, что на меня падаетъ обязанность остановиться и сказать, что это такое. Я сказалъ вамъ, что люблю васъ, вы отвѣтили тѣмъ же— слышите ли, какой диссонансъ звучитъ въ этомъ? Не слышите? такъ услышите позже, когда я уже буду въ безднѣ. Посмотрите на меня, вдумайтесь въ мое существованіе: можно ли вамъ любить меня, любите ли вы меня? „Люблю, люблю, люблю!“ — сказали вы вчера. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! твердо отвѣчаю я. Вы не любите меня, но вы не лжете — спѣшу прибавить — не обманываете меня; вы не можете сказать *да*, когда въ васъ говоритъ *нѣтъ*. Я только хочу доказать вамъ, что ваше настоящее *желаніе* не есть настоящая любовь, а будущая; это только бессознательная потребность любить, которая, за недостаткомъ настоящей пищи, за отсутствіемъ огня, горитъ фальшивымъ, негрѣющимъ свѣтомъ, высказывается иногда у женщинъ въ ласкахъ къ ребенку, къ другой женщинѣ, даже просто въ слезахъ или въ истерическихъ припадкахъ. Мнѣ съ самаго начала слѣдовало бы строго сказать вамъ: „вы ошиблись: передъ вами не тотъ, кого вы ждали, о комъ мечтали. Погодите, онъ придетъ, и тогда вы оцнетесь: вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку, а мнѣ эта досада и стыдъ сдѣлають боль“, — вотъ что слѣдовало бы мнѣ сказать вамъ, еслибъ я отъ природы былъ попрозорливѣе умомъ и пободрѣе душой, еслибъ, наконецъ, былъ искреннѣе... Я и говорилъ, но, помните, какъ: съ боязнью, чтобъ вы не повѣрили, чтобъ этого не случилось; я впередъ говорилъ все, что могутъ потомъ сказать другіе, чтобъ приготовить васъ не слушать и не вѣрить, а самъ торопился видѣться съ вами и думалъ: „когда-то еще другой придетъ, я пока счастливъ“. Вотъ она, логика увлеченія и страстей!

„Теперь уже я думаю иначе. А что будетъ, когда я привяжусь къ ней, когда видѣться — сдѣлается не роскошью жизни, а необходимостью, когда любовь воцѣнется въ сердце (недаромъ я чувствую тамъ отвердѣлость)? Какъ оторваться тогда? переживешь ли эту боль? Худо будетъ мнѣ. Я и теперь безъ ужаса не могу подумать объ этомъ. Еслибъ вы были опытнѣе, старше, тогда бы я благословилъ свое счастье и подальъ вамъ руку навсегда. А то...

„Зачѣмъ же я пишу? зачѣмъ не пришелъ прямо сказать самъ, что желаніе видѣться съ вами растеть съ каждымъ днемъ, а видѣться не слѣдуетъ? Сказать это вамъ въ лицо — достанетъ ли духу, сами посудите! Иногда я и хочу сказать что-то похожее на это, а говорю совсѣмъ другое. Можетъ быть, на лицѣ вашемъ выразилась бы печаль (если правда, что вамъ нескучно было со мной) или вы, не понявъ моихъ добрыхъ намѣреній, оскорбились бы: ни того, ни другого я не перенесу, заговорю опять не то, и честныя намѣренія разлетятся въ прахъ и кончатся уговоромъ видѣться на другой день. Теперь, безъ васъ, совсѣмъ не то: вашихъ кроткихъ глазъ, добраго, хорошенькаго личика нѣтъ передо мной; бумага терпитъ и молчитъ, и я пишу покойно (лгу): *мы не увидимся болѣе* (не лгу). Другой бы прибавилъ: *пишу и обливаюсь слезами*, но я не рисуюсь передъ

вами, не драпируюсь въ свою печаль, потому что не хочу усиливать боль, растравлять сожалѣніе, грусть. Вся эта драпировка скрываетъ обыкновенно умыселъ глубже пустить корни на почвѣ чувства, а я хочу истребить и въ васъ, и въ себѣ сѣмена его. Да и плакать пристало или соблазнительнѣе, которые ищутъ уловить фразами неосторожное самолюбіе женщинъ, или томнымъ мечтателямъ. Я говорю это прощаясь, какъ прощаются съ добрымъ другомъ, отпуская его въ далекій путь. Недѣли чрезъ три, чрезъ мѣсяцъ, было бы поздно, трудно: любовь дѣлаетъ неимовѣрные успѣхи, это душевный антоновъ огонь. И теперь я уже ни на что непохожъ, не считаю часы и минуты, не знаю восхожденія и захожденія солнца, а считаю: видѣлъ — не видалъ, увижу — не увижу, приходила — не пришла, придетъ... Все это къ лицу молодости, которая легко переноситъ и пріятныя и непріятныя волненія; а мнѣ къ лицу покой, хотя скучный, сонный, но онъ знакомъ мнѣ; а съ бурями я не управлюсь.

„Многіе бы удивились моему поступку: отчего бѣжить?—скажутъ другіе, будутъ смѣяться надо мной; пожалуй, я и на то рѣшаюсь. Ужь если я рѣшаюсь не видаться съ вами, значить, на все рѣшаюсь.

„Въ своей глубокой тоскѣ, немного утѣшаюсь тѣмъ, что этотъ коротенькій эпизодъ нашей жизни мнѣ оставитъ навсегда такое чистое, благоуханное воспоминаніе, что одного его довольно будетъ, чтобъ не погрузиться въ прежній сонъ души, а вамъ, не принеся вреда, послужитъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви. Прощайте, ангелъ, улетайте скорѣе, какъ испуганная птичка улетаётъ съ вѣтки, гдѣ сѣла ошибкой, такъ-же легко, бодро и весело, какъ она, съ той вѣтки, на которую сѣли невзначай!“

Обломовъ съ одушевленіемъ писалъ; перо летало по страницамъ. Глаза сіяли, щеки горѣли. Письмо вышло длинно, какъ всѣ любовныя письма: любовники страхъ какъ болтливы.

„Странно!—мнѣ ужъ не скучно, не тяжело! — думалъ онъ, — я почти счастливъ... Отчего это? Должно быть, оттого, что я сбросилъ грузъ души въ письмо“.

Онъ перечиталъ письмо, сложилъ и запечаталъ.

[Желая знать, какое впечатлѣніе произведетъ на Ольгу чтеніе его письма, Обломовъ забѣжалъ въ паркъ и подглядѣлъ, какъ она заплакала].

„Охъ!—вздыхнулъ Обломовъ, тихонько раздвигая вѣтви.—Она, она... Что это? плачетъ! Боже мой!“

Ольга шла тихо и утирала платкомъ слезы; но едва оботреть, являются новыя. Она стыдится, глотаетъ ихъ, хочетъ скрыть даже отъ деревьевъ, и не можетъ. Обломовъ не видалъ никогда слезъ Ольги; онъ не ожидалъ ихъ, и онъ будто обожгли его, но такъ, что ему отъ того было не горячо, а тепло.

Онъ быстро пошелъ за ней.

— „Ольга, Ольга!“—нѣжно говорилъ онъ, слѣдуя за ней.

Она вздрогнула, оглянулась, поглядѣла на него съ удивленіемъ, потомъ отвернулась и пошла дальше.

Онъ пошелъ рядомъ съ ней.

— „Вы плачете?“—сказалъ онъ.

У ней слезы полились сильнѣе. Она уже не могла удержать ихъ и прижала платокъ къ лицу, разразилась рыданіемъ и сбѣла на первую екамяю.

— „Что я надѣлалъ!“ — шепталъ онъ съ ужасомъ, взявъ ея руку и стараясь оторвать отъ лица.—„Оставьте меня!—проговорила она,—уйдите! Зачѣмъ вы здѣсь? Я знаю, что я не должна плакать: о чемъ? Вы правы: да, все можетъ случиться“. — „Что дѣлать, чтобъ не было этихъ слезъ?—спрашивалъ онъ, ставъ передъ ней на колѣни,—говорите, приказывайте: я готовъ на все...“ — „Вы сдѣлали, чтобъ были слезы, а остановить ихъ не въ вашей власти... Вы не такъ сильны! Пустите!“ — говорила она, махая себѣ платкомъ въ лицо.

Слезы закапали опять.

— „Не затѣмъ ли я отказываюсь отъ васъ,—началъ онъ,—что предвижу ваше счастье впереди, что жертвую ему собой?.. Развѣ я дѣлаю это хладнокровно? развѣ у меня не плачетъ все внутри? Зачѣмъ же я это дѣлаю?“—„Зачѣмъ?—повторила она, вдругъ переставъ плакать и обернувшись къ нему, — затѣмъ же, затѣмъ спрятались теперь въ кусты, чтобъ подсмотреть, буду ли я плакать и какъ я буду плакать—вотъ зачѣмъ! Еслибъ вы хотѣли искренно того, что написано въ письмѣ, еслибъ были убѣждены, что надо разстаться, вы бы уѣхали за границу, не повидавшись со мной“.

— „Какая мысль!..“ — заговорилъ онъ съ упрекомъ и не договорилъ. Его поразило это предположеніе, потому что ему вдругъ стало ясно, что это правда.—„Да,—подтвердила она,—вчера вамъ нужно было мое *люблю*, сегодня понадобились слезы, а завтра, можетъ быть, вы захотите видѣть, какъ я умираю“.—„Ольга, можно ли такъ обижать меня! Ужели вы не вѣрите, что я отдалъ бы теперь полжизни, чтобъ услышать вашъ смѣхъ и не видѣть слезъ...“—„Да, теперь, можетъ быть, когда уже видѣли, какъ плачетъ о васъ женщина... Нѣтъ, — прибавила она, — у васъ нѣтъ сердца. Вы не хотѣли моихъ слезъ, говорите вы, такъ бы и не сдѣлали, еслибъ не хотѣли...“—„Да развѣ я зналъ?!“—съ вопросомъ и восклицаніемъ въ голосѣ сказалъ онъ, прикладывая обѣ ладони къ груди. — „У сердца, когда оно любить, есть свой умъ,—возразила она,—оно знаетъ, чего хочетъ, и знаетъ напередъ, что будетъ. Мнѣ вчера нельзя было придти сюда: къ намъ вдругъ пріѣхали гости; но я знала, что вы измучились бы, ожидая меня, можетъ быть дурно бы спали: я пришла, потому что не хотѣла вашего мученья... А вы... вамъ весело, что я плачу. Смотрите, смотрите, наслаждайтесь!..“

И опять заплакала она.

— „Я и такъ дурно спалъ, Ольга; я измучился ночь...“ — „И вамъ жаль стало, что я спала хорошо, что я не мучусь — не правда ли?—перебила она.—Еслибъ я не заплакала теперь, вы бы и сегодня дурно спали“.—„Что-жъ мнѣ теперь дѣлать: просить прощенія?“—съ покорной нѣжностью сказалъ онъ.—„Просить прощенія дѣти или когда въ толпѣ отдавать ногу кому-нибудь, а тутъ извиненіе не поможетъ“,—говорила она, обмахивая опять платкомъ лицо. — „Однако, Ольга, если это правда, если моя мысль спра-

ведлива и ваша любовь — ошибка? если вы полюбите другого, а взглянув на меня тогда, покраснѣете...“ — „Вы боитесь, — возразила она колко, — упасть „на дно бездны“; васъ пугаетъ будущая обида, что я разлюблю васъ!.. „Мнѣ будетъ худо“ пишете вы...“

Онъ все еще плохо понималъ.

— „Да вѣдь мнѣ тогда будетъ хорошо, если я полюблю другого, значить я буду счастлива! А вы говорите, что „предвидите мое счастье впереди и готовы пожертвовать для меня всѣмъ, даже жизнью?“

Онъ глядѣлъ на нее пристально и мигалъ рѣдко и широко.

— „А если, — начала она горячо вопросомъ, — вы устанете отъ этой любви, какъ устали отъ книгъ, отъ службы, отъ свѣта, если, современемъ, безъ соперницы, безъ другой любви, уснете вдругъ около меня, какъ у себя на диванѣ и голосъ мой не разбудитъ васъ; если опухоль у сердца пройдетъ, если даже не другая женщина, а халатъ вашъ будетъ вамъ дороже?..“ — „Ольга, это невозможно!“ — перебилъ онъ съ неудовольствіемъ, отодвигаясь отъ нея. — „Отчего невозможно? — спросила она. — Вы говорите, что я „ошибаюсь, что полюблю другого“, а я думаю иногда, что вы просто разлюбите меня. И что тогда? Какъ я оправдаю себя въ томъ, что дѣлаю теперь? Если не люди, не свѣтъ, что я скажу самой себѣ?.. Я жду, ищу одного — счастья и вѣрю, что нашла. Если ошибусь, если правда, что я буду плакать надъ своей ошибкой, по крайней мѣрѣ я чувствую здѣсь (она приложила ладонь къ сердцу), что я не виновата въ ней; значить, судьба не хотѣла этого, Богъ не далъ. Но я не боюсь за будущія слезы; я буду плакать не напрасно: я купила ими что-нибудь... Мнѣ такъ хорошо... было!..“ — прибавила она.

— „Пусть-же бѣдетъ опять хорошо!“ — умолялъ Обломовъ. — „А вы видите только мрачное впереди; вамъ счастье ни почему... Это благодарность, — продолжала она, — это не любовь, это...“ — „Эгоизмъ!“ — сказалъ Обломовъ и не смѣлъ взглянуть на Ольгу, не смѣлъ говорить, не смѣлъ просить прощенья. — „Идите, — тихо сказала она, — куда вы хотѣли идти. Ложитесь опять на спину, — прибавила потомъ, — не ошибетесь, „не упадете въ бездну“. — „Я отравился и отравилъ васъ, вмѣсто того, чтобъ быть просто и прямо счастливымъ...“ — бормоталъ онъ съ раскаяніемъ. — „Пейте квасъ: не отравитесь“, — язвила она.

[Послѣ этой размолвки они опять примирились, опять стали вѣрить въ счастье; Ольга сумѣла даже въ письмѣ Обломова увидѣть новое доказательство его любви, его честности].

— „Въ письмѣ вашемъ играютъ мысль, чувство... вы жили эту ночь и утро не по-своему, а какъ хотѣлъ, чтобъ вы жили, вашъ другъ и я — это во-вторыхъ; наконецъ, въ-третьихъ...“

Она подсыла къ нему такъ близко, что кровь бросилась ему въ сердце и въ голову; онъ началъ дышать тяжело, съ волненіемъ. А она смотритъ ему прямо въ глаза.

— „Въ-третьихъ, потому, что въ письмѣ этомъ, какъ въ зеркалѣ, видна ваша нѣжность, ваша осторожность, забота обо мнѣ, боязнь за

мое счастье, ваша чистая совѣсть... все, что указалъ мнѣ въ васъ Андрей Ивановичъ и что я полюбила, за что забываю вашу лѣнь... апатію... Вы высказались тамъ невольно: вы не эгоистъ, Илья Ильичъ, вы написали со-вѣтъ не для того, чтобъ разстаться—этого вы не хотѣли, а потому, что боялись обмануть меня... это говорила честность, иначе-бы письмо оскор-било меня и я не заплакала-бы—отъ гордости! Видите, я знаю, за что я люблю васъ, и не боюсь ошибки: я въ васъ не ошибаюсь...”

Она показалась Обломову въ блескѣ, въ сіяніи, когда говорила это. Глаза у ней сіяли такимъ торжествомъ любви, сознаниемъ своей силы; на щекахъ рдѣли два розовыя пятна. И онъ, онъ былъ причиной этого! Дви-женіемъ своего честнаго сердца онъ бросилъ ей въ душу этотъ огонь, эту игру, этотъ блескъ!

— „Ольга! вы... лучше всѣхъ женщинъ, вы первая женщина въ мірѣ!“ — сказалъ онъ въ восторгѣ и, не помня себя, простеръ руки, наклонился къ ней.

[Обломовъ сдѣлалъ предложеніе Ольгѣ, и она согласилась выйти за-мужъ].

Обломовъ на новой квартирѣ. [Тарантьевъ съ Иваномъ Матвѣвичемъ, братомъ вдовы Пшеницыной, у которой была нанята Обломовымъ квартира, легко его обошли, подсунувъ ему къ подписи очень невыгодный для него контрактъ. Временно Обломовъ перебрался на новую квартиру, въ одну изъ глухихъ улицъ Выборгской стороны. Тишина и спокойствіе этой жизни вдали отъ городского шума ему очень понравились, и онъ понемногу сталъ опять втягиваться въ жизнь лежебока. Понравилась ему и хозяйка дома, недале-кая, но красивая и добродушная Агаѣя Матвѣвна, умѣвшая вкусно стря-пать и заботливо съ нимъ обращаться. Она была въ полной власти у своего плутоватаго брата, который и пользовался ею въ своихъ видахъ: безпеч-ный Обломовъ подписалъ свои условія, не вдумываясь въ текстъ договора и, самъ того не зная, обязался заплатить такую неустойку въ случаѣ раз-рыва контракта, что, не имѣя въ наличности достаточно денегъ, чтобы расплатиться, связалъ себя съ новой квартирой. У него не хватило муже-ства сказать объ этомъ Ольгѣ, онъ сталъ бояться предстоящей свадьбы, съ которой было связано столько хлопотъ и издержекъ. Но онъ еще жилъ лю-бовью къ Ольгѣ, хотя эта любовь сводилась къ мечтамъ. Ольга стала замѣчать постепенное паденіе его настроеній и заботливо и тревожно въ него всматривалась. Обломовъ пришелъ въ ужасъ, когда Захаръ однажды проболтался относительно предстоящей его женитьбы. Обломовъ испугался того, что „всѣ“ знаютъ о его любви. Онъ съ ужасомъ сталъ спрашивать, кто про него пустилъ такую небылицу].

— „Зачѣмъ ты выдумалъ такую нелѣпость?“ — „Я не выдумывалъ,— сказалъ Захаръ,—Ильинскіе люди сказывали.“ — „А имъ кто сказывалъ?“ — „Я почему знаю! Катя сказала Семену, Семень Никитѣ, Никита Василисѣ, Василиса Анисѣ, а Анисья мнѣ...“ — говорилъ Захаръ. — „Господи, Гос-поди! всѣ!—съ ужасомъ произнесъ Обломовъ. — Все это вздоръ, нелѣпость, ложь, клевета—слышишь-ли ты? — постучавъ кулакомъ объ столъ, сказалъ Обломовъ. — Этого быть не можетъ!“ — „Отчего не можетъ быть? — равно-

душно перебилъ Захаръ, — дѣло обыкновенное — свадьба! Не вы одни, всѣ женятся“. — „Всѣ! — сказалъ Обломовъ. — Ты мастеръ равнять меня съ другими да со всѣми! Это быть не можетъ! и нѣтъ, и не было! Свадьба — обыкновенное дѣло, слышите? Что такое свадьба?“

Захаръ взглянулъ-было на Обломова, да увидалъ яростно устремленные на него глаза и тотчасъ перенесъ взглядъ направо, въ уголь.

— „Слушай, я тебѣ объясню, что это такое. „Свадьба, свадьба“, — начнутъ говорить праздные люди, разные женщины, дѣти, по лакейскимъ, по магазинамъ, по рынкамъ. Человѣкъ перестаетъ называться Ильей Ильичемъ или Петромъ Петровичемъ, а называется „женихъ“. Вчера на него никто и смотрѣть не хотѣлъ, а завтра всѣ глаза пучатъ, какъ на шельму какую-нибудь. Ни въ театрѣ, ни на улицѣ прохода не дадутъ. „Вотъ, вотъ женихъ!“ — шепчутъ всѣ. А сколько человѣкъ подойдетъ къ нему въ день, всякій поровитъ сдѣлать рожу поглубже, вотъ какъ у тебя теперь (Захаръ быстро перенесъ взглядъ опять на дворъ) и сказать что-нибудь понелѣпше, — продолжалъ Обломовъ. — Вотъ оно, какое начало! А ты ѣзди каждый день, какъ окаянный, съ утра къ невѣстѣ, да все въ палевыхъ перчаткахъ, чтобъ у тебя платье съ иголки было, чтобъ ты не глядѣлъ скучно, чтобъ не ѣлъ, не пилъ, какъ слѣдуетъ, обстоятельно, а такъ, вѣтромъ-бы жилъ да букетами! Это мѣсяца три, четыре! Видишь? Такъ какъ-же я-то могу? Ты забылъ, сколько бѣготни, суматохи и у жениха, и у невѣсты; а кто у меня — ты что-ли будешь бѣгать по портнымъ, по сапожникамъ, къ мебельщику? Одинъ я не разорвусь на всѣ стороны. Всѣ въ городѣ узнаютъ. „Обломовъ женится — вы слышали?“ — „Ужели? На комъ? Кто такая? Когда свадьба?“ — говорилъ Обломовъ разными голосами, — только и разговора! Да я измучусь, слыгу отъ одного этого, а ты выдумалъ: свадьба!“

— „А издержки какія! — продолжалъ Обломовъ, — а деньги гдѣ? Ты видѣлъ, сколько у меня денегъ? — почти грозно спросилъ Обломовъ. — А квартира гдѣ? Здѣсь надо тысячу рублей заплатить да нанять другую, три тысячи дать, да на отдѣлку сколько! А тамъ экипажъ, поварь, на прожитокъ! Гдѣ я возьму?“ — „Какъ-же съ тремястами душъ женятся другіе?“ — возразилъ Захаръ, да и самъ раскаялся, потому что баринъ почти вскочилъ съ кресла, такъ и припрыгнулъ на немъ. — „Ты опять „другіе?“ Смотри! — сказалъ онъ, погрозивъ пальцемъ, — другіе въ двухъ, много въ трехъ комнатахъ живутъ: и столовая, и гостиная — все тутъ; а иные и спать тутъ-же; дѣти рядомъ; одна дѣвка на весь домъ служить. Сама барыня на рынокъ ходитъ! А Ольга Сергѣевна пойдетъ на рынокъ?“ — „На рынокъ-то и я схожу“, — замѣтилъ Захаръ. — „Ты знаешь, сколько дохода съ Обломовки получаемъ? — спрашивалъ Обломовъ. — Слышишь, что староста пишетъ? доходу „тысящи яко двѣ поменѣ!“ А тутъ дорогу надо строить, школы заводить, въ Обломовку ѣхать: тамъ негдѣ жить, дома еще нѣтъ... Какая-же свадьба? что ты выдумалъ?“

Обломовъ остановился. Онъ самъ пришелъ въ ужасъ отъ этой грозной, безотрадной перспективы. Розы, померанцевые цвѣты, блистанье праздника, шопоть удивленія въ толпѣ — все вдругъ померкло.

[Обломовъ такъ измучился своими страхами, что пересталъ бывать у Ольги. Она сама прѣхала къ нему на Выборгскую сторону. Произошло объясненіе. Ольга не понимала, почему Обломовъ боится „толковъ“ о свадьбѣ. Глядя на его обстановку, она убѣдилась, что онъ опять опускается, и стала его упрекать. Убѣдившись изъ дальнѣйшаго поведенія Обломова, что спасти его она не можетъ, Ольга объяснилась съ нимъ въ послѣдній разъ].

Она молчала, глядя на него пристально, какъ привидѣніе. Онъ смутно догадывался, какой приговоръ ожидалъ его, и взялъ шляпу; но медлил спрашивать: ему страшно было услышать роковое рѣшеніе и, можетъ быть, безъ апелляціи. Наконецъ, онъ осилилъ себя.

— „Такъ-ли я понялъ?“ — спросилъ онъ ее измѣнившимся голосомъ.

Она медленно, съ кротостью наклонила, въ знакъ согласія, голову. Онъ хотя до этого угадалъ ея мысль, но поблѣднѣлъ и все стоялъ передъ ней. Она была нѣсколько томна, но казалась такъ покойною и неподвижною, какъ-будто каменная статуя. Это былъ тотъ сверхъестественный покой, когда сосредоточенный замыселъ или пораженное чувство даютъ человѣку вдругъ всю силу, чтобъ сдержатъ себя, но только на одинъ моментъ. Она походила на раненаго, который зажалъ рану рукой, чтобъ досказать, что нужно, и потомъ умереть.

— „Ты не возненавидишь меня?“ — спросилъ онъ. — „За что?“ — сказала она слабо. — „За все, что я сдѣлалъ съ тобой...“ — „Что ты сдѣлалъ?“ — „Любилъ тебя: это оскорбленіе!“

Она съ жалостью улыбнулась.

— „За то,—говорилъ онъ,—поникнувъ головой, что ты ошибалась... Можетъ быть, ты простишь меня, если вспомнишь, что я предупреждалъ, какъ тебѣ будетъ стыдно, какъ ты станешь раскаиваться...“ — „Я не раскаиваюсь. Миѣ только больно, такъ больно...“ — сказала она и остановилась, чтобъ перевести духъ. — „Миѣ хуже!—отвѣчала Обломовъ, но я стою этого,—за что *ты* мучишься?“ — „За гордость,—сказала она,—я наказана: я слишкомъ понадѣялась на свои силы—вотъ въ чемъ я ошиблась, а не въ томъ, чего ты боялся: не с первой молодости и красотѣ мечтала я; я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня — а ты ужъ давно умеръ. Я не предвидѣла этой ошибки, я все ждала, надѣялась... и вотъ!..—съ трудомъ, со вздохомъ досказала она.

Она замолчала, потомъ сѣла.

— „Я не могу стоять: ноги дрожать. Камень ожилъ-бы отъ того, что я сдѣлала,—продолжала она томнымъ голосомъ.—Теперь не сдѣлаю ничего, ни шагу, даже не пойду въ Лѣтній садъ: все бесполезно—ты умеръ! Ты согласенъ со мной, Ильи? — прибавила она потомъ, помолчавъ,—не упрекнешь меня никогда, что я по гордости или по капризу разсталась съ тобой?“

Онъ отрицательно покачалъ головой...

— „Убѣжденъ-ли ты, что намъ ничего не осталось, никакой надежды?“ — „Да,—сказалъ онъ,—это правда... Но, можетъ быть...—нерѣшительно прибавилъ потомъ,—черезъ годъ...“ — У него не доставало духа нанести

рѣшительный ударъ своему счастью. — „Ужели ты думаешь, что черезъ годъ ты устроишь-бы свои дѣла и жизнь?—спросила она.—Подумай!“

Онъ молчалъ.

— „Еслибъ ты знала, какъ я люблю...“—„Я жду не увѣреній въ любви, а короткаго отвѣта“,—перебила она почти сухо.—„Не мучь меня, Ольга!“—съ уныніемъ умолялъ онъ.—„Что-жь, Илья, права я или нѣтъ?“—„Да,—внятно и рѣшительно сказалъ онъ,—ты права!“—„Такъ намъ пора разстаться,—рѣшила она,—пока не застали тебя и не видали, какъ я разстроена!“

Онъ все не шель.

— „Еслибъ ты и женился, что потомъ?“—спросила она.

Онъ молчалъ.

— „Ты засыпалъ бы съ каждымъ днемъ все глубже—не правда ли? А я? Ты видишь, какая я? Я не состарѣюсь, не устану жить никогда. А съ тобой мы стали бы жить изо-дня-въ-день, ждать Рождества, потомъ масленицы, ѣздить въ гости, танцовать и не думать ни о чемъ; ложились бы спать и благодарили Бога, что день скоро прошелъ, а утромъ просыпались бы съ желаніемъ, чтобъ сегодня походило на вчера... вотъ наше будущее—да? Развѣ это жизнь? Я зачахну, умру... за что, Илья? Будешь ли ты счастливъ?..“

Онъ мучительно провелъ глазами по потолку, хотѣлъ сойти съ мѣста, бѣжать—ноги не повиновались. Хотѣлъ сказать что-то: во рту было сухо, языкъ не ворочался, голосъ не выходилъ изъ груди. Онъ протянулъ ей руку.

— „Прощай, прощай...“—вырвалось у ней среди рыданій.

Онъ молчалъ и въ ужасѣ слушалъ ея слезы, не смѣя мѣшать имъ. Онъ не чувствовалъ жалости ни къ ней, ни къ себѣ; онъ былъ самъ жалокъ.

— „Я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь; ты причеши голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю! Можешь ли изучить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ недостаетъ, дать это все, чтобъ я?.. А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!“

У Обломова подкосились ноги; онъ сѣлъ въ кресло и отеръ платкомъ руки и лобъ.

Слово было жестоко; оно глубоко уязвило Обломова: внутри оно будто обожгло его, снаружи повѣяло на него холодомъ. Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно-стыдливо, какъ нищій, котораго упрекнули его наготой. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ: „да, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня!..“

Ольга вдругъ увидѣла, сколько яду было въ ея словѣ; она стремительно бросилась къ нему.

— „Прости меня, мой другъ!—заговорила она нѣжно, будто слезами,—я не помню, что говорю: я безумная! Забудь все; будемъ попрежнему; пусть все останется, какъ было...“—„Нѣтъ!—сказалъ онъ, вдругъ вставъ и устраняя рѣшительнымъ жестомъ ея порывъ,—не останется! Не тревожься, что сказала правду: я стою...“—прибавилъ онъ съ уныніемъ.

— „Отчего погибло все?—вдругъ, поднявъ голову, спросила она,—кто проклялъ тебя, Илья? Что ты сдѣлалъ? Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу“...—„Есть“,—сказалъ онъ чуть слышно.

Она вопросительно, полными слезъ глазами взглянула на него.

— „Обломовщина!“—прошепталъ онъ, потомъ взявъ ея руку, хотѣлъ поцѣловать, но не могъ, только прижалъ крѣпко къ губамъ, и горячія слезы закапали ей на пальцы. Не поднимая головы, не показывая ей лица, онъ обернулся и пошелъ.

[Ольга уѣхала съ теткой за границу, гдѣ она ближе познакомилась со Штольцемъ, за котораго и вышла замужъ. Обломовъ остался жить въ домѣ вдовы Пшеницыной. Штолицъ сумѣлъ вырвать его изъ цѣпкихъ рукъ плута-брата Пшеницыной, и Обломовъ мирно доживалъ свои дни, женившись на своей квартирной хозяйкѣ].

А самъ Обломовъ? Самъ Обломовъ былъ полнымъ и естественнымъ отраженіемъ и выраженіемъ того покоя, довольства и безмятежной тишины. Вглядываясь, вдумываясь въ свой бытъ и все болѣе и болѣе обживаясь въ немъ, онъ, наконецъ, рѣшилъ, что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеаль его жизни осуществился, хотя безъ поэзіи, безъ тѣхъ лучей, которыми нѣкогда воображеніе рисовало ему барское широкое и безпечное теченіе жизни въ родной деревнѣ, среди крестьянъ, дворни. Онъ смотрѣлъ на настоящій свой бытъ, какъ на продолженіе того же обломовскаго существованія, только съ другимъ колоритомъ мѣстности и, отчасти, времени. И здѣсь, какъ въ Обломовкѣ, ему удавалось дешево отдѣлываться отъ жизни, выторговать у ней и застраховать себѣ невозмутимый покой. Онъ торжествовалъ внутренно, что ушелъ отъ ея докучливыхъ, мучительныхъ требованій и грозъ, изъ-подъ того горизонта, подъ которымъ блещутъ молніи великихъ радостей и раздаются внезапные удары великихъ скорбей, гдѣ играютъ ложныя надежды и великолѣпные призраки счастья, гдѣ гложетъ и снѣдаетъ человѣка собственная мысль и убиваетъ страсть, гдѣ падаетъ и торжествуетъ умъ, гдѣ сражается въ непрестанной битвѣ человѣкъ и уходитъ съ поля битвы истерзанный и все недовольный и ненасытимый. Онъ, не испытавъ наслажденій, добываемыхъ въ борьбѣ, мысленно отказался отъ нихъ и чувствовалъ покой въ душѣ только въ забытомъ уголкѣ, чуждомъ движенія, борьбы и жизни. А если закипитъ еще у него воображеніе, возстанутъ забытыя воспоминанія, неисполненные мечты, если въ совѣсти зашевелится упреки за прожитую такъ, а не иначе жизнь—онъ спитъ непокойно, просыпается, вскакиваетъ съ постели, иногда плачетъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угаснувшемъ идеалѣ жизни, какъ плачутъ по дорогомъ усопшемъ, съ горькимъ чувствомъ сознанія, что недовольно

сдѣлали для него при жизни. Потомъ онъ взглянетъ на окружающее его, вкусить временныхъ благъ и успокоится, задумчиво глядя, какъ тихо и покойно утопаетъ въ пожарѣ зари вечернее солнце, наконецъ рѣшить, что жизнь его не только сложилась, но и создана, даже предназначена была такъ просто, немудрено, чтобъ выразить возможность идеально покойной стороны человѣческаго бытія. Другимъ, думалъ онъ, выпадало на долю выражать ея тревожныя стороны, двигать создающими и разрушающими силами: у всякаго свое назначеніе! Вотъ какая философія выработалась у обломовскаго Платона и убаюкивала его среди вопросовъ и строгихъ требованій долга и назначенія! И родился и воспитанъ онъ былъ не какъ гладиаторъ для арены, а какъ мирный зритель боя; не вынести бы его робкой и лѣнливой душѣ ни тревогъ счастья, ни ударовъ жизни — слѣдовательно, онъ выразилъ собою одинъ ея край, и добиваться, мѣнять въ ней что-нибудь или каяться—нечего. Съ лѣтами, волненія и раскаяніе являлись рѣже, и онъ тихо и постепенно укладывался въ простой и широкій гробъ остальнаго своего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ старцы пустынные, которые, отворотясь отъ жизни, копаютъ себѣ могилу. Онъ ужъ пересталъ мечтать объ устройствѣ имѣнія и о поѣздкѣ туда всѣмъ домою. Поставленный Штольцемъ управляющій аккуратно присылалъ ему весьма порядочный доходъ къ Рождеству, мужики привозили хлѣба и живности, и домъ процвѣталъ обиліемъ и весельемъ. Илья Ильичъ завелъ даже пару лошадей, но, изъ свойственной ему осторожности, такихъ, что онѣ только послѣ третьяго кнута трогались отъ крыльца, а при первомъ и второмъ ударѣ, одна лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ вторая лошадь пошатнется и ступитъ въ сторону, потомъ уже, вытянувъ напряженно шею, спину и хвостъ, двинется онѣ разомъ и побѣгутъ, кивая головами. На нихъ возили Ваню на ту сторону Невы, въ гимназію, да хозяйка ѣздила за разными покупками. На масленицѣ и на Святой вся семья и самъ Илья Ильичъ ѣздили на гулянье кататься и въ балаганы; брали изрѣдка ложу и посѣщали, также всѣмъ домою, театръ. Лѣтомъ отправлялись за городъ, въ ильинскую пятницу—на Пороховые заводы, и жизнь чередовалась обычными явленіями, не внося губительныхъ перемѣнъ, можно было бы сказать, еслибъ удары жизни вовсе не достигали маленькихъ мирныхъ уголковъ. Но, къ несчастью, громовой ударъ, потрясая основанія горъ и огромныя воздушныя пространства, раздастся и въ норкѣ мыши, хотя слабѣе, глуше, но для норки ощутительно.

Илья Ильичъ кушалъ аппетитно и много, какъ въ Обломовкѣ, ходилъ и работалъ лѣнливо и мало, тоже какъ въ Обломовкѣ. Онъ, несмотря на нарастающія лѣта, безопасно пилъ вино, смородиновую водку и еще безпечнѣе и подолгу спалъ послѣ обѣда. Вдругъ все это перемѣнилось.

[Съ Обломовымъ случился апоплексическій ударъ. Жена, горячо его любившая, берегла его, какъ ребенка; она заставила его вести болѣе гигиеническій образъ жизни. Какъ-то пріѣхалъ къ нему Штольць, ужаснулся при видѣ друга и хотѣлъ-было опять начать его спасеніе].

— „Вонъ изъ этой ямы, изъ болота, на свѣтъ, на просторъ, гдѣ есть

здоровая, нормальная жизнь! — настаивалъ Штольцъ строго, почти повелительно. — Гдѣ ты? что ты сталъ? Опомнись! Развѣ ты къ этому быту готовилъ себя, чтобъ спать, какъ кротъ въ норѣ? Ты вспомни все...“ — „Не напоминай, не тревожь прошлаго: не воротись! — говорилъ Обломовъ, съ мыслью на лицѣ, съ полнымъ сознаниемъ разсудка и воли. — Что ты хочешь дѣлать со мной? Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь двѣ разорванныя половины. Я приростъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать — будетъ смерть.“ — „Да ты оглянись, гдѣ и съ кѣмъ ты?“ — „Знаю, чувствую... Ахъ, Андрей, все я чувствую, все понимаю; мнѣ давно совѣстно жить на свѣтѣ! Но не могу идти съ тобой твоей дорогой, еслибъ даже захотѣлъ... Можетъ быть, въ послѣдній разъ было еще возможно. Теперь... (онъ опустилъ глаза и промолчалъ съ минуту), теперь поздно... Иди и не останавливайся надо мной. Я стою твоей дружбы — это Богъ видитъ, но не стою твоихъ хлопотъ. Ахъ, Андрей, — сказалъ онъ нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ, обнимая его и кладя голову ему на плечо. — Оставь меня совѣмъ... забудь...“ — „Какъ, навсегда?“ — съ изумлениемъ спросилъ Штольцъ, устраниаясь отъ его объятий и глядя ему въ лицо. — „Да!“ — проценталъ Обломовъ.

Штольцъ отступилъ отъ него на шагъ.

— „Ты ли это, Илья? — упрекалъ онъ, — ты отталкиваешь меня! и для нея, для этой женщины... Боже мой! — почти закричалъ онъ, какъ отъ внезапной боли, — этотъ ребенокъ, что я сейчасъ видѣлъ... Илья, Илья! бѣги отсюда, пойдемъ, пойдемъ скорѣе! какъ ты палъ! Эта женщина... что она тебѣ?..“ — „Жена!“ — покойно произнесъ Обломовъ.

Штольцъ окаменѣлъ.

— „А этотъ ребенокъ — мой сынъ! Его зовутъ Андреемъ, въ память о тебѣ!“ — досказалъ Обломовъ разомъ и покойно перевелъ духъ, сложивъ съ себя бремя откровенности.

— „Не забудь моего Андрея!“ — были послѣднія слова Обломова, сказанныя угасшимъ голосомъ.

Андрей молча, медленно вышелъ вонъ, медленно, задумчиво шелъ онъ дворомъ и сѣлъ въ карету, а Обломовъ сѣлъ на диванъ, оперся локтями на столъ и закрылъ лицо руками.

„Нѣтъ, не забуду я твоего Андрея, — съ грустью, идучи дворомъ, думалъ Штольцъ. — Погибъ ты, Илья: нечего тебѣ говорить, что твоя Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца! Не скажу тебѣ, что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ... школы, грамота, а дальше... Нѣтъ, перепугаешься ты зари новаго счастья, больно будетъ непривычнымъ глазамъ. Но поведи твоего Андрея, куда ты не могъ идти... и съ нимъ будемъ приводить въ дѣло наши юношескія мечты. Прощай, старая Обломовка!“

И. Гончаровъ.

VI. ГРОЗА!

[Купецъ Дикой, грубый самодуръ, встрѣтившись на улицѣ съ племянникомъ Борисомъ, сталъ его ругать въ присутствіи Кудряша и Кулигина].

Дикой. Баклуши ты, что-ль, бить сюда пріѣхаль! Дармоѣдь! Пропади ты пропадомъ!

Борисъ. Праздникъ; что дома-то дѣлать!

Дикой. Найдешь дѣло, какъ захочешь. Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: „не смѣй мнѣ навстрѣчу попадаться“; тебѣ все пейметса! Мало тебѣ мѣста-то? Куда ни поди, тутъ ты и есть! Тѣфу, ты, проклятый! Что ты, какъ столбъ, стоишь-то! Тебѣ говорятъ, аль нѣтъ?

Борисъ. Я и слушаю, что-жъ мнѣ дѣлать еще!

Дикой (посмотрѣвъ на Бориса). Провались ты! Я съ тобой и говорить-то не хочу, съ езуитомъ. (Уходя). Вотъ навязался! (Плюетъ и уходитъ).

Кулигинъ. Что у васъ, сударь, за дѣла съ нимъ? Не поймемъ мы никакъ. Охота вамъ жить у него да брань переносить.

Борисъ. Ужъ какая охота, Кулигинъ! Неволя.

Кулигинъ. Да какая-же неволя, сударь, позвольте васъ спросить. Коли можно, сударь, такъ скажите намъ.

Борисъ. Отчего-жъ не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигинъ. Ну, какъ не знать!

Кудряшъ. Какъ не знать!

Борисъ. Батюшку она вѣдь не взлюбила за то, что онъ женился на благородной. По этому-то случаю батюшка съ матушкой и жили въ Москвѣ. Матушка рассказывала, что она трехъ дней не могла ужиться съ родней, ужъ очень ей дико казалось.

Кулигинъ. Еще-бы не дико! Ужъ что говорить! Большую привычку нужно, сударь, имѣть.

Борисъ. Воспитывали насъ родители въ Москвѣ хорошо, ничего для насъ не жалѣли. Меня отдали въ Коммерческую академію, а сестру въ пансіонъ, да оба вдругъ и умерли въ холеру, мы съ сестрой сиротами и остались. Потому мы слышимъ, что и бабушка здѣсь умерла и оставила завѣ-

щаніе, чтобы дядя намъ выплатилъ часть, какую слѣдуетъ, когда мы придемъ въ совершеннolѣтіе, только съ условіемъ.

Кулигинъ. Съ какимъ-же, сударь?

Борисъ. Если мы будемъ къ нему почтительны.

Кулигинъ. Это значить, сударь, что вамъ наслѣдства вашего не видать никогда.

Борисъ. Да нѣтъ, этого мало, Кулигинъ! Онъ прежде наломается надъ нами, наругается всячески, какъ его душѣ угодно, а кончитъ все-таки тѣмъ, что не дастъ ничего или такъ, какую-нибудь малость. Да еще станетъ рассказывать, что изъ милости далъ, что и этого-бы не слѣдовало.

Кудряшъ. Ужъ это у насъ въ купечествѣ такое заведеніе. Опять-же, хоть-бы вы и были къ нему почтительны, нешто кто ему запретить сказывать-то, что вы непочтительны?

Борисъ. Ну, да. Ужъ онъ и теперь поговариваетъ иногда: „у меня свои дѣти, за что я чужимъ деньги отдамъ? Черезъ это я своихъ обидѣть долженъ!“

Кулигинъ. Какъ-же вы у него живете, сударь, на какомъ положеніи?

Борисъ. Да ни на какомъ: „живи, говоритъ, у меня, дѣлай, что прикажутъ, а жалованья, что положу“. То-есть черезъ годъ разочтеть, какъ ему будетъ угодно.

Кудряшъ. У него ужъ такое заведеніе. У насъ никто и пикнуть не смѣетъ о жалованьѣ, изругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. „Ты, говоритъ, почему знаешь, что я на умѣ держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А, можетъ, я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ“. Вотъ ты и поговори съ нимъ! Только еще онъ во всю свою жизнь ни разу въ такое-то расположеніе не приходилъ.

Кулигинъ. Что-жъ дѣлать-то, сударь! Надо стараться угождать какъ-нибудь.

Борисъ. Въ томъ-то и дѣло, Кулигинъ, что никакъ невозможно. На него и свои-то никакъ угодить не могутъ; а ужъ гдѣ-жъ мнѣ!

Кудряшъ. Кто-жъ ему угодить, коли у него вся жизнь основана на ругательствѣ? А ужъ пуще всего изъ-за денегъ; ни одного расчета безъ брани не обходится. Другой радъ отъ своего отступиться, только-бы онъ унялся. А бѣда, какъ его по-утру кто-нибудь разсердитъ! Цѣлый день ко всѣмъ придирается.

Борисъ. Тетка каждое утро всѣхъ со слезами умоляетъ: „батюшки, не разсердите! Голубчики, не разсердите!“

Кудряшъ. Да нешто уберешься! Попалъ на базаръ, вотъ и конецъ! Всѣхъ мужиковъ переругаетъ. Хоть въ убытокъ проси, безъ брани все-таки не отойдетъ. А потомъ и пошелъ на весь день.

Шапкинъ. Одно слово: воинъ!

Кудряшъ. Еще какой воинъ-то!

Борисъ. А вотъ бѣда-то, когда его обидитъ такой человекъ, котораго онъ обругать не смѣетъ; тутъ ужъ домашніе держись!

Кудрявицъ. Батюшки! Что смѣху-то было! Какъ-то его на Волгѣ на перевозѣ гусаръ обругалъ. Вотъ чудеса-то творидь.

Борисъ. А какво домашнимъ-то было! Послѣ этого двѣ недѣли всѣ прятались по чердакамъ да по чулапамъ.

Куминъ. Что это? Никакъ народъ отъ вечерни тронулся?

Борисъ. Эхъ, Кулигинъ, больно трудно мнѣ здѣсь, безъ привычки-то! Всѣ на меня какъ-то дико смѣютъ, точно я здѣсь лишній, точно мѣшаю имъ. Обычаевъ я здѣшнихъ не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никакъ.

Куминъ. И не привыкнете никогда, сударь.

Борисъ. Отчего-же?

Куминъ. Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! Въ мѣщанствѣ, сударь, вы ничего, кромѣ грубости да бѣдности нагойной, не увидите. И никогда намъ, сударь, не выбитесь изъ этой коры! Потому что честнымъ трудомъ никогда не заработать намъ больше насущнаго хлѣба. А у кого деньги, сударь, тотъ старается бѣднаго закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ наживать. Знаете, что вашъ дядюшка, Савель Прокофьевичъ, городничему отвѣчалъ? Къ городничему мужички пришли жаловаться, что онъ ни одного изъ нихъ путемъ не разочтетъ. Городничій и сталъ ему говорить: „Послушай, говоритъ, Савель Прокофьевичъ, рассчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходять!“ Дядюшка вашъ потрепалъ городничаго по плечу да и говоритъ: „Стоить-ли, ване высокоблагородіе, намъ съ вами объ такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то народу перебиваетъ; вы то поймите: не доплачу я имъ по какой-нибудь копѣйкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо!“ Вотъ какъ, сударь! А между собой-то, сударь, какъ живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ, и не столько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга; залучаютъ въ свои высокія-то хоромы пьяныхъ приказныхъ, такихъ, сударь, приказныхъ, что и виду-то человѣческаго на немъ нѣтъ, обличье-то человѣческое истеряно. А тѣ имъ, за малую благостыню, на гербовыхъ листахъ злостныя клеюзы строчатъ на ближнихъ. И начнется у нихъ, сударь, судъ да дѣло и нѣсть конца мученіямъ. Судятся — судятся здѣсь, да въ губернію поѣдутъ, а тамъ ужъ ихъ и ждуть, да отъ радости руками плещутъ. Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается; водятъ ихъ водятъ, волочатъ ихъ волочатъ; а они еще и рады этому волоченью, того только имъ и надобно. „Я, говоритъ, потрачусь, да ужъ и ему станеть въ копѣйку“. Я-было хотѣлъ все это стихами изобразить...

Борисъ. А вы умѣете стихами?

Куминъ. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрецъ былъ Ломоносовъ, испытатель природы... А вѣдь тоже изъ нашего, изъ простого званія.

Борисъ. Вы-бы и написали. Это было-бы интересно.

Куминъ. Какъ можно, сударь! Съѣдятъ, живого проглотятъ. Мнѣ ужъ

и такъ, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговоръ разсыпать!

Борисъ. А мнѣ, видно, такъ и загубить свою молодость въ этой тѣшубѣ. Ужъ вѣдь совсѣмъ убитый хожу, а тутъ еще дурь въ голову лѣзетъ! Ну, къ чему пристало! мнѣ-ли ужъ нѣжности заводить? Загнанъ, забить, а тутъ еще сдуру-то влюбляться вздумалъ. Да въ кого! Въ женщину, съ которой даже и поговорить-то никогда не удастся. (Молчаніе). А все-таки нейдетъ она у меня изъ головы, хоть ты что хочешь. Вотъ она! Идетъ съ мужемъ, ну, и свекровь съ ними! Ну, не дуракъ-ли я! Погляди изъ-за угла, да и ступай домой.

(Уходитъ. Съ противоположной стороны входятъ: Кабанова, Кабановъ, Катерина и Варвара).

[Въ явленіи 5-мъ изображается, какъ Кабанова отправляетъ своего сына въ поѣздку, читаетъ ему наставленія. При этомъ присутствуютъ невѣстка ея Катерина и дочь Варвара].

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать, такъ ты какъ прѣдешь туда, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ приказывала.

Кабановъ. Да какъ-же я могу, маменька, васъ послушаться!

Кабанова. Не очень-то нынче старшихъ уважаютъ.

Варвара (про себя). Не уважишь тебя, какъ-же!

Кабановъ. Я, кажется, маменька, изъ вашей воли ни на шагъ.

Кабанова. Повѣрила-бы я тебѣ, мой другъ, кабы своими глазами не видала, да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтеніе родителямъ отъ дѣтей-то! Хоть-бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ.

Кабановъ. Я, маменька...

Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно-бы перенести! А, какъ ты думаешь?

Кабановъ. Да когда-же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

Кабановъ (вздыхая). (Въ сторону). Ахъ, ты, Господи! (Матери). Да смѣемъ-ли мы, маменька, подуматъ!

Кабанова. Вѣдь отъ любви родители и строги-то къ вамъ бывають, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научить. Ну, а это нынче не правится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ. А сохрани Господи какимъ-нибудь словомъ снохѣ не угодить, ну, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

Кабановъ. Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

Кабанова. Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужъ кабы я слышала, я-бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила. (Вздыхаетъ). Охъ, грѣхъ тяжкій! Вотъ долго-ли согрѣшить-то! Разговоръ близкій сердцу пойдетъ, ну, и согрѣшишь, разсердишься. Нѣтъ, мой другъ,

говори, что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: въ глаза не посмѣють, такъ за глаза стануть.

Кабановъ. Да отсохни языкъ...

Кабанова. Полно, полно, не божись! Грѣхъ! Я ужъ давно вижу, что тебѣ жена милѣ матери. Съ тѣхъ поръ, какъ женился, я ужъ отъ тебя прежней любви не вижу.

Кабановъ. Въ чемъ-же вы, маменька, это видите?

Кабанова. Да во всемъ, мой другъ! Мать, чего глазами не увидитъ, такъ у нея сердце вѣщунъ, она сердцемъ можетъ чувствовать. Аль жена тебя, что-ли, отводитъ отъ меня, ужъ не знаю.

Кабановъ. Да нѣтъ, маменька! что вы, помилуйте!

Катерина. Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихонъ тоже тебя любитъ.

Кабанова. Ты-бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашиваютъ. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Вѣдь онъ мнѣ тоже сынъ; ты этого не забывай! Что ты выскочила въ глазахъ-то поюлить! Чтобы видѣли, что-ли, какъ ты мужа любишь? Такъ знаемъ, знаемъ, въ глазахъ-то ты это всѣмъ доказываешь.

Варвара (про себя). Нашла мѣсто наставленія читать.

Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людяхъ, что безъ людей, я все одна, ничего я изъ себя не доказываю.

Кабанова. Да я объ тебѣ и говорить не хотѣла; а такъ, къ слову пришло.

Катерина. Да хоть и къ слову, за что-жъ ты меня обижаешь?

Кабанова. Экая важная птица! Ужъ и обидѣлась сейчасъ.

Катерина. Напраслину-то терпѣть кому-жъ приятно!

Кабанова. Знаю я, знаю, что вамъ не понутру мои слова, да что-жъ дѣлать-то, я вамъ не чужая, у меня объ васъ сердце болитъ. Я давно вижу, что вамъ воли хочется. Ну что-жъ, дождетесь, поживете и на волѣ, когда меня не будетъ. Вотъ ужъ тогда дѣлайте, что хотите, не будетъ надъ вами старшихъ. А можетъ, и меня вспомнете.

Кабановъ. Да мы объ васъ, маменька, денно и ночью Бога молимъ, чтобы вамъ, маменька, Богъ далъ здоровья и всякаго благополучія и въ дѣлахъ успѣху.

Кабанова. Ну, полно, перестань пожалуйста. Можетъ быть, ты и любилъ мать, пока былъ холостой. До меня-ли тебѣ; у тебя жена молодая.

Кабановъ. Одно другому не мѣшаетъ-сь; жена само по себѣ,—а къ родителю я само по себѣ почтеніе имѣю.

Кабанова. Такъ промѣняешь ты жену на мать? Не въ жизнь я этому не повѣрю.

Кабановъ. Да для чего-же мнѣ мѣнять-сь? Я обѣихъ люблю.

Кабанова. Ну да, да, такъ и есть, размазывай! Ужъ я вижу, что я вамъ помѣха.

Кабановъ. Думайте, какъ хотите, на все есть ваша воля; только я не

знаю, что я за несчастный такой человекъ на свѣтъ рожденъ, что не могу вамъ угодить ничѣмъ.

Кабанова. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты няню-то распустилъ? Ну, какой ты мужъ? Посмотри ты на себя! Станетъ-ли тебя жена бояться послѣ этого?

Кабановъ. Да зачѣмъ-же ей бояться? Съ меня и того довольно, что она меня любить.

Кабанова. Какъ, зачѣмъ бояться! Какъ, зачѣмъ бояться! Да ты рехнулся, что-ли? Тебя не станетъ бояться, меня и подавно. Какой-же это порядокъ-то въ домѣ будетъ? Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по вашему, законъ ничего не значитъ? Да ужъ коли ты такія дурацкія мысли въ головѣ держишь, ты-бы при ней-то, по крайней мѣрѣ, не болталъ, да при сестрѣ при дѣвкѣ; ей тоже замужъ идти: этакъ она твоей болтовни послушается, такъ послѣ мужъ-то намъ спасибо скажетъ за науку. Видишь ты, какой еще умъ-то у тебя, а еще хочешь своей волей жить.

Кабановъ. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Гдѣ ужъ мнѣ своей волей жить!

Кабанова. Такъ, по-твоему, нужно все лаской съ женой? Ужъ и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

Кабановъ. Да я, маменька...

Кабанова (горячо). Хотѣ любовника заводи! А? И это, можетъ быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

Кабановъ. Да ей Богу, маменька...

Кабанова (совершенно хладнокровно). Дуракъ! (Вздыхаетъ). Что съ дуракомъ и говорить! только грѣхъ одинъ! (Молчаніе). Я домой иду.

Кабановъ. И мы сейчасъ, только разъ-другой по бульвару пройдемъ.

Кабанова. Ну, какъ хотите, только ты смотри, чтобы мнѣ васъ не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабановъ. Нѣтъ, маменька! Сохрани меня Господи!

Кабанова. То-то-же! (Уходитъ).

Кабановъ. Вотъ видишь ты, вотъ всегда мнѣ за тебя достается отъ маменьки! Вотъ жизнь-то моя какая!

Катерина. Чѣмъ-же я-то виновата?

Кабановъ. Кто-жъ виноватъ, я ужъ не знаю.

Варвара. Гдѣ тебѣ знать?

Кабановъ. То все приставала: „женись, да женись, я хоть-бы поглядѣла на тебя, на женатаго“. А теперь поѣдомъ ѣсть, проходу не даетъ— все за тебя.

Варвара. Такъ нешто она виновата! Мать на нее нападаетъ, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мнѣ глядѣть-то на тебя. (Отворачивается).

Кабановъ. Толкуй тутъ! Что-жъ мнѣ дѣлать-то?

Катерина. Такъ ты, Варя, жалѣешь меня?

Варвара (глядя въ сторону). Разумѣется, жалко.

Катерина. Такъ ты, стало бытъ, любишь меня? (Крѣпко цѣлуетъ).

Варвара. За что-жь мнѣ тебя не любить-то!

Катерина. Ну, спасибо тебѣ! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти. (Молчаніе). Знаешь, мнѣ что въ голову пришло?

Варвара. Что?

Катерина. Отчего люди не летаютъ!

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина. Я говорю: отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ-бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь? (Хочетъ бѣжать).

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина (вздыхая). Какая я была рѣзвая! Я у васъ завяла совсѣмъ.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая-ли я была! Я жила, ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не чаяла, наряжала меня, какъ куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и дѣлаю. Знаешь, какъ я жила въ дѣвушкахъ? Вотъ я тебѣ сейчасъ расскажу. Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключокъ, умоюсь, принесу съ собою водицы, и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полю. У меня цвѣтовъ было много-много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ и странницы, — у насъ подонъ домъ былъ странницъ, да и богомолкъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ, а странницы стануть рассказывать: гдѣ онѣ были, что видѣли, житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять рассказы да пѣніе. Таково хорошо было!

Варвара. Да вѣдь и у насъ то же самое.

Катерина. Да здѣсь все, какъ будто, изъ-подъ неволи. И до смерти я любила въ церковь ходить! Точно, бывало, я въ рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно, какъ все это въ одну секунду было. Маменька говорила, что всѣ, бывало, смотреть на меня, что со мной дѣлается! А знаешь, въ солнечный день, изъ купола такой свѣтлый столбъ внизъ идетъ и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ. А то, бывало, дѣвушка, ночью встану, — у насъ тоже вездѣ лампадки горѣли, — да гдѣ-нибудь въ уголкѣ и молюсь до утра. Или рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, упаду на колѣна, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила, не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно. А какіе сны мнѣ снились, Варенька, какіе сны! Или храмы золотые, или сады какіе-то необыкновенные, и все поютъ невидимые голоса, и кипарисомъ пахнетъ, и горы, и деревья, будто не такія, какъ обыкновенно, а какъ на образахъ пишутся. А то, будто я летаю, такъ и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да рѣдко, да и не то. Вотъ что, Варя, быть грѣху какому-нибудь! Такой

на меня страхъ, такой-то на меня страхъ! Точно я стою надъ пронастью и меня кто-то туда толкаетъ, а удержаться мнѣ не за что. (Хватается за голову рукой).

Варвара. Что съ тобой? Здорова ли ты?

Катерина. Здорова... Лучше бы я больна была, а то не хорошо. Лезть мнѣ въ голову мечта какая то. И никуда я отъ нея не уйду. Думать стану—мыслей никакъ не соберу, молиться—не отмолюсь никакъ. Языкомъ лепечу слова, а на умѣ совсѣмъ не то: точно мнѣ лукавый въ уши шепчетъ, да все про такія дѣла не хорошія. И то мнѣ представляется, что мнѣ самое себя совѣстно сдѣлается. Что со мной? Передъ бѣдой передъ какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шопотъ какой то: кто то такъ ласково говорить со мной, точно голубить меня, точно голубъ воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья, да горы; а точно меня кто то обнимаетъ такъ горячо-горячо, и ведетъ меня куда то, и я иду за нимъ, иду... Ахъ, Варя, грѣхъ у меня на умѣ! Сколько я, бѣдная, плакала, чего ужъ я надъ собой не дѣлала! Не уйти мнѣ отъ этого грѣха. Никуда не уйти. Вѣдь это не хорошо, вѣдь это страшный грѣхъ, Варенька, что я другого люблю?

[Катерина признается Варварѣ, что любитъ Бориса. Варвара говоритъ, что сама замѣтила, такъ какъ Катерина всегда мѣняется въ лицѣ, когда встрѣчаетъ Бориса. Она проситъ, чтобы та не выдала ее].

Варвара. Ну, вотъ еще! Ты сама то, смотри, не проговорись какъ-нибудь.

Катерина. Обманывать то я не умѣю; скрыть то ничего не могу.

Варвара. Ну, а вѣдь безъ этого нельзя; ты вспомни, гдѣ ты живешь! У насъ весь домъ на томъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, такъ его видѣла, говорила съ нимъ.

Катерина (послѣ непродолжительнаго молчанія, потупившись). Ну, такъ что-жъ?

Варвара. Кланяться тебѣ приказалъ. Жаль, говорить, что видѣться негдѣ.

Катерина (потупившись еще болѣе). Гдѣ же видѣться! да и зачѣмъ...

Варвара. Ты какая то мудреная, Богъ съ тобой! а по-моему: дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина. Не хочу я такъ. Да и что хорошаго! Ужъ я лучше буду терпѣть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что-жъ ты сдѣлаешь?

Катерина. Что я сдѣлаю?

Варвара. Да, что сдѣлаешь?

Катерина. Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.

Варвара. Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь зайдятъ.

Катерина. А что мнѣ! Я уйду, да и была такова.

Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина. Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характера! Конечно, не дай

Богъ этому случиться! А ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостынетъ, такъ не удержишь меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь! (Молчаніе).

[Варвара говоритъ, что братъ сидитъ у матери].

Варвара. Съ маменькой сидятъ, запершись. Точить она его теперь, какъ ржа желѣзо.

Катерина. За что-же?

Варвара. Ни за что, такъ, уму-разуму учить. Двѣ недѣли въ дорогѣ будетъ, заглазное дѣло! Сама посуди! У нея сердце все изноетъ, что онъ на своей волѣ гудаетъ. Вотъ она ему теперь и надаетъ приказовъ, одинъ другого грознѣй, да потомъ къ образу поведетъ, побожиться заставить, что все такъ точно онъ и сдѣлаетъ, какъ приказано.

Катерина. И на волѣ-то онъ словно связанный.

Варвара. Да, какъ-же, связанный! Онъ, какъ выѣдетъ, такъ запыетъ. Онъ теперь слушаетъ, а самъ думаетъ, какъ бы ему вырваться то поскорѣй (Входятъ Кабанова и Кабановъ).

Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебѣ сказала? Смотри-жь, помни! На носу себѣ заруби!

Кабановъ. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади пріѣхали, проститься тебѣ только, да и съ Богомъ.

Кабановъ. Да-съ, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

Кабановъ. Чего изволите-съ?

Кабанова. Что-жь ты стоишь, развѣ порядку не знаешь? Приказывай женѣ-то, какъ жить безъ тебя. (Катерина потушила глаза въ землю).

Кабановъ. Да она, чай, сама знаетъ.

Кабанова. Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтобъ и я слышала, что ты ей приказываешь! А потомъ пріѣдешь, спросишь, такъ ли все исполнила.

Кабановъ (становясь противъ Катерины). Слушайся маменьки, Катя.

Кабанова. Скажи, чтобъ не грубила свекрови.

Кабановъ. Не груби!

Кабанова. Чтобъ почитала свекровь, какъ родную мать!

Кабановъ. Почитай, Катя, маменьку, какъ родную мать!

Кабанова. Чтобъ сложа ручки не сидѣла, какъ барыня!

Кабановъ. Работай что-нибудь безъ меня!

Кабанова. Чтобъ въ окна глазъ не пилила!

Кабановъ. Да, маменька, когда-жь она...

Кабанова. Ну, ну!

Кабановъ. Въ окна не гляди!

Кабанова. Чтобъ на молодыхъ парней не заглядывалась безъ тебя.

Кабановъ. Да что-жь это, маменька, ей-Богу!

Кабанова (строго). Ломаться-то нечего! Долженъ исполнять, что мать говоритъ. (Съ улыбкой). Оно все лучше, какъ приказано-то.

Кабановъ (сконфузившись). Не заглядывайся на парней! (*Катерина* строго взглядываетъ на него).

Кабанова. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдемъ, Варвара! (Уходятъ).

Кабановъ. Катя! (Молчаніе). Катя, ты на меня не сердисься?

Катерина (послѣ непродолжительнаго молчанія, покачавъ головой). Нѣтъ!

Кабановъ. Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина (все въ томъ-же состояніи, слегка покачавъ головой). Богъ съ тобой! (Закрывъ лицо рукою). Обидѣла она меня!

Кабановъ. Все къ сердцу-то принимать, такъ въ чаотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей, вѣдь, что-нибудь надо-жъ говорить! Ну, и пушай она говоритъ, а ты мимо ушей пропускай. Ну, прощай, Катя!

Катерина (кидаясь на шею мужу). Тиша, не уѣзжай. Ради Бога, не уѣзжай! Голубчикъ, прошу я тебя!

Кабановъ. Нельзя, Катя. Коли маменька посылаетъ, какъ-же я не поѣду!

Катерина. Ну, бери меня съ собой, бери!

Кабановъ (освобождаясь изъ ея объятій). Да нельзя.

Катерина. Отчего-же, Тиша, нельзя?

Кабановъ. Куда какъ весело съ тобой ѣхать! Вы меня ужъ заѣздили здѣсь совсѣмъ! Я не чаю, какъ вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.

Катерина. Да неужели-же ты разлюбилъ меня?

Кабановъ. Да не разлюбилъ, а съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы-жены убѣжишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я, все-таки, мужчина; всю жизнь вотъ такъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены-ли мнѣ!

Катерина. Какъ-же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?

Кабановъ. Слова, какъ слова! Какія-же мнѣ еще слова говорить! Кто тебя знаетъ, чего ты боишься! Вѣдь ты не одна, ты съ маменькой остаешься.

Катерина. Не говори ты мнѣ объ ней, не тирань ты моего сердца! Ахъ, бѣда моя, бѣда! (Плачетъ). Куда мнѣ, бѣдной, дѣться! За кого мнѣ ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

Кабановъ. Да полно ты!

Катерина (подходитъ къ мужу и прижимается къ нему). Тиша, голубчикъ, кабы ты остался, либо взялъ ты меня съ собой, какъ-бы я тебя любилъ, какъ-бы я тебя голубила, моего милаго. (Ласкаетъ его).

Кабановъ. Не разберу я тебя, Катя! То отъ тебя слова не добьешься, не то что ласки; а то такъ сама лѣзешь.

Катерина. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть бѣдѣ безъ тебя! Быть бѣдѣ!

Кабановъ. Ну, да вѣдь нельзя, такъ ужъ нечего дѣлать.

Катерина. Ну, такъ вотъ что! Возьми ты съ меня какую-нибудь клятву страшную...

Кабановъ. Какую клятву?

Катерина. Вотъ какую: чтобы не смѣла я безъ тебя ни подъ какимъ видомъ ни говорить ни съ кѣмъ чужимъ, ни видѣться, чтобы и думать я не смѣла ни о комъ, кромѣ тебя.

Кабановъ. Да на что-жъ это?

Катерина. Успокой ты мою душу, сдѣлай такую милость для меня.

Кабановъ. Какъ можно за себя ручаться, мало-ль что можетъ въ говору прійти.

Катерина (падая на колѣни). Чтобъ не видать мнѣ ни отца, ни матери! Умереть мнѣ безъ покаянія, если я...

Кабановъ (поднимая ее). Что ты! Что ты! Какой грѣхъ-то! Я и слушать не хочу! (Голосъ Кабановой: „Пора, Тихонъ!“). (Входятъ: Кабанова, Варвара и Глаша).

Кабанова. Ну, Тихонъ, пора. Поѣзжай съ Богомъ! (Садится). Садитесь всѣ! (Всѣ садятся. Молчаніе). Ну, прощай! (Встаетъ и всѣ встаютъ).

Кабановъ (подходя къ матери). Прощайте, маменька!

Кабанова (жестомъ показываетъ въ землю). Въ ноги, въ ноги! (Кабановъ кланяется въ ноги, потомъ цѣлуется съ матерью). Прощайся съ женой.

Кабановъ. Прощай, Катя! (Катерина кидается ему на шею).

Кабанова. Что на шею-то виснешь, безстыдница! Не съ любовникомъ прощаешься! Онъ тебѣ мужъ,—глава! Аль порядку не знаешь? Въ ноги кланяйся! (Катерина кланяется въ ноги).

Кабановъ. Прощай, сестрица! (цѣлуется съ Варварой). Прощай, Глаша! (цѣлуется съ Глашей). Прощайте, маменька! (кланяется).

Кабанова. Прощай! Дальніе проводы,—лишнія слезы. (Кабановъ уходитъ, за нимъ Катерина, Варвара и Глаша).

Кабанова (одна). Молодость-то что значить? Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! Кабы не свои, насмѣялась-бы до сыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть, ими домъ-то и держится, пока живы. А вѣдь тоже, глушые, на свою волю хотятъ, а выдутъ на волю-то, такъ и путаются на покоръ да смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя; гостей позовутъ, посадить не умѣютъ, да еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. Что будетъ, какъ старики перемерутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего. (Входятъ Катерина и Варвара).

Кабанова. Ты вотъ похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воетъ, лежитъ на крыльцѣ; а тебѣ, видно, ничего.

Катерина. Не къ чему! Да и не умѣю. Что народъ-то смѣшить!

Кабанова. Хитрость-то невеликая. Кабы любила, такъ-бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть-бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки пристойнѣе; а то, видно, на словахъ только. Ну, я Богу молиться пойду; не мѣшайте мнѣ.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова (ласково). А мнѣ что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься! (Уходятъ Кабанова и Варвара).

Катерина (одна. Задумчиво). Ну, теперь тишина у насъ въ домѣ царится. Ахъ, какая скука! Хоть бы дѣти чьи-нибудь! Эко горе! Дѣтокъ то у меня нѣтъ: все бы я и сидѣла съ ними да забавляла ихъ. Люблю очень съ дѣтьми разговаривать,—ангелы вѣдь это. (Молчаніе). Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядѣла бы я съ неба на землю, да радовалась всему. А то полетѣла бы невидимо, куда захотѣла. Вылетѣла бы въ поле и летала бы съ василька на василекъ по вѣтру, какъ бабочка. (Задумывается). А вотъ что сдѣлаю: я начну работу какую-нибудь по общанію; пойду въ гостинный дворъ, куплю холста, да и буду шить бѣлье, а потомъ раздамъ бѣднымъ. Они за меня Богу помолятъ. Вотъ и засядемъ шить съ Варварой, и не увидимъ, какъ время пройдетъ; а тутъ Тиша пріѣдетъ. (Входитъ Варвара).

[Варвара даетъ Катеринѣ ключъ отъ садовой калитки и убѣждаетъ ее идти ночью на свиданье съ Борисомъ].

[Въ явленіи 2-омъ дѣйствія III происходитъ разговоръ Кабановой съ Дикимъ].

Кабанова. Что это ты, кумъ, бродишь такъ поздно?

Дикой. А кто-жъ мнѣ запретить!

Кабанова. Кто запретить! кому нужно!

Дикой. Ну, и значить, нечего разговаривать. Что я подъ началомъ, что-ль, у кого? Ты еще что тутъ! Какого еще тутъ чорта водяного!...

Кабанова. Ну, ты не очень горло то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебѣ дорога! Ступай своей дорогой, куда шелъ. Пойдемъ, Оеклуша, домой. (Встаетъ).

Дикой. Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успѣешь дома-то быть: домъ-отъ твой не за горами. Вотъ онъ!

Кабанова. Коли ты за дѣломъ, такъ не ори, а говори толкомъ.

Дикой. Никакого дѣла нѣтъ, а я хмѣлень, вотъ что!

Кабанова. Что-жъ, ты мнѣ, теперь, хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой. Ни хвалить, ни бранить. А значить, я хмѣлень! Ну, и конечно дѣло. Пока не проспуюсь, ужъ этого дѣла поправить нельзя.

Кабанова. Такъ ступай, спи!

Дикой. Куда же это я пойду?

Кабанова. Домой. А то куда же!

Дикой. А коли я не хочу домой то?

Кабанова. Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дикой. А потому, что у меня тамъ война идетъ.

Кабанова. Да кому-жъ тамъ воевать то? Вѣдь ты одинъ только тамъ воинъ то и есть.

Дикой. Ну такъ что-жъ, что я воинъ? Ну, что-жъ изъ этого?

Кабанова. Что? Ничего. А и честь то не велика, потому что воюешь то ты всю жизнь съ бабами. Вотъ что.

Дикой. Ну, значить, онѣ и должны мнѣ покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова. Ужъ не мало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу въ домѣ, а на тебя на одного угодить не могутъ.

Дикой. Вотъ поди-жъ ты!

Кабанова. Ну, что-жъ тебѣ нужно отъ меня?

Дикой. А вотъ что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всемъ городѣ умѣешь меня разговорить.

Кабанова. Поди, Оеклуша, вели приготовить закусить что-нибудь. (Оеклуша уходитъ). Пойдемъ въ покой!

Дикой. Нѣтъ, я въ покой не пойду, въ покояхъ я хуже.

Кабанова. Чѣмъ же тебя разсердили то?

Дикой. Еще съ утра съ самага.

Кабанова. Должно быть, денегъ просили.

Дикой. Точно сговорились проклятые; то тотъ, то другой цѣлый деня пристають.

Кабанова. Должно быть надо, коли пристають.

Дикой. Понимаю я это; да что-жъ ты мнѣ прикажешь съ собой дѣлать, когда у меня сердце такое! Вѣдь ужъ знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдамъ, отдамъ, а обругаю. Потому только закнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю внутреннюю разжигать станеть; всю внутреннюю вотъ разжигаетъ, да и только; ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка.

Кабанова. Нѣтъ надъ тобой старшихъ, вотъ ты и куражишься.

Дикой. Нѣтъ, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вотъ какія со мной исторіи бывали. О посту какъ-то, о великомъ, я говѣлъ, а тутъ нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришелъ, дрова возилъ. И принесло жъ его на грѣхъ то въ такое время! Согрѣшилъ-таки: изругалъ, такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя, чуть не прибилъ. Вотъ оно, какое сердце то у меня! Послѣ прощенья просилъ, въ ноги кланялся, право такъ. Истинно тебѣ говорю, мужику въ ноги кланялся. Вотъ до чего меня сердце доводить: тутъ на дворѣ, въ грязи ему и кланялся; при всѣхъ ему кланялся.

Кабанова. А зачѣмъ ты нарочно то себя въ сердце приводишь? Это, кумъ, не хорошо.

Дикой. Какъ такъ нарочно?

Кабанова. Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотятъ, ты возьмешь, да нарочно изъ своихъ на кого-нибудь и накинешься, чтобы разсердиться, потому что ты знаешь, что къ тебѣ къ сердитому никто ужъ не подойдетъ. Вотъ что, кумъ!

Дикой. Ну, что-жъ такое? Кому своего добра не жалко! (Глаша входитъ).

Глаша. Марѳа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйста!

[Придя на свиданіе, Борисъ встрѣтился съ Кудряшомъ и разговорился съ нимъ, рассказалъ ему о своей любви].

Кудряшъ. Ну, что-жъ, это ничего. У насъ на счетъ этого свободно. Дѣвки гуляютъ себѣ, какъ хотятъ, отцу съ матерью и дѣла нѣтъ. Только бабы взаперти сидятъ.

Борисъ. То-то и горе мое.

Кудряшъ. Такъ неужто-жъ замужнюю полюбили?

Борисъ. Замужнюю, Кудряшъ.

Кудряшъ. Эхъ, Борисъ Григорьичъ, бросить надоть!

Борисъ. Легко сказать—бросить! Тебѣ это, можетъ быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Ужъ я коли полюбилъ...

Кудряшъ. Вѣдь это, значить, вы ее совсѣмъ загубить хотите, Борисъ Григорьичъ!

Борисъ. Сохрани Господи! Сохрани меня Господи! Нѣтъ, Кудряшъ, какъ можно. Захочу-ли я ее погубить! Мнѣ только-бы видѣть ее гдѣ-нибудь, мнѣ больше ничего не надо.

Кудряшъ. Какъ, сударь, за себя поручиться! А вѣдь здѣсь какой народъ! Сами знаете. Съѣдятъ, въ гробъ вколотятъ.

Борисъ. Ахъ, не говори этого, Кудряшъ! пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряшъ. А она-то васъ любить?

Борисъ. Не знаю.

Кудряшъ. Да вы видались когда, аль нѣтъ?

Борисъ. Я одинъ разъ только и былъ у нихъ съ дядей. А то въ церкви вижу, на бульварѣ встрѣчаемся. Ахъ, Кудряшъ; какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица-то какъ-будто свѣтится.

Кудряшъ. Такъ это молодая Кабанова, что-ль?

Борисъ. Она, Кудряшъ.

Кудряшъ. Да! Такъ вотъ оно что! Ну, честь имѣемъ проздравить!

Борисъ. Съ чѣмъ?

Кудряшъ. Да какъ-же! Значить, у васъ дѣло на лады идетъ, коли сюда приходитъ велѣли.

Борисъ. Такъ неужто она велѣла?

Кудряшъ. А то кто-же?

Борисъ. Нѣтъ, ты шутишь! Этого быть не можетъ. (Хватается за голову).

Кудряшъ. Что съ вами?

Борисъ. Я съ ума сойду отъ радости.

Кудряшъ. Вот! Есть отъ чего съ ума сходить! Только вы смотрите—себѣ хлопотъ не надѣляйте, да и ее-то въ бѣду не введите! Положимъ, хоть у нея мужъ и дуракъ, да свекровь-то больно люта.

Борисъ. Вотъ идетъ. (Катерина тихо сходитъ по тропинкѣ, покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, потупивъ глаза въ землю. Молчаніе). Это вы, Катерина Петровна? (Молчаніе). Ужъ какъ мнѣ благодарить васъ, я и не знаю. (Молчаніе). Кабы вы знали, Катерина Петровна, какъ я люблю васъ! (Хочетъ взять ее за руку).

Катерина (съ испугомъ, но не подымая глазъ]. Не трогай, не трогай меня! Ахъ, ахъ!

Борисъ. Не сердитесь!

Катерина. Поди отъ меня! Поди прочь, окаянный человѣкъ! Ты знаешь-ли: вѣдь мнѣ не замолить этого грѣха, не замолить никогда! Вѣдь онъ камнемъ ляжетъ на душу, камнемъ.

Борисъ. Не гоните меня!

Катерина. Зачѣмъ ты пришелъ? Зачѣмъ ты пришелъ, погубитель мой? Вѣдь я замужемъ, вѣдь мнѣ съ мужемъ жить до гробовой доски...

Борисъ. Вы сами велѣли мнѣ придти...

Катерина. Да пойми ты меня, врагъ ты мой: вѣдь до гробовой доски!

Борисъ. Лучше-бъ мнѣ не видать васъ!

Катерина (съ волненіемъ). Вѣдь что я себѣ готовлю. Гдѣ мнѣ мѣсто, знаешь-ли?

Борисъ. Успокойтесь! (Беретъ ее за руку). Сядьте!

Катерина. Зачѣмъ ты моей гибели хочешь?

Борисъ. Какъ-же я могу хотѣть вашей гибели, когда я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, больше самого себя!

Катерина. Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня загубилъ!

Борисъ. Развѣ я злодѣй какой?

Катерина (качая головой). Загубилъ, загубилъ, загубилъ!

Борисъ. Сохрани меня Богъ! Пусть лучше я самъ погибну!

Катерина. Ну, какъ-же ты не загубилъ меня, коли я, бросивши домъ, ночью иду къ тебѣ.

Борисъ. Ваша воля была на то.

Катерина. Нѣтъ у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я къ тебѣ. (Поднимаетъ глаза и смотритъ на Бориса. Небольшое молчаніе). Твоя теперь воля надо мной, развѣ ты не видишь! (Кидается къ нему на шею).

Борисъ (обнимаетъ Катерину). Жизнь моя!

Катерина. Знаешь что? Теперь мнѣ умереть вдругъ захотѣлось!

Борисъ. Зачѣмъ умирать, коли намъ жить такъ хорошо?

Катерина. Нѣтъ, мнѣ не жить! Ужъ я знаю, что не жить.

Борисъ. Не говори, пожалуйста, такихъ словъ, не печаль меня...

Катерина. Да, тебѣ хорошо, ты вольный казакъ, а я!..

Борисъ. Никто и не узнаетъ про нашу любовь. Неужели-же я тебя не пожалѣю!

Катерина. Э! Что меня жалѣть, никто не виноватъ,—сама, на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю! (Обнимаетъ Бориса). Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь-ли

я людского суда? Говорять, даже легче бываетъ, когда за какой-нибудь грѣхъ здѣсь, на землѣ, натерпѣшься.

Борисъ. Ну, что объ этомъ думать, благо намъ теперь-то хорошо!

Катерина. И то! Надуматься-то, да наплакаться-то еще успѣю на досугѣ.

Борисъ. А я было испугался; я думалъ, ты меня прогонишь.

Катерина (улыбаясь). Прогнать! Гдѣ ужъ! Съ нашимъ-ли сердцемъ! Кабы ты не пришелъ, такъ я, кажется, сама-бы къ тебѣ пришла.

Борисъ. Я и не зналъ, что ты меня любишь.

Катерина. Давно люблю. Словно на грѣхъ ты къ намъ прѣхалъ. Какъ увидѣла тебя, такъ ужъ не своя стала. Съ перваго-же раза, кажется, кабы ты поманилъ меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край свѣта, я-бы все шла за тобой и не оглянулась-бы.

Борисъ. Надолго-ль мужъ-то уѣхалъ?

Катерина. На двѣ недѣли.

Борисъ. О, такъ мы погуляемъ. Время-то довольно.

Катерина. Погуляемъ. А тамъ... (Задумывается). Какъ запруть на замокъ, вотъ смерть! А не запруть, такъ ужъ найду случай ковидаться съ тобой!

[Явленіе второе дѣйствія четвертаго происходитъ на бульварѣ; приближается гроза. Кулигинъ разговариваетъ съ Дикимъ].

Дикой. Ишь ты, замочило всего. (Кулигину): Отстань ты отъ меня! Отстань! (Съ сердцемъ). Глупый человѣкъ!

Кулигинъ. Савѣль Прокофѣичъ, вѣдь отъ этого, ваше степенство, для всѣхъ вообще обывателей польза.

Дикой. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигинъ. Да хоть-бы для васъ, ваше степенство, Савѣль Прокофѣичъ. Вотъ-бы, сударь, на бульварѣ, на чистомъ мѣстѣ, и поставитъ. А какой расходъ? Расходъ пустой: столбикъ каменный (показываетъ жестами размѣръ каждой вещи),—дощечку мѣдную, такую круглую, да шпильку, вотъ шпильку прямую (показываетъ жестомъ), простую самую. Ужъ я все это прилажу, и цифры вырѣжу ужъ все самъ. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочіе которые гуляющіе, сейчасъ подойдете и видите, который часъ. А то этакое мѣсто прекрасное, и видъ, и все, а какъ-будто пусто. У насъ тоже, ваше степенство, и прѣзжіе бывають, ходять туда наши виды смотрѣть, все-таки украшеніе—для глазъ оно пріятнѣй.

Дикой. Да что ты ко мнѣ лѣзешь со всякимъ вздоромъ! Можетъ, я съ тобой и говорить-то не хочу. Ты долженъ былъ прежде узнать, въ положеніи-ли я тебя слушать, дурака, или нѣтъ. Что я тебѣ—ровный что-ли! Ишь ты—какое дѣло нашея важное! Такъ прямо съ рыломъ-то и лѣзеть разговаривать.

Кулигинъ. Кабы я со своимъ дѣломъ лѣзъ, ну, тогда былъ-бы я виновать. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значить для общества какихъ-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикой. А можетъ, ты украсть хочешь; кто тебя знаетъ!

Кулигинъ. Коли я свои труды хочу даромъ положить, что-же я могу украсть, ваше степенство? Да меня здѣсь все знаютъ; про меня никто дурно не скажетъ.

Дикой. Ну, и пушай знаютъ, а я тебя знать не хочу.

Кулигинъ. За что, сударь, Савѣль Прокофьевичъ, честнаго человѣка обижать изволите?

Дикой. Отчетъ, что-ли, я стану тебѣ давать! Я и поважнѣй тебя никому ознета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что-жъ ты судиться, что-ли, со мной будешь! Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу—раздавлю.

Кулигинъ. Богъ съ вами, Савѣль Прокофьевичъ! Я, сударь, маленький человѣкъ, меня обидѣть не долго. А я вамъ вотъ что доложу, ваше степенство,—„и въ рублищѣ почтенна добродѣтель!“

Дикой. Ты у меня грубить не смѣй! Слышишь ты!

Кулигинъ. Никакой я грубости вамъ, сударь, не дѣлаю; а говорю вамъ потому, что, можетъ-быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сдѣлать. Силы у васъ, ваше степенство, много; была-бы только воля на доброе дѣло. Вотъ, хоть-бы теперь то возьмемъ: у насъ грозы частыя, а не заведемъ мы громовыхъ отводовъ.

Дикой (гордо). Все суета!

Кулигинъ. Да какая-же суета, когда опыты были.

Дикой. Какіе-такіе тамъ у тебя громовые отводы?

Кулигинъ. Стальные.

Дикой (съ гнѣвомъ). Ну, еще что?

Кулигинъ. Шесты стальные.

Дикой (сердясь болѣе и болѣе). Слышалъ, что шесты, аспидъ ты этакой, да еще-то что? Наладилъ: шесты! ну, а еще что?

Кулигинъ. Ничего больше.

Дикой. Да гроза-то что такое по-твоему, а? Ну, говори!

Кулигинъ. Электричество.

Дикой (топнувъ ногой). Какое еще тамъ електричество! Ну, какъ-же ты не разбойникъ! Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами, да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ, что-ли? Татаринъ ты? А, говори! Татаринъ?

Кулигинъ. Савѣль Прокофьевичъ, ваше степенство, Державинъ сказалъ:
Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю.

Дикой. А за эти вотъ слова тебя къ городничему отправить, такъ онъ тебѣ задастъ! Эй, почтенные! прислушайте-ко, что онъ говоритъ!

Кулигинъ. Нечего дѣлать, надо покориться! А вотъ когда будетъ у меня миллионъ, тогда я поговорю. (Махнувъ рукой уходитъ).

Дикой. Что-жъ ты, украдешь, что-ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужиченко! Съ этимъ народомъ какому надо быть человѣку? Я ужъ не знаю. (Обращаясь къ народу). Да вы, проклятые, хоть кого въ грѣхъ введете! Вотъ не хотѣлъ нынче сердиться, а онъ, какъ нарочно, разсердиль-таки. Чтобъ ему провалиться! (Сердито). Пересталь, что-ль, дожидикъ-то?

1-й. Кажется, пересталь.

Дикой. Кажется! А ты, дуракъ, сходи да посмотри. А то: кажется.

1-й (выйдя изъ-подъ сводовъ). Пересталь!

[Варвара, встрѣтивъ Бориса, говорить ему, что Кабановъ вернулся и Катерина очень волнуется].

Варвара. Она просто сама не своя сдѣлалась.

Борисъ. Видно, только я и пожилъ десять деньковъ, пока его не было. Ужъ теперь и не увидишь ее!

Варвара. Ахъ, ты какой! Да ты слушай! Дрожить вся, точно ее лихо-радка бьетъ; блѣдная такая, мечется по дому, точно чего ищетъ. Глаза какъ у помѣшанной! Давеча утромъ плакать принялась, такъ и рыдаетъ. Батюшки мои! что мнѣ съ ней дѣлать? На мужа не смѣетъ глазъ поднять. Маменька замѣчать это стала, ходитъ да все на нее косится, такъ змѣей и смотреть; а она отъ этого еще хуже. Просто мука глядѣть-то на нее! Да и боюсь я.

Борисъ. Чего-же ты боишься?

Варвара. Ты ее не знаешь! Она вѣдь чудная какая-то у насъ. Отъ нея все станется! Такихъ дѣлъ надѣлаетъ, что...

Борисъ. Ну, какъ-же ты думаешь, что она можетъ сдѣлать?

Варвара. А вотъ что: бухнетъ мужу въ ноги, да и расскажетъ все. Вотъ чего я боюсь.

[Мучимая раскаяньемъ, во время грозы, Катерина всенародно кается въ своей измѣнѣ мужу].

Катерина (подходить къ стѣнѣ и опускается на колѣни, потомъ быстро вскакиваетъ). Адъ! Адъ! Адъ! Геенна огненная! (Кабанова, Кабановъ и Варвара окружаютъ ее). Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпѣть! Матушка! Тихонъ! Грѣшна я передъ Богомъ и передъ вами! Не я-ли клялась тебѣ, что не взгляну ни на кого безъ тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь-ли, что я, безпутная, безъ тебя дѣлала! Въ первую-же ночь я ушла изъ дому...

Кабановъ (растерявшись, въ слезахъ, дергаетъ ее за рукавъ). Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здѣсь!

Кабанова (строго). Ну, ну, говори, коли ужъ начала.

Катерина. И всѣ-то десять ночей я гуляла... (Рыдаетъ. Кабановъ хочетъ обнять ее).

Кабанова. Брось ее! Съ кѣмъ?

Варвара. Вретъ она, она сама не знаетъ, что говорить.

Кабанова. Молчи ты! Вотъ оно что! Ну, съ кѣмъ-же?

Катерина. Съ Борисомъ Григорычемъ. (Ударъ грома). Ахъ! (Падаетъ безъ чувствъ на руки мужа).

Кабанова. Что, сынокъ! Куда воля-то ведетъ! Говорила я, такъ ты слушать не хотѣлъ. Вотъ и дождался!

[Кабановъ жалуется Кулигину на свою судьбу].

Кабановъ. Несчастный я теперь, братецъ, человекъ! Такъ ни за что я погибаю, ни за грошъ!

Кулигинъ. Маменька-то у васъ больно крута.

Кабановъ. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мнѣ на милость? Я вотъ зашелъ къ Дикому, ну, выпили; думалъ—легче будетъ; нѣтъ, хуже, Кулигинъ! Ужъ что жена противъ меня сдѣлала! Ужъ хуже нельзя...

Кулигинъ. Мудреное дѣло, сударь. Мудрено васъ судить.

Кабановъ. Нѣтъ, постой! Ужъ на что еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вотъ маменька говорить: ее надо живую въ землю закопать, чтобъ она казнилась! А я ее люблю, мнѣ ее жаль пальцемъ тронуть. Побилъ немножко, да и то маменька приказала. Жаль мнѣ смотрѣть-то на нее, пойми ты это, Кулигинъ. Маменька ее поѣдомъ ѣсть, а она, какъ тѣнь какая, ходитъ безотвѣтная. Только плачетъ, да таетъ какъ воскъ. Вотъ я и умираюсь, глядя на нее.

Кулигинъ. Какъ-бы-нибудь, сударь, ладкомъ дѣло-то сдѣлать! Вы-бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не безъ грѣха!

Кабановъ. Ужъ что говорить!

Кулигинъ. Да ужъ такъ, чтобы и подъ пьяную руку не попрекать! Она-бы вамъ, сударь, была хорошая жена; гляди—лучше всякой.

Кабановъ. Да пойми ты, Кулигинъ, я-то-бы ничего, а маменька-то... развѣ съ ней сговоришь!..

Кулигинъ. Пора-бы ужъ вамъ, сударь, своимъ умомъ жить.

Кабановъ. Что-жъ мнѣ, разорваться, что-ли! Нѣтъ, говорятъ, своего-то ума и, значить, живи вѣкъ чужимъ. Я вотъ возьму, да послѣдній-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, какъ съ дуракомъ, и нянчится. Такъ, братецъ Кулигинъ, все наше семейство теперь врозь разошлось. Не то что родные, а точно вороги другъ другу. Варвару маменька точила точила, а та не стерѣла, да и была такова, — взяла, да и ушла.

Кулигинъ. Куда ушла?

Кабановъ. Кто ее знаетъ. Говорятъ, съ Кудряшомъ съ Ванькой убѣжала, и того также нигдѣ не найдутъ. Ужъ это, Кулигинъ, надо прямо сказать, что отъ маменьки, потому стала ее тиранить и на замокъ запираетъ. „Не запирайте, говорить, хуже будетъ!“ Вотъ такъ и вышло. Что-жъ мнѣ теперь дѣлать, скажи ты мнѣ? Научи ты меня, какъ мнѣ жить теперь? Домъ мнѣ опостылѣлъ, людей совѣстно, за дѣло возьмусь—руки отваливаются. Вотъ теперь домой иду: на радость, что-ль, иду?

[Катерина убѣжала изъ дому на берегъ Волги].

Катерина (одна) *). Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ! Что-то онъ теперь бѣдный

---

*) Весь монологъ и всѣ слѣдующія сцены говорить, растягивая и повторяя слова, задумчиво и какъ-будто въ забыты.

дѣлаетъ? Мнѣ только проститься съ нимъ, а тамъ... а тамъ хоть умирать. За что я его въ бѣду ввела? Вѣдь мнѣ не легче отъ того! Погибать-бы мнѣ одной! А то себя погубила, его погубила, себѣ безчестье — ему вѣчный покорь! Да! Себѣ безчестье — ему вѣчный покорь (Молчаніе). Вспомнить-бы мнѣ, что онъ говорилъ-то? Какъ онъ жалѣлъ-то меня? Какія слова-то говорилъ? (Беретъ себя за голову). Не помню, все забыла. Ночи, ночи мнѣ тяжелы! Всѣ пойдутъ спать, и я пойду; всѣмъ ничего, а мнѣ какъ въ могилу. Такъ страшно въ потѣмкахъ! Шумъ какой-то сдѣлается и поютъ, точно кого хоронятъ; только такъ тихо, чуть слышно, далеко, далеко отъ меня.. Свѣту-то такъ рада сдѣлаешься! А вставать не хочется, опять тѣ-же люди, тѣ-же разговоры, та-же мука. Зачѣмъ они такъ смотрятъ на меня? Отъ чего это нынче не убиваютъ? Зачѣмъ такъ сдѣлали? Прежде, говорятъ, убивали. Взяли-бы, да и бросили меня въ Волгу; я-бы рада была. „Казнить-то тебя, говорятъ, такъ съ тебя грѣхъ снимется, а ты живи, да мучайся своимъ грѣхомъ“. Да ужъ измучилась я! Долго-ль еще мнѣ мучиться?.. Для чего мнѣ теперь жить, ну, для чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не миль!—А смерть не приходитъ. Ты ее кличешь, а она не приходитъ. Что ни увижу, что ни услышу, только тутъ (показывая на сердце) больно. Еще кабы съ нимъ жить, можетъ быть, радость-бы какую-нибудь я и видѣла... Что-жъ ужъ все равно, ужъ душу свою я вѣдь погубила. Какъ мнѣ по немъ скучно! Ахъ, какъ мнѣ по немъ скучно! Ужъ коли не увижу я тебя, такъ хоть услышь ты меня издали! Вѣтры буйные, перенесите въ ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мнѣ, скучно! (Подходитъ къ берегу и громко во весь голосъ): Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! (Плачетъ; входитъ Борисъ).

Борисъ (не видя Катерины). Боже мой! Вѣдь это ея голосъ! Гдѣ-же она? (Оглядывается).

Катерина (подбѣгаетъ къ нему и падаетъ на шею). Увидала-таки я тебя! (Плачетъ на груди у него. Молчаніе).

Борисъ. Ну, вотъ и поплакали вмѣстѣ, привелъ Богъ.

Катерина. Ты не забылъ меня?

Борисъ. Какъ забыть, что ты!

Катерина. Ахъ, нѣтъ, не то, не то! Ты не сердисься?

Борисъ. За что мнѣ сердиться?

Катерина. Ну, прости меня! Не хотѣла я тебѣ зла сдѣлать, да въ себѣ не вольна была. Что говорила, что дѣлала, себя не помнила.

Борисъ. Полно, что ты! что ты!

Катерина. Ну, какъ-же ты? Теперь-то ты какъ?

Борисъ. Ъду.

Катерина. Куда ѣдешь?

Борисъ. Далекъ, Катя, въ Сибирь.

Катерина. Возьми меня съ собой отсюда!

Борисъ. Нельзя мнѣ, Катя. Не по своей я волѣ ѣду: дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотѣлъ хоть съ мѣстомъ-то тѣмъ проститься, гдѣ мы съ тобой видѣлись.

Катерина. Поѣзжай съ Богомъ! Не тужи обо мнѣ. Сначала только развѣ скучно будетъ тебѣ, бѣдному, а тамъ и позабудешь.

Борисъ. Что обо мнѣ-то толковать! Я — вольная птица. Ты-то какъ? Что свекровь-то?

Катерина. Мучаетъ меня, запираетъ. Всѣмъ говорить и мужу говорить: „не вѣрьте ей, она хитрая“. Всѣ и ходятъ за мной цѣлый день и смѣются мнѣ прямо въ глаза. На каждомъ словѣ все тобой попрекають.

Борисъ. А мужъ-то?

Катерина. То ласковъ, то сердится, да пьетъ все. Да посылъ онъ мнѣ, посылъ, ласка-то его мнѣ хуже побоевъ.

Борисъ. Тяжело тебѣ, Катя?

Катерина. Ужъ такъ тяжело, такъ тяжело, что умереть легче!

Борисъ. Кто-жъ это зналъ, что намъ за любовь нашу такъ мучиться съ тобой! Лучше-бъ бѣжать мнѣ тогда!

Катерина. На бѣду я увидѣла тебя. Радости видѣла мало, горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о томъ, что будетъ! Вотъ я теперь тебя видѣла, этого они у меня не отымутъ; а больше мнѣ ничего не надо. Только вѣдь мнѣ и нужно было увидѣть тебя. Вотъ мнѣ теперь гораздо легче сдѣлалось; точно гора съ плечъ свалилась. А я все думала, что ты на меня сердисься, проклинаешь меня...

Борисъ. Что ты, что ты!

Катерина. Да нѣтъ, все не то я говорю; не то я хотѣла сказать! Скучно мнѣ было по тебѣ, вотъ что; ну, вотъ я тебя увидала...

Борисъ. Не застали-бъ насъ здѣсь!

Катерина. Постой, постой! Что-то я тебѣ хотѣла сказать! Вотъ забыла! Что-то нужно было сказать! Въ головѣ-то все путается, не вспомню ничего.

Борисъ. Время мнѣ, Катя!

Катерина. Погоди, погоди!

Борисъ. Ну, что-же ты сказать-то хотѣла?

Катерина. Сейчасъ скажу. (Помолчавъ). Да! Поѣдешь ты дорогой, ни одного ты ницаго такъ не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтобъ молились за мою грѣшную душу.

Борисъ. Ахъ, кабы знали эти люди, каково мнѣ прощаться съ тобой! Боже мой! Дай Богъ, чтобъ имъ когда-нибудь такъ-же сладко было, какъ мнѣ теперь. Прощай, Катя! (Обнимаетъ ее и хочетъ уйти). Злодѣи вы! Изверги! Эхъ, кабы сила!

Катерина. Постой, постой! Дай мнѣ поглядѣть на тебя въ послѣдній разъ. (Смотритъ ему въ глаза). Ну, будетъ съ меня! Теперь Богъ съ тобой, поѣзжай. Ступай, скорѣе ступай!

Борисъ (отходить нѣсколько шаговъ и останавливается). Катя, нехорошо что-то! Не задумала-ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебѣ.

Катерина. Ничего, ничего! Поѣзжай съ Богомъ! (Борисъ хочетъ подойти къ ней). Не надо, не надо, довольно!

Борисъ (рыдая). Ну, Богъ съ тобой! Только одного и надо у Бога

просить, чтобъ она умерла поскорѣе, чтобъ ей не мучиться долго! Прощай! (Кланяется).

Катерина. Прощай! (Борисъ уходитъ. Катерина провожаетъ его глазами и стоитъ нѣсколько времени задумавшись).

[Катерина утопилась: ея тѣло вытащили; Кабановъ хочетъ бѣжать къ тѣлу, мать не пускаетъ].

Кабановъ. Батюшки, она вѣдь это! (Хочетъ бѣжать. Кабанова удерживаетъ его за руку). Маленька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а то такъ и самъ... Что мнѣ безъ нея!

Кабанова. Не пущу, и не думай! Изъ-за нея да себя губить, стоитъ-ли она того! Мало намъ она сраму-то надѣлала, еще что затѣяла!

Кабановъ. Пустите!

Кабанова. Безъ тебя есть кому. Проклянѣ, коли пойдешь.

Кабановъ. Хотъ взглянуть-то мнѣ на нее!

Кабанова. Вытащутъ: взглянешь.

Кулигинъ. Вотъ вамъ ваша Катерина. Дѣлайте съ ней, что хотите! Тѣло ея здѣсь, возьмите его, а душа теперь не ваша: она теперь передъ Судей, Который милосерднѣ васъ! (Кладетъ на землю и убѣгаетъ).

Кабановъ (бросается къ Катеринѣ). Катя! Катя!

Кабанова. Полно! Объ ней и плакать-то грѣхъ!

Кабановъ. Маленька, вы ее погубили! вы, вы, вы...

Кабанова. Что ты? Аль себя не помнишь! Забылъ, съ кѣмъ говоришь!

Кабановъ. Вы ее погубили! Вы! Вы!

Кабанова (сыну). Ну, я съ тобой дома поговорю. (Низко кланяется пароду). Спасибо вамъ, люди добрые, за вашу услугу! (Всѣ кланяются).

Кабановъ. Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ, да мучиться! (Падаетъ на грудь жены).

А. Островскій.

VII.

СВОИ ЛЮДИ—СОЧТЕМСЯ.

[Дѣйствіе комедіи происходитъ въ домѣ купца Большова; онъ—самодуръ, жена его глупая и безвольная, но добрая женщина. Дочь Липочка—дѣвица, избалованная матерью, съ претензіями на образованность].

Липочка. Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь ужъ какъ хорошо! **Что** можетъ быть восхитительнѣе? Приѣдешь въ собраніе, али къ кому на свадьбу, сидишь, натурально, вся въ цвѣтахъ, разодѣта, какъ игрушка, али картинка журнальная,—вдругъ подлетаетъ кавалеръ: „удостойте счастья, сударыня!“ Ну, видишь: если человѣкъ съ понятіемъ, али армейской какой—возьмешь да и прищуришься, отвѣчаешь: „извольте, съ удовольствіемъ!“ Ахъ! (Съ жаромъ) оча-ро-ва-тель-но! Это просто уму непостижимо! (Вздыхаетъ). Больше всего не люблю я танцовать съ студентами да съ приказными. То-ли дѣло отличатся съ военными! Ахъ, прелесть! восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей-Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! Вѣдь посмотрѣли-бы на шпоры, какъ онѣ звенятъ, особливо, если уланъ, али полковникъ какой разрисовываетъ—чудо! Любоваться мило—дорого! Ну, а прицѣпи-ка онъ еще саблю: просто, ничего не увидишь любопытнѣе, одно грома лучше музыки наслушаешься. Ужъ какое-же есть сравненіе: военный или штатскій? Военный—ужъ это сейчасъ видно: и ловкость, и все; а штатскій что? Такъ какой-то недушевленный! (Молчаніе). Удивляюсь, отъ чего это многія дамы, поджавши ножки, сидятъ? Формально нѣтъ никакой трудности выучиться! Вотъ ужъ я на что совѣстилась учителя, а въ двадцать уроковъ все рѣшительно поняла. Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суетвѣріе. Вотъ маменька, бывало, сердится, что учитель все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія! Что за важность! Онъ танцмейстеръ, а не кто-нибудь другой. (Задумывается). Воображаю я себя: вдругъ за меня посватается военный, вдругъ у насъ парадный сговоръ, горятъ вездѣ свѣчки, ходятъ официанты въ бѣлыхъ перчаткахъ; я, натурально, въ тюлевомъ, либо въ газовомъ платьѣ, тутъ вдругъ заиграютъ вальсъ.—А, ну, какъ я передъ нимъ оконфузусь! Ахъ, страмъ ка-

кой! Куда тогда дѣваться-то? Что онъ подумаетъ? Вотъ, скажетъ, дура, необразованная! Да нѣтъ, какъ это можно! Однако, я вотъ ужъ полтора года не танцевала! Попробую-ко теперь на досугѣ... (Дурно вальсируя). Разъ... два... три... разъ... два.. три...

Арафена Кондратьевна (входя). Такъ, такъ, безстыдница! Какъ будто сердце чувствовало: ни свѣтъ, ни заря, не поѣмши хлѣба Божьяго, да ужъ и за пляску тотчасъ!

Липочка. Какъ, маменька, я и чай пила, и вотрушку скушала. Посмотрите-ко, хорошо? Разъ, два, три.. разъ... два...

Арафена Кондратьевна (преслѣдую ее). Такъ что-жъ, что ты скушала? Нужно мнѣ очень смотрѣть, какъ ты грѣхотничаетъ!.. Говорю тебѣ, не вертись!

Липочка. Что за грѣхъ такой! Нынче всѣ этимъ развлекаются.—Разъ... два...

Арафена Кондратьевна. Лучше объ столъ лбомъ стучи, да ногами не озорничай! (Бѣгаетъ за ней). Да что-жъ ты, съ чего-жъ ты взяла не слушаться!

Липочка. Какъ не слушаться, кто вамъ сказалъ! Не мѣшайте, дайте кончить какъ надобно! Разъ, два, три...

Арафена Кондратьевна. Долго-ль же мнѣ бѣгать-то за тобой на старости лѣтъ! Ухъ, замучила варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка. Сейчасъ, сейчасъ, маменька! Послѣдній кружокъ! Васъ на то и Богъ создалъ, чтобъ жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Разъ, два...

Арафена Кондратьевна. Какъ! ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сію минуту брось! Тебѣ-жъ будетъ хуже: поймаю за юбку, весь хвостъ оторву.

Липочка. Ну, да рвите на здоровье! Вамъ-же зашивать придется! Вотъ и будетъ! (Садится). Фу... фу... какъ упаточилась, словно возъ везла! Ухъ! Дайте, маменька, платочка потъ обтереть.

Арафена Кондратьевна. Постой, ужъ я сама оботру! Ишь уморилась! А вѣдь и то сказать, будто неволили. Коли ужъ матери не считаешь, такъ стѣнъ-то бы посовѣстилась!—Отецъ, голубчикъ, черезъ великую силу ноги двигаетъ, а ты тутъ скачешь, какъ юла какая!

Липочка. Подите вы съ своими совѣтами. Что-жъ мнѣ дѣлать по-вашему! Самой что-ли хворать прикажете? Вотъ другой манеръ, кабы я была докторша! Ухъ!—Что это у васъ за отвратительныя понятія! Ахъ, какія вы, маменька, ей-Богу! Право, мнѣ иногда краснѣть приходится отъ вашихъ глупостей!

Арафена Кондратьевна. Каково дѣтище-то ненаглядное! Прошу подумать, какъ она мать-то честитъ! Ахъ, ты, болтушка безтолковая! Да развѣ можно такими рѣчами поносить родителей? Да неужто я за тѣмъ тебя на свѣтъ родила, учила да берегла пуще соломенки?

Липочка. Не вы учили—посторонніе; полноте пожалуйте: вы и сами-

то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну что-жъ? Родили вы—я была тогда что?—ребенокъ, дитя безъ понятія, не смыслила обращенія. А выросла, да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе. Что-жъ мнѣ, потакать вашимъ глупостямъ! Какъ-же! Есть оказія.

Графена Кондратьевна. Уймись, эй, уймись, безстыдница! Выведешь ты меня изъ терпѣнія, прямо къ отцу пойду, такъ въ ноги и брякнуся, житья, скажу, нѣтъ отъ дочери, Самсонушко!

Липочка. Да, вамъ житья нѣтъ! Воображаю. А мнѣ есть отъ васъ житье? Зачѣмъ вы отказали жениху? Чѣмъ не неподобная партія? Чѣмъ не капидонъ? Что вы нашли въ немъ легковѣрнаго?

Графена Кондратьевна. А то и легковѣрнаго, что зубоскаль! Приѣхалъ, ломался, ломался, вертѣлся, вертѣлся. Эка невидаль!

Липочка. Да, много вы знаете! Извѣстно, онъ благородный человѣкъ, такъ и дѣйствуетъ по деликатному. Въ ихнемъ кругу всегда такъ дѣлаютъ. Да какъ еще вы смѣете порочить такихъ людей, которыхъ вы и понятія не знаете? Онъ вѣдь не купчишка какой-нибудь. (Шепчетъ въ сторону). Душка, милашка!

Графена Кондратьевна. Да, хорошъ душка! Скажите, пожалуйста! жалко, что не отдали тебя за шута за гороховаго. Вѣдь ишь ты, блажь-то какая въ тебѣ; вѣдь это ты на зло матери подъ носъ-то шепчешь.

Липочка. Видимый резонъ, что не хотите моего счастья. Вамъ съ тятенкой только кляузы строить да тиранничать.

Графена Кондратьевна. Ну, какъ ты хочешь тамъ думай. Господь тебѣ судья! А никто такъ не заботится о своемъ дѣтищѣ, какъ материнская утроба! Ты вотъ тутъ хохришься, да разныя глупости выколупываешь, а мы съ отцомъ-то денно и ноцно заботимся, какъ-бы тебѣ хорошаго человѣка найти, да пристроить тебя поскорѣе.

Липочка. Да, легко вамъ разговаривать, а позвольте спросить, каково мнѣ-то?

Графена Кондратьевна. Развѣ мнѣ тебя не жаль, ты думаешь! Да что дѣлать-то! Потерпи малость, ужъ коли много лѣтъ ждала. Вѣдь нельзя-же тебѣ вдругъ жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловятъ.

Липочка. Что мнѣ до вашихъ кошекъ! Мнѣ мужа надобно! Что это такое! Страмъ встрѣчаться съ знакомыми, въ цѣлой Москвѣ не могли вы-брать жениха—все другимъ да другимъ. Кого не задѣнетъ за живое: всѣ подруги съ мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вотъ одинъ, такъ и тому отказали. Слышите, найдите мнѣ жениха, безпремѣнно найдите!.. Впередъ вамъ говорю, безпремѣнно сыщите, а то для васъ-же будетъ хуже: нарочно, вамъ на зло, по секрету заведу обожателя, съ гусаромъ убѣгу, да и обвѣнчаемся потихоньку.

Графена Кондратьевна. Что, что, безпутная! Кто вбилъ въ тебя такія скверности! Владыко милосердный, не могу съ духомъ собраться... Ахъ, ты, собачій огрызокъ! Ну, нечего дѣлать! Видно, придется отца позвать.

Липочка. Только и ладите, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

Аграфена Кондратьевна. Такъ что-же, я дура по-твоему, что-ли! Какіе у тебя тамъ гусары, безстыжій твой носъ! Тьфу ты, дьявольское навожденіе! Али ты думаешь, что я не властна надъ тобой приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что ты притче матери хочешь быть! У меня вѣдь не долго, я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью, да вотъ на голову тебѣ и надѣну! Съ поросятами тебя, вмѣсто родителей-то, посажу!

Липочка. Какъ-же! Позволю я надъ собой командовать! Вотъ еще новости!

Аграфена Кондратьевна. Молчи, молчи, таранта Егоровна! Уступи верхъ матери! Эко сѣмя противное! Словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью! Вотъ послалъ Господь утѣшеніе! Дѣвчонка хабальная! Мальчишка ты шельмецъ, и на умѣ-то у тебя все не женское! Готова, чай, вотъ на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка. Вы, я воображаю, прилетете скоро всѣхъ буточниковъ. Ужъ молчали-бы лучше, коли не такъ воспитаны. Все я скверна, а сами-то вы какovy послѣ этого! Что, вамъ угодно спровадить меня на тотъ свѣтъ прежде времени? извести своими капризами? (Плачетъ). Что-жъ, пожалуй, я ужъ и такъ, какъ муха какая, кашляю (плачетъ).

Аграфена Кондратьевна (стоитъ и смотритъ на нее). Ну, полно, полно! (Липочка плачетъ громче и потомъ рыдаетъ).

Аграфена Кондратьевна. Ну полно ты, полно! Говорятъ тебѣ, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата. (Липочка плачетъ).

Аграфена Кондратьевна. Липочка! Лица! Ну, будетъ! Ну, перестань! (Сквозь слезы). Ну, не сердись ты на меня (плачетъ)... бабу глупую... неученую... (плачутъ обѣ вмѣстѣ). Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Липочка (плача). На что мнѣ сережки ваши, у меня и такъ полноу туалеть. А вы кушите браслеты съ изумрудами.

Аграфена Кондратьевна. Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка (сквозь слезы). Тогда и перестану, какъ замужъ выйду (плачетъ).

Аграфена Кондратьевна. Выдешь, выдешь, голубчикъ ты мой! Ну, поцѣлуй меня! (Цѣлуются). Ну, Христось съ тобой! Ну, дай я тебѣ слезки оботру (обтираетъ). Вотъ, нынче хотѣла Устинья Наумовна придти, мы и потолкуемъ.

Липочка (голосомъ, еще не успокоившимся). Ахъ! кабы она поскорѣй пришла!

[Приходитъ сваха].

Аграфена Кондратьевна. Ну, что, новенькаго нѣтъ-ли чего, Устинья Наумовна? Ишь у меня дѣвка-то стосковалась совсѣмъ.

Липочка. И въ самомъ дѣлѣ, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нѣтъ никакого.

Устинья Наумовна. Да ишь ты, съ вами не скоро сообразишь, бра-
льянтовья. Тятенька-то твой ладить за богатаго: мнѣ, говоритъ, хотя Ѳе-
дотъ отъ проходныхъ воротъ, лишь-бы денежки водились, да приданаго
поменьше домилъ. Маменька-то вотъ, Аграфена Кондратьевна, тоже норо-
вить въ свое удовольствіе: подавай ты ей безпремѣнно купца, да чтобы
былъ жалованный, да лошадей-бы хорошихъ держалъ, да и лобъ-то кре-
стиль-бы по старинному. У тебя тоже свое на умѣ. Какъ на васъ угодишь?

Литочка. Не пойду я за купца, ни за что не пойду. Затѣмъ развѣ я
такъ воспитана: училась и по-французски, и на фортепянахъ, и танцовать!
Нѣтъ, нѣтъ! гдѣ хочешь возьми, а достань благороднаго.

Аграфена Кондратьевна. Вотъ ты и толкуй съ ней.

Ѳоминишна. Да что тебѣ дались эти благородные? Что въ нихъ за
особенный скусъ? Голый на голомъ, да и христіанства-то никакого нѣтъ:
ни въ баню не ходитъ, ни пироговъ по праздникамъ не печетъ; а вѣдь
хощь и замужемъ будешь, а надоѣстъ тебѣ соусъ-то съ подливкой.

Литочка. Ты, Ѳоминишна, родилась между мужиковъ, и ноги проти-
нешь мужичкой. Что мнѣ въ твоємъ купцѣ! Какой онъ можетъ имѣть вѣсъ?
Гдѣ у него амбиція? Мочалка-то его что-ли мнѣ нужна?

Ѳоминишна. Не мочалка, а Божій волосъ, сударыня, такъ-то-съ!

Аграфена Кондратьевна. Вѣдь и тятенька твой не оболваненный ка-
кой, и борода-то тоже не обшарканая, да цѣлуешь-же ты его какъ-нибудь.

Литочка. Одно дѣло тятенька, а другое дѣло—мужъ. Да что вы при-
стали, маменька? Ужъ сказала, что не пойду за купца, такъ и не пойду!
Лучше умру сейчасъ, до конца всю жизнь выплачу: слезъ не достанетъ, перцу
наѣмся.

Ѳоминишна. Никакъ ты плакать собираешься? И думать не моги! И
тебѣ какъ въ охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна. А кто ее дразнить? Сама привередничаетъ.

Устинья Наумовна. Пожалуй, ужъ коли тебѣ такой апекитъ, найдемъ
тебѣ и благороднаго. Какого тебѣ: посолиднѣй али поподжаристѣй?

Литочка. Ничего и потолще, былъ-бы собою не малъ. Конечно, лучше
ужъ рослаго, чѣмъ какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья На-
умовна, чтобы не курносаго, безпремѣнно чтобы былъ-бы брюнетъ; ну, по-
нятное дѣло, чтобы и одѣтъ былъ по журнальному. (Смотритъ въ зеркало).
Ахъ, Господи! а сама-то я нынче вся какъ вѣникъ растрепана.

Устинья Наумовна. А есть у меня теперь женихъ вотъ точно такой,
какъ ты, бралиантовая, росписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Литочка. Ахъ, Устинья Наумовна! Совсѣмъ не брюле, а брюнетъ.

Устинья Наумовна. Да, очень мнѣ нужно, на старости лѣтъ, языкъ-
то ломать по-твоему: какъ сказалось, такъ и живетъ. И крестьяне есть, и
оргень на шеѣ; ты вотъ поди одѣнься, а мы съ маменькой-то потолкуемъ
объ этомъ дѣлѣ.

Литочка. Ахъ, голубушка Устинья Наумовна, зайди уже ко мнѣ въ
комнату: мнѣ нужно поговорить съ тобой. Пойдемъ, Ѳоминишна.

Ѳоминишна. Охъ, ужъ ты мнѣ, егоза! (Уходитъ).

[Приходитъ Рисположенскій, проворовавшійся и пропишійся отставной чиновникъ].

Рисположенскій (входя). А я къ вамъ, матушка Аграфена Кондратьевна. Толкнулся было къ Самсону Силычу, да занять, вижу; такъ я думаю: зайду, молъ, я къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ. Что, это водочка у васъ? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьетъ).

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, на здоровье! Садитесь милости просимъ; какъ живете, можете?

Рисположенскій. Какое ужъ наше житье! Такъ, небо коптимъ, Аграфена Кондратьевна; сами знаете: семейство большое, дѣлишки маленькія. А не ропщу, роптать грѣхъ, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Ужъ это, батюшко, послѣднее дѣло.

Рисположенскій. Кто ропщеть, значитъ, тотъ Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вотъ какая была исторія...

Аграфена Кондратьевна. Какъ тебя звать-то, батюшко? Я все позабываю.

Рисположенскій. Сысой Псоичъ, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Какъ-же это такъ: Псоичъ, серебряный? По каковски-же это?

Рисположенскій. Не умѣю вамъ сказать доподлинно; отца звали Псой—ну, стало быть, я Псоичъ и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псоичъ, такъ Псоичъ! Что-жъ, это ничего, и хуже бываетъ, бралиантовый.

Аграфена Кондратьевна. Такъ какую-же ты, Сысой Псоичъ, исторію-то хотѣлъ разсказать?

Рисположенскій. Такъ вотъ, матушка Аграфена Кондратьевна, была исторія: не то, чтобы притча, или сказка какая, а истинное происшествіе. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьетъ).

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшко, кушай.

Рисположенскій (садится). Жилъ старецъ, маститый старецъ... Вотъ ужъ я, матушка, забылъ гдѣ, а только въ сторонѣ такой... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двѣнадцать дочерей — малъ-мала меньше. Самъ работать не въ силахъ, жена тоже старуха старая, дѣти еще малыя, а пить, ѣсть надобно. Что было добра, подъ старость все прожили, понтъ, кормить некому! Куда дѣться съ малыми ребятами? Вотъ онъ такъ думать, эдакъ думать—нѣтъ, сударыня моя, ничего ужъ тутъ не придумаешь. „Пойду, говоритъ, я на распутіе: не будетъ-ли чего отъ доброхотныхъ дателей“. День сидитъ—Богъ подастъ, другой сидитъ—Богъ подастъ: вотъ онъ, матушка, и возропталъ.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенскій. Господи, говоритъ, не мздоимецъ я, не лихоимецъ я... лучше, говоритъ, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ахъ, батюшка мой!

Рисположенскій. И бысть ему, сударыня ты моя, сонъ въ нощи...

[Приходитъ самъ хозяинъ Большовъ].

Большовъ. А! и ты, баринъ, здѣсь! Что это ты тутъ проповѣдуешь?

Рисположенскій (кланяется). Все-ли здоровы, Самсонъ Силычъ?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудѣлъ словно? Аль увѣчье какое напало?

Большовъ (садясь). Простудился, должно быть, либо геморой что ли расхотился...

Аграфена Кондратьевна. Ну, такъ, Сысой Псоичъ, что же ему дальше то было?

Рисположенскій. Послѣ, Аграфена Кондратьевна, послѣ доскажу, на свободѣ какъ-нибудь забѣгу въ сумеречки и расскажу.

Большовъ. Что это ты, али за святость взялся! Ха, ха, ха! Пора очуствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, ужъ ты начнешь! Не дашь по душѣ потолковать.

Большовъ. По душѣ!... Ха, ха, ха... А ты спроси-ко, какъ у него изъ суда дѣло пропало; вотъ эту исторію то онъ тебѣ лучше расскажетъ.

Рисположенскій. Анъ нѣтъ же, и не пропало! Вотъ и неправда, Самсонъ Силычъ!

Большовъ. А за что-жъ тебя оттудова выгнали?

Рисположенскій. А вотъ за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взялъ я одно дѣло изъ суда домой, да дорогой то съ товарищемъ и завернули, человекъ слабъ, ну, понимаете... съ позволенія сказать, хошь бы въ погребокъ... тамъ я его оставилъ, да хмѣльной то, должно быть, и забылъ. Что-жъ со всякимъ можетъ случиться. Потомъ, сударыня моя, въ судѣ и хватились этого дѣла то: искали, искали, я и на домъ то ѣздилъ два раза съ экзекуторомъ—нѣтъ какъ нѣтъ! Хотѣли меня суду предать, а тутъ я и вспомнилъ, что должно быть, молъ, я его въ погребкѣ забылъ. Поѣхали съ экзекуторомъ—оно тамъ и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что-жъ! Не токма что съ пьющимъ, и съ непьющимъ бываетъ. Что-жъ за бѣда такая!

Большовъ. Какъ же тебя въ Камчатку не сослали?

Рисположенскій. Ужъ и въ Камчатку! А за что, позвольте васъ спросить, за что въ Камчатку то сослать?

Большовъ. За что! за безобразіе! Такъ неужели-жъ вамъ потакать? Этакъ вы съ кругу соплетесь.

Рисположенскій. Анъ вотъ простили. Вотъ, матушка Аграфена Кондратьевна, хотѣли меня суду предать за это за самое. Я сейчасъ къ генералу къ нашему, бухъ ему въ ноги! Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дѣти маленькія! Ну, говоритъ, Богъ съ тобой, лежачаго не бьютъ, подавай, говоритъ, въ отставку, чтобъ я и не видалъ тебя здѣсь. Такъ и простилъ. Что-жъ! Дай Богъ ему здоровья! Онъ меня и теперь не забываетъ; иногда забѣжишь къ нему на праздникѣ: что, говоритъ, ты Сысой Псоичъ?—Съ праздникомъ, молъ, ваше превосходительство, поздравить пришелъ. — Вотъ, къ Троицѣ ходилъ недавно, просвирку ему принесъ. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Щетъ).

Большовъ. А что, Сысой Псойчъ, чай ты съ этимъ крюществомъ на своемъ вѣку много чернилъ извелъ?

Рисположенскій. Хе, хе... Самсонъ Силычъ, матеріаль не дорогой. А я вотъ забѣжалъ понавѣдаться, какъ ваши дѣлишки.

Большовъ. Забѣжалъ ты! А тебѣ больно знать нужно! То-то вотъ вы подлый народъ такой, кровопийцы какіе то: только-бъ вамъ пронюхать что-нибудь эдакое, такъ ужъ вы и вьтесъ тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущеніемъ.

Рисположенскій. Какое же можетъ произойти, Самсонъ Силычъ, отъ меня наущеніе? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, можетъ быть, въ десять разъ меня умнѣе? Меня что попросятъ, я сдѣлаю. Что-жъ не сдѣлать! Я бы свинья былъ, когда-бъ не сдѣлалъ; потому что я, можно сказать, облагодѣтельствованъ вами и съ ребятишками. А я еще довольно глупъ, чтобы вамъ совѣтовать: вы свое дѣло сами лучше всякаго знаете.

Большовъ. Сами знаете! То-то вотъ и бѣда, что нашъ братъ, кунецъ, дуракъ, ничего онъ не понимаетъ, а такимъ пивкамъ, какъ ты, это и на руку. Вѣдь вотъ, ты теперь всѣ пороги у меня обообьешь тоскамшись то.

Рисположенскій. Какъ же мнѣ не таскаться то! Кабы я васъ не любилъ, я бы къ вамъ и не таскался. Развѣ я не чувствую? Что-жъ я, въ самомъ дѣлѣ, скотъ что ли какой безсловесный?

Большовъ. Знаю я, что ты любишь,—всѣ вы насъ любите; только путнаго отъ васъ ничего не добьешься. Вотъ я теперь маюсь, маюсь съ дѣломъ то, такъ измучился, повѣришь ли ты, мнѣніемъ только этимъ однимъ. Ужъ хоть бы поскорѣй что ли, да изъ головы вонъ.

Рисположенскій. Что-жъ, Самсонъ Силычъ, не вы первый, не вы послѣдній; нешто другіе то не дѣлаютъ?

Большовъ. Какъ не дѣлать, братъ, и другіе дѣлаютъ. Да еще какъ дѣлаютъ то: безъ стыда, безъ совѣсти! На лежачихъ лесорахъ ѣздить, въ трехэтажныхъ домахъ живутъ; другой такой бельведеръ съ колоннами выведетъ, что ему съ своей образиной и войти то туда совѣстно; а тамъ и капутъ, и взять съ него нечего. Коляски эти разѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены, останется-ль, нѣтъ ли кредиторамъ то старыхъ сапоговъ пары три. Вотъ тебѣ вся недолга. Да еще и обманетъ то кого: такъ бѣдняковъ какихъ-нибудь, пустить въ одной рубашкѣ по міру. А у меня кредиторы всѣ люди богатые, что имъ сдѣляется!

Рисположенскій. Извѣстное дѣло. Что-жъ, Самсонъ Силычъ, все это въ нашихъ рукахъ.

Большовъ. Знаю, что въ нашихъ рукахъ, да сумѣешь ли ты это дѣло сдѣлать то? Вѣдь вы народецъ тоже! Я ужъ васъ знаю! На словахъ то вы прятки, а тамъ и пошелъ блудить.

Рисположенскій. Да что вы, Самсонъ Силычъ, помиуйте, нешто мнѣ въ первый разъ! Ужъ еще этого то не знать! хе, хе, хе... Да такія ли я дѣла дѣлалъ, да съ рукъ сходило. Другого то за такія штуки ужъ заслали бы давно, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Большовъ. Ой-ли? Такъ какую-жъ ты механику подсмолишь?

Рисположенскій. А тамъ, глядя по обстоятельствамъ. Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью. (Шьетъ)... Вотъ, первое дѣло, Самсонъ Силычъ, надобно домъ да лавки заложить, либо продать. Это ужъ первое дѣло.

Большовъ. Да, это точно надо сдѣлать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вотъ развѣ на жену?

Рисположенскій. Не законно, Самсонъ Силычъ! Это не законно! Въ законахъ изображено, что таковыя продажи не дѣйствительны. Оно вѣдь сдѣлать то недолго, да чтобъ крючковъ послѣ не вышло. Ужъ дѣлать, такъ надо, Самсонъ Силычъ, прочнѣй.

Большовъ. И то дѣло, чтобъ оглядокъ не было.

Рисположенскій. Какъ на чужого-то закрѣпишь, такъ ужъ и придраться-то не къ чему. Споръ послѣ, поди противъ подлинныхъ-то бумагъ.

Большовъ. Только вотъ что бѣда-то: какъ закрѣпишь на чужого домъ-то, а онъ, кожалуй, тамъ и застрянетъ, какъ блоха на войнѣ.

Рисположенскій. Ужъ вы ищите, Самсонъ Силычъ, такого человѣка, чтобы онъ совѣсть зналъ.

Большовъ. А гдѣ ты его найдешь нынче? Нынче всякій норовить, какъ тебя за воротъ ухватить, а ты совѣсти захотѣлъ.

Рисположенскій. А я вотъ мекаю, Самсонъ Силычъ, хотите вы меня слушайте, хотите вы нѣтъ: каковъ человѣкъ у васъ приказчикъ?

Большовъ. Который? Лазарь что-ли?

Рисположенскій. Да, Лазарь Елизарычъ.

Большовъ. Ну, а на Лазаря, такъ и пускай на него; онъ малый съ понятіемъ, да и капиталецъ есть.

Рисположенскій. Что-же прикажете, Самсонъ Силычъ, закладную или купчую?

Большовъ. А съ чего процентовъ меньше, то и варгань. Какъ сдѣлаешь все въ акуратѣ, такой тебѣ, Сысой Псоичъ, могоарычъ поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенскій. Ужъ будьте покойны, Самсонъ Силычъ, мы свое дѣло знаемъ. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили объ этомъ дѣлѣ или нѣтъ? Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью. (Шьетъ).

Большовъ. Нѣтъ еще. Вотъ нынче потолкуемъ. Онъ у меня парень-то дѣльный, ему только мигни, онъ и понимаетъ. А ужъ сдѣлаетъ-то что, такъ пальца не подсунешь. Ну! заложимъ мы домъ, а потомъ что?

Рисположенскій. А потомъ напишемъ реэстрикъ, что вотъ, моль, такъ и такъ, по двадцати пяти копѣекъ за рубль; ну, и ступайте по кредиторами. Коли кто больно заартачится, такъ можно и прибавить, а другому сердитому и всѣ заплатить... Вы ему заплатите, а онъ чтобы писалъ, что по сдѣлкѣ получилъ по двадцати пяти копѣекъ, такъ для видимости, чтобы другимъ показать. Вотъ, моль, такъ и такъ; ну, и другіе, глядя на нихъ, согласятся.

Большовъ. Это точно, поторговаться не мѣшаетъ: не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ; а если полтины не возьмутъ, такъ за

семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки барышъ. Тамъ, что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да съ двора долой. Да и самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора; проклажались-бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту къ черту. Да вотъ и Лазарь идетъ.

[Большовъ бесѣдуетъ съ Подхамозинымъ о своихъ дѣлахъ].

Подхамозинъ. Извѣстное дѣло-съ, стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель что-ли тумакъ какой подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, взялъ, говорю, да и накинулъ рубль али два на аршинъ.

Большовъ. Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ. Такъ-ли? А? (Рисположенскій смѣется).

Подхамозинъ. Дѣло понятное-съ. И мѣрять-то, говорю, надо тоже поестественнѣе: тани да потягивай, только, только чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло, вѣдь не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а зазѣваются, такъ никто виновать, можно, говорю, и просто черезъ руку лишній разъ аршинъ шмыгнуть.

Большовъ. Все единственно: вѣдь портной украдетъ-же. А? Украдетъ вѣдь?

Рисположенскій. Украдетъ, Самсонъ Силычъ, безпремѣнно, мошенникъ, украдетъ; ужъ я этихъ портныхъ знаю.

Большовъ. То-то вотъ; всѣ они кругомъ мошенники, а на насъ слава.

Рисположенскій. Это точно, Самсонъ Силычъ, это вы правду говорить изволите.

[Большовъ проглядываетъ газету и перечитываетъ фамиліи обанкротившихся купцовъ, спрашивается, много-ли за ними пропало].

Большовъ. Плохо дѣло, Лазарь. Ну, да мнѣ-то онъ сполна отдастъ по-пріятельски.

Подхамозинъ. Сумнительно-съ.

Большовъ. Сочтемся какъ-нибудь. (Читаетъ). Московскій 1-й гильдіи купецъ Антипъ Сисоевъ Енотовъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. За этимъ ничего нѣтъ?

Подхамозинъ. За масло постное-съ, объ Великому посту брали боченка съ три-съ.

Большовъ. Вотъ сухоядцы-то, постники! И Богу-то угодить на чужой счетъ норовятъ. Ты, братъ, степенству-то этому не вѣрь! Это народъ одной рукой крестится, а другой въ чужую пазуху лѣзетъ! Вотъ и третій: „Московскій 2-й гильдіи купецъ Ефремъ Лукинъ Полуаршинниковъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ“. Ну, а этотъ какъ?

Подхамозинъ. Вексель есть-съ!

Большовъ. Протестованъ?

Подхамозинъ. Протестованъ-съ. Самъ-то скрывается-съ.

Большовъ. Ну! И четвертый тутъ, Самопаловъ. Да что они, сговорились что-ли?

Подхамозинъ. Ужъ такой расподѣлющій народъ-съ.

Большовъ (ворочая листы). Да тутъ ихъ не перечеитаешь до завтрашняго числа. Возьми прочь!

[Большовъ предлагаетъ Лазарю перевести все свое имущество на его имя, въ расчетѣ, что тотъ его не обманетъ].

Большовъ (помолчавъ). Скажи, Лазарь, по совѣсти, любишь ты меня? (Молчаніе). Любишь что-ли? Что-жь ты молчишь? (Молчаніе). Поилъ, кормилъ, въ люди вывелъ, кажется.

Подхамозинъ. Эхъ, Самсонъ Силычъ! Да что тутъ разговаривать-то-съ. Ужъ вы во мнѣ-то не сумѣвайте! ужъ одно слово: вотъ какъ есть, весь тутъ.

Большовъ. Да что-жь, что ты весь-то?

Подхамозинъ. Ужъ коли того, а либо что, такъ останетесь довольны: себя не пожалѣю.

Большовъ. Ну, такъ и разговаривать нечего. По мнѣ, Лазарь, теперь самое настоящее время; денегъ наличныхъ у насъ довольно, векселямъ веѣмъ сроки подошли. Чего-жь ждать-то? Дождешься пожалуй, что какой-нибудь свой-же братъ, собачій сынъ, оберетъ тебя до-чиста, а тамъ, глядишь, сдѣлаетъ сдѣлку по гривнѣ за рубль; да и сидитъ въ миллионѣ, и плевать на тебя не хочетъ. А ты, честный-то торговецъ, и смотри да казнишь, хлопай глазами-то. Вотъ я и думаю, Лазарь, предложить кредиторамъ-то такую статью: не возьмутъ-ли они у меня кофѣекъ по двадцати пяти за рубль. Какъ ты думаешь?

Подхамозинъ. А ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати пяти, такъ пристойнѣе совѣмъ не платить.

Большовъ. А что? Вѣдь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльцо обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи. Хлопотъ-то только куча. Домъ-то и лавки я на тебя заложу.

Подхамозинъ. Нельзя-жь безъ хлопотъ-съ. Вотъ векселя надо за что-нибудь сбыть-съ, товаръ перевести куда подальше. Станемъ хлопотать-съ!

Большовъ. Оно такъ. Да старенекъ ужъ я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхамозинъ. Помилуйте, Самсонъ Силычъ, въ огонь и въ воду полѣзу-съ.

Большовъ. Эдакъ-то лучше! Черта-ли тамъ по грошамъ-то наживать! Махнулъ сразу, да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлости. Спасибо тебѣ, Лазарь. Удружилъ! (Встаетъ). Ну, хлопочи! (Подходить къ нему и треплетъ по плечу). Сдѣлаешь дѣло аккуратно, такъ мы съ тобой барышами-то подѣлимся. Награжу на всю жизнь. (Идетъ къ двери).

Подхамозинъ. Мнѣ, Самсонъ Силычъ, окромя вашего спокойствія ничего не нужно-съ. Какъ жимши у васъ съ малолѣтства и видѣвши всѣ ваши благодѣянія; можно сказать, мальчишкой взятъ-съ лавки подметать, слѣдовательно долженъ я чувствовать.

Подхалюзинъ (одинъ). Вотъ бѣда-то! Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ! Что теперь дѣлать-то! Ну, плохо дѣло! Не миновать теперь несостоятельнымъ объявиться! Ну, положимъ хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чемъ буду? Мнѣ-то куда дѣться? Въ проходномъ ряду пылью торговать! Служилъ, служилъ лѣтъ двадцать, а тамъ ступай мостовую грани. Какъ теперь это дѣло разсудить надо? Товаромъ что-ли? Вотъ векселя велѣлъ продать (вынимаетъ и читаетъ): тутъ должно быть попользоваться будетъ можно. (Ходить по комнатѣ). Говорять, надо совѣсть знать! Да извѣстное дѣло надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая-же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ кунецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ—такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть. Вышла линія, ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то-ли-бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится. Хмъ! Вѣдь залѣзетъ эдакая фантазія въ голову человѣку! Конечно Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, и можно сказать, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ, а вѣдь этотъ женихъ ее теперича не возьметъ, скажетъ—денегъ дай! А денегъ гдѣ взять? И ужъ не быть ей теперь за благороднымъ, потому денегъ нѣтъ. Рано-ли поздно-ли, а придется за купца отдавать! (Ходить молча). А понабравши деньжонокъ да поклониться Самсону Силычу, дескать я, Самсонъ Силычъ, въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства, и я, молъ; Самсонъ Силычъ, для вашего спокойствія пота-крови не жалѣлъ. Конечно, молъ, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, да вѣдь и я, Самсонъ Силычъ, не лыкомъ шить, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу кругомъ себя ограничить на этотъ предметъ. Отчего не отдать за меня? Чѣмъ я не человѣкъ? Ни въ чемъ не замѣченъ; къ старшимъ почителенъ. Да при всемъ томъ, какъ заложили мнѣ Самсонъ Силычъ домъ и лавки, такъ и закладной-то можно пугнуть. А знавши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что попало въ голову, ужъ ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году захотѣлъ бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали—нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафъ я по нимъ, или такъ взойди имъ въ голову—завтра-же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй. Да отъ эдакаго удовольствія съ Ивана Великаго прыгнуть можно! (Входитъ Тинка со штофомъ).

[Подхалюзинъ обѣщалъ Рисположенскому хорошо заплатить, если удастся все имущество Большова перевести на его имя; свахѣ онъ тоже обѣщалъ щедрое награжденіе, если она откажется отъ сватанья Липочки за другихъ, а устроить его свадьбу съ нею].

[Весѣда Большова съ Подхалюзиннымъ].

Большовъ. Стряпчій былъ?

Подхамозинъ. Былъ-съ!

Большовъ. Говорилъ ты съ нимъ?

Подхамозинъ. Да что, Самсонъ Силычъ, развѣ онъ чувствуетъ? Известно, чернильная душа-съ! Одно ладить—объявиться несостоятельнымъ.

Большовъ. Что-жъ, объявиться, такъ объявиться—одинъ конецъ.

Подхамозинъ. Ахъ, Самсонъ Силычъ, что это вы изволите говорить!

Большовъ. Что-жъ, деньги заплатить? Да съ чего-же ты это взять? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя, пусть ташутъ, воруютъ кто хочетъ, а ужъ я имъ не плательщикъ.

Подхамозинъ. Помилуйте, Самсонъ Силычъ, заведеніе было у насъ такое превосходное, и теперь должно все въ разстройство придти.

Большовъ. А тебѣ что за дѣло? Не твое было. Ты старайся только,—отъ меня забыть не будешь.

Подхамозинъ. Не нуждаюсь я ни въ чемъ послѣ вашего благодѣянія. И напрасно вы такой сюжетъ обо мнѣ имѣете. Я теперича готовъ всю душу отдать за васъ, а не то чтобы какой фальшь сдѣлать. Вы подвигаетесь къ старости, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная и въ такихъ годахъ; надобно и объ ней заботливость приложить-съ. А теперь такія обстоятельства: мало-ли что можетъ произойти изъ всего этого.

Большовъ. А что такое произойти можетъ? Я одинъ въ отвѣтъ.

Подхамозинъ. Что объ васъ-то толковать! Вы, Самсонъ Силычъ, отжили свой вѣкъ; слава Богу, пожили, а Алимпіяда-то Самсоновна, известное дѣло, барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ. Я вамъ, Самсонъ Силычъ, по совѣсти говорю, то-есть какъ это все по моимъ чувствамъ: если я теперича стараюсь для васъ, и всѣ мои усердія, можно сказать, не жалѣя пота-крови, прилагаю,—такъ это все больше потому самому, что жалъ мнѣ вашего семейства.

Большовъ. Полно, такъ-ли?

Подхамозинъ. Позвольте-съ; ну, положимъ, что это все благополучно кончится-съ; хорошо-съ. Останется у васъ чѣмъ пристроить Алимпіяду Самсонову. Ну, объ этомъ и толковать нечего-съ; были-бы деньги, а женихи найдутся-съ. Ну, а грѣхъ какой, сохрани Господи! какъ придерутся, да начнутъ ко судамъ таскать, да на все семейство эдакая мораль пойдетъ, а еще, пожалуй, и кмѣние-то все отнимутъ; должны будутъ они-съ голодомъ и холодомъ терпѣть, и безъ всякаго призрѣнія, какъ птенцы какіе беззащитные. Да это сохрани Господи! это что-жъ будетъ тогда? (Плачетъ).

Большовъ. Да объ чемъ-же ты плачешь-то?

Подхамозинъ. Конечно, Самсонъ Силычъ, я это къ примѣру говорю—въ добрый часъ молвить, въ худой промолчать, отъ слова не станется; а вѣдь врагъ-то силенъ—горами шатаетъ.

Большовъ. Что-жъ дѣлать-то, братецъ, ужъ знать такая воля Божія; противъ ея не пойдешь.

Подхамозинъ. Это точно, Самсонъ Силычъ! А все-таки, по моему глу-

ному разсужденію, пристроить-бы до поры до времени Алимпіяду Самсоновну за хорошаго человѣка, такъ ужъ тогда будетъ она, по крайности, какъ за каменной стѣной-сь. Да главное, чтобы была душа у человѣка, такъ онъ будетъ чувствовать... А то вонъ, что сватался за Алимпіяду Самсоновну благородный-то—и оглобли назадъ поворотилъ.

Большовъ. Какъ назадъ? Да съ чего это ты выдумалъ?

Подхамозинъ. Я, Самсонъ Силычъ, не выдумалъ,—вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть что-нибудь прослышалъ, кто его знаетъ.

Большовъ. А ну его! По моимъ дѣламъ теперъ не такого нужно.

Подхамозинъ. Вы, Самсонъ Силычъ, возьмите въ разсужденіе: я посторонній человѣкъ, не родной,—а для вашего благополучія ни дня, ни ночи себѣ покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдають барышню, можно сказать, красоту неописанную; да и денегъ еще даютъ-сь, а онъ ломается, да важничаетъ, — ну, есть-ли въ немъ душа, послѣ всего этого?

Большовъ. Ну, а не хочеть, такъ и не надо, не заплачемъ!

Подхамозинъ. Нѣтъ, вы, Самсонъ Силычъ, разсудите объ этомъ: есть-ли душа у человѣка? Я вотъ посторонній совсѣмъ, да не могу-же безъ слезъ видѣть всего этого. Поймите вы-это, Самсонъ Силычъ! Другой-бы и вниманія не взялъ такъ убиваться изъ-за чужого дѣла-сь; а вѣдь меня теперъ вы хоть гоните, хоть бейте, а я ужъ васъ не оставляю, потому не могу—сердце у меня не такое.

Большовъ. Да какъ-же тебѣ оставить-то меня: только вѣдь и надежды-то теперъ, что ты. Самъ я старъ, дѣла подошли тѣсныя. Погоди; можетъ еще такое дѣло сдѣлаемъ, что ты и не ожидаешь.

Подхамозинъ. Да не могу-же я этого сдѣлать, Самсонъ Силычъ. Поймите вы изъ этого; не такой я совсѣмъ человѣкъ! Другому, Самсонъ Силычъ, конечно это все равно-сь, ему хоть трава не расти, а ужъ я не могу-сь; сами изволите видѣть-сь, хлопочу я, али нѣтъ-сь. Какъ чортъ какой убиваюсь я теперича изъ-за вашего дѣла-сь, потому что не такой я человѣкъ-сь. Жалѣючи васъ, это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимпіада Самсоновна барышняя какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-сь...

Большовъ. Неужто и въ свѣтѣ нѣтъ? Ужъ ты, братъ, не того-ли?..

Подхамозинъ. Чего-сь?.. Нѣтъ, я ничего-сь!..

Большовъ. То-то, братъ, ты ужъ лучше откровенно говори. Влюбленъ ты что-ли въ Алимпіяду Самсоновну?

Подхамозинъ. Вы, Самсонъ Силычъ, можетъ, шутить изволите.

Большовъ. Что за шутка! Я-тебя безъ шутокъ спрашиваю.

Подхамозинъ. Помилуйте, Самсонъ Силычъ, смѣю-ли я это подуметь-сь.

Большовъ. А что-жъ-бы такое не смѣть-то? Что она княжна что-ли какая?

Подхамозинъ. Хотя и не княжна, да какъ бимпи вы моимъ благодѣтелемъ и вмѣсто отца роднаго... Да нѣтъ, Самсонъ Силычъ, помилуйте, какъ-же это можно-сь, неужели-же я этого не чувствую!

Большовъ. Такъ ты, стало быть, ее не любишь?

Подхамозинъ. Какъ же не любить-сь, помилуйте, кажется, больше всего на свѣтѣ. Да нѣтъ-сь, Самсонъ Силычъ, какъ же это можно-сь.

Большовъ. Ты бы такъ и говорилъ, что люблю, молъ, больше всего на свѣтѣ.

Подхамозинъ. Да какъ же не любить-сь. Сами изволите разсудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, извѣстное дѣло, Алимпіяда Самсоновна барышня какихъ въ свѣтѣ нѣтъ... Да нѣтъ, этого нельзя-сь. Гдѣ же намъ-сь!..

Большовъ. Да чѣго же нельзя-то, дура-голова?

Подхамозинъ. Да какъ же можно, Самсонъ Силычъ? Какъ знавши я васъ, какъ отца роднаго, и Алимпіяду Самсоновну-сь, и опять знавши себя, что я такое значу,—гдѣ же мнѣ съ суконнымъ-то рыломъ-сь?

Большовъ. Ничего не суконное. Рыло какъ рыло. Быль-бы умъ въ головѣ,—а тебѣ ума-то не занимать стать, этимъ добромъ Богъ наградила. Такъ что же, Лазарь, посватать тебѣ, Алимпіяду-то Самсоновну, а? Красавицу-то неописанную?

Подхамозинъ. Да помилуйте, смѣю-ли я? Алимпіяда-то Самсоновна, можетъ быть, на меня глядѣть-то не захотятъ-сь!

Большовъ. Важное дѣло! Не плясать же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхамозинъ. Не смѣю я, Самсонъ Силычъ, объ этомъ съ вами говорить-сь. Не хочу быть подлецомъ противъ васъ.

Большовъ. Экой ты, братецъ, глупый! Кабы я тебя не любилъ, нешто-бы я такъ съ тобой разговаривалъ? Понимаешь-ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливымъ сдѣлать! Всю жизнь могу тебѣ даровать.

Подхамозинъ. А нешто я васъ не люблю; Самсонъ Силычъ, больше отца роднаго? Да накажи меня Богъ!..

Большовъ. Ну, а дочь любишь?

Подхамозинъ. Изнылъ весь-сь! Вся душа-то у меня перевернулась давно-сь!

Большовъ. Ну, а коли душа перевернулась, такъ мы тебя поправимъ. Владѣй Оаддей нашей Маланьей.

Подхамозинъ. Тятенька, за что жалуете? Не стою я этого, не стою! И физиономія у меня совсѣмъ не такая.

Большовъ. Ну ее, физиономію! А вотъ я на тебя все имѣніе переведу, такъ послѣ кредиторы-то и пожалѣютъ, что по двадцати пяти копѣекъ не взяли.

Подхамозинъ. Еще какъ пожалѣютъ-то-сь!

Большовъ. Ну, ты ступай теперь въ городъ, а ужотка заходи къ не-вѣстѣ; мы надъ ними шутку подшутимъ.

Подхамозинъ. Слушаю, тятенька-сь! (Уходятъ).

[Назначены были смотрины. Липочка разряжена].

Большовъ. Вотъ она жизнь-то; истинно сказано: суета суетъ и всяческая суета. Чортъ знаетъ, и самъ не разберешь, чего хочется. Вотъ-бы и

закусилъ чего-нибудь, да обѣдъ испортишь; а и такъ-то сидѣть одурь возьметъ. Али чайкомъ-бы что-ль побаловать. (Молчаніе). Вотъ такъ-то и все: жилъ, жилъ человѣкъ, да вдругъ и померъ—такъ все прахомъ и поидеть. Охъ, Господи, Господи! (Зѣваетъ и смотритъ по угламъ).

Аграфена Кондратьевна. Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то по бережнѣе не зацѣпи. Посмотри-ко, Самсонъ Силычъ, полюбуйся, сударь ты мой, какъ я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь лоди! Что твой розанъ піоновый! (Къ ней) Ахъ ты, моя ангелика, царевна, херунчикъ ты мой! (Къ нему) Что, Самсонъ Силычъ, правда что-ли? Только-бы ей въ каретѣ ѣздить шестерней.

Болышовъ. Проѣдетъ и парочкой,—не великаго полета помѣщица!

Аграфена Кондратьевна. Ужъ извѣстно, не енаральская дочь, а все, какъ есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что какъ медвѣдь бурчишь.

Болышовъ. А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки что-ль лизать, въ ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднѣе.

Аграфена Кондратьевна. Да ты что видалъ-то? Такъ что-нибудь, а вѣдь это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человѣкъ.

Болышовъ. Что-жъ что дочь? Слава Богу,—обута, одѣта, накормлена,—чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна. Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ что-ли? Накормлена! Мало-ли что накормлена! По христіанскому закону всякаго накормить слѣдуетъ; и чужихъ призираютъ, не токма что своихъ, — а вѣдь это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть, родная дѣтища!

Болышовъ. Знаемъ, что родная, — да чего-жъ ей еще? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку-же ее вдѣлать! Понимаемъ, что отецъ.

Аграфена Кондратьевна. Да коли ужъ ты, батюшка, отецъ, такъ не будь свекоромъ! Пора, кажется, въ чувство придти: разставаться скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ-бы на пользу посоветовать что-нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычая родительскаго!

Болышовъ. А нѣтъ, такъ что-жъ за бѣда: стало быть, такъ Богъ создалъ.

Аграфена Кондратьевна. Богъ создалъ! Да самъ-то ты что? Вѣдь и она, кажется, созданія божеская, али нѣтъ? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у нея что-нибудь.

Болышовъ. А что я за спрость? Гусь свишь не товарищъ: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Аграфена Кондратьевна. Да на дѣлѣ-то ужъ не спросимъ, — ты покуда-то вотъ. Человѣкъ пріѣдетъ чужой-посторонній, все-таки, какъ хочешь примѣривай, а мужчина не женщина — въ первый-то разъ наѣдетъ, не видавши-то его.

Болышовъ. Сказано что отстань!

Аграфена Кондратьевна. Отецъ ты эдакой, а еще родной называешься!

Ахъ ты, дитятко моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровица! (Усаживаетъ).

Липочка. Ахъ, отстаньте, маменька! измяли совѣмъ.

Аграфена Кондратьевна. Ну, такъ я на тебя издальки посмотрю!

Липочка. Пожалуй смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одѣться порядочно: вы тотчасъ расчувствуетесь.

Аграфена Кондратьевна. Такъ, такъ, дитятко! да какъ взгляну-то на тебя, такъ вѣдь это жалости подобно.

Липочка. Что-жъ, надо вѣдь когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Все-таки жалко, дурочка: растили, растили, да и выростили—да ни съ того, ни съ сего, въ чужіе люди отдаемъ, словно ты надоѣла намъ да наскучила глупымъ малымъ ребячествомъ, своимъ кроткимъ поведеніемъ. Вотъ, выживемъ тебя изъ дому, словно врага изъ города, а тамъ схватимся да спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить въ чужой-дальней сторонѣ, чужимъ кускомъ давишься, кулакомъ слезы утираючи! Да, помилуй Богъ, неровнюшка выйдется, не ровень дуракъ навяжется, аль дуракъ какой—дурацкій сынъ! (Плачетъ).

Липочка. Вотъ вы вдругъ и расплакались! Право, какъ не стыдно, маменька! Что тамъ за дуракъ?

Аграфена Кондратьевна (плача). Да ужъ это такъ говорится,—къ слову пришлось.

Большовъ. А объ чемъ-бы ты это, слышно, разрюмилась? Вотъ спросить тебя, такъ сама не знаешь?

Аграфена Кондратьевна. Не знаю, батюшка, охъ, не знаю: такой стихъ нашелъ.

Большовъ. То-то вотъ сдуру. Слезы у васъ дешевы.

Аграфена Кондратьевна. Охъ, дешевы, батюшка, дешевы! и сама знаю, что дешевы, да что-жъ дѣлать-то?

Липочка. Фи, маменька, какъ вы вдругъ! Полноте! Ну, вдругъ пріѣдетъ—что хорошаго!

Аграфена Кондратьевна. Перестану, дитятко, перестану; сейчасъ перестану.

Большовъ. А такъ какъ теперь дочь наша здѣсь на лицо, и при всемъ томъ, будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности нашего будущаго зятя, что для насъ очень чувствительно, въ разсужденіи Божескаго благословенія, то и назначаемъ его теперича въ общемъ лицезрѣніи. Липа, поди сюда.

Липочка. Что вамъ, тятенька, угодно?

Большовъ. Поди ко мнѣ, не укушу,—не бось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи.

Подхамозинъ. Давно готовъ-съ!

Большовъ. Ну, Липа, давай руку!

Липочка. Какъ, что это за вздоръ? Съ чего это вы выдумали?

Большовъ. Хуже, какъ силой возьму!

Устинья Наумовна. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!

Аграфена Кондратьевна. Господи, да что-жъ это такое?

Липочка. Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противнаго!

Өмнишина. Съ нами крестная сила!

Подхамозинъ. Видно, титенька, не видать мнѣ счастья на этомъ свѣтѣ!
Видно, не бывать-съ по вашему желанію!

Большовъ (береть Липочку насильно за руку и Лазаря). Какъ-же не бывать, коли я того хочу? На что-жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ что-ли я ее кормилъ?

Аграфена Кондратьевна. Что ты, что ты, опомнись!

Большовъ. Знай, сверчокъ, свой шестокъ! Не твое дѣло! Ну, Липа! Вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ, а тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.

Липочка. Какъ-же, — нужно мнѣ очень съ неучемъ сидѣть! Вотъ казія!

Большовъ. А не сядешь, такъ насильно посажу, да заставлю жеманиться.

Липочка. Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ?

Большовъ. Молчи лучше! Велю, такъ и за дворника выйдешь. (Молчаніе).

Устинья Наумовна. Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что это за бѣда такая!

Аграфена Кондратьевна. Сама, родная, затмилась, ровно чуланъ какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Өмнишина. Господи! Семей десятокъ живу, сколько свадебъ праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна. За что-жъ вы это, душегубцы, дѣвку-то опозорили?

Большовъ. Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за приказчика, и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу. Вотъ теперь закусить пойдемте, а они пусть побаласничаютъ, можетъ быть, и поладятъ какъ-нибудь.

Подхамозинъ. Алимпіида Самсоновна-съ! Алимпіида Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-съ! Позвольте вашу ручку поцѣловать.

Липочка. Вы дуракъ, необразованный!

Подхамозинъ. За что вы, Алимпіида Самсоновна, обижать изволите-съ?

Липочка. Я вамъ одинъ разъ навсегда скажу, что не пойду я за васъ, — не пойду.

Подхамозинъ. Это какъ вамъ будетъ угодно-съ! Насильно миль не будешь. Только я вамъ вотъ что доложу-съ...

Липочка. Я васъ слушать не хочу, отстаньте отъ меня! Какъ-бы вы были учтивый кавалеръ: вы видите, что я ни за какія сокровища не хочу за васъ идти—вы-бы должны отказаться.

Подхамозинъ. Вотъ вы, Алимпіяда Самсоновна, изволите говорить—отказаться. Только если я откажусь, что потомъ будетъ-съ?

Липочка. А то и будетъ, что я выйду за благороднаго.

Подхамозинъ. За благороднаго-съ! Благородный-то безъ приданаго не возьметъ.

Липочка. Какъ безъ приданаго? Что вы городите-то? Посмотрите-ко, какое у меня приданое-то—въ носъ бросится.

Подхамозинъ. Тряпки-то-съ! Благородный тряпокъ-то не возьметъ. Благородному-то деньги нужны-съ.

Липочка. Что-жь! Тятенька и денегъ дастъ!

Подхамозинъ. Хорошо, какъ дастъ-съ! А какъ дать-то нечего? Вы дѣль-то тятенькиныхъ не знаете, а я ихъ очинно хорошо знаю: тятенька-то вашъ банкротъ-съ.

Липочка. Какъ банкротъ? А домъ-то, а лавки?

Подхамозинъ. А домъ-то и лавки—мой-съ.

Липочка. Ваши?! Подите вы! Что вы меня дурачить хотите? глуше себя нашли!

Подхамозинъ. А вотъ у насъ законные документы есть! (Внимаетъ).

Липочка. Такъ вы купили у тятеньки?

Подхамозинъ. Купилъ-съ!

Липочка. Гдѣ-же вы денегъ взяли?

Подхамозинъ. Денегъ! У насъ, слава Богу, денегъ то побольше, чѣмъ у какого благороднаго.

Липочка. Что-жь это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились! (Молчаніе).

Подхамозинъ. Ну, положимъ, Алимпіяда Самсоновна, что вы выйдете и за благороднаго, — да что-жь въ этомъ будетъ толку-съ? Только одна слава, что барыня, а приятности никакой нѣтъ-съ. Вы извольте разсудить-съ: барыни то часто сами на рынокъ пѣшкомъ ходять-съ. А если и выйдутъ-то куда, такъ только слава, что четверня-то, а хуже одной-съ купческой-то. Ей-Богу, хуже-съ! Одѣваются тоже не больно пышно-съ. А если за меня-то вы, Алимпіяда Самсоновна, выйдете-съ,—такъ первое слово: вы и дома-то будете въ шелковыхъ платьяхъ ходить-съ, а въ гости, али въ театрѣ-съ—окромѣ бархатныхъ и надѣвать не станемъ. Въ разсужденіи шляпокъ или салоновъ—не будемъ смотрѣть на разныя дворянскія приличія, а надѣнемъ какую чуднѣй! Лошадей заведемъ орловскихъ. (Молчаніе). Если вы насчетъ физиономіи сумнѣваетесь, такъ это какъ вамъ будетъ угодно-съ, мы также и фракъ надѣнемъ, и бороду обреемъ, либо такъ подстрижемъ, по модѣ-съ, это для насъ все одно-съ.

Липочка. Да вы все передъ свадьбой такъ говорите, а тамъ и обманете.

Подхамозинъ. Съ мѣста не сойти, Алимпіяда Самсоновна! Анаемой хочу быть, коли лгу! Да это что-съ, Алимпіяда Самсоновна! Нешто мы въ эдакомъ домѣ будемъ жить? — Въ Каретномъ ряду купимъ-съ, распишемъ какъ: на потолкахъ это райскихъ птицъ нарисуемъ, сиреновъ, кашидоновъ разныхъ—поглядѣть только будутъ деньги давать.

Липочка. Нынче ужъ канидоновъ-то не рисуютъ.

Подхалюзинъ. Ну такъ мы букетами пустимъ. (Молчаніе). Какъ я не-счастливъ въ своей жизни, что не могу никакихъ комплиментовъ говорить.

Липочка. Для чего вы, Лазарь Елизарычъ, по-французски не говорите?

Подхалюзинъ. А для того, что намъ не для чего. (Молчаніе). Осча-стливьте, Алимпіада Самсоновна, окажите эдакое благоволеніе-сь. (Молчаніе). Прикажите на колѣни стать.

Липочка. Станьте! (Подхалюзинъ становится).

Липочка. Вотъ у васъ какая жилетка скверная!

Подхалюзинъ. Эту я Тишкѣ подарю-сь, а себѣ на Кузнецкомъ мосту закажу, только не погубите! (Молчаніе). Что-же, Алимпіада Самсоновна-сь?

Липочка. Дайте подумать.

Подхалюзинъ. Да объ чемъ же думать-сь?

Липочка. Какъ же можно не думать?

Подхалюзинъ. Да вы не думамши.

Липочка. Знаете что, Лазарь Елизарычъ!

Подхалюзинъ. Что прикажете-сь?

Липочка. Увезите меня потихоньку.

Подхалюзинъ. Да зачѣмъ же потихоньку-сь, когда такъ тятенька съ маменькой согласны?

Липочка. Да такъ дѣлають. Ну, а коли не хотите увезти—такъ ужъ, пожалуй, и такъ.

Подхалюзинъ. Алимпіада Самсоновна! позвольте ручку поцаловать! (Цѣ-луетъ; потомъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ двери). Тятенька-сь!...

Липочка. Лазарь Елизарычъ, Лазарь Елизарычъ! Подите сюда!

Подхалюзинъ. Что вамъ угодно-сь?

Липочка. Ахъ, если бы вы знали, Лазарь Елизарычъ, какое мнѣ житье здѣсь! У маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька, какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ приѣдетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъ бы я вышла за благороднаго, такъ я бы и уѣхала изъ дому и забыла бы обо всемъ этомъ. А теперь все опять пойдетъ по старому.

Подхалюзинъ. Нѣтъ-сь, Алимпіада Самсоновна, не будетъ этого! Мы, Алимпіада Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-сь. А ужъ мы имъ то командовать не дадимъ-сь. Нѣтъ, ужъ теперь кончено-сь! будетъ съ нихъ — почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!

Липочка. Такъ смотрите же, Лазарь Елизарычъ, мы будемъ жить сами по себѣ, а они сами по себѣ. Мы заведемъ все по модѣ, а они какъ хотятъ.

Подхалюзинъ. Ужъ это какъ и водится-сь.

Липочка. Ну, теперь зовите тятеньку. (Встаетъ и охорашивается пе-редъ зеркаломъ).

Подхалюзинъ. Тятенька-сь! тятенька-сь! маменька-сь!

[Подхалюзинъ женился на Липочкѣ; они богаты, счастливы и веселы;

старикъ Большовъ все еще сидитъ за долги въ „ямѣ“, такъ какъ Подхамозинъ не хочетъ уступить кредиторамъ ни копѣйки].

Олимпиада Самсоновна (глядитъ въ окно). Никакъ тятеньку изъ ямы ¹⁾ выпустили—посмотрите, Лазарь Елизарычъ!

Подхамозинъ. Ну, нѣтъ-съ: изъ ямы-то тятеньку не скоро выпустятъ; а надо полагать, его въ конкурсъ выписывали, такъ отпросился домой... Маменька-съ! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идетъ-съ!

Аграфена Кондратьевна. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Родные вы мои, голубчики вы мои! (Цѣлуются).

Подхамозинъ. Тятенька, здравствуйте, наше почтеніе!

Аграфена Кондратьевна. Голубчикъ ты мой, Самсонъ Силычъ, золотой ты мой! Оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ!

Большовъ. Полно, жена, перестань!

Олимпиада Самсоновна. Что это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не Богъ знаетъ что случилось.

Большовъ. Оно точно, дочка, не Богъ знаетъ что, а все-таки отецъ твой въ ямѣ сидитъ.

Олимпиада Самсоновна. Что-же, тятенька, сидятъ и лучше насъ съ вами.

Большовъ. Сидятъ-то, сидятъ, да каково сидѣть-то! Каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Охъ, дочка! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ.

Аграфена Кондратьевна. И лица-то нѣтъ на тебѣ, голубчикъ ты мой! Словно ты съ того свѣта выходецъ!

Подхамозинъ. Э, тятенька, Богъ милостивъ! Все перемелется—мука будетъ. Что-же, тятенька, кредиторы-то говорятъ?

Большовъ. Да что: на сдѣлку согласны. Что, говорятъ, тянуть-то,—еще возьмешь-ли, нѣтъ-ли, а ты что-нибудь чистыми дай, да и Богъ съ тобой.

Подхамозинъ. Отчего-же не дать-съ! Надать дать-съ! А много-ли, тятенька, просятъ?

Большовъ. Просятъ-то двадцать пять копѣекъ,

Подхамозинъ. Это, тятенька, много-съ!

Большовъ. И самъ, братъ, знаю, что много, да что-жъ дѣлать-то? Меньше не берутъ.

Подхамозинъ. Какъ-бы десять копѣекъ, такъ-бы ладно-съ. Семь съ половиною на удовлетвореніе, а двѣ съ половиною на конкурсные расходы.

Большовъ. Я такъ-то говорилъ, да и слышать не хотятъ.

Подхамозинъ. Зазнались больно! А не хотятъ они восемь копѣекъ въ пять лѣтъ?

---

¹⁾ Въ Москвѣ называлось «ямою» долговое тюремное отдѣленіе, гдѣ содержались несостоятельные должники.

Большовъ. Что-жь, Лазарь, придется и двадцать пять дать, вѣдь мы сами прежде такъ предлагали.

Подхамозинъ. Да какъ-же, тятенька-съ! Вѣдь вы тогда сами изволили говорить-съ, больше десяти копѣекъ не давать-съ. Вы сами разсудите: по двадцати пяти копѣекъ денегъ много. Вамъ, тятенька, закусить чего не угодно-ли-съ? Маменька! прикажите водочки подать, да велите самоварчикъ поставить, ужъ и мы, для компаніи, выпьемъ-съ. А двадцать пять копѣекъ много-съ!

Аграфена Кондратьевна. Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! (Уходитъ).

Большовъ. Да что ты мнѣ толкуешь-то: я и самъ знаю, что много, да какъ-же быть-то? Потомъ года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ, такъ радъ будешь и полтину дать. Отъ одного страматю не знаешь куда спрятаться. (Аграфена Кондратьевна съ водкой; Тишка вноситъ закуску и уходитъ).

Аграфена Кондратьевна. Голубчикъ ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя тамъ голодомъ изморили!

Подхамозинъ. Кушайте, тятенька! Не взъщипте, чѣмъ Богъ послалъ!

Большовъ. Спасибо, Лазарь! Спасибо! (Пьетъ). Пей-ко самъ.

Подхамозинъ. За ваше здоровье! (Пьетъ). Маменька! не угодно-ли-съ? Сдѣлайте одолженіе!

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки, до того-ли мнѣ теперь! Эдакое Божеское попущеніе! Ахъ ты, Господи Боже мой! Ахъ ты, голубчикъ ты мой!

Подхамозинъ. Э, маменька, Богъ милостивъ, какъ-нибудь отдѣлаемся! Не вдругъ-съ!

Аграфена Кондратьевна. Дай-то Господи! А то ужъ и я-то, на него глядя, вся измаялась.

Большовъ. Ну, какъ-же, Лазарь?

Подхамозинъ. Десять копѣчекъ, извольте, дамъ-съ, какъ говорили.

Большовъ. А пятнадцать-то гдѣ-же я возьму? Не изъ рогожи-жь мнѣ ихъ шить.

Подхамозинъ. Я, тятенька, не могу-съ! Видитъ Богъ, не могу-съ!

Большовъ. Что ты, Лазарь, что ты! Да куда-жь ты деньги-то дѣль?

Подхамозинъ. Да вы извольте разсудить: я вотъ торговлей завожусь, домишко отдѣлалъ. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вотъ хоть мадерцы что-ли-съ! Маменька! поподчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка Самсонъ Силычъ! Кушай! Я тебѣ, батюшка, пуншикъ налью!

Большовъ (пьетъ). Выручайте, дѣтушки, выручайте!

Подхамозинъ. Вотъ вы, тятенька, извольте говорить, куда я деньги дѣль?—Какъ-же-съ? Разсудите сами: торговать начинаемъ, извѣстное дѣло, безъ капитала нельзя-съ, взяться нечѣмъ; вотъ домикъ купилъ, заведеннице всякое домашнее завели, лошадокъ, то, другое. Сами извольте разсудить! Объ дѣтяхъ подумать надо.

Олимпиада Самсоновна. Что-жъ, тятенька, нельзя-же намъ самимъ не при чемъ остаться. Вѣдь мы не мѣщане какіе-нибудь.

Подхамозинъ. Вы, тятенька, извольте разсудить: нынче безъ капитала нельзя-съ, безъ капитала-то не много наторгуешь.

Олимпиада Самсоновна. Я у васъ, тятенька, до двадцати дѣтъ жила— свѣта не видала. Что-жъ мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, да самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?

Большовъ. Что вы! Что вы! Опомнитесь! Вѣдь я у васъ не милостыню, прошу, а свое-же добро. Люди-ли вы?

Олимпиада Самсоновна. Извѣстное дѣло, тятенька, люди, а не звѣри-же.

Большовъ. Лазарь! да ты вспомни-то, вѣдь я тебѣ все отдалъ, все до-чиста; вотъ что себѣ оставилъ, видишь! Вѣдь я тебя мальчишкой въ домъ взялъ, подлець ты безчувственный! Поилъ, кормилъ вмѣсто отца родного, въ люди вывелъ. А видѣлъ-ли я отъ тебя благодарность какую? Видѣлъ-ли? Вспомни то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты на руку не чистъ! Что-жъ? Я вѣдь не прогналъ тебя, какъ скота какого, не ославилъ на весь городъ. Я тебя сдѣлалъ главнымъ приказчикомъ, тебѣ я все свое состояніе отдалъ, да тебѣ-же, Лазарь, я отдалъ и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущенія, ты бы на нее и глядѣть-то не смѣлъ.

Подхамозинъ. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-съ!

Большовъ. Чувствуешь ты! Ты-бы долженъ все отдать, какъ я, въ одной рубашкѣ остаться, только-бы своего благодѣтеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мнѣ; ты заплати за меня только, что теперь слѣдуетъ.

Подхамозинъ. Отчего-бы не заплатить-съ, да просить цѣну, которую совѣмъ несообразную.

Большовъ. Да развѣ я прошу! Я изъ-за каждой вашей копѣйки просилъ, просилъ, въ ноги кланялся, да что-же мнѣ дѣлать, когда не хотять уступитъ ничего?

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше десяти копѣекъ дать не можемъ—и толковать объ этомъ нечего.

Большовъ. Ужъ ты скажи, дочка, ступай, молю, ты, старый чортъ, въ яму! Да, въ яму! Въ острогъ его, стараго дурака. И за дѣло! Не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть. А за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ, оберутъ тебя до-чиста. И придется тебѣ бѣжать на Каменный мостъ, да бросаться въ Москву-рѣчку. Да и отдедова тебя за языкъ вытянутъ, да въ острогъ посадятъ. (Все молчатъ; Большовъ пьетъ). А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то идти? Что-жъ мнѣ заму-рится что-ли? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то идти. Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть-то на Нее, на Матушку?.. Знаешь, Лазарь, Гуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... А что ему за это было?.. А тамъ присутственные мѣста, уго-

ловная палата... Вѣдь я злостный — умшленный... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи!.. Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради. (Плачетъ).

Подхалюзинъ. Что вы, что вы, тятенька? Полноте! Богъ милостивъ! Что это вы? Поправимъ какъ-нибудь. Все въ нашихъ рукахъ!

Болшшовъ. Денегъ надо, Лазарь, денегъ. Больше нечѣмъ поправить. Либо денегъ, либо въ Сибирь.

Подхалюзинъ. И денегъ дадимъ-съ, только-бы отвязались! Я, такъ и быть, еще пять копѣчекъ прибавлю.

Болшшовъ. Эки года! Есть-ли въ васъ христіанство? Двадцать пять копѣекъ надо, Лазарь!

Подхалюзинъ. Нѣтъ, это, тятенька, много-съ, ей-Богу, много!

Болшшовъ. Змѣи вы подколодныя! (Опускается головой на столъ).

Аграфена Кондратьевна. Варваръ ты, варваръ! Разбойникъ ты эдакой! Нѣтъ тебѣ моего благословенія! Изсохнешь вѣдь и съ деньгами-то, изсохнешь, не доживя вѣку. Разбойникъ ты, эдакой разбойникъ!

Подхалюзинъ. Полноте, маменька, Бога-то гнѣвить! Что это вы кличете насъ, не разобравши дѣла-то! Вы видите, тятенька захмѣлѣлъ маменько, а вы ужъ и на поди.

Олимпіада Самсоновна. Ужъ вы, маменька, молчали-бы лучше! А то вы рады проклять въ тренсподнюю. Знаю я: васъ на это станеть. За то вамъ, должно-быть, и другихъ дѣтей-то Богъ не далъ.

Аграфена Кондратьевна. Сама ты молчи, безпутная! И одну-то тебя Богъ въ наказаніе послалъ.

Олимпіада Самсоновна. У васъ всѣ безпутныя — вы одиѣ хороши. На себя-то посмотрѣли-бы: только что понедѣльничаете *), а то и дня не пройдетъ, что-бъ не обляять кого-нибудь.

Аграфена Кондратьевна. Ишь ты! Ишь ты! Ахъ, ахъ, ахъ!.. Да я проклянѣю тебя на всѣхъ соборахъ!

Олимпіада Самсоновна. Проклинайте, пожалуй!

Аграфена Кондратьевна. Да! Вотъ какъ! Умрешь, не сгнѣешь! Да!

Олимпіада Самсоновна. Очень нужно!

Болшшовъ (встаетъ). Ну, прощайте, дѣти.

Подхалюзинъ. Что-вы, тятенька, посидите! Надобно-же какъ-нибудь дѣло-то кончить!

Болшшовъ. Да что кончать-то? Ужъ я вижу, что дѣло-то кончено. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ! Ты ужъ не плати за меня ничего: пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ. Прощайте, пора мнѣ!

Подхалюзинъ. Прощайте, тятенька! Богъ милостивъ — какъ-нибудь обойдется!

Болшшовъ. Прощай, жена!

---

*) «Понедѣльничать» — значитъ поститься, изъ особаго усердія, кромѣ обычныхъ для многихъ среды и пятницы еще и по понедѣльникамъ.

Аграфена Кондратьевна. Прощай, батюшка Самсонъ Силычъ! Когда къ вамъ въ яму-то пуцаютъ?

Большовъ. Не знаю!

Аграфена Кондратьевна. Ну, такъ я навѣдаюсь, а то умрешь тутъ, не видавши-то тебя.

Большовъ. Прощай, дочка! Прощайте, Алимпіяда Самсоновна! Ну, вотъ вы теперъ будете богаты, заживете по-барски. По гуляньямъ это, по баламъ—дьявола тѣшить! А не забудьте вы, Алимпіяда Самсоновна, что есть клѣтки съ желѣзными рѣшетками, сидятъ тамъ бѣдные-заключенные. Не забудьте насъ бѣдныхъ-заключенныхъ. (Уходитъ съ Аграфеной Кондратьевной).

Подхалюзинъ. Эхъ! Алимпіяда Самсоновна-съ! Не ловко-съ! Жаль тятеньку, ей-Богу, жаль-съ! Нешто поѣхать самому поторговаться съ кредиторами! Аль не надо-съ? Онъ-то самъ лучше ихъ разжалобить. А? Аль ѣхать? Поѣду-съ! Тишка!

Алимпіяда Самсоновна. Какъ хотите, такъ и дѣлайте—ваше дѣло.

Подхалюзинъ. Тишка! (Входитъ). Подай старый сертукъ, котораго хуже нѣтъ. (Тишка уходитъ). А то подумаютъ: богатъ, должно быть, въ тѣ поры и не сговоришь.

А. Островскій.
